

**Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования
«Российско-Таджикский (Славянский) университет»**

XXVIII СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ

**МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА И
МАГИСТРАНТОВ
ФАКУЛЬТЕТА РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ, ЖУРНАЛИСТИКИ И
МЕДИАТЕХНОЛОГИЙ РТСУ
Душанбе, 26 апреля 2024 года**

ДУШАНБЕ –2024 г.

УДК 378.4: 005.745 (575,3) С47

XXVIII Славянские чтения. Сборник статей научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава факультета русской филологии, журналистики и медиатехнологий РТСУ – Душанбе: РТСУ, 2024.

Ответственный редактор: А.Т. Салоев, к.ф.н., доцент.

Члены редакционной коллегии: Р. М. Султанова, Б. Р. Рахматуллаев, Дж. М. Садуллаев, Ш. Б. Муллоев, З. А. Сайфуллоева, З. К. Холикова

Данный сборник статей является результатом исследований учёных разных отраслей филологии, представленных на конференции «XXVII Славянские чтения», состоявшейся 26 апреля 2024 года в РТСУ.

В сборник вошли статьи, посвящённые актуальным вопросам современного русского и таджикского языков, сопоставительного языкознания, литературы и журналистики.

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, соискателей и широкого круга читателей, интересующихся вопросами современной лингвистики, литературоведения и журналистики.

Ответственность за оригинальность и новизну статей несёт автор.

Составитель: Ф.К. Умарова

Рекомендовано к печати РИС РТСУ

© Факультет русской филологии, журналистики и медиатехнологий
Российско-Таджикский (Славянский) университет – 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник научных статей, подготовленных к традиционной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава факультета русской филологии, журналистики и медиатехнологий, отражает результаты научно-исследовательской и научно-методической работы преподавателей факультета за год. Это результат серьёзных изысканий преподавателей, непосредственно связанных с идеей улучшения содержания и качества преподавания учебных дисциплин на факультете.

Материалы в сборнике научных статей распределены по разделам в соответствии с тематикой докладов, прочитанных на конференции. В нём четыре раздела: «Современное медиапространство и проблемы информационной безопасности», «Междисциплинарные исследования языка и речи», «Исследование языка в системе временного континуума: описательные и сравнительные аспекты», «Проблемы преподавания языков: прикладные аспекты».

Тем не менее, проблемы, исследуемые авторами, значительно шире. С учётом полилингвальной ситуации, имеющей место в республике, в сборнике представлены статьи по сопоставительной типологии русского и таджикского языков, по когнитивистике, исследования терминосистем в русском и таджикском языках, стилистические и методические исследования, посвящённые анализу преподавания русского и таджикского языков в средних общеобразовательных и высших учебных заведениях. В двух разделах литературы размещены статьи преподавателей, посвящённые изучению основных литературоведческих проблем, в частности, жанровому разнообразию современной русской и зарубежной литературы, анализу системы художественных образов произведений. В разделе «Современное медиапространство и проблемы информационной безопасности» дан анализ развития различных видов СМИ, исследование тематических проблем таджикской журналистики.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«СОВРЕМЕННОЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВО И ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»

Садуллоев С. И. Социальная ответственность журналиста при выборе конфликтных новостей.....	7
Салимзода О. Парламент и внешняя связь: проблемы взаимодействия в современном обществе.....	10
Сабилова Ш.Ш., Саъдуллоев Дж.М. Социальные сети как пространство развития СМИ.....	15

«МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ»

Юрко Е. Л. Трансформация повести в китайской литературе (VIII-XVIII в.в.).....	22
Кузьмичева О. В. Особенности рецепции чеховской сатиры в творчестве таджикских писателей XX века.....	30
Абдулхакова Н.А. Поэтика среднеазиатского очерка в русской литературе первой половины XX века.....	37
Медынина М.А. Жанр криминальных повестей в творчестве А.Хамдама (сборник «Второй муж»).....	42
Холназарова Р.Г., Русакова М. В. Эволюция образа Ходжи Насреддина в творчестве Т.Зульфикарова.....	50
Абдужалилова Н., Рахманов Б.Р. Тема Великой Отечественной войны в поэме Мумина Каноата «Голоса Сталинграда».....	57
Абдуллаева А., Ахтамова М.У. Петербургский текст русской литературы в восприятии В.Набокова.....	65
Муминова К., Ахтамова М.У. Мифопоэтика творчества Т. Пулатова («Черепаша Тарази», «Плавающая Евразия»).....	73
Абдуллоев Ш., Рахманов Б.Р. Мотивы восточной поэзии в творчестве Н. Гумилева.....	82
Абдуллоев Ш., Рахманов Б.Р. Мотивы арабской поэзии в творчестве Н. Гумилева.....	87
Алиева М., Русакова М.В. Проблемы становления личности в романе Ф.М. Достоевского «Подросток».....	98
Аслонова Н.М., Русакова М.В. Стилистические особенности диалогии Л.Соловьева о Ходже Насреддине.....	104
Собирова Г., Русакова М.В. Образы матерей в рассказах Н.Тэффи.....	110

Зоирова Ф., Русакова М.В. Особенности изображения женских судеб в среднеазиатских очерках 20-30-х гг. XX в.....	116
Игамова Мухаррам, Аминов А.С. Функциональные особенности эпитетов в лирике Лоика Шерали.....	121
Мухамадиева С.У., Аминов А.С. Из истории переводов детской поэзии С.Михалкова на таджикский язык.....	128
Мудинов Ш.С., Аминов А.С. Национальные особенности поэзии Бозора Собира в русских переводах.....	133
Раджабова Р.Р., Махмадов Р. Д. Образ матери в творчестве С.Есенина и её интерпретация в таджикской поэзии.....	143

«ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ ВРЕМЕННОГО КОНТИНИУМА: ОПИСАТЕЛЬНЫЕ И СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ»

Салоев А.Т. Способы связи в сложноподчинённых предложениях с придаточной частью места в таджикском языке.....	149
Умарова М. С. Отраслевая терминология как объект исследования лингвистики.....	154
Каримов Н.А. Выражения одновременности двух действий в обеих частях сложного предложения в русском языке (на материале произведений русских писателей).....	163
Салимов Ф.Д. Сравнительный анализ глаголов «зрительного восприятия» в русском и таджикском языках.....	170
Самардинов Р.Н. Средства связи СПП с придаточными условия в русском языке.....	174
Умарова Ф.К. Трансформация лексем ЛСП «красота/зебой», «добро/некй», «истина/хақиқат» в составе фразеологизмов в индивидуально-авторском преобразова.....	178
Давлатов А.Н. Хусусиятҳои сохторӣ – маъноии ҷумлаи мураккаби тобеъ бо пайравҳои ҳоли тарзи амал, замон ва макон дар «Қобуснома».....	183
Барсук Л.Дж., Султанова Р.М. Средства вторичной номинации в русском языке.....	189
Хушвахтзода Р. Х., Салоев А.Т. Сложноподчиненные предложения, с изъяснительными придаточными в современном русском языке (на материале художественных произведений русских писателей).....	195
Канбина С.А., Салоев А.Т. Языковая репрезентация форм прошедшего времени в русском и английском языках на примере художественных текстов.....	201

Назриева М.Р., Хасанова Ш.Р. Лингвистические критерии определения синтаксической синонимии в русском языке.....209

«ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ: ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ»

Самадова И.Н. Изучение сложноподчинённого предложения на примере произведения Ф.М. Достоевского «Преступление и Наказание».....216

Молчанова К.Г., Садыкова Т.А. Методика преподавания с использованием современных образовательных технологий на уроках русского языка и литературы, как средство повышения эффективности обучения.....225

Лутфуллоева З.М. Выработка навыков составления предложений, написания изложения и его взаимосвязи с сочинением как важный факторобучения русскому языку.....229

Салимов Р.Ю. Использование интерактивных методов обучения на занятиях по русскому языку.....236

Назарова П.А. Инновационные формы обучения при изучении лексических тем на занятиях по русскому языку.....240

Искандарова Ф.Д. Таълими аломатҳои дугонаи китобат (нохунак).....245

Самадова Н.Х. Особенности применения активных методов обучения русскому языку с целью мотивации студентов.....249

Ибрагимова И.А. Методика инновационной организации практических и лабораторных занятий.....257

Рахманова Р.Д., Гусейнова Т.В. Формирование пунктуационных навыков у школьников.....265

Каримова С.М., Гусейнова Т.В. Этапность и последовательность в формировании грамматических навыков на русском (неродном) языке.....270

Рахмонова А.А., Умурзакова Г.Я. Роль занимательных материалов в обучении русскому языку.....276

Кузьмичева П.Ю. Сравнительный анализ первых переводов Сайфа Рахима на русский язык.....285

«СОВРЕМЕННОЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВО И ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЖУРНАЛИСТА ПРИ ВЫБОРЕ КОНФЛИКТНЫХ НОВОСТЕЙ.

Садуллоев Сухроб Исматуллоевич

кандидат филологических наук

доцент кафедры отечественной и международной журналистики

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

Тел: (+992) 935799797

E-mail: ss_1canal@mail.ru

Аннотация: В статье освещены актуальные вопросы, связанные с социальной ответственностью журналиста при освещении конфликтных тем. Современные СМИ сложное и динамично развивающееся явление. На сегодняшний день наиболее противоречивым из всех стандартов и принципов профессиональной этики является требование беспристрастности и право журналиста на свою точку зрения.

Социальная ответственность рассматривается, как основной принцип, на котором основывается профессиональная этика и этические стандарты профессиональной журналистики.

Ключевые слова: профессиональная этика, социальная ответственность, телевидение, конфликтные темы, объективность, ответственность.

Современное телевидение, как один из инструментов создания реальности не может не реагировать на процессы, происходящие в современном мире. Кризис глобализации, признаки начала формирования многополярного мира, новые вызовы планетарного масштаба не могли не повлиять на политику вещания мировых средств массовой информации.

Мониторинг материалов информационных выпусков ведущих телеканалов подтверждает то, что традиционные жанры, сохраняя основные свои признаки, под влиянием процессов глобализации и обострения политических противоречий между странами и региональными объединениями (условными "Запад" - "Восток") подвержены определенным изменениям, модификации. В связи с этим возрастает социальная ответственность журналиста при выборе конфликтных новостей. Работники средств массовой информации должны понимать важность правильного баланса в представлении

информации, особенно в свете конфликтных ситуаций. Журналисты должны быть осознанными в своем выборе материалов, не провоцировать конфликты, а скорее поощрять размышления и диалог между сторонами. Важно учитывать последствия публикации материалов о конфликтных событиях и стремиться к объективности и сбалансированности в своей работе. Журналисты несут ответственность за свои публикации, должны помнить об их влиянии на общество и руководствоваться в своей деятельности этическими стандартами профессиональной журналистики. Основные положения таких стандартов закреплены ЮНЕСКО в 1983 г. международными организациями профессиональных журналистов, в ряды которых входят 400 тыс. журналистов в разных странах мира. «Социальная ответственность журналиста требует от него действовать в любых обстоятельствах в соответствии с личными представлениями об этике. Та социальная роль, которую выполняет журналистика, предъявляет к представителям этой профессии высокие стандарты честности, включая право журналиста не выполнять работу вопреки своему убеждению и принципам, право сохранять конфиденциальность источника информации, участвовать в принятии решений для того СМИ, в котором он работает». [3]

Журналисты должны учитывать этические принципы и стремиться к объективности в своей работе, избегая провокаций и сенсационных заголовков. При выборе конфликтных новостей необходимо учитывать их потенциальные последствия для общества и стараться не разжигать конфликт, а способствовать его разрешению. Кроме того, журналисты должны быть более бдительными и проверять информацию перед её публикацией, чтобы избежать распространения ложной или искаженной информации, которая может усугубить ситуацию. Важно помнить, что свобода слова несёт за собой ответственность перед обществом, и журналисты должны осознавать свою роль в формировании общественного мнения и поддержании мира и стабильности.

«Не допускается использование установленных настоящим Законом прав журналиста в целях сокрытия или фальсификации общественно значимых сведений, распространения слухов под видом достоверных сообщений, сбора информации в пользу постороннего лица или организации, не являющейся средством массовой информации.»[1].

Прежде всего, социальная ответственность журналиста заключается в обеспечении объективности и непредвзятости при представлении новостей. Журналисты должны стремиться к максимально полному и точному изложению фактов, избегая искажений и субъективизма. Это важно для обеспечения доверия читателей и зрителей, а также для определения реальных причин и последствий конфликта. Одна из важных аспектов социальной

ответственности журналиста при выборе конфликтных новостей - учет перспектив разных сторон конфликта. Журналист должен представить различные точки зрения и аргументы участников конфликта, чтобы обеспечить более объективное представление ситуации. Это поможет читателям и зрителям лучше понять причины и особенности конфликта, а также формировать собственное мнение на основе полной информации.

Кроме того, социальная ответственность журналиста также предполагает учет влияния конфликтных новостей на общественное мнение. При выборе новостей журналисту необходимо задать себе вопрос о возможных негативных последствиях для общества. Нередко конфликтные новости вызывают эмоциональные реакции и способны распалить страсти, что может способствовать разжиганию напряженности и конфликтов в обществе. Журналист должен быть особенно осторожен в таких случаях, чтобы не привести к еще большим проблемам и раздорам.

Огромный поток противоречивой информации приводит к тому, что зрители начинают терять доверие к новостям в информационных выпусках. Новость становится не только носителем оперативной информации, но и средством пропаганды и манипуляции сознанием телезрителя. Во главу угла становится интерпретация. Одно и то же событие, одни и те же исходные данные происшествия преподносятся различными новостными агентствами по разному. У каждого своя правда и потребитель может только гадать, где же истина. Кроме того в Канонах журналистики есть пункт «Беспристрастность». Первым пунктом это же требование стоит и в Хартии телерадиовещателей. Можно упомянуть и о «профессионально - этических нормах. В СМИ известно понятие «неподобающее освещение» - то есть недопустимая сенсационность и спекуляция в освещении страдания людей, спекуляцией на теме человеческой смерти. Часто репортаж из зоны боевых действий сопровождается реальными картинками убийства военнослужащих, а автор материала не жалеет эпитетов в своих комментариях. Сторонники таких методов подачи материала говорят о необходимости максимального использования СМИ в современных реалиях, в условиях ведения гибридных и так называемых прокси – войн. Политологи используют еще один термин - ментальные битвы. По словам российского военного эксперта Андрея Ильницкого, «если для вооруженного блицкрига необходимо от 40 до 100 дней, то для блицкрига ментальной войны понадобится один-два года, чтобы добиться предательства элит страны, и до 15 лет, чтобы сформировать у населения новую идентичность». Одна из главных целей этой войны, считает он, - в том числе парализовать волю противника через воздействие на его элиту и СМИ». [2]

В целом, социальная ответственность журналиста при выборе конфликтных новостей состоит в объективном, сбалансированном и непредвзятом отображении событий. Журналист должен предоставить максимально полную информацию, учесть разные точки зрения и понять влияние своих публикаций на общество. Наконец, журналист должен помнить о своей роли посредника между сторонами конфликта и стремиться к объективности и сбалансированности в своем освещении событий. Только таким образом можно быть социально ответственным в выборе конфликтных новостей и помочь обществу понимать и разрешать возникшие проблемы.

Литература:

1. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 11.03.2024) "О средствах массовой информации" Статья 51
2. Ильницкий А. Ментальный блицкриг против России провалился.
3. Свободная пресса. <https://svpressa.ru/war21/article/361005/>
4. Международные стандарты профессиональной этики журналистов Учебно-методическое пособие. Санкт Петербург 2012 Гл. I Документы международных организаций. ББК 76.01-923 М54 С. 13

ПАРЛАМЕНТ И ВНЕШНЯЯ СВЯЗЬ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Салимзода Олим

кандидат филологических наук, доцент,
кафедры отечественной и международной журналистики Российско –
Таджикский (Славянский) университет

Ул. М. Турсунзаде 30, 734025, Душанбе Республика Таджикистан

Тел: (+992 44) 620 42 14

E-mail: salimzoda56@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются понятие информационной политики и проблемы взаимодействия парламента в современном обществе. Автором статьи охарактеризовано информационная политика как способ воздействия власти на общество посредством распространения массовой информации, обеспечивающей механизм функционирования всей социально-политической системы, требует серьезного переосмысления. Это связано с масштабной трансформацией социально-политических отношений в

Республике Таджикистан, со стремлением научного сообщества понять, какими качествами должна отличаться массовая информация в условиях глобализации мирового информационного пространства.

Ключевые слова: информация, политика, связь, общества, средства массовой информации, коммуникативистика, свобода слова, цензура, приоритеты.

Понятие информационной политики служит одним из базовых как в научном, так и в общественно-политическом понятийно-терминологическом аппарате. С одной стороны, оно довольно широко распространено и его можно встретить в различных отраслях знания: философии, политике, теоретической и сравнительной политологии, социальной и политической психологии, политическом менеджменте, теории журналистики, коммуникативистике, теории управления, социологии, юриспруденции. С другой стороны, информационная политика в качестве основного предмета обсуждения и анализа довольно часто фигурирует в различных политических декларациях, концепциях, программных документах, законодательных актах. Вместе с тем, в научном и общественно-политическом сообществе не прекращаются дискуссии о более точном терминологически корректном содержании данного понятия. В обыденном сознании термин "информационная политика" ассоциируется прежде всего со средствами массовой информации и охватывает круг явлений, связанных с общей направленностью деятельности данных средств, проявляющейся в содержании публикуемых материалов. Применительно к жизни общества политики термин "информационная политика" может трактоваться как минимум двумя способами - в широком и узком смысле.

В широком смысле данный термин может раскрываться как политика в информационной сфере общества, образуемой совокупностью общественных отношений по поводу информации и информационной инфраструктуры как объектов интересов индивида, общества и государства [13, 82].

Исходя из предложенного выше подхода, информационная политика — это использование ресурсов публичной власти для выбора эффективных путей решения наиболее острых проблем развития информационной сферы. К числу таких проблем в современном Таджикистане можно отнести, например, повышение качества жизни всех субъектов общества, укрепление государственных гарантий прав и свобод человека и гражданина в области информационной деятельности, ускорение перехода таджикского общества к информационной (постиндустриальной) фазе развития, создание индустрии конкурентоспособных информационных технологий, обеспечение безопасности информационных и коммуникационных систем критически важных объектов,

сохранение культурных и нравственных ценностей российского народа и т.п. Каждая из названных проблем обладает определенной степенью социальной значимости и может стать объектом интересов политических сил общества, а деятельность по ее решению - составить один из аспектов информационной политики.

В узком смысле информационная политика может пониматься как публичная борьба за общественную поддержку мировоззренческих позиций субъектов политики, их представлений о наиболее острых проблемах социально-политического развития общества и эффективных средствах их разрешения.

Информационная политика как способ воздействия власти на общество посредством распространения массовой информации, обеспечивающей механизм функционирования всей социально-политической системы, требует серьезного переосмысления. Это связано с масштабной трансформацией социально-политических отношений в Республике Таджикистан, со стремлением научного сообщества понять, какими качествами должна отличаться массовая информация в условиях глобализации мирового информационного пространства.

Очевидно, что национальная информационная политика должна обеспечивать устойчивое развитие республики на основе принципа открытости и гласного обсуждения всех проблемных вопросов. Вне этих условий Таджикистан, как и прежде, рискует остаться в роли «догоняющих» стран. При отсутствии такой политики, создаваемой с учетом интересов власти и общества, остается вероятность того, что отношения между этими сторонами окажутся односторонними (построенными по принципу «сверху вниз») и никогда не перейдут в русло конструктивного диалога. Это не значит, что информационная политика может реализовываться только в странах с развитыми политическими институтами, гражданским обществом и законодательно гарантированными свободами в области СМИ. Однако в авторитарных государствах, где снижены возможности плюралистического мышления и гражданских инициатив, информационная политика чаще всего зависит от воли одного или ограниченного числа лиц и не гарантирует развитие общества на основе уважительного отношения сторон друг к другу. Уважительная ко всем членам общества национальная информационная политика сама по себе не обеспечивает более высокие экономические показатели развития того или иного государства. Однако, как показывает современная международная практика, страны, где достигается консенсус взаимодействия власти и общества, демонстрируют стабильные результаты своего развития в целом, создают социальные гарантии своим гражданам, в том

числе гарантию на выражение своего мнения в СМИ по самым острым вопросам. Рассматривая информационную политику в рамках целостной политики, необходимо оговориться: владение информацией в современном обществе является важнейшим источником власти. Политико-административное управление осуществляется, помимо прочего, посредством информации. Информационная власть все больше вторгается во все сферы общественных отношений, приобретая в некоторых случаях самостоятельное значение. Информационные отношения активно использует государство — как «один из элементов политической системы». Государство и гражданское общество связывает между собой информация.

Роль и место информации в политической жизни общества определяется отношениями ее с властью, ключевым, наиболее масштабным и определяющим явлением политики. Значение силы влияния СМИ на политические процессы, процедуры выработки и принятия решений, создания имиджа властям, политике и политикам постоянно возрастает. Государство является носителем, обладателем, распорядителем власти. Получение, анализ, выдача и эффективное использование информации - важнейшее условие функционирования власти.

Концептуально и методологически важным является утверждение одного из исследователей, "что для обеспечения стабильности и саморазвития политической системы существует целостная совокупность информационных связей, информационных отношений между субъектами политической деятельности. Эти связи, эти отношения и составляют феномен политических коммуникаций" [9]. В системе политических коммуникаций существует несколько взаимосвязанных и относительно самостоятельных блоков. Один из них - политические коммуникации, обслуживающие органы власти и управления. Вся служебная информация, циркулирующая в государственных и муниципальных органах управления, в законодательных учреждениях, в структурах исполнительной власти, в аппарате республиканской и местной администрации, определяется как функциональная информация. Она служит целям социально-экономического и политического управления. Управленческая функция информации проявляется наиболее заметно в государстве. Здесь информация выступает в нескольких формах: как источник власти, как фактор регулирования политических систем и процессов, как момент политического управления и как продукт управленческого процесса.

Проводимую информационную политику в национальном масштабе мы склонны воспринимать как своеобразный барометр общеполитического курса. С обретением независимости, Республика Таджикистан столкнулась с рядом проблем в экономической, политической, военной и оборонной областях,

необходимостью решения которых диктовалось заключение ряда межгосударственных и межправительственных договоров на региональном и мировом уровнях. Между тем реализация договоров была возможна только после их согласованной ратификации парламентами. В связи с этим таджикский парламент, используя все формы межпарламентских контактов, стремился к установлению межпарламентских связей с другими странами мира на двусторонней и многосторонней основе, так как этого требовала насущная необходимость развития государства и укрепления его международного авторитета.

Список литературы:

1. Салимзода О. Феномен парламентской дипломатии как фактор развития международных отношений Республики Таджикистан // Актуальные проблемы журналистики. Сборник научных статей (юбилейный выпуск). - Душанбе: РТСУ, 2017. - С. 148.
2. Сайт Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по международным делам: <http://interkomitet.ru/mezhparlamentskoe-sotrudnichestvo-i-parlamentskaya-diplomatiya>
4. Маджлиси Оли (Парламент) Республики Таджикистан первый созыв. Санкт-Петербург, Изд. «Специальная Литература»-1998. С. 215.
5. Сатторзода А., Султонов М. Парламентская дипломатия и внешняя политика Республики Таджикистан (2000-2010), Душанбе Изд. «Истеъдод», 2010 год, С. 6.
6. Мирзоев Н., Шарипов А. Основы дипломатии. 2012 год, С. 22.
7. Регламент Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан. Душанбе 2013 год, С. 13, С. 93.
8. Выступление на первой сессии Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан пятого созыва от 17.03.2015 г, город Душанбе: <http://www.prssident.tj/node/8446> .
9. Ксенофонтов, В. Н. Политическая стабильность российского общества как фактор реформаторской практики // Современная Россия в изменяющемся мире: философские проблемы социального управления / Отв. ред. В.П. Торукало. - М., 2006. , 222.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ПРОСТРАНСТВО РАЗВИТИЯ СМИ

Сабирова Шахноза Шавкатовна

Магистрант 2-го года обучения,
Специальность «Журналистика», направление «Культура и медиа»
Тел. 0757700

Саъдуллоев Джашед Муллокомилевич

доктор филологических наук
доцент кафедры отечественной и международной журналистики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

Аннотация: в данной статье рассматривается влияние социальных сетей на развитие СМИ в эпоху цифровых технологий. Автор подчеркивает, что появление социальных платформ в Интернете привело к революции в способах распространения и потребления новостей. Статья исследует глубокое влияние, которое социальные сети оказали на сферу журналистики, изменив как способ передачи информации, так и роль журналиста в современном медиа-пространстве. В частности, автор акцентирует внимание на том, как эти платформы изменили способ распространения новостей, а также на значимости прямой обратной связи между журналистами и их аудиторией.

Ключевые слова: социальные сети, СМИ, цифровые технологии, новости, журналистика, массмедиа, обратная связь, аудитория.

В эпоху цифровых технологий социальные сети произвели революцию в способах распространения и потребления новостей. С появлением таких платформ, как Facebook, Twitter и Instagram, не только обычные пользователи сети Интернет, но и работники массмедиа получили беспрецедентный доступ к информации в реальном времени и прямую обратную связь со своей аудиторией. Это оказало глубокое влияние на сферу журналистики, изменив как способ передачи информации, так и роль журналиста в современном медиа-пространстве.

Сегодня сложно представить нашу жизнь без социальных сетей, которые стали незаменимым аспектом человеческого существования. Они характеризуются удобством использования, доступностью и широким распространением, что делает их удобными как для работы, так и для образовательных целей. Через социальные сети люди общаться не только

посредством письма, но и использовать аудио- и видеозвонки, делиться различной информацией и информировать большую аудиторию о прошедших и предстоящих событиях. Эти платформы можно считать средствами массовой информации следующего поколения, поскольку они включают в себя все необходимые функции, сохраняя при этом свою роль инструмента межличностного общения. С каждым годом социальные сети продолжают набирать популярность, привлекая все большее количество пользователей со всех уголков земного шара. Имея потенциал для превращения в полноценное СМИ, они в настоящее время служат, прежде всего, платформой для развития средств массовой информации и успешного взаимодействия с аудиторией.

Поэтому из разницы функций СМИ и социальных сетей видно, что социальные сети являются каналом развития СМИ, а не отдельным их видом. Для подтверждения, стоит рассмотреть их функции.

К традиционным функциям социальных сетей относят[7, с. 112–115]:

- создание индивидуальных профилей, где содержится информация о пользователях;
- взаимодействие пользователей путем просмотра профилей, использования внутренней почты, оставления комментариев и других функций;
- социальные сети предоставляет возможность сотрудничества пользователей для достижения общей цели, таких как поиск новых друзей или ведение группового блога;
- социальные сети предоставляют возможность распространения ресурсов, включая ссылки на другие веб-сайты;
- участие в социальной сети позволяет пользователю удовлетворить свои потребности, такие как общение, путем обретения новых знакомых и расширения социального круга.

В процессе анализа современной отечественной и зарубежной литературы, касающейся данной проблематики, было выявлено несколько ключевых функций, присущих СМИ[13]: информационная, идеологическая, когнитивная, развлекательная, образовательная, рекламная, коммуникационная, социализирующая, самореализующая, а также осуществление общественного контроля над действиями власти и т.д. При первоначальном сопоставлении функций СМИ и социальных сетей, может показаться, что между ними существует лишь небольшое пересечение. Однако фактически все функции СМИ уже реализуются и могут быть реализованы при помощи социальных сетей. Например, коммуникационная функция социальных сетей, как аналог СМИ, проявляется в возможности установления контактов между людьми, обмене новостями и информацией (включая фотографии, видеоматериалы, аудиозаписи, ссылки на веб-сайты, комментарии и сообщения), а также в

способности для совместной работы на достижение общих целей (сохранение и укрепление социальных связей).

Такие функции СМИ, как образовательная и социализирующая, также могут и осуществляются с помощью социальных сетей. Создание пабликов, групп, страниц и сторис позволяет людям получать информацию, необходимую для понимания политических процессов и оценки текущих событий. Поэтому сотрудничество между СМИ и социальными сетями приобретает все большую значимость.

Есть два основных аргумента в пользу этого сотрудничества. Во-первых, социальные сети меняют способы потребления информации и классические форматы ее представления. Во-вторых, социальные сети представляют собой источник трафика и позволяют достичь активной и лояльной аудитории для СМИ. Остальные аргументы, как правило, сводятся к тому, что в социальных сетях существует аудитория, которую издания желают монетизировать.

В современном мире, где большинство людей проводит много времени в интернете, средствам массовой информации необходимо активно взаимодействовать с социальными сетями, чтобы удержать свою аудиторию и привлечь новых читателей, зрителей или слушателей. В этом контексте выделяются три основные формы такого взаимодействия[4,с.284]: журналисты могут использовать социальные сети как обычные пользователи, сами социальные сети становятся платформами для продвижения СМИ, а также использование социальных сетей в качестве источников информации.

Таким образом, партнерство между СМИ и социальными сетями играет важную роль в обеспечении образования и социализации граждан, а также в развитии СМИ в современном информационном пространстве.

Разумеется, использование платформ социальных сетей в средствах массовой информации представляет собой ряд проблем и рисков для медиа-компаний. Одним из существенных рисков является возможная негативная реакция аудитории на медиаконтент[5]. Пользователи социальных сетей очень активны, и любой контент, который не соответствует их убеждениям или ценностям, может привести к негативной реакции и даже бойкоту. Этот риск может быть особенно высоким для медиа-компаний, которые в значительной степени полагаются на социальные сети для распространения своего контента. Негативная реакция может нанести ущерб репутации медиа-компаний и привести к потере аудитории и доходов.

Еще одним существенным риском, связанным с использованием социальных сетей в средствах массовой информации, является распространение фейковых новостей и дезинформации[5]. Платформы социальных сетей стали питательной средой для распространения ложной информации: многие

пользователи делятся ею и делают репосты без проверки точности контента. Это может привести к путанице и недоверию среди аудитории, а также к потенциальному вреду, если информация связана со здоровьем или имеет политическую подоплеку. Было реализовано несколько инициатив по борьбе с фейковыми новостями и дезинформацией в социальных сетях, включая проверку фактов и модерацию контента[5]. Однако риск остается, и медиа-компании должны проявлять бдительность в обеспечении точности контента, который они производят и распространяют.

Использование социальных сетей в средствах массовой информации также вызывает беспокойство по поводу конфиденциальности пользователей социальных сетей[12]. Платформы социальных сетей собирают огромное количество персональных данных, включая историю просмотров, местоположение и личные предпочтения. Медиа-компании, которые используют социальные сети для таргетинга своей аудитории с помощью персонализированного контента, рискуют нарушить конфиденциальность своей аудитории. Это может привести к юридическим и этическим проблемам, а также к потере доверия со стороны аудитории. Медийные компании должны быть прозрачными в отношении своих методов сбора данных и обеспечивать соблюдение соответствующих правил и норм[13].

Поэтому медийные компании должны осознавать эти риски и принимать соответствующие меры для их смягчения. Поступая таким образом, СМИ могут эффективно использовать платформы социальных сетей для охвата более широкой аудитории и улучшения своей общей медиа-стратегии.

Как видно из вышесказанного, социальные сети и средства массовой информации находятся в двойственном положении. С одной стороны, профессиональные СМИ могут рассматривать социальные сети как конкурента в распространении информации, но с другой - они могут получить ряд преимуществ от сотрудничества с ними. В современном информационном поле не удивительно, что контент из социальных сетей становится альтернативным источником информации для профессиональных изданий. Однако, социальные сети также предлагают возможности для эффективного продвижения. Современные СМИ должны активно использовать социальные сети в качестве инструмента для продвижения собственной продукции.

Первым и самым очевидным инструментом продвижения СМИ в социальных сетях является создание аккаунтов или тематических групп. При этом СМИ ставит перед собой две основные задачи: во-первых, увеличение переходов пользователей со страницы в социальных сетях на сайт издания, во-вторых, продвижение самого СМИ среди пользователей социальных сетей, используя интерактивные возможности ресурса. Например, редактор аккаунта

«РИА Новости» Н. Лосева отмечает, что сверхидея организации собственной страницы в Facebook состоит в формировании клуба готовых к диалогу или «наблюдающих диалог» пользователей: они лояльны, готовы распространять ссылки, рекомендовать новости своим друзьям и демонстрировать свое доверие к ресурсу[9].

Отслеживая количественные показатели, СМИ определяют, насколько эффективно обе эти вышеназванные задачи решаются редакторами страниц социальных сетей.

Например, для «Аргументов и фактов» ведение аккаунтов в соцсетях – это способ дистанцироваться от имиджа традиционной «газеты для пенсионеров». Они ведут постоянный мониторинг работы своих аккаунтов и пабликов, при этом отслеживают динамику роста подписчиков, количество лайков, репостов и комментариев, а также исследуют долю активных пользователей[7]. Измерение интереса к той или иной теме может стать поводом для коррекции основного ресурса и обнаруживать подчас неожиданные предпочтения аудитории. Например, по словам генерального директора телеканала Russia Today А. Николова, когда канал завел в русском сегменте Twitter тематическую страницу «Voina_41_45», посвященную истории Великой Отечественной войны, то через некоторое время у нее появились десятки тысяч подписчиков. Выяснилось, что тема является вполне актуальной для молодежи, надо лишь научиться уместать ее в тот формат, который сегодня является для этой аудитории востребованным. «Овладев языком, привычным молодой аудитории, новостное СМИ может «зацепить» тот сегмент аудитории, который, как казалось многим, не интересуется серьезными новостями» [7,с.318]. Политика редакций в использовании возможностей социальных сетей может существенно отличаться. Во-первых, может быть различным количество сотрудников, занимающихся ведением аккаунта. Например, в журнале «Космополитен» это делает один редактор, а в «РИА Новости» – отдел из десяти человек, которые не только размещают контент, но осуществляют функции, связанные с интерактивностью ресурса, – отвечают на комментарии, занимаются модерацией, организуют конкурсы с читателями именно в рамках аккаунта. Во-вторых, разные СМИ делают ставки на различные социальные сети. Некоторые издания могут использовать до десятка различных площадок, как, например, «РИА Новости», а другие всего три основных – Facebook, ВКонтакте и Twitter.

Если говорить о СМИ Республики Таджикистан, то почти все государственные СМИ имеют свои сайты в интернете, которые постоянно обновляются. Материалы, опубликованные на этих сайтах, являются основой для оценки политической ситуации в стране мировыми СМИ и

международными организациями. Однако, использование социальных сетей государственными СМИ республики для расширения их влияния неоднородно. Некоторые издания, такие как газета «Садоимардум» («Голос народа»), газета «Чумхурият» («Джумхурият») и газета «Минбарихалк» («Народная трибуна»), чаще всего используют Facebook. Кроме того, электронные государственные СМИ также активно используют такие платформы, как Instagram, YouTube, Одноклассники и ВКонтакте. Наиболее популярными из них являются Facebook и видеохостинг YouTube. В настоящее время государственное телевидение и радио имеют свои каналы на YouTube, где регулярно размещаются политические и социальные документальные фильмы. Особое значение имеет наличие «ТВ Варзиш», «ТВ Сафина» и радио «Овози тоҷик» («Голос таджика») в социальных сетях[1].

На основании изложенного, отметим, что с появлением социальных сетей СМИ пережили очередную эволюцию, которая привела к закреплению общих принципов деятельности современного журналиста.

В период резкого скачка технического прогресса произошел и резкий рост доли средств массовой информации в мировой информационной сфере, что привело к ее росту и утверждению значимости контента, в котором аудитория играет доминирующую роль, формально или неформально. Структурная модель медиарынка под влиянием «цифровой революции» постепенно трансформировалась в обширный холдинговый рынок. Осознавая огромный спрос на информацию, средства массовой информации используют новые технологии для повышения потребительского спроса. Эти технологии и возможности в последние годы в значительной степени заменили традиционные методы распространения информации. Следовательно, ландшафт современного медиапространства претерпел радикальную трансформацию. Теперь для него характерен огромный объем сообщений с сочетанием текста, звука и визуальных элементов. Все названные проявления уникальны на фоне предшествующей эволюции массовых коммуникаций.

Появление и развитие социальных сетей увеличил интенсивность конкуренции между средствами массовой информации и новыми формами коммуникации, но ситуация продемонстрировала СМИ, что нового конкурента можно и нужно сделать партнером. В результате социальные сети стали для журналистов дополнительной платформой для распространения информации и постоянного взаимодействия с общественностью.

Список литературы:

1. Абдужалилов Ф.Н. Интернет-журналистика в Таджикистане: развитие, проблемы и перспектива: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Ф.Н. Абдужалилов. Душанбе. 2020. 174 с.
2. Амзин А., Галустян А., Гатов В., Кастельс М. Как новые медиа изменили журналистику. Гуманитарный университет. Екатеринбург, 2016. – С. 77–79.
3. Амзин А. Новостная интернет-журналистика. Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 32 с.
4. Ахмадулина, Е. В. СМИ и социальные сети: особенности и проблемы взаимодействия / Е. В. Ахмадулина, К. А. Кирилин // Медиаисследования. — 2020. — № 7. — С. 283–291.
5. Бейненсон В. А. Продвижение СМИ в социальных сетях: возможности и проблемы // Вестник ННГУ. 2016. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodvizhenie-smi-v-sotsialnyh-setyah-vozmozhnosti-i-problemy> (дата обращения: 22.03.2023).
6. Быстрицкий, С. С. Социальные сети как новые СМИ / С. С. Быстрицкий. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 18 (465). — С. 271-273. — URL: <https://moluch.ru/archive/465/102209/> (дата обращения: 23.03.2024).
7. Дьяченко О.В. Российские СМИ в социальных сетях Facebook и в «ВКонтакте»: практики взаимодействия [Электронный ресурс] // Медiasкоп. 2014. № 4. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1615#21> (дата обращения: 20.03.2024).
8. Киняшева, Ю. Б. Социальные сети в структуре современного общества: теоретические аспекты Проблемы / Ю. Б. Киняшева, С. В. Муращенко // Актуальные проблемы государства, права и гуманитарных наук: Сборник материалов международной научно-методической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, Нижний Новгород, 21–22 ноября 2018 года. — Нижний Новгород: Волжский государственный университет водного транспорта, 2018. — С. 112–122.
9. Лапина-Красатюк Е. Г. Особенности новых медиа [Электронный ресурс] // Постнаука. 2015. 21 янв. Режим доступа: <http://postnauka.ru/video/38005> (дата обращения: 20.03.2024).
10. Лосева Н.Г. Интернет-СМИ и социальные сети: опыт интеграции [Электронный ресурс] // I-COMference 2011. Социальные сети и Интернет-СМИ: Докл.на конф., 10–11 февр. 2011. Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=NpVB_9Q1WBU (дата обращения: 19.03.2024).

11. Шарков Ф. И. Интернет и массмедиа: локальный дискурс в сетевых и массовых коммуникациях // Коммуникология. 2014. Т. 8. № 6. С. 15–28.

12. Anderson M., Caumont A. How social media is reshaping news [Электронный ресурс] // Pew Research Center. 2014. 24 sept. Режим доступа: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/09/24/how-social-media-is-reshaping-news/> (дата обращения: 20.03.2024).

13. Digital 2019: global internet use accelerates. — Текст: электронный // Creative Agency — We Are Social USA: [сайт]. — URL: <https://wearesocial.com/blog/2019/01/digital-2019-global-internet-use-accelerates/> (дата обращения: 23.03.2024).

«МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ»

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВЕСТИ В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. (VIII—XVIII В.В.).

Юрко Елена Леонидовна

старший преподаватель кафедры мировой литературы

Российско-Таджикский (славянский) университет

E-mail: e.yurko61@mail.ru

Аннотация. В статье говорится о единой неразрывной системе развития прозы малых жанров средневекового Китая. Рассматривается трансформация жанров сяошо, чуаньци, хуабэнь, бицзи. Переход повествовательной прозы малых форм «сяошо» в жанр новеллы «чуаньци» (повествование об удивительном), где наблюдается разнообразие сюжетных линий от авантюрного повествования до новеллы-притчи, новеллы-былички, новеллы на бытовой сюжет. Обладая самостоятельным значением «чуаньци» образовали новый род литературы – хуабэнь (повесть), которая подготовила расцвет классического романа и послужила источником сюжетов для китайского театра.

Ключевые слова: китайский роман, классический период, современный период, жанры и стили, исторические изменения, ортодоксальное течение, вэньянь и байхуа.

Зарождение повествовательной прозы восходит к чжоуской эпохе. Древнейшим считается «Жизнеописание Сына Неба Му» (V – IV вв. до н.э.), повествующее о волшебном странствии чжоуского царя Мувана.

В Ханьскую эпоху в развитие китайской словесности внёс значительный вклад великий китайский историк **Сыма Цянь (II – I вв. до н.э.)**. Его 75 глав «Жизнеописаний» из «**Исторических записок**» во многом повлияли на изобразительные методы художественной прозы. Сочинения представляют собой не только историческую, но и художественную ценность. Последующие поэты и прозаики учились у него искусству, заимствовали сюжеты и героев. На всех этапах своего развития художественная проза в большей или меньшей степени испытывала влияние исторических повествований. Это связано с конфуцианской устремлённостью к достоверности, правдивости.

Особенно сильно это воздействие ощущается на этапе формирования художественной прозы (I век). До нас дошла лишь незначительная часть этого наследия. Оно включает в себя «Старинные истории о ханьском У-ди», приписываемые историку Бань-Гу, «Неофициальное жизнеописание Чжао – Летящей Ласточки» Лин Сюань и другие. В них фигурируют исторические лица, но на первый план выходят не деятельность императора и его приближённых на благо государства, а их частная жизнь. В художественном плане указанные сочинения достаточно развиты для времени их создания. Авторам известны способы замедления действия. Широко используются ими детали в описании героев, особенно героинь. «Перечисление примет убранства – неотъемлемый признак внешности красавицы»[1 ;14] - отмечает К.И. Голыгина. Например, собираясь к государю, Хэдэ, героиня «Неофициального жизнеописания Чжао – Летящей Ласточки», «дважды омылась, надушилась ароматным настоем алоэ из Цзюцюя и убрала себя так: закрутила волосы в узел «на новый лад», тонко подвела чёрной тушью брови в стиле «очертания дальних гор» и завершила свой убор нежным прикосновением, добавив к лицу красную мушку»[1 ;16].

Первой формой бытования повествовательной прозы малых форм является **сяошо, или рассказы о духах**. Их расцвет приходится на эпоху **Шести Династий (265-589 гг.)**. Этот период в истории Китая омрачён непрерывными войнами, восстаниями, голодом. Усиливается влияние даосизма и буддизма на философскую мысль Китая, распространяется вера в колдунов и магов. Это была благодатная почва для появления рассказов о духах, бесах, покойниках, оборотнях, бытующих в народном фольклоре.

Так, персонажи низшей мифологии действуют в рассказах **Гань Бао**, одного из первых крупных представителей фантастической повествовательной литературы в Китае. В сборнике «Продолжение «Собрания записей о духах», приписываемом **Тао Юань-мину** отчётливо ощущается связь с народными верованиями.

В основе рассказа «Девушку выдают замуж за змея» страшное жуткое происшествие. «В годы « Великого начала» правления дома Цзинь жил один учёный муж. Обещал он свою дочь в супружество некоему человеку из соседней деревни. Пришёл срок невесте идти в дом жениха. Приготовили родители свадебный выезд и велели кормилице проводить девушку. Пришли они и увидели множество построек и ворот, словно то был княжеский чертог. На галерее встретил их румяный отрок с факелом. Он строго охранял женские покои, где были дивной красоты пологи и занавески. Как наступила ночь, обняла девушка кормилицу, слова вымолвить не может, только из глаз льются слёзы. Кормилица потихоньку запустила руку за полог, а там змей, что столб в несколько обхватов. С ног до головы обвил змей девушку. Кормилица перепугалась и бежать. Пригляделась к отроку, что охранял покои, - змеёныш. Глянула на факел, а то - земное око»[6]

Частые герои буддийских *сяошо*- монахи, бессмертные, которые обладают чудесными предметами (например, волшебный сундучок, который приносил матери бессмертного всё, что она пожелает из рассказа «Бессмертный старец Су» Гэ Хуна), исцеляют от всех недугов, предсказывают будущее.

Создавая рассказы *сяошо*, проникнутые самой безудержной фантастикой, авторы, тем не менее, не порывают окончательно связь с исторической прозой. Иллюзия достоверности создаётся благодаря упоминанию имён известных людей, которые, якобы, были свидетелями чудесного события. С этой же целью сообщаются подробные сведения о герое: имя, социальное положение, родословная. С художественной точки зрения, китайские рассказы скупы на детали и представляют одноэпизодные рассказы.

Сюжет часто строится путём нанизывания друг на друга волшебных событий. Герой изображается схематически, не обладая индивидуальным характером, он предстаёт либо злодеем, либо праведником.

Среди *сяошо* встречаются и рассказы, в которых содержится изложение событий обыденной жизни. Это лаконичные повествования анекдотического и историко-бытового характера, в которых высмеиваются общераспространённые человеческие пороки: глупость, невежество, жадность, рассказываются поучительные истории. К таковым относится, например, рассказ «Сообразительный Ван Жун» Ло И-цина (403 – 444 гг.), автора сборника «Ходячие толки в новом пересказе».

«Как то раз , когда было Ван Жуну всего лишь семь лет, повели его вместе с другими детьми на прогулку. Возле дороги увидели они сливу, ветки которой прямо ломались от плодов. Все так и кинулись к дереву, и только Ван Жун не двинулся с места. Когда же его спросили, отчего он не бежит вместе со

всеми, Ван Жун ответил так: «Дерево-то стоит у самой дороги, а слив на нём полно, - ведать они кислые» - Попробовали, так и оказалось.»[4;377]

Таким образом, в рамках одного жанра намечается разделение материала на вымышленный и тяготеющий к достоверному факту. Жанр *сяошо* проявил жизнестойкость, продолжая существовать и развиваться в последующие эпохи.

Так в Танскую эпоху возникает новый жанр «чуаньци» (повествование об удивительном). Обязательным признаком чуаньци является волшебное событие, положенное в основу повествования. Присутствие сказочных элементов в ранних чуаньци обусловило скупость и относительную простоту изобразительных деталей, схематичность характеристик героев. «Как зарание задан герой волшебной сказки, так условны и герои чуаньци, - пишет Голыгина. – В палитре образа героя нет полутонов, в его поведении нет эмоциональных взрывов, изменений психологического состояния, нет развития характера, ибо возможности сказки ограничены условным набором действий, которые герой должен совершить»[1;107]

Хотя новелла чуаньци формировалась под сильным воздействием мифологического рассказа и волшебной сказки, предоставившей новеллисту широкие возможности сказочной техники повествования, она обнаруживает новое восприятие человека и личности и, что особенно важно, обращается к современнику. В прозе этого времени наблюдается разнообразие трактовок вроде бы однотипного материала: то используется сказочный сюжет и на его основе создается литературная сказка или подобие авантюрного повествования, своего рода «приключения» героя; то создаются новеллы-притчи, новеллы-былички или даже осваивается бытовой сюжет.

Термин «чуаньци» подчёркивает родство данного жанра с рассказами III-VI вв. Так, в новелле «Белая обезьяна» танским автором переосмыслен сюжет о похищении женщины сверхъестественным существом, рождении чудесного ребёнка. Эти мифологические мотивы получили широкое распространение в мировом фольклоре.

Позже связь с фольклором в «чуаньци» становится менее выраженной. На первый план выходит любовно-бытовой сюжет. История любви студента, готовящегося сдавать государственный экзамен, и гетеры из весёлого квартала становится необыкновенно популярной в новеллах VIII-IX вв. Ярким примером является «История гетеры Ян» **Фан Цяньли**. Это рассказ, в котором нет места чудесным событиям, фантастическим существам, но от этого он не становится менее удивительным. Главная героиня новеллы восхищает повествователя преданностью, бескорыстием, которые она проявляет по отношению к своему господину. Это выражается в авторском послесловии: «Ян же решила на смерть, чтобы отблагодарить своего возлюбленного. Хоть и гетера, а как

отличается от других». Автор как-бы желает сказать: «Гетера, несмотря на низкое социальное положение, тоже способна на возвышенные чувства, обладает достойными человеческими качествами». Гуманистическая направленность характерна «чуаньци». Женщина в средневековом Китае была лишена каких бы то ни было прав. Вопреки конфуцианским догмам, танские авторы сочувственно изображали женщину, наделяя её высокими моральными качествами. Героини «чуаньци» «Жизнеописание Жэнь», «История Лю» и многих других верны, благородны, готовы на любое самопожертвование ради любимого человека.

В «чуаньци» всё настойчивее проникает авторское начало. В послесловиях, имеющих дидактический, нравоучительный характер, рассказчик выражает своё мнение по поводу рассказанного, придаёт частному случаю обобщающее значение. «Чуаньци» приобретает сатирическое звучание.

Авторы стремились сделать язык литературы более простым, освободить его от искусственных словесных украшений, параллельных построений. С этой точки зрения заслуживает внимания деятельность **Хань Юя** и **Лю Цзуньюаня**, которые провозгласили возврат к жанру «высокой» эссеистической прозе древности, сделали попытку её обновления, приближения к требованиям реальной жизни. Достоинствами «чуаньци» являются также разработанный сюжет, любовь к описательности, детализации, развитый диалог. Наравне с другими жанрами повествовательной прозы **чуаньци** продолжала существовать в последующие эпохи, не теряя своего главного качества: литературного стиля, что делало эту часть средневековой письменной словесности принадлежностью образованных слоёв китайского общества. Некоторые из этих произведений обладали самостоятельным значением и представляли важные звенья в процессе перехода в новый род литературы – хуабэнь.

В эпоху **династии Сун (960-1279)** появился новый жанр – **повесть хуабэнь**, или городская повесть. Сунский Китай – время роста городов и процветания городской культуры. Одним из любимых развлечений горожан были выступления сказителей. В «вацзы» (крытые балаганы), где проходили представления, собирались огромные толпы любителей зрелищ, желающих послушать истории о великих героях, чудесах, святых небожителях.

Термин «хуабэнь» первоначально употреблялся для обозначения кратких записей, которые делали профессиональные сказители для того, чтобы зафиксировать основную канву произведения. Затем это стал самостоятельный жанр со свойственными ему чертами.

Повесть **хуабэнь** – демократична. Прежде всего, это выражается в языке, на котором она написана. В отличие от «чуаньци», в основе хуабэнь

разговорный язык. Иногда в речь героев врывается бытовая и даже грубая лексика. Благодаря этому, повесть *хуабэнь*, зародившаяся несколько веков назад, нередко понятна и современному китайцу. Частыми героями подобных произведений являются представители разных слоёв городского населения: мелкие ремесленники, торговцы, бывшие крестьяне, монахи. Выражается взгляд на мир простого человека, поднимаются наиболее острые для него проблемы. Так, в числе самых популярных была тема неправого суда. «Недавние выходцы из деревни, промышлявшие в городе ремеслом или мелочной торговлей, бывали, как правило, не шибко грамотными, не слишком сведущими в законах и в случае какого-нибудь конфликта оказывались полностью зависимыми от судьи, который не церемонясь решал дело»[7;14]

Ярко выраженная эта мысль нашла в повести «**Пятнадцать тысяч монет**», где чиновник, не пожелав вникнуть в суть дела, отправил на пытки и затем на казнь двух невинных людей.

Построение повести связано с устным её бытованием. Обязательным условием композиции *хуабэнь* являлось, например, стихотворное начало. Оно, а также следующий за ним зачин - *жухуа* (иногда в виде дополнительного сюжета) вводили слушателей в тему повествования. Частым явлением в *хуабэнь* были промежуточные стихотворные вставки. В форме стихов даются пейзажные зарисовки, описания персонажей. Стихами герои повести выражают свои мысли и чувства. Так, герой повести «Честный приказчик Чжан», которому предлагалось принять в подарок дорогое ожерелье, но тем самым предать хозяина, «почувствовал себя так, как сказано в стихотворении:

Домой спешащий недоволен,
что скоро сядет солнце;
И мысли не дают покоя,
что слишком медлят кони.
К богатству страсть, на лицах пудра,
вино в домах певичек –
Вот три соблазна для людей,
Кого они не тронут» [4;409]

Стихотворные вставки, которые принимали иногда достаточно внушительный объём, с одной стороны, оживляли рассказ, а с другой, выполняли вспомогательную функцию: во время исполнения стихов сказитель получал возможность обдумать следующий сюжетный ход или собрать деньги с публики.

Несмотря на то, что к XIX веку многие произведения этого жанра были утрачены, переоценить их значение сложно. По мнению А.Н. Желоховцева,

повесть *хуабэнь* «подготовила расцвет классического романа и послужила источником сюжетов для китайского театра»[3;4].

Основной единицей бытования сюжетной прозы в Китае, подчёркивает И.А. Алимов, был сборник. Такие собрания, будучи жанрово не однородными, могли объединять в себе сяшо, чуаньци, а также бессюжетные произведения о событиях и людях. Сочетание в пределах одного сборника сюжетных и бессюжетных повествований, часто без какой-либо систематизации материала, привело к возникновению новой формы организации текста, которая получила название *бицзи*. Некоторую упорядоченность в столь разнородный материал вносил образ автора: «Основным организующим началом сборника бицзы служила собственно личность автора, его мировоззрения и круг интересов»[5;5] Особенно популярными *бицзи* становятся в эпоху династии Сун (960 – 1279). Помимо своих официальных сочинений, их писали крупные сановники и литераторы (Чжу Юя, Сунь Гуан-Сяню и др.), а также мелкие чиновники, прославившиеся исключительно благодаря своим сборникам бицци (Лю Фу).

Тематика произведений, входящих в сборник *бицзи*, разнообразна. Значительное место в них занимает прославление добродетельных императоров и сановников. Носителями конфуцианских идей в рассказах *бицзи* зачастую становятся исторические лица, которые предстают в произведениях честными, справедливыми, щедрыми, умеющими оценить подлинный талант. Таков Люй И-цзяне, видный сановник эпохи Сун из сборника **Лю Фу** «Высокие суждения у дворцовых ворот»: «Министру Люй И-цзяню учёный конфуцианец Чжан Цю в один прекрасный день поднёс стихи:

Нынче в кухне нашей не из чего стряпать.

Дети плачут и рыдают, но пуст короб для еды!

И шепнула мать потихоньку сыну:

Сочинил отец стихи, поднесёт их господину Люю.

Прочитав эти стихи, господин очень развеселился и подарил Чжану сто связок монет в награду, а ещё приказал отвезти его в гостиницу для знатных чиновников и поселить там в полном достатке. Тридцать лет находился господин у кормила власти, он обогревал и заищал бедных и слабых, помогал учёным мужам, назначая их начальниками округов за пределами столицы или же в управлении министров при дворе. Это был мудрый первый министр, при котором царило великое спокойствие» [5;37]. Часто рассказы о благодетельных чиновниках сопровождаются сообщением о необычных событиях. Один из них, входящий в сборник «Краткие изречения из Бэймэн» **Сунь Гуан-сяня**, представляет собой изложение легенды о том, как некоему Тин-цоу было предсказано великое будущее. Прохожий, увидевший Тин-цоу спящим промолвил: «Дыхание исходящее из левой ноздри вашего, господин, носа,

подобно дыханию дракона, а из правой ноздри – подобно дыханию тигра. Дыхание дракона соединилось с дыханием тигра – быть вам этой осенью князем» [5;16-17] Наряду с сюжетными произведениями сборники *бицзи* включают разного рода заметки и наблюдения, что позволяет некоторым исследователям сравнивать их с записными книжками. Так, **Чжу Юй** рассказывает о распространении чая в Китае, обычаях, которые связаны с этим напитком: «Чай распространился при династии Тан. Вкус его сначала был горький, а потом стал сладким. Поздно собранный чай называют мин. По распространённому сейчас обычаю, гостю, когда он только пришёл, дают

выпить чая, а перед уходом угощают отваром...». Из сборника «Из бесед в Пинчжоу» **Чжу Юя** (1075 – после 1119) узнаём о требованиях этикета, соблюдение которых было крайне важным для чиновников. В одной из таких зарисовок изображён сановник, который, не дождавшись разрешения, начал пользоваться подушкой из меха жуна, полагающуюся исключительно служащим высокого ранга. В этом и в подобных фрагментах авторы приводят факты, привлёкшие их внимание, часто не делая каких-либо выводов и заключений.

Сюжетная проза не ограничивается сяшо, чуаньци, хуабэнь, бицзи. Однако представленные жанры позволяют получить представление об единой неразрывной системе развития прозы малых жанров средневекового Китая.

Список литературы:

1. Голыгина К.И. Новелла средневекового Китая: Истоки сюжетов и их эволюция VIII-XIV вв. / К.И. Голыгина. – Наука. – М., 1980. – С. 14.
2. Желуховцев А.Н. Хуабэнь – городская повесть средневекового Китая.
3. Желуховцев А.Н.. Некоторые проблемы происхождения жанра – М., 1969. – С. 4.
4. Кравцова М.Е. Хрестоматия по литературе Китая / М.Е. Кравцова. – СПб., 2004. – С. 377- 409
5. Нефритовая роса: Из китайских сборников бицзи / сост. И. Алимов. – СПб., 2000. – С. 5.
6. Путь к заоблачным вратам. Старинная проза Китая. – М., 1989.
7. Смирнов И. Мир удивительный, мир волшебный / И. Смирнов // Путь к заоблачным вратам. – Правда. – М., 1989. – С. 14.
8. Эйдлин Л.З. Василий Михайлович Алексеев и его Ляо Чжай / Л. Эйдлин // Пу Сун-лин Рассказы Ляо Чжая о чудесах / Пу Сун-лин. – М., 1973. – С. 7.

ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ ЧЕХОВСКОЙ САТИРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ТАДЖИКСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА

Кузьмичева Ольга Владимировна,

старший преподаватель кафедры мировой литературы

Российско-Таджикский (Славянский) университет

ул. Турсунзода, 30

Тел.: 44-620-42-26, 938-32-33-40.

kuzmicheva_1967@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается специфика переводов сатирических рассказов А.П. Чехова на таджикский язык, которую осуществляли литераторы Таджикистана в разные годы. Отмечается, что далеко не все переводы передавали тончайшие нюансы чеховской мысли, поскольку некоторые из переводчиков так и не удалось проникнуться глубиной чеховской эстетики и поэтики. Автор обращает внимание на главную задачу передачи чеховской сатиры – при переводе, по возможности, полностью сохранить степень эмоционального воздействия оригинального текста.

Ключевые слова: А.П. Чехов, сатира, юмор, перевод, рецепция, таджикская литература, современность.

На рубеже XIX-XX веков русская литература подарила миру целую плеяду замечательных прозаиков, талантливых драматургов и выдающихся поэтов. Творчество некоторых из них заслуженно считаются вершиной мировой литературы. Их произведения, многогранно отражая окружающую действительность, стали художественным свидетельством того, что судьба человека – это, прежде всего, отражение судьбы общества. Открытие тесной связи личных и общественных судеб оказалось исключительно важным для определения новых путей и возможностей развития критического реализма рубежа веков. Именно тогда произведения разных жанров стали художественным средством выражения социальных и духовных процессов эпохи, общественной психологии.

Имя русского классика, писателя Антон Павловича Чехова навсегда запечатлено в истории таджикской литературы. Переводы его произведений также весьма популярны среди ценителей литературы.

История перевода произведений А.П. Чехова на таджикский язык – богатый материал для иллюстрации того, как дифференцируется переводческая практика. Интерес к его произведениям можно исчислять с 30-х годов прошлого века. Самобытная личность и необычайная судьба писателя

несомненно привлекла внимание переводчиков. Его произведения переведены известными таджикскими писателями: Хаким Каримом, Рахим Джалилом, Джалолдом Икрами, Пулодом Толисом, Пирмахмадзаде и др. Благодаря им появился первый сборник рассказов А.П. Чехова на таджикском языке в 1935 году.

Антон Павлович не только оригинальный мастер, знаток русского литературного языка, но он еще автор, способный передавать словам самые тонкие смысловые оттенки и неповторимую выразительность.

Чеховская сатира – это существенное свойство художественной речи, то есть употребление таких слов и оборотов, которые вызывают в воображении читателя или слушателя наглядное представление или живой образ предметов, явлений, событий и действий, характерное для творчества А.П. Чехова. Они носят авторский характер, определяют самобытность писателя, помогают ему обрести индивидуальность стиля, они оживляют речь писателя, придают ей эмоциональность и образность, наполняют текст жизнью и передают соответствующее настроение читателю, вызывают в нём эмоции и чувства, улыбку и смех. С помощью них достигается активизация внимания, автор ведет за собой читателей, включая их в ту обстановку и действия, которые описывает.

А.П. Чехов употребляет богатую картину образов, раскрыв характеры своих героев, создавая его при помощи тончайшей интуиции и уникального воображения автора, которые проникают в самую душу.

Он с тонким юмором, очень чувствительно передает характеры персонажей своих рассказов, описывая внутренний мир и состояние души человека. Эта ирония помогает раскрыть отношение автора к героям рассказов, создавая особый настрой произведению, смеясь над ними, сочувствуя им и в тоже время осуждая их.

Чеховские герои не похожи друг на друга. Писатель погружает читателя в быт героев своих рассказов, которые сопровождаются откровенными разговорами о быте, о жизни, о простых мелочах. В этих рассуждениях искрит юмор, но сами персонажи говорят об этом без особой сентиментальности, откровенно обсуждая свои проблемы. Ситуации, показанные А.П. Чеховым, диалоги в рассказах основаны на разнонаправленности интересов главных персонажей. А.П. Чехов яркими красками передал образ обыкновенных людей, с каждым актом раскрывая все новые и новые стороны человеческого характера.

Существенным свойством сатиры А.П. Чехова является умение использовать такие слова и обороты, которые вызывают в воображении читателя или слушателя наглядное представление или живой образ предметов,

явлений, событий и действий, что характерно для творчества А.П. Чехова.

Оригинальная писательская манера А.П. Чехова нашла отражение и в языке его произведений. Над совершенствованием языка и стиля писатель работал всю жизнь и достиг великолепных результатов. Владение образным словом А.П. Чехова высоко оценивали великие современники.

В сатире важно тонко подмеченное слово. Следует отметить, что слово, используемое автором, способно передавать тончайшие оттенки чувств, движение человеческой души и мысли, вызывая тем самым ответный отклик слушателей, читателей. Способствует этому такое качество речи, как выразительность, способная поддерживать внимание слушателя или читателя, усиливать эффективность воздействия речи автора.

Употребление таких слов и оборотов, которые вызывают в воображении читателя или слушателя наглядное представление или живой образ предметов, явлений, событий и действий, являются средствами художественной изобразительности, которые многочисленны и разнообразны.

Сам автор признается, что «...трудно за юмором угнаться! Иной раз погонишься за юмором да такую штуку сморозишь, что самому тошно станет. Поневоле в область серьезы лезешь...» [6, с. 5]. Чеховская сатира сливается с горестными раздумьями о современной жизни. В этом одна из характерных особенностей сатиры писателя.

Его сатиру по праву называли «остроумием глубокого чувства». Следует отметить, что сатира – не отдельная часть творчества Чехова. Это, прежде всего, его взгляд на мир, на видение жизни, неотделимое от иронии, трагикомической усмешки.

Следует подчеркнуть, что появление произведений А.П. Чехова на таджикском языке оказало огромное влияние на литературу и искусство.

Творчеству А.П. Чехова посвящено много работ, и в настоящее время интерес к его произведениям, к переводам, выполненных еще в советское время не угасает. И это естественно, т.к. по истечению определенного времени, человеческие ценности подвергаются все новым и новым испытаниям, они как бы просеиваются, пересматриваются следующими поколениями.

Сегодня внимание будет привлечено к качеству переводов чеховской сатиры. К сожалению, следует отметить, что не все переводы с русского языка на таджикский язык выполнены на высоком уровне. При чтении сатирических рассказов А.П. Чехова, переведенных на таджикский язык, можно встретить как хорошие переводы, так и некачественные. Это связано с тем, что порою переводами занимаются некомпетентные лица, не имеющие хорошего знания русского языка и культуры России.

Восприятие, обдумывание идейного содержания произведений, их эстетическая оценка требует огромных усилий переводчика.

Одним из первых переводчиков произведений А.П. Чехова был Джалол Икрами. Им переведены такие рассказы, как «Смерть чиновника», «Хамелеон», «Человек в футляре», «Толстый и тонкий», «Спать хочется» и много других. Икрами как переводчик придерживался стиля Чехова, не теряя при этом остроту чеховской сатиры. Икрами не только придерживался изящества формы чеховской прозы, и в переводе, по мере возможностей и сил, пытался сохранить манеру и стиль писателя, его своеобразие.

В последние годы старые переводы произведений А.П. Чехова переводятся заново. Думается, основная причина в том, что в ранних переводах мы встречаем много слов, которые не переведены на таджикский язык, что по нашему, пытаются сделать современные переводчики.

Главной задачей передачи чеховской сатиры заключается в том, чтобы при переводе, по возможности почти полностью сохранить степень эмоционального воздействия оригинала.

Для сравнения рассмотрим рассказ А.П. Чехова «Толстый и тонкий» в переводе Джалола Икрами «Ғафс ва борик» и современный перевод Обида Шукурзода «Чоқу лоғар». Начиная с перевода названия рассказа, мы видим разницу.

В рассказе Чехова «Тонкий и толстый», Антон Павлович сравнивает толстого и тонкого. Здесь в описании героев содержится громадная разница потенциалов, которая настраивает читателя на ожидание неизбежного конфликта. Один – толстый, другой – тонкий, один доволен, другой – измучен, один – налегке, без спутников, второй обременён и скарбом и семейством. Уже в самом названии слова толстый и тонкий – неодушевленные имена прилагательные, но в художественном произведении они приобретают одушевленность. Толстый и тонкий – это два друга, которые встретились через долгих лет. Например:

«На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флер-д'оранжем. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком- его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом- его сын» [1, с. 250].

Теперь приведем перевод данного отрывка, выполненный Джалолом Икрами:

«Дар вокзали Николаевский ду чўра бо ҳамдигар вохўрдаанд, яке аз онҳо гафс, дигаре борик буд. Гафс ҳозиракак дар вокзал хўрок хўрда буд, аз ин рў лабони равғанолудаи монанли олуболуи нўхтагӣ мекурашидаанд. Аз вай бӯи херес ва флор д' оранже меомад. Борик бошад, навакак аз поезд баромада, дар зерин бори гарони чомадон, бугча ва куттиҳои қоғазӣ буд. Аз вай бӯи гўшти яхнӣ ва қаҳва бурк мезад. Аз қафои вай як занакӣ хароб, ки манаҳи дароз дошт, нигоҳ мекард – ин зани вай буд, инчунин гимназисти қаддарози танҷаиш менамуд, ки –ин писари вай буд» [3, с. с.33].

И вот перевод О. Шукурзода:

«Дар истгоҳи роҳи оҳани Николаевски ду дўст бо ҳам вохўрдаанд: яке чоқу дигар лоғар. Чоқ ҳамин ҳоло дар истгоҳ хуроки чошт хўрда буд ва лабҳои равғанолудаи чун олуболуи нухтагӣ барк мезаданд. Бӯи хереси испониёӣ ва гули норинҷ меомад аз ӯ. Лоғар низ нав аз вагон пиёда шуда буд ва аз чамадону бугчаву бастаҳои картонӣ бори зиёд дошт. Аз ӯ бӯи кабоби хўкию дурдаи қаҳва меомад. Ҳамсараш- бонуи лоғаракӣ манаҳдароз ва писараш- шогирди баландболои дабиристон, бо чаишҳои нимроғ аз паси ӯ менамуд» [2, с. 44]

Само название рассказа как у Джалола Икрами, так и у О. Шукурзода, на наш взгляд получило несколько неверный перевод.

У Джалола Икрами «Гафс ва борик» действительно переводится как толстый и тонкий, но это применительно к какому-либо предмету, а «Чоқу лоғар», представленный О. Шукурзода, слово **чоқ** согласно словарю «Фарҳанги забони тоҷикӣ» под редакцией М.Ш. Шукурова, В.А. Капранова, Р. Хашима, А. Махсуми означает **болида, болон, хуш, бардам**, т.е. **высокий, довольный; чоқ гирифта** – **рост нишон гирифта бозӣ кардан** – **играть прямо нацелившись**.

Думается, перевести название рассказа как «Фарбеҳ ва хароб» было бы лучше.

Джалола Икрами приводит в тексте:

вокзал Николаевский, поезд, гимназист

У О. Шукурзода:

истгоҳи роҳи оҳани Николаевски, вагон, шогирди баландболои дабиристон.

Нельзя отрицать, что при переводе происходит преобразование, т.е. трансформация текста и прослеживается рецепция, т.е. заимствование чужих исторических, социологических или культурных форм. Например, название еды и напитков:

ветчиной и кофейной гущей.

Джалола Икрами перевел:

бӯи гӯшти яхнӣ ва қаҳва – запах отваренного мяса и кофе

О. Шукурзода:

бӯйи каботи хӯкию дурдаи қаҳва – запах жаренной свинины и кофейного осадка

Как мы видим, перевод Дж. Икрами более близок к оригиналу.

Переводчик, встречая такие непередаваемые слова, дает им соответствующий комментарий, например: *херес и флер-д'оранже*, Джалол Икрами применил сноски, передав их таким образом:

ххерес – *як навъи машрубот* (один из видов алкогольного напитка) (перевод наш);

флер-д'оранже – *як навъи гули сафеди хушбӯй* (один из сортов ароматного белого цветка (перевод наш)

А О. Шукурзода в сноске представил *херес* как – *навъи шароб*, т.е. сорт вина (перевод наш).

Губы Толстого, *подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни переводчики сравнили со спелой сливой: олуболуи пухтагӣ.*

В рассказа много слов, которые не так легко перевести на таджикский язык: *голубчик, батюшки, душонок, щеголь, лютеранка, коллежский асессор, столоначальник, статский, тайный советник.*

Джалол Икрами «Голубчик мой!» перевел как: «Азизи ман!» О. Шукурзода же придал этому выражению больше чувственности: «Азизи дилам!»

душонок и щеголь

Джалол Икрами: *пештара барин барно, йигит!, пештара барин олуфтаю дилкаш* – как и раньше: *статный, джигит!* Как и раньше: *чистенький и приятный!*

О. Шукурзода:

зебою дидан! пургамзаю шӯху хушлибоси шикпӯш! – *красивый и видный! жеманный, веселый и одежда – шик.*

Конечно, каждый переводчик по-своему перевел эти слова, но именно использованные ими слова и выражения придали сатирический оттенок тексту.

В рассказе фамилии и имена также представлены с юмором, вызывают улыбку на лице и отражают отношение автора к своим персонажам:

Ванценбах, Нафанаил, Нафаня, Геростат, Эфиальт. Перевод этих имен также вызывает улыбку у таджикского читателя: *Нафониё, Вонсенбах, Ҳирустрот, Ифиёлит, Нофаноил* (О. Шукурзода).

А вот прищуренный глаз более верно переведен О. Шукурзода: *бо чаимҳои нимрог* – *полуоткрытые глаза*, в то время как Джалол Икрами исказил перевод, передав это слово как *тангчаим*, т.е. *узкоглазый*.

Очень интересно переведены слова с окончанием – с, которые обычно выражают смиренность и услужливость, характерные для низших чинов и слуг:

Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможы-с! Хи-хи- с.

Хеле ифтихормандам-ҳ! Метавон гуфт, дӯсти даврони баччагӣ ва як бора дар чнуин мақоми баланд-ҳ! Ҳи-ҳи-ҳи-ҳ (О. Шукурзода).

Как мы видим, переводы сатирических произведений А.П. Чехова подлежат более тщательному изучению и пересмотру. Поэтому, изучение и исследование сатирических произведений А.П. Чехова на таджикский язык в наши дни очень актуален и востребован, т.к. новый взгляд на «перепереводы» периода советской эпохи очень важен. Кроме того, они могут стать своеобразными источниками речевой экспрессии, вызывать особый стилистический интерес, появится возможность передать характеристику процессам формирования и эволюции таджикской литературы, а также проявить новаторство в содержании таджикских переводах.

Список литературы:

1. 1. Чехов А.П. Толстый и тонкий / А.П. Чехов // Полное собр. соч.: в 30 т. Т.2. – М.: Наука, 1974. – С. 250-252.
2. 2.Чехов А.П. Панҷоҳ ҳикоя / А.П. Чехов. – Душанбе: Китоби нав, 2021. – 400с.
3. 3.Чехов А.П. Ҳикояҳо / А.П. Чехов. – Сталинобод: [Б. и.], 1980. – 235 с.
4. 4.Чехов А.П. Повести и рассказы / Вступ. ст. и коммен. О. Дорофеева. – М.: Литература, Мир книг, 2006. – 398 с.
5. 5.Одинцов В.В. Лингвистические парадоксы / В.В. Одинцов. – М.: Просвещение, 1982. – 169 с.
6. 6.Эльсберг Я. Вопросы теории сатиры / Я. Эльсберг. – М.: Книга, 1957. – 34 с.

ПОЭТИКА СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ОЧЕРКА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Абдулхакова Насиба Ашуралиевна

Преподаватель кафедры мировой литературы

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан г. Душанбе, улица М.Турсун-заде, 30.

Тел.: 918-97-79-69.

E-mail: abdulhakova87@list.ru

Аннотация: В статье на основе анализа очерков П.Лукницкого, Ю.Фучика, И.Ильфа и Е.Петрова о Средней Азии делается вывод об отличительных особенностях поэтики их очерков. Среди типологически общих черт выделяется повествование от первого лица, дневниковая основа, контрастность, особый фольклоризм и публицистическая направленность.

Ключевые слова: Очерк, поэтика, жанровое своеобразие, Средняя Азия, П.Лукницкий, Ю.Фучик, И.Ильф и Е.Петров.

Как известно, основным жанром в творчестве русских писателей первой трети XX века был очерк, поскольку его жанровая форма позволяла в лучшей степени отражать происходящие в ту эпоху исторические события как на территории всей страны, так и в Средней Азии.

Очерки рассматриваемого периода – путевые, научно-познавательные, портретные, проблемные и др. – прежде всего различались в сюжетно-композиционном и повествовательном плане. В советском литературоведении были работы, в которых рассматривалась либо типология очерка того периода, либо отрицательные явления, связанные с этим жанром [8, с.20].

Исследователями среди негативных сторон жанра очерка о Средней Азии выделялись общность в композиционном построении очерков, выбор тем и сюжетов, имена героев, свободная форма повествования, использование различных пояснений, создание очерков по принципу ретроспекции для широких сопоставлений, но не для глубокого исследования характеров.

Проведённое нами исследование показало, что в творчестве крупных писателей рассматриваемого периода в типологически схожих чертах просматривается индивидуальность стиля и поэтики этого жанра.

Так, например, центральная тема путевых и портретных очерков Ю.Фучика – тема борьбы старого и нового, показ зарождения и победы ростков социализма в экономике и культуре советского Востока. Прежде всего Фучика интересуют люди, созидающие новый мир, побудительные причины их

поступков. Поэтому основная проблема его очерков - формирование и рост социалистической личности, большинство очерков Фучика - это прежде всего портреты и биографии людей, в которых наглядно раскрывается настоящее и прошлое советского Востока, прежде всего, - портреты и биографии женщин.

При первом же знакомстве с очерками чешского журналиста бросается в глаза их особый фольклоризм: Фучик использует традиционные для сказки противопоставления, троекратные повторы («Он – верхом на осле, она – рядом с ним пешком»/ «Нуриниса Гулям едет на осле»); повествование заканчивается победой добра над злом («Гулям победил свой последний предрассудок, последний старый обычай, который напоминал старое прошлое восточной женщины-рабыни»). Очерки Фучика построены на сказочной традиции воспроизведения невероятных событий, дел, поступков.

Вместе с тем, описывая внешние изменения, сосредотачивая свое внимание на показе нового духовного облика советской женщины, стремясь раскрыть новые черты ее характера («...Нуриниса соскочила с осла и взяла под руку своего мужа...»), Фучик показывает изменение психологии своих героев лишь внешними деталями («он выбирал самые людные места»), либо собственными выводами («...они вдруг поняли, что это был вовсе не исключительный жест, сделанный ради праздника, а означало, что Гулям победил свой последний предрассудок...»).

Кроме того, желая показать, что «свободный творческий труд, светлая социалистическая действительность позволили им духовно распрямиться, вырасти, придали их облику решительность, уверенность в себе, жизнерадостность - черты, характерные для свободных строителей новой жизни и столь не свойственные облику феодальной рабыни», Фучик не описывает, даже не перечисляет факторы, повлиявшие на перевоплощение женщин. Он не описывает подробно портрет героини, выставляя героинь типичными представительницами азиатских женщин и ограничивается их типическим портретом («Весёлое лицо Нуринисы... Полное, круглое, загорелое лицо. Широкие чёрные брови у самой переносицы соединяются жирной линией сурьмы»), который один, на его взгляд, остался неизменным: соединённые на переносице брови – это «дань местному кокетству» [4; 277].

Изображая в очерках («Розияхон Мирзагатова») некоторые основные эпизоды из прошлой жизни героини (обязанность спасти семью от голодной смерти, первая любовь, революция, бегство из дома), Фучик перечисляет события без указания точного времени (когда попала в Москву, в каком году вернулась), без описания фактической деятельности (она первая женщина-гинеколог в своей стране) несмотря на то, что Розияхон Мирзагатова довольно известная личность, биография которой запечатлена в истории Узбекистана.

Фучик использует приём контраста для демонстрации того, как выросли женщины при советской власти, преобразование женщин показано как резкий скачок или волшебство. Новые черты характера своих героинь Фучик раскрывает на фактах их биографии, не показывая, однако, как эти черты складываются и формируются.

Анализ непортретных очерков Ю.Фучика показывает жанровую новизну его очерков. Его произведения содержат признаки репортажа с места событий («На Пяндже, когда стемнеет»), исторического репортажа, поскольку в них даётся своеобразный экскурс в культурное прошлое таджиков, совмещающего в себе признаки информационного, событийного, познавательного репортажа.

На наш взгляд, очерки рассматриваемого периода связывает между собой повествование от первого лица, дневниковая основа. Каждый из писателей-очеркистов, ведущих деятельность в Средней Азии, так или иначе вёл дневниковые записи. Это обусловило, в первую очередь, поэтику очерков П.Лукницкого.

Поэтику циклов очерков П.Лукницкого «За синим памирским камнем» и «Памирские новеллы» составляет приведение и научных сведений, и древних легенд, и портретных описаний и характеристик реальных людей, и наличие лирических отступлений, и описание пейзажей, особая динамичность действия, наличие предисловий к циклам очерков.

Основная масса очерков посвящена Лукницким описанию преодолеваемых трудностей предпринятой экспедиции. Основной композиционный приём – контрастность, но, в отличие от очерков Фучика, не только настоящего с прошлым, но и синхронная контрастность образов, пейзажей, судеб и пр. Кроме того, используя приём контраста, Лукницкий обращается к историческим событиям очень далёкого прошлого, ссылаясь на исторические источники.

Основным средством изобразительности в цикле является гиперболизм. Он проявляется чаще всего в описании непреодолимых препятствий, встречающихся членам экспедиции на пути.

Очерки П.Лукницкого, в отличие от очерков, например, Ю.Фучика, не строго документальны, хотя имеют под собой реальную основу. Включение в повествование рассказов о самых разных людях, экскурс в историческое прошлое, цитирование научных исследований, создание широкой картины памирских гор, описание всевозможных препятствий, особый гиперболизм создают широкую панораму действительности, способствуют приданию описываемым историческим событиям эпичности и монументальности.

Поэтику очерков Ю.Фучика и П.Лукницкого, таким образом, составляют изобразительно-выразительные средства и композиционные приёмы,

позволяющие авторам создавать поэмы о героях труда и героичности их ежедневного созидательного труда.

В отличие от вышеуказанных авторов особая поэтика присуща циклу очерков «Осторожно! Овееяно веками!»(1930), «Бухара Благородная»(1930) и других отдельных среднеазиатских очерков И.Ильфа и Е.Петрова.

Особенностью поэтики их очерков является продолженная Ильфом и Петровым традиция русских очеркистов XIX века поддерживать на протяжении всего повествования статус интересных рассказчиков-путешественников, открывающих читателям новые города и страны. Кроме того, в их цикле также наблюдается симбиоз документальности, когда называются конкретные города (Алма-Ата,), стройки (Турксиб), даты (1927), имена известных людей того времени, и художественности (при изображении пейзажа, портретной характеристики людей, введении легенд и пр.).

Как отмечают исследователи, «...Ильф и Петров вполне совпадают со своим предшественниками-очеркистами в создании образа Средней Азии. Они используют всё тот же приём контраста старого и нового и, так же, как Ю.Фучик, показывают этот контраст на примере восточной женщины» [5,с. 133].

Как показывает анализ очерков из цикла «Бухара Благородная», в отличие от тех очерков, типологическая характеристика которым дана в исследовании Г.Г. Шахиди, «...в очерке «Бухара Благородная» И.Ильфом и Е.Петровым развенчиваются обывательские мифы о Востоке, мотивы восточных красавиц, библейского Востока, восточного деспотизма и вводятся мотивы масштабных, необратимых социалистических преобразований, восточной косности. Их главная задача в этом очерке, на наш взгляд, развенчать взгляд европейского обывателя на Восток как на «экзотику». В очерке реальность и восточная сказка находятся в некоем тесном симбиозе»[5,с.137]. Последний тезис сближает поэтику очерков И.Ильфа и Е.Петрова с очерками Ю.Фучика.

Своеобразием циклов очерков Ильфа и Петрова является вынесение художественно-образных обобщений изображаемого в заглавия частей и в названия цикла очерков. Сами названия указывают на авторскую позицию по отношению к очеркам и репортажам, публикуемых современными им журналистами. Поэтика очерков И.Ильфа и Е.Петрова состоит в максимальной концентрации образности в небольшом по объёму очерке, изобилие метких выражений («Плюшевый пророк»), авантюристность, анекдотичность ситуаций, в которые попадают отрицательные персонажи очерков, «трафаретный» набор персонажей – русский, иностранец, представитель национальных меньшинств (к примеру, казахи-кочевники); особый тип повествования, ориентированный на массового читателя и отражающий специфику восприятия массовым

сознанием наиболее актуальных событий общественной жизни; критическая направленность; амбивалентность значения, достигаемая контрастом между архаичным и современным значениями; изображение стереотипной модели поведения; изобразительность, двуплановость[1,с.5].

Обращение П.Лукницкого, И.Ильфа и Е.Петрова к жанру путевого очерка, на наш взгляд, обусловлено, преимуществами жанра путевого очерка: «Прежде всего – сам факт своего перемещения «во времени и пространстве», с тем, чтобы придать очерку динамичную форму, чтобы позволить читателю почувствовать все напряжение и «прелести» путешествия и сделать его тем самым «соучастником» своей командировки, своего поиска»[6].

По идейно-эмоциональному настрою рассматриваемые очерки различаются, но характерная их черта состоит в том, что при всём своём сюжетно-композиционном различии в них главенствует описательно-фактографическая линия.

Литература:

1. Абильдинова Ж.Б. Жанровая специфика анекдота // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 21 (202). С. 5-9.
2. Ильф И., Петров Е. Осторожно! Овёяно веками! [Электронный ресурс] - Ильф И., Петров Е. Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска / сост., комментарии и дополнения.-М.: Книжная палата, 1989.-С. 133-148. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki> (Дата обращения: 29.01.2024)
3. Лукницкий П. В горах и в сердцах людей: Избранные произведения разных лет.-Душанбе: Ирфон,1971.-446 с.
4. Русакова М.В., Абдулхакова Н.А. Художественное своеобразие очерков Ю.Фучика о Средней Азии // Вестник ТНУ. Серия филологических наук.-2020.-№6.-С. 276-281.
5. Русакова М.В. Восточные мотивы в малых жанрах русской прозы конца XIX – начала XX века.-Душанбе: РТСУ, 2020.-163 с.
6. 6.Тертычный А.А. Жанры периодической печати [Электронный ресурс].-URL: <http://evartist.narod.ru/text2/06.htm>(Дата обращения: 30.01.2024)
7. Фучик Ю. Избранное: в 2 кн.-Кн. 2.-М., 1983.-447с.
8. Шахиди Г.Г. Таджикско-русские литературные связи 20-30-х гг. в системе взаимодействия и взаимообогащения литератур народов СССР.-Автореф.дисс.на соискание уч. степ. к.ф.н.-Душанбе, 1988.-20с.

ЖАНР КРИМИНАЛЬНЫХ ПОВЕСТЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ А.ХАМДАМА (СБОРНИК «ВТОРОЙ МУЖ»)

Медынина Мария Александровна

преподаватель кафедры мировой литературы
Российско-Таджикского (Славянского) университета
Тел.: (+992 37) 44-620-42-10

Аннотация: В статье на основе анализа повести «Второй муж» из сборника А.Хамдама с одноимённым названием показаны художественные особенности анализируемого произведения, своеобразие творческой манеры писателя, а также обосновано его жанровое определение как антидетектива.

Ключевые слова: А.Хамдам, криминальные повести, «Второй муж», антидетектив, жанровое своеобразие.

Книга А.Хамдама «Второй муж» была опубликована в типографии «Шарқи озода» в 2002 году с жанровым обозначением - «повести». Книгу составили такие повести, как «Второй муж», «Месть», «Масхарабоз». Кроме того, издание опубликовано с предисловием переводчика - писателя Л.Чигрина. В нём Л.Чигрин – писатель и переводчик – говорит о реальной основе составляющих книгу повестей, обосновывает причина обращения Ато Хамдама к криминальной прозе: «Жанр криминальных и детективных повестей, который сегодня разрабатывает писатель, не случаен в его творчестве. Мы все переживаем нелёгкие дни и этот жанр в наибольшей степени даёт возможность осмыслить перемены, происходящие в обществе, в увлекательной и доступной форме рассказать о них»[5, 3].

Приступая к анализу сборника, следует отметить, что две повести – «Месть» и «Масхарабоз» - прямого отношения к криминальной прозе не имеют. Повесть «Месть» представляет собой небольшое произведение исповедального характера. В нём герой-рассказчик Алишер Саломов рассказывает о своём «преступлении» - супружеской измене, которая стала и мотивом мести для его супруги. Но повесть нельзя отнести к криминальным, поскольку нет жертвы преступления, никто трагически не погиб и не пострадал.

Повесть «Масхарабоз» представляет собой рассказ о киномеханике Муродали, о драме в жизни двух любящих людей, о чувстве собственного достоинства. Преступления сюжет повести не содержит, хотя есть психологический момент соблазна совершения преступления. Но автор показал, как герой с достоинством проходит это жизненное испытание. Таким

образом, нам следует говорить о жанровой трансформации жанра детектива в таджикской русскоязычной криминальной прозе, почвлении так азываемого «антидетектива», либо указанные повести включены в сборник по иным мотивам.

Повесть, по которой дано название книге - «Второй муж», состоит из десяти частей и написана в 1999-2001 годы. Место действия - Душанбе. Действие происходит где-то в 90-х годах XX века после гражданской войны. Реальность описываемых событий подчёркивается их широкой известностью вариантов, которые «можно было услышать на автобусных остановках и в магазинах, на скамейках, где собирались по вечерам досужие жильцы микрорайонных многоэтажек, и просто так, во время случайных встреч давних знакомых на городских улицах»[5, 6].

Главной героиней является двадцатипятилетняя Адолат Джумаева, служащая банка и проживающая с матерью Сурайё Джумаевой «в маленькой двухкомнатной квартире на окраине города».

Адолат, работающая, стойкая и некапризная, непривередливая девушка: у неё есть жених, «...и красивая, и молодая, и образование получила, и любовь такая, о какой только в книгах пишут»[5, 8]. Жених, действительно, под стать Адолат – с высшим образованием, трудолюбивый и совестливый.

Завязка начинается с момента неожиданного знакомства с «Хайдаром-боксёром» - мужчиной «средних лет, плотного телосложения, скорее даже толстый, в явно тесном ему коммуняжном костюме. Во внешности незнакомца было что-то кабанье: торчащие, как щетина, короткие, чёрные с проседью волосы, жирный загривок мешал свободно поворачивать голову. Но неприятнее всего был взгляд холодных, презрительно прищуренных глаз»[5, 9]. Известный своим хамством, «Хайдар-боксёр» явился свататься к Адолат. Прозвище он получил за перебитый в давней драке нос. Как оказалось, он около месяца выслеживал Адолат и теперь пришёл ей сказать, что выбрал её своей женой, потому что ему «нужна жена, которая бы соответствовала моему городскому положению. Была бы умная, грамотная, могла принять гостей, поддержать с ними разговор. Тогда бы мои многие дела решались быстрее»[5,12]. Он вёл себя бесцеремонно, несмотря на то, что уже был женат. Как было тогда модно, он предложил Адолат стать его второй женой.

Адолат и её подоспевший вовремя муж дали бандиту отпор: «Акбар смотрел на мясистое лицо Хайдара-Боксёра, перебитый нос, грубо скроенную фигуру, обтянутую выгоревшей на солнце коммуняжной формой, и думал, что вот такие наглые невежественные люди, не имеющие никаких нравственных норм и принципов, присвоили себе в последнее время право распоряжаться

человеческими судьбами, диктовать окружающим свою волю, грубить и унижать их, не получая при этом никакого отпора»[5, 15-16].

Так образом, постепенно ярко обрисованный образ Хайдара-Боксёра перерастает в типический для 90-х годов XX века тип боевиков, которые «единственным аргументом во всех возникающих конфликтах ... считали автомат, и, не задумываясь, пускали оружие в ход. Они сеяли страх вокруг себя и обильными всходами на пашне беспредела были вседозволенность и наглое попираание любого противодействия»[5, 16].

При этом следует отметить, что достоинство писателя в том, что он мастерски раскрывает причины поведения типичного боевика того времени: «Хайдар-Боксёр не сводил мрачного взгляда с лица высокого и симпатичного парня, сидевшего чуть поодаль от него на диване, и размышлял о своём. Он думал, что вот таким красавцам всё в жизни достаётся без труда. У них и образование, и лёгкая жизнь, и даже девушка, которая так понравилась Хайдару и которая брыкается, как плохо связанная овца, сама упала в руки этого пижончика подобно вызревшему яблоку. Через сколько смертей и тягот пробился он, Хайдар-Боксёр, к вершине занимаемого сейчас положения и как трудно удерживаться на ней, а этот олуфта, никогда не знавший мозолей на руках, через год-другой будет бегать в каких-нибудь начальниках и жить в своё удовольствие, срывая цветы наслаждения и обеспеченности там, где никогда ничего не сажал»[5, 16].

Кроме того, достоинство повествователя в психологическом обосновании поведения типичного бандита 90-х годов. Такие выражения, как «овца», «вызревшее яблоко» показывают изменчивость чувств и желаний, скудность словарного запаса и пренебрежительное отношение к людям. По наблюдениям Аминова А.С., «агар шахс гуфтугӯи чинояткоронро гӯш андозад, бидуни тавзеҳу шарҳ аз ин гуфтӯ чизеро фаҳмида наметавонад. Зеро чинояткорон барои пӯшидан ва пинҳон намудани мақсаду мароми асосии худ бо лафзи ба гуруҳи худ маълум гуфтугӯ мекунанд, ки дар забоншиносӣ ин тарзи гуфтор бо истилоҳи “жаргон» маълум аст»[1, 69].

Кульминационным моментом этой встречи явилось смелое предложение Адолат, чувствующей за собой правоту, Хайдару-Боксёру стать её «вторым мужем»: «Ну если есть вторые жёны, почему бы не быть второму мужу? – девушка говорила решительно и твёрдо. – Вы сами, Хайдар-ака, сказали, что вам нужна такая женщина, как я, для различных представительских дел. Что же, я согласна. Но вы не нравитесь мне, как мужчина, кроме того, у меня есть первый муж. Нужное решение лежит, как говорится, на поверхности. Приглашаем муллу, он совершает «никох» и мы все вместе селимся в вашей

большой квартире...»[5, 18-19]. Эти слова Адолат настолько разозлили боевика, что он тут же поклялся отомстить ей.

С главы второй писатель подробно излагает, как Хайдар-Боксёр со своими подельниками хладнокровно и безбоязненно реализует план мести. В четвёртой главе А.Хамдам даже описывает в деталях этот план: «Мечь отвергнувшей его Адолат была тщательно продумана и осуществлялась планомерно. Лишив девушку нравственной опоры в виде матери и заставив сильно переживать, Хайдар-Боксёр полагал, что она в конечном итоге поймёт, что бороться ей с таким противником не по силам и, в конечном итоге сдастся и примет его условия. Только жениться на ней он больше не собирался. Она будет его наложницей, как во дворце бухарского эмира, будет исполнять все его прихоти, а там, натешившись ею, он передаст её своим телохранителям, Пузырю или Калламушу, кому она придётся больше по нраву. А захотят, пусть тешатся ею вдвоём. В своём озлобленном воображении Хайдар-Боксёр рисовал картины сладостной мести, одна другой прекраснее, но при этом события не форсировал»[5, 30].

Далее автор воспроизводит типичную для 90-х годов XX века ситуацию: Акбар выезжает по делам в Россию, предварительно попросив Бахтиёра - соседа Адолат - носильщика на железнодорожном вокзале, позаботиться о его жене и теще.

При этом оговоримся, что Бахтиёр – неоднозначный герой. Традиционно в криминальной прозе персонажи шаблонны и не эволюционируют. Однако в анализируемой повести потихоньку спивающийся бывший зек Бахтиёр мотивированно, но неожиданно для читателя меняет сознание и изменяется в лучшую сторону благодаря трагедии, произошедшей с матерью Адолат. Бахтиёр решается восстановить справедливость и наказать виновных: «Бахтиёр говорил жёстко и грубо. Мать слушала его с изумлением и не сводила глаз с посуровевшего лица сына. Несмотря на его пьянки и историю с колонией, он всё казался ей ребёнком, которого нужно защищать и оберегать от суровой и непонятной жизни. Этим утром он предстал перед ней в новом качестве – в облике мужчины, который уверен в себе и, действительно, может оказать содействие попавшим в беду людям. И мать почувствовал уважение к сыну и в тоже время будто какая-то тяжесть свалилась с её плеч. Эту тяжесть она ощущала долгое десятилетие, с того дня, когда умер её муж, и ей одной пришлось растить сына. Теперь в доме появился мужчина и слёзы облегчения выступили на её глазах»[5, 28].

Особенностью анализируемой повести является резонёрство персонажей. Зачастую писатель вкладывает осуждение описываемых событий или героев

устами других героев, как и в случае с Бахтиёром: «- И что? – глухо осведомился Бахтиёр. Мать махнула рукой.

- А то, что никого и ничего не нашли. Да и кого милиция сейчас находит. Одного за другим вон каких людей в городе убивают и никакого движения. В газете разве напишут. И всё на этом»[5, 27].

Сказанное матерью подтвердилось позже, когда Адолат рассказала о притязаниях Хайдара-Боксёра следователю городской прокуратуры Партоеву, который «только иронически улыбался и обронил фразу о том, что чем уважаемее и богаче человек, тем больше у него недоброжелателей. Адолат поняла, что справедливости добиться у слуг Закона ей будет невозможно»[5, 29].

А Хайдар-Боксёр продолжал осуществлять план мести самые неожиданными приёмами: разыскал отца Адолат и обманным путём заставил помочь украсть её.

Как уже было отмечено выше, особенность повести в трансформации образов. Читатель наблюдает и происходящие изменения с Хайдаром-Боксёром, которого уже называют Хайдар Мусоев, ведь он «почтенный и уважаемый всеми бизнесмен». Писатель саркастичен, ведь бизнес Хайдара - наркоторговля: «Главной же сферой его «благородного труда» стали сбыт и распространение наркотиков. Не в масштабах ста-двухсот граммов, которые наркокурьеры пытаются провезти в своём желудке или других потаённых местах организма, за то торжественно ловятся сотрудниками правоохранительных органов в аэропорту или на вокзале и получают по шесть-восемь лет заключения в колониях. Нет, Хайдар Мусоевич осуществлял операции по переброске героина и других «порошков счастья» в объёмах десятков и сотен килограммов»[5, 31].

У него были долгосрочные планы, но дело с Адолат он предполагал довести до конца, «во-первых, это было занятие для души, тешило самолюбие всемогущего Хайдара Мусоева, стало вроде попутного хобби и, кроме того, все, кто знал почтенного бизнесмена, должны понимать, что слов он на ветер не бросает...»[5, 32].

Планы Хайдара были направлены и на Адолат, и на её супруга, который тем временем возвращался из Москвы с деньгами и надеждой поправить семейное положение. Подосланные Хайдаром боевики выбросили его из поезда, но по традициям детективного жанра он не погиб, ему помогли по-настоящему хорошие люди. А Бахтиёр тем временем предпринимал попытки спасти Адолат из рук Хайдара, но и сам попал в западню.

Вся натура боевиков 90-х годов раскрывается писателем в эпизоде упоения властью в офисе Хайдара: «...Хайдар подходил с одинаково меркой ко

всем людям, а, особенно, к женщинам. Всё продаётся и всё покупается, цинично полагал он. И потому, натолкнувшись на сопротивление девушки, которая, по его мнению, должна была бы просто обмереть от счастья, увидев, что её удостоил своим вниманием столь значительный человек, он потерял способность связно мыслить и готов был на любое злодеяние, лишь бы утолить свою месть»[5, 43].

Но сам А.Хамдам на стороне своих героев в подлинном смысле этого слова. Адолат, прыгнув с балкона седьмого этажа, разбивается насмерть. Однако, как и свойственно криминальной прозе, в милиции акт спасения девушки был описан совершенной иначе. Героиня выставлена воровкой и вымогательницей, проникшей вместе с Бахтиёром, этим «бомжем, падлой, вчерашним эком», в офис уважаемого человека. При появлении хозяина, она будучи «под уксусом» и забыв про седьмой этаж, бросилась с балкона. Бахтиёра обвиняли в пособничестве и требовали денег. Спасла его мать, прибежавшая в милицейский участок с соседками.

При этом следует подчеркнуть, что повесть «Второй муж» содержит признаки милицейского детектива, в котором представители правоохранительных органов показываются с негативной стороны. Примером этому является милиционер, кулаками выбивавший из Бахтиёра признание и вымогавший денег, а также вышеупомянутый следователь прокуратуры с фамилией Партоев, к которому после возвращения отправился Акбар.

Естественно, что супругу Адолат Акбару самому захотелось восстановить справедливость. Но автор показывает вполне правдоподобно, что и Акбар, и Бахтиёр, и все другие люди, находятся в ситуации, когда «вроде свобода, демократия, а прав у тебя ещё меньше, чем у зека в колонии. Любой боевик может тебя оскорбить и унижить без всяких последствий для себя, милиция вообще беспредельничает. А что делают гаишники? Для них человек за рулём, вроде дойной коровы»[5, 60].

При этом, опять таки в русле массовой литературы, к которой относится криминальная проза, автор показывает, что простые люди сильны духом. В таких эпизодах наблюдается некоторая тенденциозность. Так, когда Акбар приходит к Бахтиёру за помощью, он декламирует: «Я говорю о помощи по большому счёту. О таких понятиях, как честь, мужество, гордость. Их вытоптали в наших душах, а они нет-нет да и дают всходы. Мало того, не позволяют превратиться в ничтожество, настаивают, чтобы ты поднял голову. Со мной сейчас такое происходит. Короче, мне нужно достать оружие»[5, 62].

В этой связи следует отметить, что этот мотив возник в повести не случайно. Как отмечают исследователи, это 1990-е годы «с их атмосферой „вседозволенности, продажности и безнаказанности“ порождают героя нового

типа – одиночку, который своими силами пытается вершить справедливость, не становясь при этом на сторону ни силовых структур, ни преступного мира»[4, 29].

Акбар, в традициях криминального жанра, отомстил преступникам. Но средства массовой информации по-своему описали его действия и его самоубийство. Единственным объективным свидетелем всех совершённых в повести преступлений остался Бахтиёр – своеобразный резонёр. Это он философски размышляет о судьбе этого парня, прочитав статью в газете о том, «что Акбар убил «бескорыстного бизнесмена» и его телохранителей».

Но повествование продолжается, и у читателя появляется надежда на победу правосудия. Появившийся в гараже Бахтиёра незнакомый милиционер пытается разобраться во всём и восстановить честное имя Адолат и Акбара, ведь «есть и другие, такие же Акбары, которые пострадали от главарей всяких банд, различных мафиози, наркобаронов и так далее, мучаются и переживают свои обиды в глубине души. А они должны знать, что смутное время кончилось. Закон начинает главенствовать в Таджикистане»[5, 71].

Как показало исследование, повесть «Второй муж» резко отличается от двух других – «Мести» и «Масхарабоза». Объединяет их одно – мотив любви, мотив служения людям.

Повесть «Второй муж» схожа с указанными повестями наличием внутренних размышлений героев, авторских отступлений с негативной оценкой деятельности правоохранительных органов, действий преступников и пр.

Сосредоточение А.Хамдама на этической проблематике позволяет говорить о выходе писателя за пределы жанра детектива с его концентрацией на преступлении и его расследовании, а также на причинах совершения преступления.

В анализируемой повести имеются элементы так называемого «антидетектива», а именно отсутствие тайны преступления, известность преступника и жертвы. Это же относится и к повестям «Мечь» и «Масхарабоз».

Как отмечается в научной литературе, «антидетектив – детектив с нарушением традиционной схемы сюжета. В таком произведении преступник может быть известен читателю с самого начала повествования, тогда акцент смещается на проблему: будет ли он пойман, наказан или избежит наказания; кто кого перехитрит: сыщик преступника или преступник сыщика. Возможен другой вариант развития сюжета: акцент перенесен на жертву, которая в классическом детективе является второстепенным персонажем, в антидетективе становится главным действующим лицом, от ее имени может идти повествование, а само преступление перенесено в конец произведения, тогда

сюжет сосредоточен на осмысление будущей жертвы происходящего. Антидетектив обычно заканчивается поражением или гибелью главного героя. Д. Чейз, С. Жапризо, Буало-Нарсежак»[2, 60-61].

Именно перенесение акцента на жертву позволяет нам отнести повести из сборника «Второй муж» к жанру антидетектива. Так, Муродали – герой «Масхарабоза» - и его возлюбленная – жертвы обстоятельств и человеческих отношений. Мотивы преступлений в виде внешней формы психологизма раскрываются самим А.Хамдамом, преступники, пусть и не состоявшиеся, как Муродали, в них остаются не пойманными.

Кроме всего прочего, в повести «Второй муж» отсутствует традиционное расследование, автор сам описывает разворачивающееся преступление и варианты его раскрытия. Автора интересует механизм действия представителей преступного мира.

Литература:

1. Аминов А.С. На пути к совершенству: сборник статей к 70-летию Азима Садыковича Аминова / А.С. Аминов.-Душанбе: РТСУ, 2021.
2. Жиркова, М. А. Жанровые разновидности детектива (Опыт словаря) / М. А. Жиркова // Art Logos. – 2018. – № 2(4). – С. 58-70.
3. Кириленко, Н. Н. К вопросу об "антидетективе" / Н. Н. Кириленко // Новый филологический вестник. – 2009. – № 1(8). – С. 16-31.
4. Федунина О. О некоторых тенденциях развития и изучения криминальной литературы в современной России (краткий обзор) // https://www.researchgate.net/publication/356996534_
5. Хамдам, А. Второй муж / А.Хамдам.-Душанбе: Шарки озод,2002.-115с.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ХОДЖИ НАСРЕДДИНА В ТВОРЧЕСТВЕ Т.ЗУЛЬФИКАРОВА

Холназарова Радмила Геннадьевна

преподаватель кафедры педагогики, психологии и методики
преподавания факультета русской филологии, журналистики, медиатехнологий
РТСУ

Тел.: (+992) 901 00 60 13

E-mail: xolnazarova347@bk.ru

Русакова Марина Васильевна

кандидат филологических наук,

доцент кафедры мировой литературы

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

E-mail: rusakova-74@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с изменениями, которые претерпел образ Ходжи Насреддина в поэмах «Первая любовь Ходжи Насреддина», «Возвращение Ходжи Насреддина», в книге «Золотые притчи Ходжи Насреддина» Т.Зульф리카рова. К образу Ходжи Насреддина автор обращается на протяжении всего своего творчества. Он слился со своим любимым героем, поэтому и появляется в его произведениях образ Ходжи Зульф리카ра, старого дервиша, аскета, суфия. Так в «Золотых притчах...» отражены размышления самого автора о себе, своём возрасте, своей творческой деятельности, судьбе поэта. Ходжа Насреддин выступает здесь лирическим героем Зульф리카рова.

Тимур Зульф리카ров использует образ Насреддина для собственной оценки происходящего. При этом так же, как меняется сам автор на протяжении всей своей жизни, так меняется и его герой. Если в начале поэмы перед нами доверчивый романтик, то к концу поэмы это уже не беспечный юноша, а человек, который делает свой выбор и встаёт на Великий Шёлковый путь, путь избранных, Великий Путь борьбы со злом.

Ходжа Насреддин Т.Зульф리카рова продолжает традиции героя Л.Соловьёва: поиски самого себя, смысла жизни, борьба за торжество правды, справедливости, добра, мира. Однако, если герой Л.Соловьёва уже в зрелом возрасте, то герой Т.Зульф리카рова - молодой человек, умудрённый опытом.

В произведениях Т.Зульф리카рова сохранены некоторые черты и фольклорного образа Ходжи Насреддина, всеобщего любимца и остролова.

Автор не даёт нам полного портрета героя, его Ходжа Насреддин многонационален. В нём удивительно сочетаются молодость и мудрость, нетерпение несправедливости и вера в добро, прозаическая жизнь дервиша и поэтические раздумья, гневные обличения и лирические излияния. Всё это делает образ Ходжи Насреддина в произведениях Т.Зульф리카рова живым, колоритным, исполненным большого смысла. Это образ собирательный, неповторимо своеобразный, а значит, глубоко реалистичный.

Ключевые слова: лейтмотив, притча, образ Ходжи Насреддина, диалогия, поэтический язык, художественные тропы, синтаксические фигуры, характер, хронотоп, мотив странствия, фольклорный герой, тема.

К образу Ходжи Насреддина Т.Зульф리카ров обращается на протяжении всего своего творчества. Посредством данного образа он освещает различные события, явления, происходящие в мире. Как отмечает Г.Б. Соколова, *«Насреддин Т.Зульф리카рова никогда не обращается к абстрактным проблемам, все темы его притч пережитое и настоящее. Герой реагирует на событие, будь оно хорошее или плохое»* [4, с. 76].

Тимур Зульф리카ров обратился к образу Ходжи Насреддина уже в самом начале своего творчества. Так, в 1976 г. публикуется его поэма «Первая любовь Ходжи Насреддина». Одним из своих учителей писатель считает Леонида Соловьёва, который написал дилогию о Ходже Насреддине, рассказывающую только об одном периоде жизни героя. И если у Л.Соловьёва Насреддин показан зрелым человеком, то Ходжа Насреддин в поэме Т.Зульф리카рова - это *«юный герой, отрекающийся от своей первой любви, чтобы избрать путь борьбы со злом, борьбы за счастье обездоленных»* [4, с. 73]. Оба эти писателя, как подчёркивает исследователь Соколова Г.Б., отошли от канонического образа фольклорного героя, но в отличие от Л.Соловьёва, Т.Зульф리카ров попытался по-иному изобразить народного любимца [4, с. 73].

Повествование в поэме «Первая любовь Ходжи Насреддина» ведётся от первого лица. Сам Насреддин, в пору своего становления мужчиной, рассказывает о себе, о своих родных в промежутках между лирическими излияниями, в которых он рассуждает о вечности, о смертности людей. Насреддин показан подростком, умудрённым опытом. Так, спасая старика от индийской кобры, он не позволяет убить змею, поясняя: *«Ведь это мы пришли в её жилище – и мы же хотим её убить. Разве это справедливо? Если бы она заползла в наш дом – тогда мы должны были её убить, но здесь её дом, её ущелье. А мы пришельцы... Мы её гости... Разве гость должен убивать хозяина?»* [1, с. 109]

Однако в некоторых местах поэмы он видит себя как будто со стороны. Так, будучи влюблённым в Сухейль, он описывает себя со стороны, как незнакомца, чтобы показать, как изменило его знакомство с этой девушкой: *«Какой-то человек в старом ярком отцовском праздничном чапане. Чапане жениха, в выцветшей ферганской лазурной тюбетейке, в стоптанных сапогах-чарогах из сагры, начищенных, однако, нутряным салом до блеска, идёт, бредёт по кишлаку...»* [1, с. 140]

Насреддин, взращённый бедняками, очень образован. Он цитирует Усаму ибн Мункызы, шейха Унсури, Руми, Саади. Он сам является поэтом, потому что всё, что с ним происходит, он описывает поэтическим языком, изобилующим различными художественными тропами и синтаксическими фигурами.

Примечательно то, что ни в одном из произведений, где фигурирует Насреддин, Зульфикаров не описывает его портрета, словно соблюдая фольклорную основу образа, ведь фольклорный Насреддин многонационален. В «Первой любви» известно, что у Насреддина *«шалые, смелые глаза»*, которые *«невинно и ясно глядят на старого бека»* [1, с. 113], он *«...молодой. Вольный. Худой. Долгий, сутулый, потому что с детства привык он работать топором и кетменём»* [1, с. 114]. Чувствуя за собой правду, он улыбается. Так же, как и Насреддин Л.Соловьёва, он разговаривает со своим ослом, как с другом.

В этой поэме показано становление характера Насреддина, определение его жизненного пути. Насреддин изображён в период пограничного состояния между детством и юношеством, *«на том стартовом жизненном этапе, когда формируется личность с её индивидуальным нравственным и духовным миром. Т.Зульфикаров в своих поэмах создаёт образ конкретного героя и вместе с тем народный характер, в котором читатель может проследить духовное становление народного любимца»* [6, с. 8].

Если в начале поэмы он доверчивый романтик, то к концу поэмы перед читателем уже не беспечный юноша, а зрелый человек, *«хоть и юных лет, осознанно воспринимающий мир и пытающийся найти выход из беспросветного существования, которое ожидает его в будущем»* [10, с. 74]. Выход Насреддину подсказывает слепой дервиш: *«Ты иди к людям!.. Ты носи мое слово!.. Слово Правды!.. и не бойся палачей!.. Что они могут сделать?.. Только выколоть глаза... Только отрезать голову... И всё!.. Какая малость, сынок!.. Душу-то они не выколуют... не отрежут... Иди, сынок!.. Иди на Великий Шёлковый Путь!.. На Великий Путь борьбы со злом!.. Оставь малые тропинки и дороги и иди на Великий Путь...»* [1, с. 181]. Таким образом, как подчёркивает Томилова Н.А., *«хронотоп Великого Пути, куда выходит герой, явно показывает, что он и сам становится дервишем, бродягой, поэтом – эти слова синонимичны в авторской картине мира»* [8, с. 86-87].

Т.Зульфикаров ставит своего героя перед выбором: остаться с любимой девушкой, которой он обещал вернуться, или отправиться по Великому Шёлковому Пути. Насреддин выбирает второе. Великий Шёлковый Путь в данном случае - это путь избранных, тех, кто осознал: *«Вначале было Слово: Слово мудрости, истины»* [7]. Здесь Т.Зульфикаров продолжает мотивы странствия, жизнелюбия, поиска правды, характерные для творчества Леонида Соловьёва, указанные в предыдущей главе: *«Дорогу осилит идущий...»* [7].

Выбор Насреддина обусловлен тем, что Великий Шёлковый Путь манил его с детства, по нему он часто мечтал убежать из дома. От отца Насреддин узнал, что Мустафа-ака и Ляпак-биби нашли его у реки Амударьи на Великом Шёлковом Пути. Он завернут был в яркий хорасанский дастархан. Рассказ приёмных родителей Насреддина наводит на мысль, что у героя Т. Зульфикарова, всё-таки в некоторой степени придерживающегося фольклорных мотивов, нет национальности, ведь Добро, Правда, Справедливость, Мудрость - категории общечеловеческих ценностей: *«Кто ты? - рассказывал отец Насреддину. - Индус?.. Перс?.. Узбек?.. Таджик?.. Киргиз?.. Грек?.. Иудей?.. Араб?.. Турок?.. Так и не знаю... Велик и многоязык неоглядный базар народов, проходящих по Великому Шёлковому Пути... Так и не знаю - кто ты?.. »* [1, с. 185].

В этой связи хотелось бы отметить некоторое сходство зульфикаровского и соловьёвского Насреддина, подчёркивающее преемственность Т.Зульфикарова в изображении Ходжи Насреддина. Леонид Соловьёв затрагивает один из самых насущных вопросов, волновавших человечество всегда. В чём смысл бытия? Каково предназначение человека на Земле? *«И каково моё предназначение?»*, - спрашивает Насреддин из «Очарованного принца».

Долгим тернистым путём ведёт автор своего героя к постижению веры. Много соблазнов на этой дороге, немало переулков, уводящих в сторону. Введением в повествование образа старца из «Тайного братства Молчащих и Постигающих, или иначе – Звездно-странственных дервишей», Л. Соловьёв ещё более усложняет поиски Насреддина своей веры. В этой связи хотелось бы отметить, что Зульфикаров унаследовал соловьёвского Насреддина не из первой части «Возмутитель спокойствия», а из второй - «Очарованный принц», где Насреддин также встречается с нищим дервишем, где повествование полно раздумий о судьбах мира и собственной судьбе.

Почти бесплотный, фанатично преданный Всевышнему, соловьёвский старик при помощи искусных словесных переплетений всё время пытается оторваться от земных радостей. На первый взгляд, он не говорит вроде ничего предосудительного, более того, иные его утверждения только поддерживают мысли Насреддина. *«Познай свою веру, и тьма станет для тебя светом, ...*

будущие радости века земли принадлежат деятельным..., которым и предстоит окончательно сокрушить земное зло...» [7]. Он посылает Ходжу отобрать озеро у Агабека и тем самым утвердить закон деятельного добра. Но вот сначала робко, а потом все сильнее и твёрже звучит голос старца о том, что всё это *«касается лишь земного воплощения»*, что душа бессмертна и по истечении земного срока она переселяется в иное высшее бытие и иные миры, где их *«достигает должной степени совершенства»* [7].

Здоровой человеческой природе соловьёвского Насреддина непонятны эти туманные рассуждения, они неприемлемы для него, неприемлемы и неосуществимы. Так, может быть, незаметно для самого автора, встаёт в книге ещё одна тема, тема утверждения жизни только деятельным добром, только коллективно и только на земле. Человек живёт для людей, и люди живут для него. Великая Жизнь побеждает второй раз на страницах «Повести», побеждает в выигранном Ходжой Насреддином споре со старцем, побеждает в найденной вере героя. *«И переполненный порывом, восторгом и беспредельной любовью живого мира к себе, сливаясь со всем сущим вокруг, но, не растворяясь в нём и сохраняя себя, - он шагнул в одно из тех драгоценных мгновений, что соприкасают человека с великим и вечным круговоротом жизни, куда смерти доступа нет и не будет»* [7].

Однако нельзя не сказать ещё об одной важной теме, которая затронута в «Повести». Это тема доверия к людям, воплощённая в дружбе Насреддина с вором. Ходжа твёрдо верит в хороших людей, от природы человеку даётся только хорошее, а всё плохое в нём – накипь.

Ходжа Насреддин избирает опорой своему духу доверие. *«Умей доверять – это величайшая из наук, потребных нам в жизни»* [7], – так говорил Насреддин, и в этом же стремится убедить нас автор. В «Повести», действительно, торжествуют доверие, добро, справедливость и жизнь.

Лейтмотивом творчества Т.Зульфикарова является извечная борьба добра и зла. Не обошёл он эту тему и в поэме «Возвращение Ходжи Насреддина», где в предельно обобщённом выражении противопоставлены *«Мудрец - добрый, умудрённый жизненным опытом и духовными достижениями веков Ходжа Насреддин, и Тиран - «повелитель мира», кровожадный Тимур. Причём в его поэме добро и зло имеют единое начало. Насреддин и Тимур - не только люди одной страны, но и выросли в одном кишлаке, они даже вскормлены одной женщиной»* [6, с. 11].

Т.Зульфикаров неслучайно свёл эти личности в своей поэме. С давних пор известны анекдоты о Тамерлане, в которых антиподом завоевателю является Насреддин.

Однако, в отличие от анекдотов в «Возвращении Ходжи Насреддина» показана «боль человека, истосковавшегося по родине, исстрадавшегося за неё, поэта непонятого и непринятого» [4, с. 75], Т.Зульфикаров показывает читателю всё увиденное, пережитое Насреддином, череду сомнений, терзаний, метаний на пути к добру. Ходжа Насреддин, избравший для себя путь бескорыстного служения людям, нередко отчаивается, страдая за свой беспредельно терпеливый народ. Так, например, герой с возмущением думает о дехканине, который покорно лежал на дороге и ждал, когда нукер амира придёт убивать его. В этот момент размышления Насреддина полны отчаяния: «Эй люди, правоверные! Чего молчите?.. Чего таите?.. Чего согнулись?.. Разве кто-нибудь когда-нибудь рождался с седлом на спине? Чего же вы?.. У вас глаза закрыты от страха, но души, но души можно закрыть?..» [1, с. 225].

На первый взгляд, кажется, что данная поэма сюжетно не связана с поэмой о первой любви Насреддина, потому что в первой же главе «Колыбель» Ходжа Насреддин говорит о себе: «..В двадцать лет Бог вселяет в человека любовь к женщине...И я не знал её..» [1, с. 197], а в главе «Кутлук» он вспоминает не Сухейль, а сестру Тимура Кутлук-Туркан-ага, в главе «Мамлакат-Кубаро» в старухе Мамлакат Насреддин узнаёт свою кормилицу. Однако Насреддин говорит и о том, что его не было в родном кишлаке сорок лет, с той поры, как он вступил на Великий шёлковый путь. Сорок лет он смеялся и смешил, но это не принесло ему счастья. Его лицо стало «морщинистым и желчным», ноги кривыми, худыми и пыльными, но он счастлив, потому что вновь вернулся на родину. Однако его душа уже не поёт, как в первой поэме, – она плачет от счастья.

Насреддин ощущает себя одиноким, «мухой в державе Джахангира тирана Амира Тимура» и, как и прежде, он улыбается, несмотря на то, что «сорок лет искал людей, я сорок лет искал ждал жаждал алкал их любви, я сорок лет отдавал людям свою любовь, свою жизнь, свою душу» [1, с. 207], «я тешил утешал я возвышал я поднимал людей, я был везде, и только Смерть опережала меня, ибо Она Хозяйка и Повелительница в стране моей!..» [1, с. 208].

В конце поэмы Тимур и Насреддин встречаются на берегу реки. Насреддин спасает тонущего тирана и тащит его через мост. И здесь на мгновение возвращается к нему мудрость с осознанием того, что Тимур пришёл в родной кишлак умирать, а Насреддин – жить, потому что у тирана «нет родины...<> есть Маверранахр, власть», а у Насреддина «...есть родина...Мой кишлак Ходжа-Ильгар малый...» [1, с. 302-303]. Мудрость опять покидает Насреддина оттого, что он попытался вернуться в прошлое, а на месте прошлого – кладбище, сотворённое руками Тимура: «А прошлое – это

кладбище?.. А родной кишлак – это кладбище? А родина моя – это кладбище, а я живой – а вокруг кладбище?..» [1, с. 305].

В этой связи следует отметить, что в данной поэме появляется мотив сна, одолевающего Насреддина временами, а также образ Ходжи Зульф리카ра, старого, «как древний ветхий миштый китайский карагач. Голова его наго выбрита. Борода и брови выщипаны...Нагой, как яйцо, старик...Суфий...Аскет...» [1, с. 279], которые пройдут лейтмотивом в «Золотых притчах Ходжи Насреддина» Т.Зульф리카рова».

В «Золотых притчах...» отражены размышления Тимура Зульф리카рова о себе, своём возрасте, своей творческой деятельности, судьбе поэта. Ходжа Насреддин выступает в этом сборнике лирическим героем Зульф리카рова, он выражает взгляды о политике, о сути человеческих взаимоотношений. Тимур Зульфикаров использует образ Насреддина для собственной оценки происходящего. Не желая брать на себя роль ментора, наставника, он отрекается от звания «Учитель» в притче с одноимённым названием, с другой же стороны, пытаясь объяснить абсурдность человеческих взаимоотношений, Зульфикаров показывает, что современные люди безрассудны, глупы, потому что Насреддин покинул их, как покинул он банкира «*вместе с вечной мудростью...*» в притче «Ходжа Насреддин и банкир».

Литература:

1. Зульфикаров Т. Поэмы странствий. - М.: Молодая гвардия, 1980. - 479 с.
2. Зульфикаров Т.К. Вечная любовь Ходжи Насреддина // Камень Апокалипсиса: Книга притч. - М.: Издательский дом «Хроникёр», 2003. -С. 257-268.
3. Зульфикаров Т.К. Золотые притчи Ходжи Насреддина (Алмазы мудрости и изумруды поэзии в золотом песке эротике) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru/view/1021598501/>
4. Соколова Г.Б. Образ Ходжи Насреддина в творчестве Т.Зульфикарова // Материалы XI Славянских чтений (апрель, 2007 г.). - Душанбе: РТСУ. -С. 72-77.
5. Соколова Г.Б. Эволюция художественных исканий в творчестве Т.Зульфикарова. - Диссертация на соискание уч. степ. к.ф.н. - Душанбе, 2006 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.dslib.net/literatura-mira/jevoljucija-hudozhestvennyh-iskaniij-v-tvorchestve-t-zulfikarova.html#1820522>
6. Соколова Г.Б. Эволюция художественных исканий в творчестве Т.Зульфикарова. - Автореферат на соискание уч. степ. к.ф.н. - Душанбе, 2006.

7. Соловьёв Л. Повесть о Ходже Насреддине [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=229205&p=1>
8. Томилова Н.А. Мотив дервишества в русской литературе (на материале творчества Сухбата Афлатуни, Тимура Зульфикарова, Александра Иличевского). - Диссертация на соискание уч. степ. к.ф.н. - М., 2014.

ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ПОЭМЕ МУМИНА КАНОАТА «ГОЛОСА СТАЛИНГРАДА»

Абдужалилова Наргиз

магистр 2 курса направления «Русская литература и сравнительное
литературоведение»,

Рахманов Бахтиер Рузикулович

Доктор филологических наук,
профессор кафедры мировой литературы.

Аннотация. Поэма Мумина Каноата «Голоса Сталинграда» посвящена теме Великой Отечественной войны и обороне Сталинграда в 1942-1943 гг. произведение представляет собой повествование (голоса) о героях Сталинградской битвы и тружениках трудового фронта.

Опорные слова: Таджикская литература, Мумин Каноат «Голоса Сталинграда», Великая Отечественная война, Сталинградская битва

Сталинградская битва (17 июля 1942 – 2 февраля 1943 годов) – одно из величайших сражений Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Захват Сталинграда позволил бы немецким войскам заблокировать и начать наступление на Кавказ. Но в боях за Сталинград армия захватчиков увязла, потеряв ударные подразделения. Ударами с флангов советские войска окружили немецкую армию. В конце немецкая группировка капитулировала. В боях за Сталинград немецкая армия потеряла до 500 000 солдат и офицеров. Пришло осознание победы Советского Союза. Героическая оборона Сталинграда, длившаяся около 200 дней, перемолола ударные соединения фашистской Германии и повлияла на ход войны. Миф о непобедимости немецкой армии перестал существовать, более того сами солдаты вермахта осознали начали осознавать, что война идет вспять. Именно от Сталинграда и Мамаева кургана начнется освобождение советских территорий от захватчиков.

Исторические события тех трагических дней отразятся в произведениях советских писателей – Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда», Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», Константина Симонова «Дни и ночи», «Солдатами не рождаются», Юрия Богдарева «Горячий снег», Василия Зайцева «За Волгой для нас земли не было».

К теме Сталинградской битвы обратился и Мумин Каноат в поэме «Голоса Сталинграда». «Создавая свои исторические произведения, поэт в течение долгого времени работал над документами центрального Архива Минобороны СССР и военных комиссариатов многих областей. Также состоялся цикл его встреч с непосредственными участниками Сталинградской битвы, другими воинами Великой Отечественной войны. В лице участников боёв он видел родных, близких ему людей. Он много беседовал со строителями монумента на Мамаевом Кургане, сам принимал непосредственное участие в строительстве» [1].

Условно можно разделить поэму на две части. Первая часть это воспоминания и дневник немецкого солдата. Вторая часть – это эпическое повествование о советских солдатах.

Выписки из дневника немецкого солдата от 26 августа отразили в полном объеме психологию захватчика. Уверенно двигалась немецкая армия, пользуясь вероломным нападением. Ошеломленный огромными просторами, богатствами лесов и полей, радовался немецкий солдат и был уверен, что земля достанется им.

5 сентября армия вермахта вышла к Волге, немцев ожидали жестокие бои, но враг уверен в победе. Он считает безумием советских солдат вести защиту города.

Через месяц, 14 октября, энтузиазм немецкого солдата исчез. Сто шагов до Волги немцы не могли захватить. «Русские не похожи на людей, они сделаны из железа, они не знают усталости, не ведают страха, не боятся огня» [2, с. 116]. Потери за несколько дней для немецкой армии превышали все представления. У фашистских солдат было ощущение, что эти бои они не выживут. И мечтой было ранение, что давала шанс эвакуироваться в тыл.

16 ноября немецкий солдат записал, что получил письмо из дома. В Германии население было уверено в скорой победе над Советским Союзом, считали падение Сталинграда проблемой нескольких дней. И ожидали победителей уже на Новый год дома в Германии. Но это было большим заблуждением. «Сталинград – это ад! Но даже если утром мы продвинемся на двадцать метров, вечером нас отбрасывают назад.. Физически и духовно один русский солдат сильнее целого нашего отделения» [2, с. 119].

19 ноября вражеский солдат окончательно осознал поражение и поражение в войне. «Колесо истории действительно движется. Только на этот раз прокатилось по нашим спинам» [2, с. 121].

23 ноября была запись о умении поражать врага советскими солдатами. Снайперы подстерегали немецких солдат и убивали меткими выстрелами. Бронебойщики уничтожали немецкие танки и бронетехнику. Один дом немецкие солдаты штурмовали пятьдесят восемь дней. Большие потери, холод, плохое снабжение приводило в уныние фашистов. «Никто из нас не вернется в Германию, если только не произойдет чуда. А в чудеса я больше не верю» [2, с. 121].

28 декабря сделаны записи о тяжелом положении немецкой армии – отсутствие продовольствия, повальном преобладании русской артиллерии. «Проклятье войне!». Эта война для фашистских солдат была вначале как легкая прогулка, но постепенно ожидание развлечения меняется жесткой реальностью, а потом осознанием поражения.

30 января автор строк записал неутешительную для себя новость. Немецкая армия попала в окружение. Она под непрерывном обстреле советской артиллерии и под ударами авиации. И остается фашистским солдатам верить в слова Геринга и Геббельса по радио о ожидаемой помощи, ожидая для себя неутешительного финала. «ходила бы с такой ожесточенностью» [2, с. 130].

Последняя запись сделана 31 января. «Фельдмаршал фон Паулюс в своем обращении – а может, и в завещании – препоручил наше будущее богу...» [2, с. 130]. На этом записи, как и жизнь немецкого солдата прерываются.

Эти записи из путевого дневника солдата вермахта чередуются в поэме с разделами произведения. Автор назвал разделы поэм Голосами, это монологи от действующих лиц, это герои повествуют о своей судьбе.

Первый Голос – это монолог Земли:

Мне тот, кто до конца не огрубел,

Дал имя: золотая колыбель.

Так называя землю, был он прав.

Я – колыбель [2, с. 112].

Земля не бездушна, по мнению автора поэмы, она радуется жизни и молодости, печалится от смерти. Земля чувствует людскую боль.

Народов на планете – без числа,

А это я –

Одна –

Их родила!

Я миллионы тайн открыла им,

Мечту и крылья подарила им.
Так и живу, себя другим даря.
И матерью зовут меня не зря [2, с. 113].

Расцвели цветы, позеленели поля – это плоды трудов людей: наливалась колосья урожая, но грянул гром. Вместо серпа земля увидела меч, повеял с запада ветер смерти.

Я – в кольце железа,
Войны
И огня.
Параллели сдавили меня, как тиски.
Тяготенье земное легло на меня
Океанами слез и горами тоски.

Я – живая земля.
Я – цветная земля [2, с. 114].

И обращается земля к людям: спасите меня, я как перевернутая колыбель, помогите мне.

Второй голос принадлежит реке. Волга отвечает матери земле.

Мама!
К воспаленным губам подступала волна.
Я река. Я тобою, земля, рождена.
На земле распахнулась, раскинулась я –
Дочь твоя.

А сегодня – солдатка твоя [2, с. 115].

Волга, наполняясь силой от множества родников, несла чистоту людям и утешение. Подобно земле, река сопровождала людей в радости и счастье. Но началась война, и река стала богатырем. Волга символ свободы и воли, она символ сопротивления.

Я – большая река.
Я не только река.
Будто грузчик, тружусь я в промерзших ночах.
Я снаряду и танки тащу на плечах.
Зубы сжав, я работаю.
Грозно молчу.
Отдыхать не хочу.
Пулеметные трассы безжалостны.
И братья падают навзничь в объятья мои.

Мертвых братьев своих не могу я спасти [2, с. 116].

Волга обращается к Земле, просит беречь свои силы. Обещает дать надежду от многочисленных родников, тепла от солнечных лучей. Призывает

восстать и наказать врага за горе и зло. Никогда ни земля, ни река не были рабами.

Третий голос – это рассказ о последнем бое Михаила Паникаха. Под Сталинград прибыли морские пехотинцы. После потерь боевых своих кораблей, моряки пошли в пехоту, чтобы бить врага. Об этом в насале третьей части поэмы.

Я встретился снова с тобою, большая река.
Вдохни в меня силы для боя, большая река.
Как жизнь, ты течешь.
Горделиво и мощно течешь.
Нигде не отступишь. С пути никогда не свернешь.
А я отступил. Приказало начальство мое.
Рожденный у самой воды, я ушел от нее,
Когда наш эсминец зарылся в кровавой волне.
И вечная слава ребятам, лежащим на дне [2, с. 117].

Михаила Паникаха выжил, перешагнул смерть, и теперь его место в бою за Сталинград. Моряк обращается к Волге не грозить холодом и глубиной вод. Герою надо перебраться через реку, чтобы защитить детей от врага. Услышав этот призыв, Волга приостановила быстрое течение. Маленькая полоска берега, которую защищали советские солдаты, обстреливали немецкие войска, танковые атаки следовали одна за другой.

Атаки, атаки.
Усталостью руки свело.
Какая сегодня погода? Какое число?
И снова – атака.
И нет никакого числа [2, с. 118].

Когда во время очередной вражеской атаки немецкий танк приблизился к окопу, Михаил приготовил бутылку с зажигательной смесью. Но во время взмаха руки пуля попала в бутылку. Герой вспыхнул, схватил вторую бутылку и выбежал горящим факелом навстречу танку и поджег его.

Последняя пуля за смертью фашиста ушла.
Осталась бутылка, в которой – горячая смесь.
Ну что же, товарищ, сверши справедливую месть...
Бутылка в руке взорвалась!
Пошатнулся матрос...
И вспыхнул над Волгою
костер в человеческий рост!
И возглас последний сгорел на губах у него.
И не было ночи.

И было – огня торжество!

И дымные руки над битвой огонь распростер.

И ринулся к вражескому танку высокий костер!.. [2, с. 118]

Как Данко, вырвавший сердце из груди и осветивший людям путь к лучшей жизни, так Михаила Паникаха своим огненным шагом в бессмертие вдохновил однополчан на победу.

Пред этим костром да погаснут все в мире огни!

Пред мужеством этим любая бравада мертва... [2, с. 119]

Четвертый голос повествует о подвиге связиста Матвея Путилова. В бою связь играет большую роль: это передачи координат противника для артиллеристов и авиации, указание и приказы начальства.

И перепахана земля.

И страшно на нее смотреть.

А снег уже темней земли!

А снег привык гореть...

И посреди такой зимы,

И посреди таких снегов

Лежат немые провода,

Как нервы армии и полков... [2, с. 119]

В бою во время отражение атаки врага обрывается взрывом связь. И связисты дан приказ восстановить связь. Под обстрелом Матвей Путилов ползет по открытому полю и ищет обрыв.

У батальона будет жизнь.

У батальона будет связь...

А взрывы – словно черный лес!

То – впереди, то – позади.

И пули – тысячами игл.

И очень горячо в груди!.. [2, с. 120]

Получивший ранение, связист находит оборванные провода. У героя не было сил связать их, поэтому он их сжал зубами. Умирающий Матвей Путилов дал связь.

Он в батальонных списках есть,

А в жизни нет его уже...

Но ожил мертвый телефон в дивизионном блиндаже!

Пообещал комбат держать захваченный вчера пленцдарм.

Потом начштаба говорил,

Потом – усталый командарм.

По проводу текли слова, полками двигали слова [2, с. 120].

А умирающий солдат обращается грядущему поколению: живите и радуйтесь жизни, влюбляйтесь и пойте, славьте светлую жизнь. Солдат отдал свою жизнь ради будущего мирного неба.

Голос пятый знакомит читателей с жизнью Робии и Ахмада. Счастливая и радостная жизнь многих семей остановила война. Женщины провожали мужчин на войну – жена прощалась с мужем, мать с сыном. Весенняя радость жизни сменилась страшным ожиданием.

Голос шестой это письмо Ахмада Турдиева, одного из бойцов дома Павлова. Этот дом в течении долгого времени удерживали советские бойцы под командованием сержанте Павлова. Он занимал выгодное положение, с него можно было наблюдать за врагом, поэтому немцы атаковали это укрепление долго, но не смогли захватить. И солдат в письме пишет о необычном происшествии. В подвале у гражданской женщины родилась девочка. Ее назвали Зиночкой, а Ахмад Турдиев назвал ее Зиндаги, что переводится Жизнь.

В этом доме, где столько раз все снарядами разметено,
В доме, где – по расчетам врага –
Быть живых уже не должно,
Есть любви высочайшей знак, есть грядущей жизни зерно.
Значит, все величье Земли в этом доме заключено! [2, с. 126].

О солдаты из подразделения Павлова держат врага и удерживают дом ради Зиночки, ради многих детей.

Голос седьмой говорит о печальной судьбе Робии. Она ждет мужа с войны, с нетерпением оживает писем-весточек. Эти строки о радостном ожидании: Робия ждет ребенка. Но ребенок родился мертвым. Упрекает войну героиня, которая лишила ее радости материнства.

Робия глядит в пустоту,
Словно в душу горькой земли.
Боль смертельная, острая боль – будто пуля в ее груди.
Вместо доброго молока – только слезы в ее груди..
Смерть ребенка так тяжела, так таинственна, так горька,
Так обидна она, хотя жизнь его – как жизнь мотылька.
Но обида за тех, кто ждал,
Ждал в заботах, письмах и снах...
Стонет женщина по ночам в четырех холодных стенах...
Дом пустой.
Колыбель пуста [2, с. 129].

Голос восьмой – это воспоминания командующего армии Василия Ивановича Чуйкова, который руководил обороной Сталинграда, когда решалась судьба будущего Советского Союза.

И вот – одинаковые, как смерть, –
Двести дней и двести ночей
Образовали тяжкую цепь
Для обуздания палачей!
Железным сделался человек,
Железными сделались берега.
Звенья этой огромной цепи,
Лязгнув, сошлись на горле врага!..
О мама!
В атаку пошли полки живых и мертвых твоих сыновей.
И очень скоро к тебе подполз
Уже обезоруженный, плененный зверь.
Родина, ты победила в войне
И продолжаешься в сыновьях... [2, с. 132].

Этот образ в поэме не случаен. Мумин Каноат познакомился с командармом во время подготовки к написанию своего произведения. «Затем они прошли по всем местам боевой славы города на Волге. Именно после этого у поэта появилась новая идея – посвятить главу под названием «Василий Иванович Чуйков» легендарному защитнику Сталинграда» [1].

Завершает поэму материнский голос, который называется «Над прахом детей». Автор посвятил матерям, чьи дети погибли в период Великой Отечественной войны.

О мама!
Я – должник твоих пронзительных волос.
И черного, как ночь, платка.
И вечных слез, прощальных слез.
Какое слово зазвучит из потрясенной немоты?
В соцветье траурных цветов родной цветок найдешь ли ты?
[2, с. 133].

Матери всматриваются в барельефы, высматривая в скульптурах лица своих сыновей. И эти слезы могли бы оживить их детей и вернуть из небытия. Но дети этих матерей там на войне, они занят боем, он бессмертен. И матери стали бессмертными. Матери слились с облаками, они выше небесных богов.

Идут года, в песок стираются горы, а матери ожидающие сыновей с войны стали символом Любви и Веры.

А ты незыблема, как жизнь.
И как она – бессмертна ты!
Я положу к твоим ногам ступеньки благодарных строк.
Все то, что я успел понять.

Все то, что я увидеть смог [2, с. 136].

Поэма «Голоса Сталинграда» стала песней воспевающей героев Великой Отечественной войны. «Каждая буква, каждая строка этой поэмы получила высокую оценку ведущих литераторов и ученых-историков...» [1].

Народы Советского Союза вместе выступили против фашистских захватчиков, отстаивали свою жизнь и свободу. Вместе внесли большой вклад в освобождении Европы от фашизма. И начало этой победы от реки Волги и от окраин Сталинграда.

Литература

1. Варка Зайниддинов. Великая победа памяти советского поэта Мумина Каноата [Электронный ресурс] / Варка Зайниддинов. Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/velikaya_pobeda. Дата обращения: 10.04. 2023.

2. Каноат, М. Избранное: Стихотворения. Поэмы. / Мумин Каноат. – М.: Худ. лит-ра, 1984. – 191 с.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ВОСПРИЯТИИ В.НАБОКОВА

Абдуллаева Азиза

магистрант 1 года обучения кафедры мировой литературы факультета русской филологии, журналистики и медиатехнологий РТСУ

Ахтамова Мунира Усмановна

Кандидат филологических наук,

доцент кафедры мировой литературы

Российско-Таджикский (Славянский) университет

ул. Мирзо Турсун-заде 30, 734025 Душанбе, Республика Таджикистан

Аннотация: В статье рассматривается петербургский текст в малой прозе В Набокова. Проанализированы рассказы, написанные в эпистолярном жанре, такие как «Письмо в Россию», «Адмиралтейская игла». Обращается внимание на то, что их объединяет, не только жанровое сходство, но и общность тематики рассказов: ностальгия по прошлому, любовь к России, воспоминания о Петербурге и о первой любви.

Величавая северная столица, город Санкт-Петербург, с момента своего основания, отличался от других российских городов, став впоследствии символом кардинальных перемен и грандиозных свершений.

Учёный-литературовед В. Топоров в своей работе «Петербургский текст русской литературы» отмечал: «...Тема Петербурга мало кого оставляет равнодушным. Далёкая от того, чтобы быть исчерпанной или окончательно решённой, она характеризуется особой антитетической напряжённостью и взрывчатостью, некоей максималистской установкой как на разгадку самых важных вопросов русской истории, культуры, национального самосознания, так и на захват, вовлечение в свой круг тех, кто ищет ответ на вопросы» [5, с.259]. В.Топоров упоминает писателей и поэтов, являющихся мастерами в создании петербургского текста, их имена и произведения нельзя представить без упоминания этого города.

Такой Петербург есть и у В.Набокова. В творчестве писателя Петербург часто выступает в качестве фонового элемента или символического образа. Он упоминается в его романах «Защита Лужина» и «Приглашение на казнь», где автор описывает город как зловещее и загадочное место, полное тайн и опасностей. В своих произведениях В.Набоков часто использует Петербург как источник вдохновения и место действия для своих персонажей. Он описывает город с любовью к его истории, архитектуре и образцам поведения. В своих романах он создает неповторимый образ Петербурга, который становится неотъемлемой частью его произведений. Петербург для Набокова – это не просто место действия, а особый символ, который отражает его собственные мысли и чувства. В его произведениях город становится метафорой для личных переживаний и внутренних конфликтов героев.

В произведениях В.Набокова прослеживаются два облика Петербурга - это город счастливого детства, райский уголок, второй – послереволюционный город, который ассоциируется В.Набоковым как «адское подземелье». «Потерянным раем» Россия стала для многих писателей-эмигрантов, которые не приняли власть большевиков и были вынуждены покинуть родину.

Для В.Набокова Петербург – это кусочек «потерянного рая», к которому он будет вновь и вновь возвращаться из других берегов. Посвящать этому городу стихи и прозу. Его автобиографический роман не случайно назван «Другие берега».

Следовательно, образ Петербурга, воспоминания об этом городе в творчестве писателя образуют набоковский петербургский миф.

В статье мы рассмотрим особенности «петербургского текста» в малой прозе В Набокова на примере двух рассказов.

Анализируемые нами рассказы относятся к эпистолярному жанру, данный жанр нехарактерен для творчества В.Набокова. Рассказы «Письмо в Россию» и «Адмиралтейская игла», объединяет не только жанровое единство, но и общность тематики рассказов: возвращение в прошлое, ностальгия по родному городу, любовь к России.

Несмотря на то, что рассказ «Письмо в Россию» (1929) критики относят к раннему творчеству В.Набокова, в нем уже чувствуется рука мастера, тонкого лирика и психолога, передающего внутренний мир, «диалектику души» героя. Рассказ написан в форме письма, повествование ведется от первого лица – это обращение к любимой девушке. Адресатом письма является возлюбленная из далекого прошлого писателя. Это была Валя Шульгина, первая пылкая, юношеская любовь автора, ее образ неоднократно будет возникать как в лирике, так и в прозе В.Набокова. Их разделяет не только время, но и расстояние. Герой живет в Берлине, девушка – в России. Они не виделись более восьми лет. Название рассказа на первый взгляд не имеет отношения к основной теме рассказа и к адресату письма, но тем не менее, анализируя рассказ, мы понимаем, что заголовком писатель обозначил свою душевную тоску по России, то, что стало основной темой творчества В.Набокова периода эмиграции. Именно тоска становится лейтмотивом рассказа и тревожит больше всего автора письма. Он вспоминает морозное петербургское утро. Происходит перемещение во времени и пространстве, названное М.Бахтиным хронотопом. Читатель оказывается в дореволюционном Петербурге, в музее Суворова, затем в Таврическом саду. Прошлое никак не отпускает героя, хотя сам он не желает вспоминать его:

«Странно: я сам решил, в предыдущем письме к тебе, не вспоминать, не говорить о прошлом, особенно о мелочах прошлого; ведь нам, писателям, должна быть свойственна возвышенная стыдливость слова, а меж тем я сразу же, с первых же строк, пренебрегаю правом прекрасного несовершенства, оглушаю эпитетами воспоминание, которого коснулась ты так легко» [1].

Далее мы возвращаемся в холодный и чужой для автора Берлин:

«В сыром, смазанном черным салом, берлинском асфальте, текут отблески фонарей; в складках черного асфальта – лужи; кое-где горит гранатовый огонек над ящиком пожарного сигнала, дома – как туманы, на трамвайной остановке стоит стеклянный, налитый желтым светом, столб,- и почему-то так хорошо и грустно делается мне, когда в поздний час пролетает, визжа на повороте, трамвайный вагон – пустой: отчетливо видны сквозь окна освещенные коричневые лавки, меж которых проходит против движенья, пошатываясь, одинокий, словно слегка пьяный, кондуктор с черным кошельком на боку.

Странствуя по тихой, темной улице, я люблю слушать, как человек возвращается домой» [1]. Автор письма рассказывая и рассуждая на отвлеченную тему, такую как ночная жизнь Берлина, проводит невидимую грань между Россией и тем местом, где он вынужден находиться сейчас.

Письмо отражает особое состояние души героя, не случайно, в нем описано ночное время суток, ночной Берлин. Именно ночью человек становится откровенным, снимает маску, дает волю своим мыслям и чувствам. «Сам человек не виден в темноте...» - пишет автор письма, наблюдая за тем, как на его глазах всё происходящее в ночное время приобретает совершенно новое значение, новые краски. Ночью городская жизнь оборачивается своей сокровенной стороной, показывая всю людскую грязь, которую не видно днём.

События в письме следуют один за другим: ночной Берлин, вывески магазинов, афиша кинотеатра с портретом актрисы, молодая миловидная девушка, выгуливающая дога, на углу площади высокая, полная проститутка и ее клиент, пожилой господин, танцующие люди в кабаках, на фоне всего этого веселья, гуляющий одинокий герой, которому в этом чужом городе не комфортно, жизнь проходит мимо нашего героя:

«И вот, в здешних кабачках я люблю глядеть, как «чета мелькает за четой», как играют простым человеческим весельем забавно подведенные глаза, как переступают, касаясь друг друга, черные и светлые ноги,- а за дверью – моя верная, моя одинокая ночь, влажные отблески, гудки автомобилей, порывы высокого ветра» [1].

В письме одна тема сменяется другой, последний эпизод письма или последнее событие поражает своей неожиданностью и являет собой еще одну загадку, которую предстоит отгадать читателю. В этом эпизоде рассказывается о семидесятилетней старушке, которая повесилась на могиле мужа, на его кресте. К чему эта история? Героя впечатляет своей значимостью символика случившегося: «В такую ночь на православном кладбище, далеко за городом, покончила с собой на могиле недавно умершего мужа семидесятилетняя старушка. Утром я случайно побывал там, и сторож, тяжкий калека на костылях, скрипевших при каждом размахе тела, показал мне белый невысокий крест, на котором старушка повесилась, и приставшие желтые ниточки там, где натерла веревка («новенькая», - сказал он мягко). Но таинственнее и прелестнее всего были серповидные следы, оставленные ее маленькими, словно детскими, каблучками в сырой земле у подножья. «Потопталась маленько, а так,- чисто», заметил спокойно сторож,- и, взглянув на ниточки, на ямки, я вдруг понял, что есть детская улыбка в смерти» [4].

Далее автор письма пишет: «Быть может, друг мой, и пишу я все это письмо только для того, чтобы рассказать тебе об этой легкой и нежной смерти» [1].

Герой называет смерть «легкой и нежной», он как бы любит ее, и это наталкивает на мысль о том, что ему самому неоднократно приходилось думать о самоубийстве.

Заканчивает автор свое письмо рассуждениями о счастье:

«Слушай, я совершенно счастлив. Счастье мое – вызов. Блуждая по улицам, по площадям, по набережным вдоль канала, - рассеянно чувствуя губы сырости сквозь дырявые подошвы, - я с гордостью несу свое необъяснимое счастье. Прокатят века, - школьники будут скучать над историей наших потрясений, - все пройдет, все пройдет, но счастье мое, милый друг, счастье мое останется, - в мокром отражении фонаря, в осторожном повороте каменных ступеней, спускающихся в черные воды канала, в улыбке танцующей четы, во всем, чем Бог окружает так щедро человеческое одиночество» [1].

Письмо выглядит будто бы оборванным, но его конец вполне ясен. Самые лучшие воспоминания там, где твоя любовь, они же и здесь – в твоём сердце. Самые лучшие ночи там, где каждая улица выглядит давно изученной, они же и здесь – в твоей голове. Счастье там, где-то в прошлом, оно же и здесь – где мы захотим его создать.

«Адмиралтейская игла»

В.Набоков однажды в эмиграции произнес фразу: «Моя голова говорит по-английски, а сердце – по-русски». Мировую известность писателю принесли произведения, написанные на английском языке. Большинство своих произведений В.Набоков издал за границей на английском языке и был знаком европейскому читателю, однако советскому читателю доступ к творчеству писателя был закрыт, его не публиковали в СССР, не изучали в школе, он был изъят из вузовской программы. Но на каком бы языке не писал В.Набоков, почти во всех стихах, рассказах, повестях и романах можно проследить мотив ностальгии по родине. К таким произведениям относится рассказ «Адмиралтейская игла». Рассказ написан в 1933 году. Как и рассказ «Письмо в Россию», рассказ «Адмиралтейская игла» относится к эпистолярному жанру и имеет традиционные признаки этого жанра: повествование от первого лица, обращение к конкретному адресату, повествователь – писатель, адресат – женщина, с которой герой был разлучен много лет назад, основная тема письма – апелляция к общим воспоминаниям.

Но отношение повествователя и к событиям, и к адресату в текстах различно, что становится ключевым моментом в построении структуры рассказа. Начало рассказа «Адмиралтейская игла» нестандартное. Если в

«Письме в Россию» повествователь приветствует адресат и высказывает доброе отношение к нему, то в «Адмиралтейской игле» приветствие занимает целый абзац и подчеркнутое обращение «милостивая государыня» обозначает не только пол адресата, но и раздражительно-негативный тон автора.

Герой рассказа, прочитав в библиотеке роман под названием «Адмиралтейская игла», автором которого был некто Сергей Солнцев, понимает, что в основе сюжета лежит его личная история, история взаимоотношений с девушкой Катей. Герой понимает, что автором произведения является либо сама Катя, либо ее подруга, которой она проболталась. Но героя возмущает не сам факт того, что личные факты жизни изображены в произведении, а что эти факты очень сильно искажены. Он придирчиво всматривается в каждую деталь произведения, обнаруживая искажения. Обращает внимание начало письма:

«Дорогая милостивая государыня! Сегодня я прочитал роман под названием «Адмиралтейская игла», написанный неким Сергеем Солнцевым. И мне стало ясно, что этот роман базируется на нашей с вами личной истории, на наших отношениях много лет назад. Однако, я ошеломлен не самим фактом того, что наша история вдруг оказалась на страницах произведения, а тем, как сильно она была искажена.

Мне болезненно разбирать каждую деталь романа, узнавая искажения, которые присутствуют в нем. Я не могу смириться с тем, что наши чувства и моменты были представлены в столь неправильном свете. Я чувствую, что нас изображают не так, как мы есть на самом деле. Я не знаю, является ли автором этого произведения сама вы, или же ваша подруга, которой вы случайно все рассказали. Но в любом случае, я не могу молча пройти мимо такой искаженной картины наших отношений. Я прошу вас, прочитав это письмо, исправьте все ошибки и недоразумения в романе «Адмиралтейская игла». Дайте нашей истории правдивое отражение, чтобы мир мог узнать нас такими, какие мы на самом деле были.

«Вы меня извините, милостивая государыня, я человек грубый и прямой, а потому сразу выпалю: не обольщайтесь, - сие письмо исходит вовсе не от поклонника Вашего таланта, - оно, как Вы сейчас удостоверитесь сами, довольно странное и, может статься, послужит не только Вам, но и прочим стремительным романисткам, некоторым уроком. Спешу прежде всего представиться Вам, дабы зримый облик мой просвечивал, вроде как водяной знак что гораздо честнее, чем молчанием потакать, тем неправильным заключениям, которые глаз невольно выводит из начертания строк. Нет, - несмотря на мой поджарый почерк и молодую прыть запятых, я жирный, я пожилой; правда, полнота моя – не вялая, в ней есть изюминка, игра, злость.

Это Вам, сударыня, не отложные воротнички поэта Апухтина. Впрочем – будет: Вы, как писательница, уже доделали меня всего по этим намекам. Здравствуйте. А теперь перейдем к сути» [2].

Гневный стиль автора письма свидетельствует о том, что герой оскорблен искажением истории его первой любви. Он придирчиво всматривается в каждую строку романа и обнаруживает, что его возлюбленная описана в произведении совсем не такой, какой она была в реальности. Героиня романа была хороша собой и обольстительна, не имела изъянов. Катя была стройна, привлекательна, но слегка сутулилась. Автор письма помнит и любит ее именно такой. Также мужчина указывает создателю и на другие ошибки. Он говорит о том, что Катерина общалась исключительно в кругу представителей культурного бомонда. В действительности же девушка принадлежала к светской среде, литературный вкус представителей которой оставлял желать лучшего. В письме герой кратко передает содержание книги «Адмиралтейская игла» и приводит к выводу, что это сочинение – не что иное, как низкопробное чтиво. Герои его шаблонны. События, основанные на художественном вымысле, достойны лишь сюжета банального любовного романа.

Автор письма, негодуя по поводу пошлого описания любовной истории романа, описывает свою настоящую романтическую историю любви:

«Пока остальные играли в теннис – одним красным мячом и какими-то пудовыми расхлябанными ракетками, найденными на чердаке, или в крокет, на круглой площадке, до смешного плевелистой, с одуванчиком перед каждой дужкой, - мы с Катей иной раз удирали на огород и, присев на корточки, наедались до отвала: была яркая виктория, была ананасовая – зеленовато-белая, чудесно-сладкая, - была клубника, обмусоленная лягушкой; не выпрямляя спин, мы передвигались по бороздам и кряхтели, и поджилки ныли, и темной, алой тяжестью наполнялось нутро. Жарко наваливалось солнце, - и это солнце, и земляника, и катино чесучовое платье, потемневшее под мышками, и поволока загара сзади на шее, в какое тяжелое наслаждение сливалось все это, какое блаженство было, не поднимаясь, продолжая рвать ягоды, - обнять Катю за теплое плечо и слушать, как она, шаря под листьями, охает, посмеивается, потрескивает суставами» [2].

Обвиняя во лжи при описании автором романа сцены знакомства героев, повествователь описывает настоящую историю знакомства:

«Наше первое знакомство на елке у общих друзей, встречи на Юсуповском катке, ее комната с темно-синими обоями, мебелью из красного дерева и одним-единственным украшением: фарфоровой балериной, поднявшей

ножку, все это так, все это правда, однако Вы умудрились подернуть все это налетом какой-то фасонистой лжи» [2].

К «петербургскому тексту» относится даже заглавие рассказа, адмиралтейская игла – это один из символов Петербурга, здание Санкт-Петербургского адмиралтейства ассоциируется в сознании русскоязычного читателя с северной столицей. Адмиралтейская игла – один из значимых компонентов «петербургского текста», который присутствует в творчестве многих писателей: Г. Иванова, А.Блока, А.Белого и др.

Образ Петербурга мозаично появляется во всем тексте, в описаниях городского пейзажа, в интервьюах. Излюбленный прием Набокова – это описание города до революции, как своеобразный рай влюбленных, гуляющих по улицам и площадям, катающихся на коньках, и революционный Петербург, шумный, холодный и злой.

Н.: «...как-то, на Миллионной, грузовик, набитый революционными весельчаками, неуклюже, но все же метко вильнув в нужную сторону, нарочно раздавил пробегавшую кошку, она осталась лежать в виде совершенно плоского, выглаженного, черного лоскута, только хвост был еще кошачий, стоял торчком, и кончик, кажется, двигался» [2].

Догадываясь о том, что скорее всего, автором романа является его бывшая возлюбленная, герой воспринимает это как предательство, тем более, что в конце романа она изображает трагическую смерть влюбленного юноши от рук красного комиссара, хотя он жив и по-прежнему хранит добрые воспоминания о ней. Повествователь в конце романа обращается непосредственно к Кате, меняя холодно-надменное «вы» на более дружественное «ты». Заканчивает свое письмо русский эмигрант, выражая надежду, что автором является все-таки господин Солнцев, и что это всего лишь редкое совпадение. Можно смело утверждать, что в основе рассказа «Адмиралтейская игла» В.Набокова лежит сюжет-превращение пошлого бульварного романа в лирический рассказ-воспоминание о первой любви и о Петербурге, который бесконечно дорог герою, автору письма.

Таким образом, Петербургский текст в творчестве В. Набокова играет важную роль, являясь не только описанием города, но и символическим образом, который помогает читателю понять внутренний мир героев и автора.

Литература:

Источники:

1. Набоков В.В. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/rasskaz/pashalnyj-dozhd.htm>. Дата обращения: 3.04.2024

2. Набоков В.В. https://thelib.ru/books/nabokov_vladimir_vladimirovic [Электронный ресурс] // Режим доступа: Дата обращения: 3.04.2024
3. Набоков В.В. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/rasskaz/pashalnyj-dozhd.htm>. Дата обращения: 3.04.2024

Научная литература:

4. Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918-1996) / В.В.Агеносов. – М.: Терра, 1998. -543 с.
5. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы / В.Н.Топоров. – СПб.: Искусство, 2003. – 670 с.
6. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы»: Введение в тему // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. – М.: Прогресс, 1995. – 350 с.

МИФОПОЭТИКА ТВОРЧЕСТВА Т. ПУЛАТОВА («ЧЕРЕПАХА ТАРАЗИ», «ПЛАВАЮЩАЯ ЕВРАЗИЯ»)

Муминова Комила

магистрант 1 года обучения кафедры мировой литературы факультета русской филологии, журналистики и медиатехнологий Российско-Таджикский (Славянский) университет
ул. Мирзо Турсун-заде 30, 734025 Душанбе, Республика Таджикистан

Ахтамова Мунира Усмановна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры мировой литературы
Российско-Таджикский (Славянский) университет
ул. Мирзо Турсун-заде 30, 734025 Душанбе, Республика Таджикистан
ahtamova@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается мифопоэтика творчества русскоязычного писателя Т.Пулатова. Проанализированы романы «Черепиха Тарази», «Плавающая Евразия», которые представляют собой роман-миф и роман-притчу. Выявлена мифопоэтическая составляющая творчества писателя.

Показано, что мифопоэтические образы созданные Т.Пулатовым не противостоят реалистическому восприятию жизни, они служат обнаружению извечных общечеловеческих ценностей.

Мифологическое направление в русскоязычной литературе громко заявило о себе с конца 60-х - начала 70-х гг. 20 столетия. Характерно оно было для писателей, чье творчество имело тесную связь с культурологическим материалом прошлого (Ч. Айтматов, О. Сулейменов, А. Ким, Т. Зулфикаров, Т. Пулатов, Г. Матевосян).

Критики Л.Аннинский и В. Левченко обвиняли мифологическое направление в литературщине, отрыве от действительности. Л.Аннинский считал, что миф не всегда срабатывает на общую художественную задачу.

Полемизируя с Л. Аннинским по поводу использования мифа писателями, Т.Пулатов сказал:

«Самый чувствительный удар пришелся, но той части нашей литературы, которую называют «трудной», «интеллектуальной», «философской» - а я считаю ее наиболее интересной. И все это делалось под видом неприятия мифа, легенды, притчи...» [1, с.25].

Мифологичность, притчевость, символическое, аллегорическое мировосприятие, как указано Т. Пулатовым, находят отражение, чаще всего, в произведениях восточных писателей. Легенды, мифы, притчи являются неотъемлемой частью мировоззрения современных писателей как культурологический материал прошлого.

По словам Е.М.Мелетинского, «логически и диалектически мифологию могла бы вытеснить наука, но ей не дано разрешить такие метафизические проблемы, как смысл жизни, цель истории, тайна смерти, мифология же претендует на их разрешение, миф исключает неразрешимые проблемы, т. к. главная цель мифа - поддержание гармонии личного, общественного, природного, в чем мифам помогают ритуалы» [5, с.419-420].

Мифопоэтическая составляющая творчества Т. Пулатова, его мироощущение, мировосприятие чаще всего выражаются в форме притчи, романа-мифа.

У Т. Пулатова, как и у Ч.Айтматова, нередко героями произведений становятся старики и дети, которые являются носителями мифопоэтического сознания.

Т.Пулатов в самом начале своего творческого пути обратился к теме детства и старости. Все события повести «Окликни меня в лесу» и романа. Жизнеописание строптивного бухарца», как и события повести Ч.Айтматова, «Белый пароход» даны через мировосприятие мальчика, который становится носителем мифопоэтического сознания.

В повести «Второе путешествие «Каипа» действия сосредоточены вокруг раздумий старика о жизни, о мироздании.

Н.: «Думал Каип, откуда появился тот первый человек, от которого и пошла потом жизнь на острове, из чего сотворила его природа?» [7, с.175].

Критики М.Эпштейн и Е.Юкина, исследуя мифологическое направление в современной литературе, отмечают:

«Старики и дети оказываются не просто темой литературы - они определяют самый тип литературного творчества, которое приближается к мифологическому. В детстве и старости нет такой резкой разницы в противостоянии внешней действительности и собственного «я», как для зрелого, действующего человека, который, познавая мир как чуждый, хочет освоить его, переделать в согласии с собой. Старик и дитя более растворены в жизни всем своим душевным составом: один еще не выделился из нее, другой уже готовится быть поглощенным ею. Для ребенка мир не выводит за пределы фантазии, для старика почти весь введен в пределы памяти, и эти субъективные состояния вбирают в себя всю данную извне реальность, не отделяя ее в резком свете заинтересованной и целеустремленной активности. Но ведь именно такова предпосылка мифотворчества у древних народов: не отделение фантазии от реальности, простой знак тождества между ними» [11, с.238].

Возвращаясь к творчеству Т.Пулатова необходимо отметить, что заметное воздействие на его книги оказала западноевропейская литература.

Роман «Черепаша Тарази» принес писателю мировую известность. Роман, как и многие другие произведения Т.Пулатова, переведен на многие языки мира.

Вышедший в ФРГ роман «Черепаша Тарази» (1985 г.) привлек к себе внимание западногерманской критики. В отзыве, написанном к роману западногерманским литературным обозревателем Сэмюэлем Бахли, отмечается некоторое сходство стилистических примеров Т.Пулатова с известным австрийским писателем Ф.Кафкой.

С.Бахли пишет: «Мы ничего не можем сказать относительно того, в какой степени Т.Пулатов углублялся в мир Кафки. В поступки писателя нам чудится отзвук шагов Кафки. Однако, как бы нам не хотелось - заявить о прямой преемственности, об этом не может быть и речи. У Пулатова совершенно иной тип мышления, в корне отличающаяся от кафкианской образная система. Возможно, здесь уместнее вспомнить рассказ Гете о тех случаях, когда впечатление от прочитанного столь велико, что делается отправным моментом собственного творчества» [2, с.67].

Продолжая мысль западногерманского критика, мы можем сказать, что отправным моментом писателя при написании романа «Черепаша Тарази» становится стилистический прием превращения, который был характерен, для писателей фантастической ориентации - Гофмана, Гоголя, Кафки.

Остановимся на сопоставлений романа «Черепаша Тарази» Т.Пулатов со знаменитой новеллой Ф.Кафки «Превращение» (1916 г.), ибо это поможет наглядно показать взаимосвязь творчества писателя с мировым литературным процессом.

У Т.Пулатова, так же, как и у Кафки. Почти через все произведения проходит мысль об одиночестве и незащищенности человека. Для современного мифа одиночество становится продуктивной жизненной ситуацией. Мифологема одиночества по-разному отражена в произведениях Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», в романах Кобо Абэ. Одиночки - все члены рода Буэндия («Сто лет одиночества»). Маркес изображает одиночество рода в целом. В произведениях японского писателя Кобо Абэ изображается индивидуальное одиночество человека, что довольно часто встречается в высокоразвитом обществе. Одиночество замыкает человека в себе, делает его несчастным.

У Кафки в новелле «Превращение» мифологема одиночества приобретает трагический, гротескный характер. Темой новеллы является тема унижения и гибели маленького человека в сетях обезличенных, отчужденных и беспощадных социальных сил.

Герой новеллы – Грегор Замза, превратившись в насекомое, не испытывает ни отчаяния, ни даже удивления. Не удивляются этому и родные героя. Об этой чудовищной метаморфозе автор повествует буднично, как об обычном явлении.

Большинство исследователей Кафки обращает внимание на присущее его стилю несоответствие между реалистическим способом изображения и абсолютно неправдоподобным центральным событием.

Ф.Кафка о невероятном, фантастическом, немислимом событии повествует в деловом тоне, по-канцелярски приглаженными фразами.

«Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое» [3, с.292].

Писатель избегает всего того, что может придать изображаемому даже подобие эмоциональной окраски. В тексте не найдешь почти ни одного эпитета, ни одной метафоры или сравнения. Кафка только информирует, но ничего не оценивает.

Ф.Кафка, как и его герой, был одинок и не понят своей семьей. Семья Замзы – это в известной мере слепок с семьи Кафки. Отец писателя был домашним тираном, с детства подавляющим волю сына, поэтому многие произведения Кафки автобиографичны и отражают сложные взаимоотношения отца и сына.

Никому не нужный и бесконечно одинокий Грегор Замза умирает в своей комнате. Его тело выбрасывают, как ставшую не нужной вещь.

Превратив своего героя в сороконожку, Кафка стремился показать - несмотря на то, что человек существует в каком-то окружении, ходит на службу, общается с близкими, считает, что дорог им, на самом деле, он одинок, хотя и не осознает этого.

Кафка рассматривает человека как существо слабое, беспомощное, никчемное, недостойное участи лучшей чем та, которая уготована ему жестокой жизнью.

У Т.Пулатова легенда о превращении человека в черепаху выражает нравственно-философскую проблему. Роман «Черепаха Тарази» написан с учетом традиций ранней средневековой литературы, а также устного народного творчества. Но если в сказках и мифах принять обличье зверя воспринималось как удача, награда или спасение, то в романе превращение главного героя в черепаху – это кара за малодушие, трусость, которая сопровождается физическими и нравственными страданиями.

Лейтмотивом всего произведения становится мысль о неотвратимости расплаты за содеянное.

Главный герой романа судья Бессаз расплачивается за то, что когда-то испугался сказать правду, в угоду имаму объявил языческого кумира, принесшего как Прометей людям огонь, курильщиком гашиша и преступником. Однако миф о прикованном герое не заимствован писателем из греческой мифологии, а является выражением представлений народов Средней Азии. Наказание за содеянное определено Бессазу также в духе архаичных племенных представлений: совершив преступление он должен, возвратиться в плоть животного - праматери, следовательно, Бессаз должен стать черепахой, так как род Бессазов вел свое начало от черепахи.

Если герой Кафки - Грегор Замза, превратившись в насекомое, покоряется судьбе, то герой Т.Пулатова – Бессаз, зная за что наказан, не принимает с покорностью свой «танасух» (превращение, переселение душ). С помощью ученого Тарази он всячески пытается стать вновь человеком. Ученый Тарази, долгое время скитаясь по свету, изучал тайны природы и человеческой души. Сталкиваясь везде с невежеством, подавленностью человеческой личности, Тарази решается на дерзкий эксперимент – превратить неразумных животных в приличных людей. Эксперимент Тарази не удался, став на некоторое время человеком, Бессаз вновь превращается в черепаху. Но, познакомившись с Тарази, Бессаз многое понимает. Герой понимает, что за человеческое в человеке надо бороться. Бессаз, превратившись в очередной раз в черепаху, ведет себя с достоинством: «... черепаха не мечется в страхе перед

толпой, как тогда, на пустыре, держится также с достоинством, не обращая внимания на крики и суету. На морде ее уже не было страдальческой маски, напротив глаза ее в какую-то минуту сверкнули иронией и дерзким вызовом зевакам. Видно было, что она многое пережила, а сейчас успокоилась и приняла свой обратный танасух как должное и смотрела на все и на всех философски, если, конечно, этот высокий слог можно применить к ведению низкого зверя ...» [8, с.190].

Если Ф.Кафка, превратив своего героя в насекомое, лишил его способности общаться с человеческим миром, т.е. разговаривать, оставив при этом человеческую способность мыслить, и страдать, то Т.Пулатов наделил свою черепаху не только способностью мыслить, но и выражать свои мысли. Более того, если Бессаз - человек боялся говорить правду, то Бессаз - черепаха может и хочет, говорить людям правду: «Я вас всех презираю, и тебя, Денгизхан...» [8, с.201], - презрительно бросает он в толпу.

И роман Т.Пулатова, и новелла Ф.Кафки несут в себе идеи гуманизма. Однако пессимизм, прослеживаемый в произведениях австрийского писателя – это результат трагической судьбы самого художника. Кафка принадлежит к иной социальной и национальной среде, он живет в другое время. Кафка, как и его герой, боится жизни. Мир Кафки – это проклятый мир, который отделен от человека: между ними пропасть – черная и зияющая.

Произведения австрийского прозаика – это искренняя боль за человека, который мучается, страдает в неуютном, холодном мире. В этом и проявляется гуманизм Ф.Кафка.

Гуманизм Т.Пулатова несколько отличается от гуманизма Кафки. Если в новелле главный герой – Гоегор Замза погибает, и смерть для него является единственным выходом, то герой Пулатова, превратившись в черепаху, освобождается от всего человеческого. Черепаха обречена на долгую жизнь среди сородичей. Обратному превращению Бессаза в черепаху сопутствует, падение злодеев, крах их коварных планов. Зло в романе наказано.

Превращение – это общий для Кафки и Пулатова художественный прием, с помощью которого они глубже и нагляднее раскрывают идею, пафос, концепцию личности. Но сами идеи и концепции у них разные.

Анализируя роман «Черепаха Тарази, критик Н.Солнцева пишет: «Черепаха Тарази» продолжает тенденции предыдущих широко известных произведений Пулатова, его «Жизнеописания строптивного бухарца», «Завсегдатая», «Второго» путешествия Каипа» и других. Здесь сошлись условность и реальность, загадка и очевидность. Аллегорическое мировосприятие, миф не исключает реалистичности и современности. Фантастический сюжет «Черепаха Тарази», как и отдельные введенные в него

мифические истории, не снижают современного звучания произведения. Нравственные, духовные ценности, которые в конечном итоге трактуются как основополагающие в мироздании, являются вечными и близкими нам истинами» [10, с.51].

Актуальные проблемы современности ставит писатель и в другом романе – «Плавающая Евразия» (1990 г.), который можно назвать романом-притчей, так как он содержит в себе нравственно-философское поучение.

Роман «Плавающая Евразия» продолжает притчевые традиции, прослеживаемые в мировой литературе.

К притче обращались Л.Толстой, Ф.Кафка, А.Камю, Г.Марсель, Б.Брехт, Ч.Айтматов, то есть те, кто ищет выход к эпическим первоосновам человеческого существования, к внутренне обязательному и необходимому. Близка притче парабола (сравнение, сопоставление). Парабола тяготеет к символизму, иносказанию. Иногда параболу называют «символической притчей». Для нее характерна «незавершенная многоплановость, содержательная емкость» [6, с.234].

Приемы и особенности притчи и параболы довольно часто использует в своем творчестве Т.Пулатов.

Возвращаясь к роману «Плавающая Евразия», необходимо отметить, что сегодня, когда как никогда близко подступила к человеку угроза вселенской катастрофы, попытка философского осмысления и философского обоснования несправедности многих деяний человека, очень своевременна и актуальна.

В романе писатель ставит своих героев в экстремальную ситуацию, проверяя тем самым их характеры.

Символическим является начало романа: по ветхозаветному мосту Сират, перекинутому к вратам рая и ада, идет человек, в руках которого конверт, куда вложены его грехи и заслуги. Что ждет путника на этом пути? Куда попадет он в рай или в ад? Всем суждено пройти этот путь, и каждый должен задуматься над тем, праведник он или грешник.

Действия романа происходят в городе Шахграде, который должен погибнуть в результате землетрясения, предсказанного сейсмологами. История конца света всегда волновала людей. Трагедия гибнущей цивилизации в романе превращается в фарс. В этом фарсе исполнителями главной роли являются жители Шахграда.

Главный герой романа Рустам Давлятов становится исполнителем ведущей роли в происходящих в Шахграде событиях. Снова в романе Пулатова появляется слово «роль». Рустам Давлятов, как и главный герой повести «Впечатлительный Алишо», играет свою роль.

«Давлятов принимал все это с нарочито бесстрастным видом, лишь изредка вытягивая губы и нервно дергал головой. И, упоенный своей ролью, восточный гость не замечал некоего коварного мельтешения за спиной. И, тот, не разгаданный даже неотрейдистами столицы, психологический штрих, который дал о себе знать при вхождении робкого Давлятова в московские салоны, еще глубже прочертился в его сознании, и характер Давлятова заменился ролью, а роль полностью иссушила его натуру, оставив лишь голый скелет, остов характера – знак гражданина «конца века»» [9, с.214].

Как и в повестях «Впечатлительный Алишо» и «Завсегдатай», в романе «Плавающая Евразия» чувствуется острая тревога писателя за жизнь своего современника. Но в романе эта проблема поставлена с еще большей силой. Здесь от раздвоенности сознания страдает целое поколение людей. Так, Руслан Давлятов отождествляет, себя с Салихом; его друг, врач Мирабов – с директором Института истории-религии, научным атеистом Наханговым; любовнице Давлятова Шахло – с итальянской террористкой; ученый-сейсмолог Бабасоль – с ветхозаветным служителем Копища... Жители Шахграда подменяют живую жизнь материализованной, воплощенной утопией. Страшнее всего то, что раздвоенностью сознания заражены даже дети. Так, к примеру, дочь Мирабова не хочет жить в реальном мире, с реальным отцом. Она представляет себя дочерью принца, который должен забрать ее и увести в совершенно иной мир.

Роман «Плавающая Евразия» - это художественное воплощение вполне законченной критики современного общества.

Человечество измучено бесконечными войнами, революциями. Все оказалось ложным: ложны герои, идеи, традиции и даже боги. Люди погрязли в своих грехах, они истребляют друг друга. Из соображений защиты корней и исторической родины, очень часто прикрываясь именем бога и религией, один народ уничтожает другой. У Пулатова:

«И люди, боюсь, уже мнят себя бессмертными, творят такие делишки, после которых и ад кажется раем...» [9, с.348].

«...люди поверят в бессмертие на земле, в свое физическое бессмертие и возомнят, что им все под силу. Они впадут в такое, радостнее заблуждение, что по пытаются опровергнуть и самого Аллаха и сочинить собственные правила и уставы, сотворить собственный рай и ад. Человек самонадеян» [9, с.348].

Приведенные строки из романа наглядно показывают состояние сегодняшнего общества и живущих в нем людей, которые стремятся создать свой ад и рай на земле. Недаром воскликнул один из героев романа:

«-Что нового увидел ты в раю? Что привлекательного? Многие из нас, поклоняясь своим божествам, уже давно живут в раю здесь, на земле. И зачем

нам обещать что-то в будущей жизни, на небе, к чему надо идти, осквернив наши храмы, зачеркнуть наши законы и традиции, все, что помогает нам жить в раю сейчас, изо дня в день?» [9, с.358].

В какой-то степени роман «Плавающая Евразия» - роман – предупреждение, что тоже характерно для притчевых произведений. В нем автор как бы предвидит грядущий хаос, рост преступности, крушение гуманизма и других морально-этических ценностей. Все это определяет пафос тревоги за будущее.

Таким образом, мифопоэтические образы созданные Т.Пулатовым не противостоят реалистическому восприятию жизни, они служат обнаружению извечных общечеловеческих ценностей.

Литература:

1. Аннинский Л. Пределы владений / Л.Анненский. Литературное обозрение, №4, 1981.
2. Ахтамова М.У. Творчество Тимура Пулатова. Монография / М.У.Ахтамова. -Душанбе, 2007. -140 с.
3. Кафка Ф. Замок. Новеллы и притчи / Ф.Кафка. - М., Политиздат, 1991. -576 с.
4. Лайлиева И. Д. Традиции мировой литературы в киргизской прозе : Дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02 / И.Д.Лайлиева. - Бишкек, 1995 -304 с.
5. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. - М.: Наука,1976. - 407 с.
6. Мифологический словарь. Под ред. Е.М.Мелетинского - М.: Сов. Энциклопедия, 1991. -709 с.
7. Пулатов Т. Владения. Повести. Рассказы / Т.Пулатов. - М.: Известия, 1976. -362 с.
8. Пулатов Т. Собр. соч.: В 4-х т. / Т. Пулатов. М., 1995-1999. - Т. 1. -432 с.
9. Пулатов Т. Собр. соч.: В 4-х т. / Т. Пулатов. М., 1995-1999. - Т. 2. - 448 с.
10. Солнцева Н. Все началось с происшествия.../ Н.Солнцева // Литературное обозрение, 1985. № 11.
11. Эпштейн М., Юкина Е. Мир и человек / М.Эпштейн, Е.Юкина // Новый мир, 1986, № 4.

МОТИВЫ ВОСТОЧНОЙ ПОЭЗИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. ГУМИЛЕВА

Абдуллоев Шокир

магистрант второго года обучения направления «Русская литература и сравнительное литературоведение» кафедры мировой литературы

Рахманов Бахтиер Рузикулович

Доктор филологических наук,
профессор кафедры мировой литературы РТСУ

Аннотация: Ориентальные мотивы в начале XX века в творчестве поэтов серебряного века очередная веха в культурном диалоге Запада и Востока. Духовные искания русских художников слова обогатили русскую литературу новыми темами и сюжетами, образами и героями. Многообразных Восток привнес в русскую литературу сюжеты из жизни и культуры Африки и Египта, Персии и Аравии. Не обошел восточные мотивы и Николай Гумилев – путешественник и поэт, автор пьесы «Дитя Аллаха» и новеллы «Принцесса Зара».

Опорные слова: Русско-восточные литературные связи, восточные в творчестве Н. Гумилева, «Дитя Аллаха», «Принцесса Зара».

В ряду представителей русской культуры, чей интерес к Востоку и взаимодействие с ним были глубокими и переходящими, весьма значительное место занимают русские поэты и писатели «серебряного века» – И. Бунин, В. Хлебников, Н. Гумилев. Интерес русской художественной мысли к Востоку, ярко вспыхнувший на рубеже XIX-XX вв., как справедливо отмечают современные исследователи, имел большую историческую традицию. Но была несомненная закономерность в том, что такой интерес отчётливо обозначился и приобрёл свою неповторимую форму именно в эти годы. Начало XX в. стало для русской культуры периодом пристального внимания к национальным первоосновам, временем переоценок и открытий. Более того, по-видимому, именно на пороге двадцатого столетия, особенно стала ощущаться историческая органичность модели мира, которую на протяжении долгих и беспокойных веков вырабатывало европейское мышление. Всё более неуместным выглядело желание строить историографические, религиозные, правовые, и эстетические концепции и понятия, основываясь исключительно на опыте общественной жизни Европы. И закономерным было обращение к достижениям восточных народов, обогащение духовными достижениями других цивилизаций.

Отметим арабские, персидские и африканские мотивы в творческой мастерской Н. Гумилева. Одно из произведений Н. Гумилева, имеющая связь с восточной сказкой, пьеса «Дитя Аллаха». Произведение имеет простой сюжет, но это для читателя, не имеющего знаний по основам суфизма.

Девушка Пери приходит к дервишу. Всевышней, в благодарность за ее службу, отправляет героиню на Землю, чтобы она нашла любовь с лучшим. Ей должен помочь дервиш, но он не соглашается и дает ей в помощь единорога и золотое кольцо. Кольцо показывает чистые намерения и грешные души, а единорог безжалостен к недостойным.

Первым она встретила юношу-сластолюбца. Но единорог, увидев его сущность убивает его.

Второй молодой человек бедуин, который ищет славы и сражений. Но ин не избегает смерти.

Халиф, испытывает сильные чувства к Пери, но кольцо губит его.

Дервиш находит пери и ведет к Хафизу, мудрецу и поэту. Пери хотят наказать родственники погибших. Но героиня избегает наказания. Хафиз должен помочь героине. Пери хочет знать, что она невинна в гибели молодых людей. Хафиз показывает души этих погибших, они все довольны своим положением.

Героиня осознала свою невинность и хочет продолжить искать любви лучшего из людей.

Пери

Как кров приветный кипарис
Дарует птице перелетной,
Так и меня, о, князь Гафиз,
Ты снова сделал беззаботной.
Ты петь меня научишь. Пусть
Я новые узнаю песни!
Пленительно взывает грусть,
Но радость говорит чудесней.

Гафиз

Глазами, полными огня,
Я в сердце сладостно ужален.
О пери, пожалей меня,
Я счастлив был, а стал печален.

(Поет):

Твои глаза как два агата, пери!
Твои уста красней граната, пери!
Прекрасней нет от древнею Китая

До западного калифата Пери,
Я первый в мире, и в садах Эдема
Меня любила ты когда-то, пери.
Но ты бледна, молчишь, не смотришь, разве
Любовью больше не богата пери?
За мудрость, за стихи его, Гафизу
Ужель дана не будет плата — пери?
Блаженство с нею всех блаженств желанней,
И горше всех утрат утрата пери.
Но я не дерзкий нищий, я влюбленный,
Что скажешь, то исполню свято, пери.

Пери (поет)

Зачем печально так поет ГаФиз?
Иль даром мудрецом слывет Гафиз?
Какую девушку не опьянит
Твоих речей сладчайший мед, Гафиз?
Бледна ли я? И ангелы бледны,
Когда по струнам лютни бьет Гафиз.
Молчу? Молчат смущенные уста,
А сердце громче бурных вод, Гафиз.
Я не смотрю? Но солнце ли слепит,
Как тайн язык, чудес оплот, Гафиз?
Средь райских радостей, средь мук земли
Я знала — этот час придет, Гафиз.
Перед тобой стоит твоя раба,
Веди ее под твой намет, Гафиз [2].

А в конце повествования оказалось, что кольцо и единорог принадлежат Хафизу.

К африканскому циклу относится новелла «Принцесса Зара» (1908), которое является еще одним загадочным произведением Гумилева. Что связано с многозначностью образной системы произведения. Сюжет новеллы повествует о необычном происшествии. Действие происходит в Африке. В дом к великому бею из Занзибара явился посланник с озера Чад – младший сын вождя. Араб молчалив, но особый знак посланника открывает ему двери. «Зачем в этот мир роскоши и греха пришел обитатель широких равнин и зеленых дебрей, воин стройный в ожерельи из львиных зубов?» [«Принц Зарра»]. Он ищет встречи с принцессой Заррой. «Неподвижный и легкий стоял аромат мускуса, индийских духов и юного девичьего тела... Казалось, не для любви, а для чего-то высшего были созданы ее неподвижные, точно из коралла

вырезанные губы, слишком тонкий стан и прекрасные глаза с их загадочно-печальным взглядом. На руках, обнаженных по локоть, позванивали золотые чеканенные браслеты, и узкий обруч поддерживал роскошную тяжесть темных кудрей» [3]. Увидев девушку, герой осознал, что он был на верном пути. И молодой человек рассказывает о себе и о своей чести и отваге в сражениях, о своем предназначении. «Я из племени Зогар, с великого и священного озера Чад. Младший сын вождя, я считался сильным среди сильных, отважным среди отважных. В ночных битвах я не раз побеждал рыкающих золотогривых львов, и свирепые пантеры, слыша мои Шаги, прятались, боязливые, в глухих оврагах. Смуглые девы чужих племен не раз звонко рыдали над трупами павших от моей руки. Но однажды не военные барабаны загрохотали над равниной, люди племени Зогар сошлись на холм, и великий жрец, начертав на моем лбу священный знак посланника, указал мне путь к тебе» [3].

Он рассказал о препятствиях на своем восьмимесячном пути: людоедах, о тяжелых и смертельных болезнях на пути, опасные хищники, враги. «По течению реки Шари я прошел в область Ниам-Ниам, где низкорослые, безобразные люди пожирают друг друга и молятся богу, живущему в черном камне. Ядовитые туманы Укереве напоили мое тело огнем лихорадки, около Нгези я выдержал бой с громадной змеею, люди Ньязи сорок дней гнались за мной по пятам, пока наконец слева от меня не засверкали серебряные снега Килима-Нджаро» [3].

Юноша рассказал Заре «великую тайну». По воле Аллаха племя одарено счастьем – Светлой Девой – радость и слава людей. «По природе единая и божественная, она не умирает, но иногда оставляет свою прежнюю оболочку, является в другой среди бедных человеческих селений, и тогда великий жрец указывает, где можно ее искать. За ней отправляется славнейший из племени, открывает ей ее высокое назначение и уводит в царство изумрудных степей и багряных закатов. Там живет она в счастливом уединении» [3]. Светлая Дева обладает достоинством: обладают крыльями, волшебный голос. Эти непорочные девы выше ангелов и гурий.

И герой рассказал, что жрец указал на нее. Он зовет ее с собой, где Зара станет Светлой Девой, будет жить почитаемой как божество, пока не придет время воплощения. «Это ты – Светлая Дева лесов, и я зову тебя к твоим владениям... Там все – и солнце, и розы, и ветер – говорят и мечтают о тебе. Ты поселишься в красивом мраморном гроте, и резвые, как кони, водопады будут улаживать твои тихие взоры, золотой песок зацелует твои стройные ноги, и ты будешь улыбаться причудливым раковинам... Так будешь ты жить, пока не наскучишь волшебствами счастья и не пожелаешь, подобно вечернему солнцу, уйти для новых воплощений» [3].

Но Зара не понимает о чем говорит посланник, и она задает вопрос. «Если же я нравлюсь тебе и ты хочешь меня ласкать, я охотно подчинюсь твоим желаниям. Ты красивее того европейца, что недавно тоже ценой золота проник сюда в гарем. Но он не говорил мне ничего, он только улыбался и обнимал меня, как хотел. Купленной рабыней стояла я перед ним, но мне была сладка горечь его ласк, и я плакала, когда он уехал. Теперь передо мною ты; если хочешь, я буду твоей» [3].

Эти слова Зары вызывают в юноше лишь отчаяние и ужас. «Безумным от муки взором смотрел на нее высокий пришелец. Так вот она, Светлая Дева Лесов, которой он молился всю свою жизнь, которой молились его отцы и деды! Вот она, униженная и не сознающая своего позора, с грешной улыбкой на нежных устах!» [3]. Испытывая чувство муки юноша покончил с собой. Девушка смотрела и не понимала, что произошло, так как не осознала к чему ее звали. «И в ее душе уже шевелилось сожаление, зачем, подчинясь опасному девичьему капризу, она солгала и обманула пришельца, звавшего ее к возможному и ослепительному счастью» [3].

Это произведение о вечном стремлении человечества о единении тайны и непознанного с земным и обыденным, это о трагедии веры. Принцессе предстояло пройти испытание высоким предназначением, к чему она оказалась не готова. Своим сомнением она разрушила веру посланника. Новелла представленная читателю как сказка завершилась мыслью о невозможности волшебного в современном мире. Невозможно совместить два мира: людей, покупающихся и продающихся с миром высочайших духовных законов о чистоте и непорочности.

Считаем необходимым отметить, что Гумилев обращается и к персидско-таджикской классике. С одной стороны он продемонстрировал информированность в исследованиях европейских ученых о литературе Персии. Гумилев с другой стороны продемонстрировал восприятие классики, обогатив русскую литературу своим видением и восприятием персидско-таджикской литературы.

Литература

1. Абдуллоева, Ш.Р. Восточные мотивы в лирике И. Бунина и В. Хлебникова [Выпускная квалификационная работа] / Ш.Р. Абдуллоев. – Душанбе: РТСУ, 2022. – 67 с.
2. Гумилёв, Н. Дитя Аллаха. Пьесы [Электронный ресурс] // Николай Гумилёв <https://gumilev.ru/plays/5/> (дата обращения: 02.08.2023)

3. Гумилёв, Н. Принцесса Зара [Электронный ресурс] // Николай Гумилёв. Электронное собрание сочинений. <https://gumilev.ru/verses/> (дата обращения: 02.08.2023)

4. Улокина, О. Тема Востока в творчестве Н.С. Гумилева [Электронный ресурс] / Ольга Улокина // Національна ментальність і культура. – Вип. 1. – Одеса, 2003. – С. 153 – 160. <https://gumilev.ru/about/118/> (дата обращения: 02.08.2023)

5. Чудинова, Е. Об ориентализме Николая Гумилева [Электронный ресурс] / Елена Чудинова // Филологические науки. – 1988. – № 6. <https://gumilev.ru/about/7/> (дата обращения: 02.08.2023)

МОТИВЫ АРАБСКОЙ ПОЭЗИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. ГУМИЛЕВА

Абдуллоев Шокир

магистрант второго года обучения направления «Русская литература и сравнительное литературоведение» кафедры мировой литературы

Рахманов Бахтиер Рузикулович

Доктор филологических наук,
профессор кафедры мировой литературы РТСУ

Аннотация: Древнеарабские поэты привлекали внимание русских писателей. Так в отечественном литературоведении имеем обращение Н. Гумилева в «Отравленной тунике» (трагедия в пяти действиях, 1918) к истории жизни и творчества Имруулькайса. Гумилев ознакомился с общей историей Византии Прокопия Кесарийского. В основе произведения Гумилева попытка Имруулькайса найти союзников в Византии и история с отравленной туникой.

Опорные слова: Русско-восточные литературные связи, древнеарабская поэзия, ориентализм в творчестве Н. Гумилева.

Древнеарабская литература¹ доисламского периода, которая насчитывает более 100 творцов слова, известна шедеврами: семью поэмами-

---

¹ «Арабская, которая начиналась с этих менестрелей пустыни, воспевших романтику бедуинской жизни, нанизавших на свои ожерелья – муаллака бусинки-шедевры непревзойденных бейтов Имруулькайса, Зухейра, Тарафы, Антара, Ан-Набиха аз-Зубьяни и других; познавшая небывалый взлет в эпоху Абу Нуваса, Аль-Мутанабби, Абу Тамама, Ибн ар-Руми, золотую осень Ибн аль-Араби, Ибн Зейдуна и Ибн Кузмана, эпоху многовекового упадка и забвения и возрождение к новой жизни вместе с Джебраном Халиль

касыдами. Эти поэмы получили название «муаллак» (нанизанные, подобно жемчужины на ожерелье). «Авторами муаалак были семь прославленных бедуинских поэтов – Имруулькайс, Тарафа, Зухайр, Антара, Лабид, аль-Харис ибни Хиллиза и Амр ибни Кульсум» [8, с. 27].

Древнеарабские поэты привлекали внимание русских писателей. Так в отечественном литературоведении имеем обращение О.И. Сенковского и Н. Гумилева к истории жизни и творчества Имруулькайса².

Имруулькайс (500 - 540) – воин и поэт. «Его отец – вождь над киндитами Худжр ибн аль-Харис, смертельно раненный воинами из племени асад, завещал право отмщения, свое оружие, лошадей и котлы тому из своих сыновей, кто не предастся скорби при известии о его смерти. Посланник Худжра обошел всех сыновей покойного, начиная со старшего - Нафи, и все они сокрушались, посыпая головы песком. Все, кроме Имруулькайса, которого отец, презирая стихотворцев, давно прогнал от себя и обрек на странствия вместе с соратниками поэта по пирам, охоте и песням. Когда гонец явился к Имруулькайсу, тот пил вино и играл с товарищем в нарды. Узнав о гибели отца, он довел игру до конца и только после этого повернулся к вестнику, расспросил его о подробностях убийства, а потом поклялся, что не будет пить вина, есть мяса, умащаться благовониями, сближаться с женщинами и мыть голову, пока не отомстит. Повязав черную чалму – головной убор мстителя, он встретил людей от асадитов, предлагавших за кровь Худжра выкуп скотом или жизнью любого из них – достойнейшего родом и величайшего славой. Не согласился Имруулькайс и только дал асадитам отсрочку, пока не родят их женщины и не оправят одежды.

Имруулькайс двинулся на асадитов, преследовал их, изнемогая от жажды, и, настигнув их у источника, убил и ранил многих из племени. После чего бывшие с ним воины решили, что он уже отомстил за отца, и покинули его. Однако сам Имруулькайс не считал мечь завершённой: род убийцы – бану кяхиль – еще не заплатил ему своими жизнями. Приобретая и тут же теряя союзников, скитался он по пустыне, зная, что смерть вонзится в него свои острые когти и зубы, что судьба против него. У идола Табалы он трижды гадал на стрелах, и трижды выпадала ему стрела «запрещающая», а не «повелевающая» или «выжидающая». Тогда в гневе он сломал стрелы и ударил идола их обломками по лицу, сказав: «Если б у тебя был убит отец, ты не мешал бы мне!» И продолжал неравную борьбу.

Джебраном, Ахмадом Шоуки, Бадром Шакир Саййабом, Абу аль-Касим аш-Шабби, Махмудом Дервишем, Низаром Каббани и другими» [6].

² Имруулькайс, Имр-эль-Каис (по принятой ныне русской транскрипции Имр-уль-Кайс или Имру-ль-кайс; по английской – Амр-ул-Каис) [11].

Мечь асадитам забросила Имруулькайса в Византию, а их коварство обрекло его на смерть: поверив клевете асадита ат-Таммаха, византийский император послал Имруулькайсу отравленное платье, и тот скончался – непокорившимся и непобежденным» [9].

Эта история была знакома русскому писателю и ученому-ориенталисту Сенковскому. В восточной повести О.И. Сенковского «Смерть Шанфария» читатель знакомится с образом жизни арабских племен, нравами и обычаями, радостью и трудностями жителей пустынь. Автор, выбирая некую историю, изменяет линию повествования.

Восточная повесть «Смерть Шанфария (с арабского)» 1827 г., основана на легенде. Сенковский знакомит русского читателя в статье «Поэзія пустыни, или Поэзія Аравитянъ до Магомета» (1839 г.) с героем. Шанфари – «... столь же славный воинъ, бѣгунъ, стрѣлокъ, какъ и поэтъ. Тестъ Шанфари былъ убить племенемъ Саламанцевъ за то, что дочь свою отдалъ за Шанфари, потомка рабы. Поэтъ наложилъ на себя обѣтъ не стричь волосъ, не обрѣзывать ногтей и не мыться, пока не убьетъ ста человекъ изъ племени Саламанцевъ. Онъ долго странствовалъ въ пустынь, преслѣдуя вездѣ своихъ противниковъ. Ему удалось собственною рукою предать смерти девяносто девять Саламанцевъ: послѣ того онъ погибъ. Черепъ его валялся на пескѣ. Одинъ Саламанецъ съ презрѣніемъ толкнулъ этотъ черепъ ногою, но осколокъ кости героя смертельно ранилъ гордаго Саламанца, и такимъ образомъ обѣтъ исполнился» [10, VII, 178].

Эту историю древних аравитян О.И. Сенковский изложил с изменениями в виде повести о кровной мести. Это произведение о роке, мотиве судьбы, – человек не может изменить предназначение: «Завѣты судьбы неизбѣжны: стрѣлы ея достигаютъ человекъ на высотахъ Тудыха и въ глубокихъ долинахъ Веджры» [10, VII, 267].

Произведение О.И. Сенковского – это ужаснейшая история древних времен о Шанфари, прославленном воине и поэте, и Дальфе – его возлюбленной. Герои готовились к свадьбе и счастливой жизни. Но род Саламанов совершил набег. Давние недруги, под предводительством Асира, во время отсутствия Шанфари, совершили набег и разорили племя Азда. Враги захватили скот и увели в плен пятьдесят пленниц, в числе которых была и Дальфа.

Герой вернулся и призвал соплеменников отомстить. Но его не поддержали. Шанфари упрекнул потомков храброго Азды в трусости и клянется убить сотню воинов из племени Саламанов. «Клянусь Всевышнимъ Существомъ, создавшимъ степи и горы, и семью блуждающими звѣздами, и геніемъ хранителемъ стадъ нашихъ, и священнымъ храмомъ Каабы, и небесною

водою колодезя Земземь, что ни гребень не коснется волосъ моихъ, ни капля вина не упадетъ на уста мои, доколѣ собственной рукою не убью ста развратныхъ сыновъ Саламановыхъ!» [10, 1, 275].

Три года Шанфари преследовал врагов и убил девяносто девять саламанцев. Шанфари хотел освободить Дальфу и обратился к оракулу. Предсказание его огорчила: гибель по его вине друга и любимой, и собственная смерть.

Предсказание сбылось: гибель друга, смерть Дальфы, в бою погиб и сам герой: «Опредѣленія судьбы неизбѣжны! Когда наступитъ роковое время, напрасно человѣкъ ухищряется избѣжать гибели: если онъ уклонится отъ смерти въ одномъ мѣстѣ, встрѣтитъ ее непременно въ другомъ» [10, 1, 287].

Спустя несколько лет Асир, его враг и убийца, оказался на месте, где погиб герой. Асиръ увидел череп Шанфария и хотел пнуть ногой, но осколок вонзился в ногу, – и Асир в мучениях скончался. Так Шанфари исполнил клятву и убил сотню вражеских воинов.

Напомним, что в истории Шанфари есть моменты, которые близки к истории Имруулькайса:

- мотив мести;

- герой трижды метал стрелы, и оракул отвергал, но герой не прислушался к предостережению.

В XX веке к образу Имруулькайса обратился Николай Гумилев в «Отравленной тунике» (трагедия в пяти действиях, 1918). Глеб Струве в статье «Отравленная туника. История текста» пишет об источнике сведений. «По всей вероятности, перед тем как сесть за трагедию, он ознакомился с общей историей Византии. Возможно, что, задумав ее еще в России, он читал труды Ф. И. Успенского и Ю. А. Кулаковского. Еще вероятней, что в Париже он познакомился с трудами Шарля Диля, в частности с его монографиями об Юстиниане и Феодоре» [11]. Другим источником «сведений о лицах и событиях этого интереснейшего в истории Византии периода являются труды Прокопия Кесарийского» и книга об арабской литературе Юара.

Вот какие сведения о Имруулькайсе в книге Клемана Юара: «Имру-ул-Каис, бродячий царь, принадлежал к южному племени Кинда. Его предки основали княжество в Неджеде.

Его отец Годжр, человек суровый, хотел наказать сына за овладевшую им любовную страсть и послал его пасти стада своих баранов. Восстание племени Бени-Асад положило конец жизни Годжра, и поэт начал жизнь полную приключений, жизнь лишенного престола царька, ища способов вернуть себе отцовский трон, что ему так и не удалось.

Он кончил тем, что нашел себе приют у Самуила, князя Теймского, которому принадлежал замок Аблак и который был иудейского вероисповедания. Около 530 года римский император Юстиниан, который задумал воспользоваться его услугами против угрожавших его границам персов, послал за ним по просьбе князя Гассанского, командовавшего римскими войсками на границе Сирии. Имр совершил путешествие на перекладных – на верблюдах и лошадях – в Константинополь, где прожил долгое время, ожидая назначения, так и не полученного им, от уже состарившегося императора,

Назначенный филарком Палестины, он отправился назад в пустыню, но умер на пути в Анкаре, отравленный по приказу императора – согласно легенде, при помощи полученной в дар почетной туники, от которой его тело покрылось нарывами, – за соблазнение какой-то царевны» [11].

Этот момент (попытка Имрулькайса найти союзников в Византии и история с отравленной туникой) стали основой трагедии Гумилева.

Всю, известную по легендам историю поэта, мы узнаем по диалогу. Евнуха и Имра.

Родился я к востоку от Йемена
В семействе Годжра, Киндского царя.
Но слишком дорогим я стал народу
И должен был бежать, и много лет
Ел хлеб чужой и пил чужую воду,
Перед чужим шатром шептал привет.
Я сделался поэтом, чтоб ласкали
Меня эмиры, шейхи и муллы,
И песни, мною спетые, летали
По всей стране, как римские орлы.
И как-то вечером на состязаньи
Певец из племени Бену-Ассад
(Как ненавистно мне это названье!)
Запел и на меня направил взгляд:
«Был Годжр из Кинда воин очень сильный,
И сильно плачет Годжрова жена...».
Я понял все, увидел столб могильный
И умертвил на месте крикуна,
Домой я моего погнал верблюда
И мчался восемь дней и наконец
Увидел: вместо башен камней груда,
Обрывки шкур в загоне для овец.

Тогда я, словно раненая птица,
К Константинополю направил путь.
Я думал: Кесарь может согласиться,
Несчастному поможет как-нибудь.
Шесть тысяч копий, да четыре луков,
Да две людей, приученных к мечу,
Да сколько надо для отрядов вьюков,
Я попросить у Кесаря хочу [5].

Родился поэт около 500 года. Предположительно вырос он в Гамре – центре Кинда. История его путешествий позволяют сказать о знании греческого, персидского и арамейского языков. Говорится о его конфликте с отцом. По преданию, Годжру был не по нраву образ жизни сына: «увлеченность поэзией и любовными приключениями».

Согласно первой версии, Имр осмелился посягнуть на одну из жен или наложниц отца, за что Годжр в гневе приказал выколоть сыну глаза и убить его, но потом смягчился и ограничился изгнанием. «Изгнанный царевич, получивший с этих пор прозвище, которое вошло в историографическую традицию: «поэт-изгнанник», стал вести кочевой образ жизни, бесшабашно растрачивая свое достояние, согласно историографу Аль-Асфакани, устраивая пиршества «на каждой стоянке» [2]. Более конкретными сведениями литературоведы не располагают: можно лишь догадываться о любовных и военных приключениях. «Неутомимый и жадный до впечатлений, Имруулькайс не задерживался долго на одном месте, участвовал в военных походах союзных Кинду племен, поэтических состязаниях при дворах аравийских властителей, с торговыми караванами кочевал по пустыне вслед за очередной любовью или в поисках заработка» [2].

Большие изменения в жизни поэта произошли после смерти отца. Существуют несколько версий. По первой, Имру узнал о трагических событиях во время пира с друзьями. И воскликнул: «Потерял он меня в детстве моем и возложил на меня кровь свою в зрелости моей! Да не будет пробуждения сегодня, и не будет опьянения завтра: сегодня вино, завтра – дело», продолжил веселье. По другой версии, известие пришло когда поэт играл. Имр не прервал игру, сказав: «Сперва мой отец досадил моей юности, а теперь обременил мою старость кровной мезтью. Нынче долой трезвость, а завтра долой хмель. Нынче вино, а завтра будь что будет» [2]. И веселье продолжалось семь дней.

Имеются и вариации клятвы мести. Одна из них звучит так: «Я не буду пить вино и касаться женщины, пока не убью сто человек из племени Бену Асад и в качестве трофея не отрежу волосы с их голов...» [2]. По другой версии: «...не буду есть мяса и пить вина, не буду умащать себя, не буду

касаться женщины и мыть головы, пока не осуществлю кровную месть за отца».

Исполняя клятву мести за гибель отца, Имр искал пути свершить обещанное. «Он кочевал по Аравийскому полуострову, спасаясь от преследований врагов (которых у него, как и у его отца, было более чем достаточно), пытался собрать войско и заручиться поддержкой многочисленных родственников и союзников» [2].

В восточной повести Сенковского был схожий элемент – клятва мести за гибель отца. Существует и другой элемент. «Одна из легенд рассказывает, что Имр перед походом на Бену Асад решил обратиться к оракулу и отправился для гадания к идолу Табала. Трижды он задавал вопрос и трижды вытаскивал стрелу, призывающую его отказаться от войны.

Согласно свидетельствам, взбешенный Имруулькайс сломал стрелы и отхлестал идола по щекам их обломками со словами: «Если бы был убит твой отец, ты бы мне не воспрепятствовал» [2].

Разные сведения и об успехах Имра: очевидно, борьба была чередой успехов и поражений. Имр вынужден был обратиться за помощью к императору Византии.

Источники (арабские, византийские и персидские) дают противоречивую картину происшедшего. «По одним свидетельствам, Имр уже в 530 году получил помощь от императора Юстиниана I, разбил союзное войско Бену Асад, воцарился в Кинде, а потом по воле римского властителя разделил владения между сыновьями и вновь приехал в Константинополь, чтобы получить назначение наместника Палестины» [2]. По другим сведениям Имр был благосклонно принят в Константинополе, но был обвинен в измене спустя некоторое время и бежал. «Третьи свидетельства утверждают, что Юстиниан по просьбе князя Гасснского, командовавшего войсками империи на границе Сирии, сам послал за Имром, намереваясь воспользоваться его услугами для защиты границ Византии от персов. Историографы полагают, что Имруулькайс охотно принял приглашение, намереваясь с помощью императора вернуть себе престол, но так и не получил обещанного назначения» [2]. Как видим есть одно общее в сведениях. Имра приняли, но позже было обвинение и смертельный приговор. «Наиболее распространена романтическая версия, согласно которой Имр вызвал гнев императора, соблазнив его дочь» [2]. Эта история повторяется как в арабских, так и в византийских легендах. А зная стремления Имра к любовным историям и приключениям, можно считать ее основной. «Удивительное согласие царит в источниках, когда они рассказывают о смерти Имра. Согласно всем свидетельствам, поэт погиб от отравленной туники – коварного дара Юстиниана» [2].

Начинает свою трагедию со встречи Евнуха и Имра. Поэт-изгнанник рассказывает о цели прибытия в Константинополь и просит помощи.

С тех пор как я, бродяга безрассудный,
Узнал о том, что мой отец убит,
Я вечно слышу сердцем голос чудный,
Который мне о мщеньи говорит.
И этот голос, пламенем пропитан,
В толпе и битве заглушил бы всех,
Как будто тот, кому принадлежит он,
Одет в броню и леопардов мех.
Я клялся не носить духов в фиоле,
Не есть свежины и не пить вина,
И не касаться женщины, доколе
Моя обида не отомщена [5].

Евнуха эта клятва рассмешила: город утопает в роскоши, в сладости и еде. Сладострастным женщинам никто не может устоять. И во время случайной встречи Имра и незнакомки, царь-изгнанник в беседе рассказывает о чувствах любви.

Я б страсти научил тебя беспечной,
Да песням об истоме милых глаз
И радости ночной, но их, конечно
И пела и слыхала ты не раз [5].

Красота девушки и ее невинность пленили Имра и он обещает вернуться к ней.

Клянусь, со дня, когда я стал мужчиной,
Я не встречал еще таких, как ты,
Я не видал еще такой невинной,
Такой победоносной красоты.
Я клятву дал и изменить не смею,
Но ты огнем прошла в моей судьбе,
Уже не можешь ты не быть моею,
Я отомщу и возвращусь к тебе [5].

И Имр узнал, что это дочь императора Юстиниана – Зоя. О встрече молодых людей узнала императрица Феодора и упрекает Имра.

Вот это хорошо! Теперь я знаю,
Зачем приехал ты в Константинополь,
Лирический поэт, ужасный мститель,
Надменно давший клятву воздержанья.
Мы всем должны служить тебе, ты просишь

И войска, и девичьих поцелуев.

Что ж ты молчишь? Ответь! Куда речистей.

Ты с падчерицей был моей сейчас [5].

И Феодора хочет, чтобы Имр был посмелее в отношении царевны Зои. Поэт считает это испытанием и Феодора объясняется. Когда Зоя оскорбила Феодору, назвав ее распутницей. А сейчас у Феодоры есть шанс ответить Зое тем же.

Я так и знала, ты мне не поверил,

Но так как ты мне нужен, я открою

Тебе причину замыслов моих.

Однажды эта дерзкая девчонка,

Когда ее ударила я плеткой,

Вдруг побледнела, выпрямилась гордо

И назвала в присутствии служанок

Меня, императрицу Византии,

Александрийской уличной блудницей,

А я на трон не для того вступила,

Чтобы прощать такие оскорбления.

Пускай она окажется сама

Блудницею, и Трапезондский царь

Откажет опозоренной невесте! [5]

Но Имру не по душе такой поступок: его любовь приносит мир и радость, а не горе и позор; и он отказывается. Происходит встреча Трапезондского царя, (жениха Зои) и Имра. Царь – воин победитель. Ему не нравится богатство и роскошь Византия, он обладает лишь славой. И царь предлагают Имру руку дружбы и помощи. Но поэт в раздумьях.

Нет, я не дам руки, мы, люди юга,

Не византийцы, не умеем лгать

И веруем, что достоянье друга

Украсть позорно и грешно отнять [5].

Во время разговора Юстиниана и Евнуха, император рассказывает о своих подлых замыслах. Он готовится отравить праздничной туникой жениха дочери. Евнуху жаль царевну Зою, но император неумолим.

Что девичьи слезы

Пред пользой государства! Трапезонд

Приморский город и весьма торговый,

Он должен быть моим, он ключ к Кавказу.

Я не люблю войны, когда возможно

Устроить дело без пролития крови.

Пусть Зоя унаследует его,
Дочерней волей управлять я буду,
Еще одной жемчужиной бесценной
Украсится корона Византии [5].

Император выслушивает речь Евнуха о приезде Имра, о возможности завоевать уставшую от раздоров страну. Но не хочет, чтобы византийскими войсками командовал царь-изгнанник. Он поручает войско Трапезондскому царю, говорит о предстоящей свадьбе, рассказывает о подарке – украшенной тунике. И принимает решение держать Имра заложником в Константинополе.

Феодора сталкивает Трапезондского царя и Имра, рассказывая о встрече и беседе Имра и Зои. Зоя, смущенная речами Имра, пытается скрыть свои мысли. Но царь догадывается.

При встрече царь и Имр упрекают друг друга: Имр забрал сердце Зои, а царь ведет войска против бедуинов. Ссора завершается арестом Имра.

Феодора, которая сумела убедить Императора в своей любви, пытается спасти от заключения Имра. Трапезондский царь догадывается о лицемерии Феодоры: «я знаю, Что там, где ты – измена и насилье, Ты думаешь, что эхо этих зал Тебе одной рассказывает тайны? Царевну ты назначила арабу, Ты разжигашь в нем и страсть и месть» [5].

Подстроив встречу Имра и Зои, Феодора начинает выполнять план мести. Имра и Зоя признаются в любви. И в так же Имр узнает, что Феодора ранее была его любовницей. Царь-изгнанник через Феодору добивается права командовать войском и отправляется мстить. Император и царь узнали, что Зоя любовница Имра. Царь покончил собой. Император повелел отравить отравленную тунику вслед Имру, а дочь свою Зою отправляет в монастырь. Так Феодора отомстила Зое за свою обиду.

Необходимо отметить, что мы видим гумилевскую подачу истории. Ведь в легендах не уточняется: была ли обольщенная дочерью императора, была ли реально та группа действующих лиц. Основной момент этой трагедии это треугольник Имр – Зоя – Царь в мести Феодоры за оскорбление Зое.

Г. Струве в статье «Отравленная туника. История и исторические персонажи» укажет: «В своей статье об «Отравленной тунике» Л.И. Львов писал, что эта пьеса является плодом одновременно и его [Гумилева] поэтического вдохновения, и его литературно-исторической эрудиции... Делал он это не по незнанию, а, вероятно, вполне сознательно. руководствуясь в первую очередь драматическими соображениями [11].

Несомненно одно – личность арабского поэта-царя, искателя любовных и военных приключений затрагивает родственные струны в душе русского поэта.

Литература

1. Арабская поэзия средних веков. Библиотека всемирной литературы. Т. 20. – М., 1975, – с.767.
2. Альбрехт, Т. Имр эль Каис: поэт-изгнанник, бродячий царь [Электронный ресурс] // Николай Гумилёв. Электронное собрание сочинений. <https://gumilev.ru/verses/> (дата обращения: 02.08.2023)
3. Адамович, М. Николай Гумилев и зарубежная Россия. Выступление на вечере памяти Н.С. Гумилева 20 апреля 2011 года [Электронный ресурс] / Мария Адамович. <https://magazines.gorky.media/interpoezia/2011/1/nikolaj-gumilev-i-zarubezhnaya-rossiya.html> (дата обращения: 02.08.2023)
4. Большевики расстреляли, монархист уродует (Рец. на кн.: Полушин В. Николай Гумилев. Жизнь расстрелянного поэта. – М., 2006) [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение, – № 2. – 2008 <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/2/bolsheviki-rasstrelyali-monarhist-uroduet.html> (дата обращения: 02.08.2023)
5. Гумилёв, Н. Отравленная туника. Трагедия в пяти действиях [Электронный ресурс] // Николай Гумилёв. Электронное собрание сочинений. <https://gumilev.ru/verses/> (дата обращения: 02.08.2023)
6. Дьяконова, Е.В. Очерки истории арабской литературы. – Часть 1. [Электронный ресурс] / Евгения Васильевна Дьяконова. <https://proza.ru/2012/12/14/822> (дата обращения: 02.09.2023)
7. Печальная доля... (Обзор книг о Н. Гумилеве) [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. – № 1. – 2005. <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/1/pechalnaya-dolya.html> (дата обращения: 02.08.2023)
8. Рахманов, Б.Р. Художественное своеобразие «восточной повести в русской литературе первой трети XIX века (образы, тематика, первоисточники и проблемы перевода): монография / Рахманов Б.Р. – Душанбе: РТСУ, 2016. – 208 с.
9. Родионов М.А. Голубая бусина на медной ладони –Л.: Лениздат, 1988 . - с.144. <http://nmm-club.me/forum/viewtopic.php?t=795953>
10. Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса), в 9 томах. - Санктпетербургъ, 1859.
11. Струве, Г. Отравленная туника. История и исторические персонажи [Электронный ресурс] / Глеб Струве // Николай Гумилёв. Электронное собрание сочинений. <https://gumilev.ru/verses/> (дата обращения: 02.08.2023)
12. Слободнюк, С. Элементы восточной духовности в поэзии Н.С. Гумилева [Электронный ресурс] / Сергей Слободнюк // Николай Гумилёв.

Исследования. Материалы. Библиография. <https://gumilev.ru/about/104/> (дата обращения: 02.08.2023)

13. Улокина, О. Тема Востока в творчестве Н.С. Гумилева [Электронный ресурс] / Ольга Улокина // Національна ментальність і культура. – Вип. 1. – Одеса, 2003. – С. 153 – 160. <https://gumilev.ru/about/118/> (дата обращения: 02.08.2023)

14. Чудинова, Е. Об ориентализме Николая Гумилева [Электронный ресурс] / Елена Чудинова // Филологические науки. – 1988. – № 6. <https://gumilev.ru/about/7/> (дата обращения: 02.08.2023)

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»

Алиева Марям

магистрант 1 года обучения кафедры мировой литературы факультета русской филологии, журналистики и медиатехнологий РТСУ

Русакова М.В.

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры мировой литературы
Российско-Таджикский (Славянский) университет
ул. Мирзо Турсун-заде 30, 734025 Душанбе, Республика Таджикистан
rusakova-74@mail.ru

Аннотация: В статье на основе анализа судьбы образа Аркадия из романа Ф.Достоевского «Подросток» показывается концепция писателя, касающаяся становления характера молодого человека, определения своего места в дворянском мире.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Подросток», становление личности, «выброшенные» дети, социальная и моральная атмосфера.

Вторая половина XIX века – период тектонических сдвигов в социальной сфере России. Реформы правительства, популяризация нигилизма в обществе, революционные тенденции становятся знаковыми характеристиками того времени. Эти и другие явления детерминировали общественное сознание настолько, что под их влиянием начал постепенно разрушаться традиционализм дворянского семейного уклада. Всего этого Ф.М. Достоевский не мог не заметить. Особенно его заботила проблема молодого поколения в тех дворянских семьях, которые попали под каток социально-политической

трансформации. Появление «выброшенных» детей, «случайных семейств», формирование их двойственного сознания, потеря корней и устойчивых убеждений отражены в предпоследнем романе писателя «Подросток».

Одна из примечательных особенностей Ф.М. Достоевского заключается в том, что его художественные полотна – это такой срез жизни, который очень красочно передает все изъяны и язвы общества. В связи с этим В.Я. Кирпотин справедливо отмечает, что «социальная и моральная атмосфера, в которой разворачивается действие «Подростка», характеризуется разрушением семейств, акционерными аферами, азартными играми, в которых в одно мгновение спускались и создавались состояния, разложением аристократии, бездомностью, самоубийствами вследствие нищеты или оскорбленной гордости, браками по денежному расчету, шантажом, уголовщиной» [4, с. 240].

При этом важно отметить, что писатель считал, что человек на земле – «существо переходное», незавершенное, и часто любил изображать душу человека в кризисные моменты жизни. По мнению Ю.И. Селезнева, «Достоевский пытается именно в хаосе современности отыскивать ответы о будущем» [5, с. 112].

Говоря о романе «Подросток», многие литературоведы отмечали структурную нацеленность произведения на передачу и донесение сути времени. Суммируя нарратив исследовательских интенций, можно заключить, что роман не имеет четкости, отходит от классической линии традиционного русского романа XIX века. Очевидно, Ф.М. Достоевскому это было необходимо для того, чтобы подчеркнуть переходность, хаотичность времени, историческое распустье пореформенной России.

Социальный кризис шел об руку с кризисом моральных устоев, о чем говорит в «Подростке» Николай Семенович, какое-то время бывший воспитателем главного героя: «уже множество таких, несомненно родовых, семейств русских с неудержимую силою переходят массами в семейства случайные и сливаются с ними в общем беспорядке и хаосе» [1, с. 692].

Подобные трансформации в дворянской среде существенно пошатнули вековые устои благородного сословия. На примере повести «Капитанская дочка» А.С. Пушкина мы знаем, какие ценностные ориентиры прививались в дворянских семьях молодым людям. Если речь шла о мальчике, то его воспитывали в духе патриотизма и служения Отечеству, развивая в нем понятия о чести, благородстве, почтении старших, верности долгу и т.п. Каждый молодой дворянин был носителем многовековых традиций и гордился своим благородным происхождением. Ф.М. Достоевский в своем дневнике говорит о том, что «этот довольно стойкий кодекс правил доблести и чести, в целом всегда бывал, конечно, довольно условен и с идеалами народными

иногда даже сильно разнился, но в некоторых пунктах он бывал довольно высок» [3, с. 194].

Сознание главного героя романа, Аркадия Долгорукого – это арена столкновений противоречивых оценок внешнего мира, непонимания своего места в нем. В нем уживаются любовь и ненависть, которые могут проявляться к одному и тому же объекту переживаний; бахвальство и самоуничижение. Эта амбивалентность во внутреннем мире героя обусловлена основным противоречием его жизни: «я – законнорожденный, хотя я, в высшей степени, незаконный сын» [1, с. 140].

Главный герой романа вспоминает: «Я был, как выброшенный, и чуть не с самого рождения помещен в чужих людях... случилось, что до двадцатого года я почти не видал моей матери, кроме двух-трех случаев мельком» [1, с. 150].

Что касается отца, то его Аркадий вообще видел «только раз в жизни, на миг», когда герою было «всего десять лет». Никаких теплых эмоциональных воспоминаний о семье у героя в его духовном багаже, конечно, не имеется. Его душа полна обиды, злости, даже цинизма. Для него не существенен даже авторитет и святость матери, которую он смело, без стеснения, будто постороннего человека, подвергает критике. Отца же считает «высокомерным», «небрежным», бросившим его в люди и никогда не пожалевшем об этом и даже не выделявшим денег на содержание сына. Аркадий – это пример подростка с незавершенной «программой» семейного воспитания, его сознание демонстрирует дефицит конструктивных психологических направленностей. Однако в то же время душа подростка тянется к свету, добру, ищет нравственные опоры. Вот мысли об отце: «Я с самого детства привык воображать себе этого человека, этого «будущего отца моего» почти в каком-то сиянии... Каждая мечта моя, с самого раннего детства, отзывалась им: витала около него, сводилась на него в окончательном результате. Я не знаю, ненавидел или любил я его, но он наполнял собою все мое будущее, все расчеты мои на жизнь, - и это случилось само собой, это шло вместе с ростом» [1, с. 153].

Особенностью взросления Аркадия становится неопределенность жизненных приоритетов. Но это касается не только незаконных детей Версилова, но и официальных, которые также не были воспитаны в полноценной семье: «Маленькие дети его были не при нем, по обыкновению, а у родственников; так он всю жизнь поступал со своими детьми, с законными и незаконными» [1, с. 141]. Оттуда же и душевные метания Анны Андреевны: план замужества за старика князя Сокольского – желание уйти в монастырь, борьба за наследство – отказ от денег.

Герой романа воспитания Ф.М. Достоевского – типичная жертва социального зла, исторических обстоятельств. Писатель показывает, что подросток лишен прочных связей с родственниками, традицией, с социумом. В черновиках писатель уточняет главную мысль романа: «Во всем идея разложения, ибо все врозь и никаких не остается связей не только в русском семействе, но даже просто между людьми... Столпотворение вавилонское. Ну, вот мы, русская семья. Мы говорим на разных языках и совсем не понимаем друг друга...» [2, с. 35]. Таким образом, Достоевский подчеркивает особую важность обстановки, традиций и культурной почвы, на которой растет человек.

Аркадию приходится остро переживать сложности подросткового возраста, усиленные вследствие его социального неблагополучия. Например, в пансионе француза Тушара, где воспитывался Аркадий, он сразу же сталкивается с социальной дискриминацией: за его нахождение в среде аристократии Тушар требует денежную прибавку, а, получив отказ, при всех бьет по лицу Аркадия и унижает его: «Ты не смеешь сидеть с благородными детьми, ты подлого происхождения и все равно, что лакей!» [1, с. 251]. При этом «благородные» дети смеются над ним, тоже бьют его, заставляют им прислуживать. Ребенок долго не понимает, в чем его вина, думает, что он, действительно, «что-то сшалил» и начинает даже выслуживаться перед Тушаром, целует ему руки, угождает другим детям и, в конце концов, решает бежать из пансиона. Все это герой рассказывает отцу и матери, и в завершении следует вывод, что все это воспитало в нем самые низкие качества: лакейство и нерешительность, за что он сам себя глубоко презирает. Достоевский показывает, что те отрицательные задатки, которые есть в ребенке, приводят к формированию определенных качеств под воздействием постоянных негативных факторов.

Хотя автор романа не перекладывал всю вину на социальные обстоятельства и не снимал с человека ответственности за его грехи, тем не менее, влияние среды определенно прослеживается при формировании раздвоенных, дисгармоничных, мучающих себя и других характеров его героя-подростка. Ф.М. Достоевский объяснял это так: «Я взял душу безгрешную, но уже загаженную страшною возможностью разврата, раннею ненавистью за ничтожность и «случайность» свою и тою широкостью, с которою еще целомудренная душа уже допускает сознательно порок в свои мысли, уже лелеет его в сердце своем, любит его еще в стыдливых, но уже дерзких и бурных мечтах своих, - все это оставленное единственно на свои силы и на свое разумение, да еще, правда, на Бога. Все это выкидыши общества, «случайные» члены «случайных» семей» [3, с. 228].

Аркадий срывает свою обиду и злость за свое украденное детство, униженное достоинство на внешнюю среду. Он вооружается «идеей Ротшильда», которая ему кажется единственно правильной дорогой в жесткой окружающей действительности. Именно деньги, по его мнению, должны стать средством достижения свободы, независимости, спокойствия и благополучия в жизни. Без денег, в бедности он не смог найти гармоничных отношений с людьми, а деньги дадут хотя бы иллюзию этих отношений. Он сам признается позже, что пытался найти общий язык с другими людьми, но все грустно заканчивалось: «Я мигом бы отвечал откровенному откровенностью и тотчас же стал бы любить его. Так я и делал, но все они тотчас же меня надували и с насмешкой от меня закрывались» [1, с. 220]. Поэтому неудивительно, что подросток пришел к такому выводу: «Я, может быть, и буду делать добро людям, но часто не вижу ни малейшей причины им делать добро. И совсем люди не так прекрасны, чтоб о них так заботиться» [1, с. 220].

Подростковый возраст – время поиска своего места в мире, и нормально, когда молодой человек мечтает о достойном месте среди людей, пусть эти мечты и несут отпечаток юношеского максимализма. Но путь самоутверждения очень сложен и сопряжен с ошибками и падениями.

В романе «Подросток» описано общение Аркадия с молодежью из революционного кружка Дергачева, встреча с которой также необходима для его духовного становления. Аркадий признается себе, что хранил свою заветную идею про себя, боясь высказать ее вслух и тем самым унижить. Но на собрании демократической молодежи он не смог удержаться, потребность общения у него столь сильна, что юноша подробно изложил свою философию, хотя и не говорил конкретно об «идее Ротшильда»: «И вот, у Дергачева, с первого почти столкновения не выдержал... Воспоминание скверное! Нет, мне нельзя жить с людьми; я и теперь это думаю; на сорок лет вперед говорю. Моя идея – угол» [1, с. 189].

Ф.М. Достоевский описывает период вхождения во взрослую жизнь Аркадия, который, окончив гимназию в Москве, приезжает в Петербург и погружается в водоворот человеческих отношений, страстей и интриг. Аркадий не остается безучастным ко всем событиям, он активно действует и все осмысляет. И хотя его излюбленной идеей является «угол», уход от людей в свой мир, он оказывается вовлеченным в «дела чести» Версилова, вызывает на дуэль князя Сергея Сокольского, давшего когда-то пощечину Версилу, становится обладателем важных писем о наследстве князя Сокольского, влюбляется в Катерину Николаевну Ахмакову, общается с Макаром Долгоруким и впитывает его мудрость, отдает дань игорной страсти и т.д. Таким образом, Ф.М. Достоевский делает своего подростка социально очень

активным, отнюдь не только мечтателем (хотя рефлексия тоже сильно развита у него), тем самым, показывая, что, только приобретая жизненный опыт, можно чему-то всерьез научиться и внутренне измениться, духовно обогатиться.

Проанализировав позицию Ф.М. Достоевского по вопросу влияния среды на формирование личности, можно сделать вывод, что писатель придавал огромное значение факторам внешней среды в воспитании молодого человека. Он являлся реалистом и правдиво изображал исторические условия жизни своих героев, тем самым, вскрывая глубинные причины тех психологических проблем подростков, которые лежат в социуме, семье или ее отсутствии и во многом определяют будущий характер человека. Первое, что выделял писатель как важнейший фактор воспитания – это наличие здоровой в нравственном плане семьи и любящих родителей, которых очень трудно заменить. Это тот фундамент, на котором потом будет построена вся судьба человека. Кроме того, велико значение фактора успешной социализации в среде сверстников, что порой дается с трудом юному герою Аркадию. Но только через испытания, падения и приобретение опыта можно чему-то научиться, что подробно и описывает Ф.М. Достоевский в своем «Подростке», повествуя о сложностях вхождения во взрослый мир своего героя. Аркадий – очень чуткий и мыслящий подросток, он глубоко переживает все впечатления жизни, перерабатывает их в себя, ведь только так он может познать этот мир и научиться в нем жить. Ф.М. Достоевский изображает противоречивый, двойственный мир души подростка, таящий все возможности. Такое глубокое проникновение в душу подростка и гениальное изображение его внутреннего мира помогает взрослому читателю на примере художественных образов, ярких эпизодов из произведений глубже понять психологию детей, увидеть мир их глазами, осознать самоценность детского видения мира.

В романе Ф.М. Достоевского «Подросток» роль внешней среды на формирование характера главного героя носит системообразующий характер. Этот доминантный по своей роли мотив становится и сюжетообразующим «ферментом», указывая на ценностные приоритеты художественного мировоззрения Ф.М. Достоевского, влияя на распределение и поляризацию персонажей романа, становится фактором формирования жизненной стратегии главного героя. Строго говоря, писателя интересует душа человека в переломные моменты жизни (ведь эпохи отрочества, юности – это не простые периоды, а часто откровенно кризисные точки развития), при этом Ф.М. Достоевский усугубляет возрастные проблемы атмосферой эпохи, историческими реалиями пореформенной России. В самом деле, неблагоприятная среда порождает в человеке комплекс неполноценности, скрытое желание мести, вымещение злости даже на своих друзьях.

Литература:

1. Достоевский Ф. М. Подросток / Ф.М. Достоевский // Полн. собрание соч.: в 15 т. Т. 8. Вечный муж, Подросток. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989–1996. – С. 139-692.
2. Долинин А.С. Последние романы Достоевского: Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». – М.; Л.: Сов. писатель, 1963. – 344 с.
3. Достоевский Ф.М. Записная тетрадь 1876-1877 гг. / Ф.М. Достоевский // Полн. Собрание соч.: в 30-ти томах. Т. 29. Кн.2. Т. 24. Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь-декабрь. – Л.: Наука, 1986. – С. 187-314.
4. Кирпотин В.Я. Мир Достоевского: Статьи, исследования / В. Я. Кирпотин. – 2-е изд., доп. – М.: Сов. писатель, 1983. – 471 с.
5. Селезнев Ю.И. Достоевский / Ю.И. Селезнев. – М.: Молодая гвардия, 1981. – 543 с.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИЛОГИИ Л.СОЛОВЬЕВА О ХОДЖЕ НАСРЕДДИНЕ

Аслонова Наргис Маратовна

магистрант 2 года обучения факультета русской филологии, журналистики и медиатехнологий РТСУ

Русакова Марина Васильевна

кандидат филологических наук,

доцент кафедры мировой литературы

Российско-Таджикский (Славянский) университет

ул. Мирзо Турсун-заде 30, 734025 Душанбе, Республика Таджикистан rusakova-74@mail.ru

Аннотация: В статье на основе сопоставительного анализа жанра латифа и дилогии Л.Соловьева о Ходже Насреддине анализируются стилистические особенности этого произведения, роль и место архаизмов и восточных заимствований в повествовании, сочетание разговорной и книжной лексики, а также наличие старославянизмов.

Ключевые слова: Дилогия, стилистические особенности, архаизмы, старославянизмы, латифа, языковая стилизация, историзм.

Как известно, каждая из частей дилогии о Ходже Насреддине обладает законченным сюжетом и стройной композицией. Внешне они очень сходны: "Возмутитель спокойствия" состоит из трех частей, включающих тридцать восемь глав, "Очарованный принц" также делится на три части и тридцать девять глав. Каждой части предшествует эпитафия, точно определяющий ее содержание.

"Возмутитель спокойствия" посвящен пребыванию Насреддина в Бухаре, однако каждая из частей книги рассказывает о каком-то одном Ходже. Первая - герой путешествует по городу, живет среди простых людей, он - обыкновенный бухарец или приезжий, каких тысячи на восточном базаре. И эпитафия в первой части точно определяет ее содержание:

"Рассказывают также, что один простак шел, держа в руке узду своего осла, которого он вел за собою"[5].

Вторая и третья части "Возмутителя спокойствия" повествуют о Ходже Насреддине, облаченном в халат багдадского мудреца Гуссейна Гуслии. Образ народного героя, благодаря этому, предстает как бы в двойном освещении: позитивное - Насреддин наедине с собой, в мечтах о Гульджан, в душах о народе, в отношениях с подлинным мудрецом; и негативное - Насреддин в роли Гуссейна Гуслии, опытного и коварного царедворца. Такая искусственная двойственность в раскрытии характера Насреддина, во-первых, еще более возвеличивает его как народного героя, во-вторых, помогает более полно и всесторонне показать быт и нравы двора и тем самым окончательно развенчать эмира в глазах народа, и кроме того, подобные метаморфозы и модификации героя служат занимательному развитию действия, что подтверждается эпитафией во второй части:

"Вот любопытные происшествия, часть их случилась в моем присутствии, а часть рассказали мне люди, которым я доверяю.

Усама-Ибн-Мункыз; "Книга назидания" [5].

Вторая книга дилогии также отличается стройной композицией, особенностью которой - в кольцевом обрамлении. Действие "Очарованного принца" разворачивается между проводами Гульджан с детьми в Бухару и возвращением семьи обратно.

Вся первая часть, состоящая из двадцати глав, посвящена описанию походов и приключений Ходжи Насреддина вместе с его верным спутником - одноглазым вором в Коканде.

Вторая и третья рассказывают о событиях в горном солении Чорак. Наиболее важна в идейном звучании третья часть "Очарованного принца", в которой сконцентрировано решение всех проблем романа в частности, и всей

дилогии в целом. Гимн Жизни, Счастью и Труду звучит в ней вместе с гимном всему живому и прекрасному у нас на земле, вместе с гимном Человеку:

"Мир создан для хороших людей, плохие не все исчезнут!..

Зайнаддин-ибн-Абдусайд" [5] утверждает и эпиграф к третьей части.

Однако четкость композиции "Повести" несколько нарушает тридцать третья глава "Очарованного принца", посвященная детству Насреддина. Сам автор, как бы предвидя подобные замечания, довольно находчиво, в духе всего повествования, отвергает их:

"Другие скажут, что мы искусно вплели в книгу этот рассказ, что следовало бы найти ему иное место, более подходящее, - мы спорить не будем, опираясь на пословицу: "Таньга не превращается в динар, если переложить ее из правого кармана в левый" [5].

Стилистически же "Повесть о Ходже Насреддине" представляет собой яркое своеобразное явление. Леонид Соловьев, обогащенный опытом работы над узбекскими рассказами второй половины тридцатых годов ("Девяносто шестая женщина", "Солнечный мастер" и другие), выработал такую стилистическую систему, в которой и следа не оставалось от "поэтики захолустья"[1, с. 395] преобладавшей в его раннем творчестве.

Отказавшись от принципа монтажа латифа в работе над сюжетом и образами романа, Л.В. Соловьев не мог пойти по пути копирования стилистических особенностей латифа. В жанрово-стилистическом отношении анекдоты о Насреддине отличаются большим разнообразием и пестротой. В них иногда различимы напластования социально-речевых стилей; отличаются они так же разным соотношением юмора и сатиры, использованием игры слов или, напротив, развертыванием бытового сюжета как конструктивной основы композиции. Они колеблются между короткой юмореской и небольшой новеллой, обладающей иногда стилистическими чертами бытовой сказки.

Естественно, что писатель мог использовать весь этот разнородный материал лишь в той мере, которая соответствовала его главному творческому замыслу - создать образ народного героя, бунтаря Насреддина в рамках своеобразного жанра, представляющего собой органический сплав и романа-сказки, и сатирического романа, и историко-социального с элементами семейно-бытового.

Как известно, одной из стилистических проблем является проблема языковой исторической стилизации. Эта проблема усложняется проблемой воссоздания инонационального колорита. При чтении "Повести о Ходже Насреддине" постоянно возникает ощущение стилизованности всего повествования, иллюзия, что роман написан на языке изображаемой действительности.

Наиболее ясно стилизующие элементы выделяются в лексике.

Собственно стилизующую функцию выполняют в романе архаизмы, являющиеся по происхождению старославянизмами, количество их крайне ограничено: "отверз свои уста, тщетно длань, денно и ношно, врата и др." Так, в сцене суда над кузнецом Юсупом, обвиняя последнего, визирь Бахтияр употребляет старославянизмы, тем самым создается комический эффект, цель которого развенчать представителя власть имущих, показать его глупость и никчемность.

" ... Кузнец Юсуп, позабыв о замогильных страданиях и волосяном мосту для грешников, дерзко отверз свои уста для выражения неблагодарности" ...и потому «даровать кузнецу Юсупу двести плетей» [5].

Употребление витиеватых выражений старославянской речи в описании обычных даже сниженных явлений и событий: отверз свои уста - кузнец - плети, и создает, так называемый, комизм абсурда.

Еще более наглядно проявляется он в сценах, характеризующих эмира: «Клянемся нашими предками, вы все достойны того, чтобы повесить вас на городской стене!» - вспылал эмир и в раздражении отвесил мимоходом затрещину своему кальянцику, который как раз подсунулся в это время под его царственную длань" [5].

Сочетание разговорной лексики *подсунуться*, *затрещина* и высокого стиля *длань* также служит созданию комического эффекта.

Таким образом, архаизмы, являющиеся по происхождению старославянизмами, используются для характеристики господствующих классов, т.е. несут сатирическую нагрузку.

Несколько больше в лексике романа таких архаизмов, которые связаны с устаревшими реалиями (гороскоп, глашатай, водонос, зубодер, евнух и другие). Они непосредственно характеризуют изображаемую в романе жизнь, но в то же время в них есть оттенок сказочности:

«Я потратил только несколько дней на составление гороскопа эмира, дабы, будучи в пути, уже служить ему, наблюдая за движением планет и звезд, имеющих влияние на его судьбу» [5].

К таким архаизмам примыкают восточные заимствования - наиболее значительная группа стилизующей лексики. Такие слова, как *караван-сарай*, *минарет*, *таньга*, *фирман*, *пиала*, *гашиши*, *ятаган*, *мударисы*, *чадра* и другие, с разных сторон характеризуют жизнь Востока феодальных времен:

«В своем изгнании он всегда помнил узкие улочки, где арба, проезжая, боронит по обе стороны глиняные заборы; он помнил высокие минареты с узорными изразцовыми шапками, на которых утром и вечером горит огненный блеск зари, древние, священные карагачи с чернеющими на сучьях огромными

гнездами аистов; он помнил дымные чайханы над арыками в тени лепечущих тополей, дым и чад харчевен, пеструю сутолоку базаров; он помнил горы и реки своей родины, ее селения, поля, пастбища и пустыни, и когда встречал соотечественника, всегда узнавал его по узору на тюрбетейке и по особому покрою халата...» [5].

Однако не только смысловую нагрузку несут восточные заимствования, одновременно с этим они и стилистически значимы, в них важно само их звучание, их необычность для русского читателя. При этом следует отметить, что писатель крайне осторожен в употреблении "экзотизмов". Часто он заменяет русскими эквивалентами даже такие восточные заимствования, которые уже пользовались "правом гражданства" в русской литературе и известны русскому читателю. Например, слово "хауз" заменяется у Л. Соловьева словами "водоем" и "пруд": "водоем лежал в стороне от большой дороги..." [5].

В общем, не считая отдельных неудачных словоупотреблений, в каковом можно отнести описание лица Ядгорбека: «... самые рубцы на его изуродованном лице гудели и рокотали, как бы храня в себе от прошлых времен прерывистый рев медных боевых труб, свист обнаженных сабель, с привизгом ржанье коней, звон щитов и слитный бой барабанов, наполняющих яростью" (261), ясность и простота лексического состава в языке романа гармонически соответствуют простоте и четкости его образной системы, ее соотнесенности с фольклором.

Гораздо значительнее в стиле романа удельный вес разнообразных конструкций и приемов - вполне прозрачных на почве русского языка, - общая стилистическая роль которых сводится в силу их соотнесенности с образами восточного народного творчества и восточной книжности, к созданию яркого, хотя и несколько условного, национального колорита. Здесь и многообразные, виртуозно-сложные в речи Насреддина и примитивно-однообразные в речи эмира ругательства. Примером может служить следующее сопоставление:

Ходжа Насреддин: «Проклятый ишак, о сын греха, о вонючая тварь и позор всего живущего на земле!.. Да облезет твоя подлая шкура, да пошлет тебе всемогущий аллах яму на пути, чтобы ты поломал свои ноги, когда же ты, наконец, издохнешь, и я избавлюсь от созерцания твоей гнусной морды?!" [5].

Эмир: "О бездельники, о мошенники, ленивцы и глупцы, уминатели тюфяков, поглотители пищи и набиватели своих бездонных карманов!.. [5]... О болваны, подобные чурбакам..." [5].

Здесь и контрастирующая с подобными ругательствами семантика нежности и изящества, связанная с лирическим началом и особенно ярко

выразившаяся в пейзажах романа и в эпизодах, посвященных описанию любви Насреддина.

"Я люблю тебя, царица души моей, ты моя первая и единственная любовь. Я - твой раб и, если ты захочешь, сделаю все по твоему желанию! Вся моя жизнь была лишь ожиданием встречи с тобой, и вот я увидел тебя и больше уже никогда не забуду и жить без тебя не смогу!" [5].

Здесь и разнообразные приемы панегирической стилистики, и ходовые штампы, связанные с мусульманским культом и имеющие междометный характер, типа, о аллах...", и обращения в духе восточной торжественности:

"От Великого и Блистательного и Затмевающего солнце Властителя, Повелителя и Законодателя Бухары Эмира Бухарского - Великому и Блистательному и Затевающему солнце Властителю, Повелителю и Законодателю Хивы Хану Хивинскому посылаются розы привета и лилии доброжелательства" [5].

Все эти приемы, вкрапливаясь в повествовательную ткань и в речь персонажей, создают общий красочный и во многом сказочный фон. На нем расплываются и внутренне контрастируют в стилевой системе романа два слога - простой, лаконичный, с нечастыми вкраплениями восточной пышности, слог, связанный с образами Ходжи Насреддина и народа, и витиевато-изукрашенный, риторически-пышный слог, характеризующий эмира и его приближенных.

Таким образом, резюмируя сказанное, можно прийти к следующим выводам: в стилистическом отношении диалог о Ходже Насреддине представляет собой яркое многослойное явление, в значительной мере объясняющееся жанровым своеобразием произведения.

Проблема языковой исторической стилизации усложняется проблемой воссоздания инонационального колорита.

Наиболее ясно стилизующие элементы выполняются в лексике, в которой можно обнаружить следующие пласты: архаизмы, являющиеся по происхождению старославянизмами (длань, лик, денно и ночью и т.д.); архаизмы, связанные с устаревшими реалиями (гороскоп, глашатай, водонос и др.); восточные заимствования (гашиш, чадра, фирман и т.).

Значителен в романе удельный вес разнообразных конструкций и приемов, - все это создает красочный сказочный фон, на котором расслаиваются и внутренне контрастируют два слога, связанных с изображением Насреддина и народа и описанием эмира и его приближенных.

Все разнообразные стилистические контексты объединяются в единое целое образом повествователя, близкого изображаемой среде образом мыслей.

Языку книги свойственна точность, выразительность, лаконичность и многокрасочность. Есть в "Повести о Ходже Насреддине" четкие, чеканные

фразы, точно и трезво выражающие прозу жизни. Рядом с поэтическим пейзажем писатель смело помещает снижено-бытовые описания, где есть едкая пыль, пот; рядом с броской скупой деталью - развернутое красочное определение. И все это сливается в единое многоцветное целое, чему немало способствует авторское чувство меры и вкуса.

Литература:

1. Андрианов Ю.П. Леонид Соловьев и его роман об узбекском фольклорном герое // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. -Выпуск 6-Т. 124.
2. Вулис А. Советский сатирический роман.- Ташкент: Наука, 1965.
3. Карасев Ю. Ходжа продолжает жить // Москва.-1957.-№4.
4. Молдавский Д. Повесть о Ходже Насреддине и ее автор // Л. Соловьев Повесть о Ходже Насреддине. – ГИХЛ, М.-Л., 1960.
5. Соловьёв Л. Повесть о Ходже Насреддине [Электронный ресурс] <https://litmir.club/br/?b=265208&ysclid=lub4pbkfdv393498298> (дата обращения: 28.03.2024)

ОБРАЗЫ МАТЕРЕЙ В РАССКАЗАХ Н.ТЭФФИ

Собирова Гузал

магистрант 1 года обучения кафедры мировой литературы факультета русской филологии, журналистики и медиатехнологий РТСУ
guzalsobirova01@gmail.com

Русакова Марина Васильевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры мировой литературы
Российско-Таджикский (Славянский) университет
ул. Мирзо Турсун-заде 30, 734025 Душанбе, Республика Таджикистан
rusakova-74@mail.ru

Аннотация: В статье на основе сопоставительного анализа рассказов Н.Тэффи «Мать» и «Рюлина мама» раскрываются черты патологической материнской любви к сыновьям и дочерям, обосновываются причины обращения писательницы к данной теме.

Ключевые слова: Н.Тэффи, мать, Мадам Бовэ, Рюлина мама, патологическая любовь.

Тема материнства всегда волновала художников, поэтов, писателей. Образ матери как символ вечной правды, красоты, жизнеутверждения встречается в работах мастеров древности, средневековья, эпохи Возрождения. Леонардо да Винчи, Санти Рафаэль, Лукас Кранах... Именно с их полотен на нас смотрят нежные, искренние, сильные лики Матери.

В середине XX века к этому образу обращались в своих произведениях Н.Распутин («Прощание с Матёрой», «Последний срок», «Дочь Ивана, мать Ивана» и др.), В.Шукшин - «Боря», «Материнское сердце», «В профиль и анфас» и тд.

Образ матери встречается в рассказах Надежды Тэффи – русской писательницы, известной, в основном, своими юмористическими рассказами. Матери ею посвящены рассказ с одноимённым названием «Мать», «Мать Рюли», «Лунный свет» и др. Однако до сих пор литературоведы не обращали внимания на созданные писательницей образы матерей и, тем более, теме взаимоотношений матери и дочери. Как говорят исследователи, проблема заключается в том, что «литературный процесс у нас был большей частью «мужского рода», а отношения мать-дочь остаются вне поля зрения мужчины»[3].

В рассказе «Мать» прежде чем начать рассказ о мадам Бове, Тэффи напоминает читателю о том, что дети для матери, какими бы большими они не были, всегда остаются маленькими: «Для Шарлотты Бове ее Поль навсегда остался двухлетним мальчиком, толстым, капризным и беззащитным. Он «маленький мальчик Поль». Глядя на кряжистого, коренастого молодого человека с квадратным лицом на короткой шее, она видела пухлое личико с ямочками на щеках» [4].

Об этой женщине мы знаем очень мало: она жила в России, была замужем за Французом, муж умер, а позже, уже с семнадцатилетним сыном, она переехала в Париж. Мы понимаем, что жизнь этой женщины пуста, а потому вся её любовь сконцентрировалась на единственном родном существе – сыне. Она позволяет ему с младенчества причинять ей боль, думая, что она сильнее его, но не думая, что перед ней – будущий мужчина, её опора, что она должна внушить ему уважение к себе, почитание как матери, что он не всегда будет маленьким и беззащитным, а вот капризным – всегда.

Они жили впроголодь, Поль был абсолютно не приспособлен к жизни, а потому скоро забросил все дела и предался праздной жизни. Вместе с товарищами он проживал в их с матерью доме за её счёт. Друзья дали матери кличку «индюк», и он не сопротивлялся, не проявлял к матери никаких чувств, никакой привязанности. Узнав о своём прозвище, мадам Бове «не смела обидеться. Она боялась мальчишек, боялась, что они уведут Поля из дому. Он

постоянно грозился уйти, был требователен, и груб, и всегда всем недоволен». Таким образом, незаметно для мадам Бове её сын приобрёл над ней власть, а она из-за своей слепой любви и боязни потерять сына потворствовала ему.

Мадам Бове можно сравнить с фонвизинской госпожой Простаковой из «Недоросля» Д.И. Фонвизина. Её материнская любовь выражена в чрезмерном внимании к ребенку. Женщина никогда не ругала своего сына Митрофанушку, во всем потакала, в результате чего из сына вырос настоящий лентяй. Митрофаном же такая опека со стороны матушки воспринималась как само собой разумеющееся, он уделял внимание только личным интересам и желаниям, которые исполняла помещица. Но, когда она утратила свою власть и могущество, этот детина в такой трудный час, не задумываясь, отвернулся и не предложил ей помощи. Здесь также сыновьями материнская любовь не ценится по достоинству.

Однако в рассказе Н.Тэффи Поль хуже Митрофанушки, а мадам Бове – лучше Простаковой. Поэтому в произведении Тэффи раскрывается другая грань слепой материнской любви – если Простакова старается устроить сытую жизнь своему сыну, понимая, что сам он не справится, то мадам Бове идёт из-за сына на преступление.

Когда Поль с друзьями окончательно «засел» в доме, мадам Бове стала выклянчивать деньги для них у русских эмигрантов. Сначала со стыдом и гордостью, потом врала, что день нужны на первое время, пока сын встанет на ноги и, в конце концов, превратилась «в старого верблюда», везущего на своём горбу взрослого детину.

А потом случилось самое страшное – она призналась в убийстве, которое совершил её сын. Без страха, но полубезумная, она шла на казнь. Но мы ощущаем какое-то чувство удовлетворения в её состоянии – она счастлива тем, что смогла пожертвовать своему сыну-негодяю самое главное – свою жизнь.

Таким образом, Н.Тэффи показала пример патологической любви, которая привела к тому, что женщина утратила чувство собственного достоинства. Тэффи показала не материнскую любовь, а какую-то собачью привязанность, потому что в настоящей материнской любви раскрываются высочайшие качества женщины.

Ситуация, описанная в рассказе Н.Тэффи, встречается в жизни часто. Так, например, известный писатель Алексей Константинович Толстой (один из создателей Козьмы Прутков), до самой смерти страдал, не осмелившись жениться на любимой девушке, – потому что его мать не хотела, чтобы он женился.

Говоря о воплощении в творчестве Н.Тэффи образа матери, следует задаться вопросом о причинах обращения писательницы к этому образу. Как

пишут литературоведы, «о детстве Надежды Лохвицкой не сохранилось никаких документальных источников. Мы можем судить о нём лишь по множеству весёлых и грустных, но удивительно светлых литературных рассказов о детях, которые наполняют творчество Тэффи. Возможно, одна из любимых героинь писательницы – трогательная врушка и фантазёрка Лиза – несёт в себе автобиографические, собирательные черты сестёр Лохвицких»[2].

Но жизнь её сложилась в эмигрантской среде, в Париже. Возможно, на создание подобных произведений о матерях её натолкнула реальная жизнь – тяжёлое положение российских эмигрантов. Об этом свидетельствует и место действия в произведениях, и указание на связь героев с русскими эмигрантами. Смеем предположить, что, будучи сама матерью двух дочерей и единственного сына, Тэффи близко к сердцу воспринимала тяжёлое положение русского дворянства в эмиграции, что хорошо прослеживается в рассказе «Рюлина мама».

В этом рассказе писательница уже раскрывает любовь матери к дочери. Обоих Тэффи характеризует «нераздельной парочкой».

Тэффи описывает Рюлю, то есть Юлию Кинскую, следующим образом: «Рюля, вернее, Юлия Кинская, пухлая девица восемнадцати лет, обучавшаяся танцам и пластике в частной школе, была в некотором роде феноменом. Она состояла из двух частей, кое-как свинченных вместе крепким ременным поясом. Одна часть Рюли, верхняя, была очень мила, стройна, с узенькими плечиками, тонкими руками и гибкой спиной. Вторая часть, нижняя, была нечто вроде лошадиного крупа, заканчивающегося тяжелыми ногами могучего першерона. Девушка-центавр. Почему выбрала она для себя танцевальную карьеру – трудно было понять. Вероятно, когда она начала учиться танцам, это «раздвоение личности» еще не так резко определялось»[4].

На фоне своей исполинши-дочери «Рюлина мама, маленькая, щупленькая поблекшая женщина с умоляющими глазами и нервными жестами, одетая в какое-то муругое тряпье, очевидно, Рюлины обноски, типичная театральная мамаша, вся насторожившаяся, готовая каждую минуту ринуться в бой, отстаивая интересы дочери, – давала немало развлечений всей труппе своей комической фигурой» [4]. Как видим, теперь Тэффи изображает материнскую собачью преданность, выраженную в желании разорвать любого, кто встанет на пути дочери.

Отца у девочки, так же, как и у Поля, не было, поэтому всю свою нерастраченную любовь мать «вылила» на Рюлю. На репетициях мать, знавшая тяжеловесность и, наверное, отсутствие таланта в своей дочери, была постоянно с ней, поправляя дочь и подсказывая ей. В этом рассказе абсолютно отсутствует драматизм ситуации рассказа «Мать», наоборот, мать Рюли создаёт

комический эффект: «В каком-то экстазе, красная, растерянная, она повторяла все Рюлины движения. Особенно смешно выходило, когда она изящно вытягивала свою ногу в стоптанном башмаке и буром шерстяном чулке» [4]. Поведение матери способствовало тому, что она отвлекала внимание от неуклюжести дочери. Бедная женщина, так стремящаяся устроить судьбу своей дочери, делала только хуже себе и ей. Носясь по залу вместе с дочерью, она вела себя, «как пьяная ведьма, дикая маменька. Спектакль был редкостный. Из других театров стали забегать актеры посмотреть на чудище» [4]. Но чудищем-то она была только на фоне своей дочери: во время репетиции в отсутствие Рюли (она вывихнула ногу), мать «отлично проделывала все, что нужно, и даже более того. Она внесла в заключительный галоп нимф столько бурной стихийности и так увлекла других, что режиссер даже рот открыл.

– Ну, наконец-то эта картина идет как следует! – воскликнул он. – А то все ползали, как сонные мухи, вакханки, черт вас подери!

– А мама-то какова? – удивлялись после репетиции актеры. – Она, конечно, ведьма. Смотрите-ка, что разделявает» [4].

В дальнейшем на репетициях режиссёр даже заставлял актрис брать с матери пример. Но апофеозом рассказа является концовка, в которой режиссёр предлагает матери всегда выступать в отрепетированной роли, от чего мать категорически отказывается.

Таким образом, в этом рассказе мы встречаемся с другим видом патологической материнской любви, направленной уже не на сына, а на дочь, и, во-вторых, вызванной тем, что мать здесь выступает неким деспотом – именно по её решению, как нам кажется, Рюля занимается танцами. Видимо, в выборе карьеры для дочери на первый план выдвинулись несбывшиеся мечты её матери. Таким образом, «гипер-оперка» матери связана с её несложившейся судьбой, невоплощёнными мечтами.

Современные психологи называют такой феномен отношений между матерью и дочерью феноменом «требования повтора»: ««Требование повтора» это приём, которым пользуется мать для того, чтобы спроецировать себя на дочь, и, таким образом, сделать из дочери собственного клона» [1, 5].

Рюлю можно сравнить с фонвизинским Митрофанушкой Простаковым, но она ни в какое сравнение не идёт с Полем мадам Бове. В рассказе девочку почти не слышно – у неё нет своего мнения, в отличие от Поля. Также ни в какое сравнение не входят мадам Бове и Рюлина мама. Эта женщина, хоть и маленькая, плохо одетая, но она до конца сохраняет чувство собственного достоинства. Она гордая, её нерастраченной любви хватает на всех окружающих – она может быть всем полезна, потому что всегда при ней булавки и прочая мелочь. И, несмотря на то, что в рассказе она названа

«чудовищной», чудовищем на самом деле является мадам Бове, которая вырастила преступника, покрывала его и в отличие от горьковской матери, убившей своего сына-предателя, даже не испытала угрызений совести.

Литература:

1. Аномалии родительской любви: «заботливая мать» [Электронный ресурс]// Режим доступа: http://pravoslavie.by/page_book/zabotlivaja-mat (дата обращения: 09.04.2023)
2. Биография Надежды Тэффи [Электронный ресурс]// Режим доступа: <https://md-eksperiment.org/post/20190122-biografiya-nadezhdy-teffi> (дата обращения: 09.04.2023)
3. Гаврилина О.В. Образ матери в женской прозе конца XX века / О.В. Гаврилина // Русское слово: восприятие и интерпретации: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (19–21 марта 2009 г., г. Пермь): в 2-х т. – Пермь: Перм. гос. ин. искусства и культуры, 2009. – Т. II. – С. 335–342. // <https://womens-texts.livejournal.com/19622.html?> (дата обращения: 09.04.2023)
4. Тэффи, Н.А. Рассказы / Н.А. Тэффи // Собрание соч.: В. 5 т.- Т.4. Книга Июнь. О нежности. - М.: Книжный клуб Книговек, 2011 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/teffy-ss05-04/teffy-ss05-04.html#s002001> (дата обращения: 09.04.2023)
5. Что такое материнская любовь – аргументы [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://anatomiya-zdoroviya.ru/zhenskoe-zdorove/psihologiya-otnoshenij/chto-takoe-materinskaya-lyubov-argumenty.html> (дата обращения: 09.04.2023)

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖЕНСКИХ СУДЕБ В СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ОЧЕРКАХ 20-30-Х ГГ. XX В.

Зоирова Фируза

магистрант 1 года обучения кафедры мировой литературы факультета русской филологии, журналистики и медиатехнологий РТСУ

Русакова М.В.

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры мировой литературы
Российско-Таджикский (Славянский) университет
ул. Мирзо Турсун-заде 30, 734025 Душанбе, Республика Таджикистан
rusakova-74@mail.ru

Аннотация: В статье на основе анализа среднеазиатских очерков Ю.Фучика «Нуриниса Гулям едет на осле», «История жизни Таджихон Шадиевой» и очерка И.Ильфа «История жизни Таджихон Шадиевой» делается вывод о том, что очеркистов 20-30-х гг. XX века интересовали в судьбах описываемых женщин нищенская жизнь до замужества, безрадостное детство, вынужденное и несчастливое замужество, беспросветная жизнь в доме мужа, но главное – способность перечеркнуть прошлое ради счастливого будущего.

Ключевые слова: очерк, женские образы, Средняя Азия, Ю.Фучик, И.Ильф.

В 20-30-е годы XX века в советской литературе появляется повышенный интерес к жизни и быту народов далёких окраин, особенно народов Востока. Интерес этот во многом объясняется бурными преобразованиями в их жизни, связанными с социалистическим строительством. Широко практиковавшиеся коллективные поездки писателей в отдалённые районы тогдашнего Советского Союза значительно расширили географические районы охватываемого русской литературой материала.

Поездки первой и второй писательских бригад в Среднюю Азию вызвали затем немало интересных произведений в творчестве таких авторов, как Н.Тихонов, П.Павленко, В.Луговской, Л.Леонов, П.Лукницкий и др. Для большинства авторов, писавших о Востоке, характерен интерес к тем новым явлениям, которые принесла с собой Октябрьская революция: к социалистическим стройкам, к росту личности человека Средней Азии, ранее бесправного, а теперь привыкающего чувствовать себя хозяином жизни.

Ведущим жанром в творчестве писателей, работавших над

среднеазиатской тематикой, становится художественный очерк.

Русский очерк о среднеазиатской действительности (И.Ильф «Москва-Азия»(1921/5), Б.Лапин «Повесть о стране Памир»(1929), Б.Пильняк «Таджикистан. Седьмая советская»(1931), Ю.Фучик «В стране, где наше завтра уже стало вчерашним днем» и «Путешествие по Средней Азии» и др.) содержит огромный познавательный материал, широко отражавший важнейшие события строительства в Средней Азии. Данные очерки в основном посвящены трём основным темам: борьбе народа с басмачеством, социалистическому строительству и краеведению[шахиди,13].

Особый интерес очеркисты проявляли к женщинам Средней Азии. Так, например, Ю.Фучик отмечал: «Судьба женщин еще более удивительна, чем судьба мужчин. Узбекские, таджикские, туркменские мужчины были рабами русских капиталистов и царских колониальных сановников. Узбекские, туркменские женщины были рабынями этих рабов»[фучик,20].

На наш взгляд, увлечённость Ю.Фучика изображением женских судеб не случайна и потому, что данная тема была актуальна в русской литературе 1930-х гг. На данный факт указывает то, что мартовский номер журнала «Наши достижения», издающийся под руководством М.Горького, был полностью посвящён советской женщине. Номер открывался статьёй М.Горького «О женщине» - «слово гнева по поводу рабьего положения женщины при царе и капиталистах и слово уважения, гордости в честь раскрепощенной советской женщины»[касторский,216]. Вслед за статьёй М.Горького была помещена статья В.Веберг «Женщина-работница в советском строительстве», иллюстрирующая основную тенденцию горьковской статьи: в советском государстве женщина раскрывает в полную мощь свои творческие силы.

Ю.Фучик понимал, сколько великих событий должно было произойти в жизни этих «рабынь рабов», чтобы они стали равноправными членами социалистического общества. И в очерках Фучика возникают написанные мажорно, живописно, увлеченно образы избранных им героинь, портреты женщин советского Востока, вставших рядом с мужчинами в качестве строителей новой жизни.

На страницах его очерков возникают образы Розияхон Мирзагатовой, Таджихон Шадиевой, Нуринисо Гулямовой и других тружениц, приобщенных к деятельности и утверждавших свое женское и человеческое достоинство.

Среди произведений, в которых звучит эта благородная тема, выделяется очерк о Нуринисо Гулямовой, который назван Фучиком «Нуриниса Гулям едет на осле». Его сюжет и прост, и значителен. Проницательный писатель сумел увидеть в нем событие символического характера: как было на Востоке испокон веков, муж едет на базар на осле, рядом идет его жена - рабыня.

Прошло много лет после революции, судьба женщин счастливо изменилась, они сняли паранджи, труд принес им уважение, которого их лишали религия и церковь, они распрямили спины и почувствовали себя людьми. Но этот старый обычай остался!.. Муж по-прежнему ехал на осле, а жена шла рядом с ним пешком.

Муж Нуриниссо ценил ее, любил, она была хорошим человеком и лучшей труженицей в колхозе. Нуриниссо отличилась, и ее послали на совещание в Кремль. Она выступала и была награждена орденом. Муж встречал ее на железнодорожной станции. А когда Нуриниссо вышла из вагона, он нарушил вековой обычай, «взял ее за руку, молча и торжественно прошел по перрону и на площади перед вокзалом посадил на разукрашенного осла. Сам он пошел рядом, серьезный и гордый»[фучик,605].

В том, что муж оценил величие любимой женщины и соратницы по труду в колхозе, Фучик видел огромную по значению победу в таджикском селе. «Он выбирал самые людные места. Прошел весь кишлак и дошел вплоть базара. Аллея удивленных лиц обрамляла их дорогу, то было невероятно, непривычно: едущая жена и идущий муж. Когда же Нуринисса соскочила с осла и взяла под руку своего мужа, - чтобы было не менее удивительно, потому что здесь ходят так только молодые влюбленные, когда их никто не видит, - то они вдруг поняли, что это был вовсе не исключительный жест, сделанный ради праздника, а означает, что Гулям победил свой последний предрассудок, последний старый обычай, который напоминал старое прошлое восточной женщины - рабыни»[фучик,605-606].

В очерке "История жизни Таджихон Шадиевой" Фучик показывает победу нового над старым на примере судьбы Таджихон Шадиевой. У нее тоже повторяется судьба других женщин Востока. Муж с ней спал, а другие его жены ее били. Описывая ее биографию, автор говорит: «В Таджихон жила не только покорность, которой ее учили ислам и нищета родителей. В Таджихон жила и ненависть»[фучик,307]. Страх мужа наполнил ее радостью, потому что у нее была единственная цель, выскользнуть из дома. Она выходила из дома и однажды зашла в женотдел. Она сама указала на своего мужа как на замаскировавшегося врага революции. Таджихон Шадиева впервые сняла паранджу и стала революционеркой – предводительницей женщин. И это звучало как «торжественное признание силы новой женщины Советского востока»[фучик,309].

Таким образом, создавая целый альбом портретов женщин советской Средней Азии, писатель подчеркивает тем самым массовость того исторического процесса, который находит свое отражение в судьбах героинь его очерков.

Говоря об отображении женских судеб в жанре очерка, хотелось бы остановиться и на очерках И.Ильфа. Илья Ильф в 1925 году побывал в Средней Азии и привёз оттуда серию очерков: «Перегон Москва-Азия», «Глиняный рай», «Азия без покрывала» и «Энвер-басмач».

В очерке «Азия без покрывала», который датируется 1935 годом, писатель-очеркист рассказывает о молодой узбечке Мухадам Сали-Хаджаевой и русской девушке Марусе, вышедшей замуж за таджика.

Прежде чем приступить к рассказу о героинях, автор даёт краткий экскурс в культуру Средней Азии и подчёркивает, что ислам «убил в мусульманах любознательность, остановил их развитие и создал две страшные язвы: затворничество женщин и многоженство»[ильф,2].

Без покрывала, чачвана, ходят только древнейшие из старушек и девочки.

Девочка иногда продана уже с младенчества и знает, что у нее есть муж, в рассрочку уплачивающий отцу калым, цену жены». Рассказывая о судьбе Мухадам, И.Ильф сосредоточивает внимание на том, что восточная женщина «до и после замужества ...остается невеждой. Образование женщины дальше уменья печь нан, хлеб, и тканья маты, грубой и простой платяной ткани - не распространяется. Она низшее существо, и науки не для нее[ильф,2]».

Далее И.Ильф рассказывает о том, что женщина, приютившая Мухадам, собирается продать её, и героиня безрезультатно пытается дважды покончить собой. В конечном итоге она находит другой выход: советская власть уже создала «женские курсы» - «центральные узбекские курсы ликвидации неграмотности при Наркомпросе Узбекистана», которые помогают среднеазиатским женщинам обрести спокойствие, выучиться, найти работу для самостоятельной жизни.

В этой же школе есть другая женщина - «русская Маруся» - Майрам Шарифова, которая оказалась в Средней Азии, выйдя замуж за таджика. В Средней Азии семья мужа «мусульманизировала» Марусю: заставила по-восточному одеваться, чтить их законы и традиции, покориться воле мужа иметь вторую жену и т.д. От окончательного отрыва от живой, советской, действительности Марусю спас брат. Именно он заставил женщину пойти в женотдел, где она снова заговорила по-русски, сняла паранджу, стала учиться. В заключении автор пишет: «Она узнала всю тяжесть [жизни] мусульманки и, когда кончит школу, пойдет работать в кишлак, чтобы освободить порабощенную женщину»[ильф,2].

Как видим, очерк недаром построен на сопоставлении. И.Ильф хотел показать, что женские отделы могут помочь любой женщине, попавшей в беду,

что исламская средневековая, феодальная культура губит не только женщин-мусульманок, но и представительниц других религий.

Рамки очерка не позволили писателю широко раскрыть характер героинь, их психическое состояние, поэтому осмысление действительности, силу характера, желание изменить свою жизнь, перемену взглядов он показал через чёткие поступки героинь: Мухадам не хотела смириться с судьбой, поэтому пыталась покончить собой; она отправилась в одиночестве, пешком, без еды и денег в Самарканд; Маруся – прежде свободная в поступках – стала проявлять покорность мусульманским законам, потому что «в чужом городе уйти не к кому»: «в это время Марусю уже нельзя было отличить от настоящей мусульманки. Она научилась скромно и медленно, прижимаясь к глиняным заборам, ходить по улице, дома приготавливала нитки, красила их, ткала мату и, по обычаю, ни одно дело не начинала, не сказав вполголоса:

- Бисм-илля ар-рахман ар-раим! (Во имя бога милостивого, милосердного)»[ильф, 2].

Терпеливая, она всё же пыталась противостоять мужу и его семье, но «сама того не замечая, уже катилась вниз и на все соглашалась»[ильф,2]. Чувствуя поддержку брата, Маруся делает всё, чтобы изменить свою жизнь: «Муж разрешил ей ходить в школу ликбеза, но умолял чадры не снимать. Она ходила туда под покрывалом с мальчиком-проводником и окончила ее в два месяца.

Женотдел несколько раз посылал ее заседательницей в народный суд.

На собрания родители мужа ходить ей не позволяли. Тайно от всех Майрам подала заявление о приеме ее в партию.

На заседании восьмого марта двадцать пятого года, в международный день работницы, на первом вообще собрании, в котором она была, женотдел передал ее в партию, и впервые за шесть лет Маруся открыла лицо, чтобы большими глазами посмотреть на новый мир»[ильф,2]. С семьёй, как отмечает И.Ильф, пришлось порвать навсегда.

Таким образом, писатель хотел показать, что процесс перевоспитания женщины-мусульманки – это болезненный процесс, заставляющий женщину отказаться от родственников, от прошлого, оторваться от родной среды навсегда. Но настолько сильно у женщин желание обрести свободу, что они ради собственного счастья готовы идти далеко.

Литература:

1.Ильф И., Петров Е. Москва-Азия / И.Ильф, Е.Петров // Режим доступа: <http://ilf-petrov.ru/books/item/f00/s00/z0000008/st006.shtml> (дата обращения: 26.02.2023)

2.Касторский С. Горьковские традиции в советском очерке/ С. Касторский // Горький и вопросы советской литературы: Сб.статей.-Л.: Сов.писатель, 1956.-С. 207-261

3.Фучик Ю. Избранное. Кн. 2.-М.:Политиздат,1983 -447.

4.Шахиди Г.Г. Таджикско-русские литературные связи 20-30-х гг. в системе взаимодействия и взаимообогащения литератур народов СССР.- Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук. - Душанбе, 1988.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИТЕТОВ В ЛИРИКЕ ЛОИКА ШЕРАЛИ

Игамова Мухаррам

магистрант первого курса
кафедры мировой литературы РТСУ

Аминов Азим Садыкович

Кандидат филологических наук
доцент кафедры мировой литературы

Аннотация. На материале лирических стихотворений современного таджикского поэта Лоика Шерали выявлены функции эпитетов — художественно-эстетическая, экспрессивная, оценочная и конкретизирующая. Установлена высокая частотность использования различных видов эпитета и сравнений в ряде жанрах (газели, рубаи, мураббаъ), в которых творил свои стихи Лоик.

Выявлено, что на частотность использования эпитета и сравнения в лирике Лоика Шерали влияет и жанр, в форме которого создано литературное произведение. К примеру, Лоик чаще использует различные виды эпитетов в жанрах газели и рубаи.

Ключевые слова: эпитет, оценка, функция, признак, образ, ассоциация, эмотивный, эпитет, классификации эпитета, функции эпитета, индивидуально-авторский стиль, художественный текст.

Поскольку данная работа посвящена проблемам функциональной особенности эпитета, следует отметить, что в ходе нашего исследования мы решили рассмотреть этот вопрос на материале лирических стихотворений

Лоика и попытаемся показать их разнообразное использование поэтом в своих подстрочных переводах.

«От меня останется вторая жизнь» [3,7] . Так начинается одна из газелей Лоика Шерали, в которой эпитет «**вторая жизнь**» олицетворяет его поэзию. Поэт будет жить и возрождаться вновь и вновь благодаря своей вечно живой и востребованной поэзии.

Так, что же сделал Лоик для нашей поэзии, или если задаться этим вопросом еще шире, для культуры и, наконец для таджикской современной поэзии конца XX века. На этот вопрос он ответил сам, сказав так:

Ман намемирам ва нахохам мурд,
Аз ман **умри дубора** хоҳад монд!

Я не умру, и не кану в небытие никогда,
От меня останется **вторичная жизнь**.

(Подстрочный перевод наш – Э.М.)

Начнем с того, как Лоик пришел в нашу поэзию и что он принес с собой. На эту тему написано немало статей, принадлежащих перу таких известных ученых и поэтов Таджикистана, как Атахан Сайфуллаев, Абдунаби Саторзода, Абдурахмон Абдуманнонов, Юсуф Акбарзода, Усмонджан Гаффаров, Гулназар, Камол Насрулло, Аскар Хаким, и др. Поэтому не будем останавливаться на том, что Лоик пришел, а точнее, ворвался на литературную арену Таджикистана с стихотворением «Ном» - «Имя», что после публикации стихотворения «Ба модарам» - «Моей матери» был принят в члены Союза писателей Таджикистана, и на том, что за сравнительно короткий период времени направил современную таджикскую поэзию в новое русло.

Он смог ввести в поэзию слова и выражения, которые всегда были на устах простого народа, и превратить их в поэтическую речь. Так, обычные слова, которые каждый человек сотни раз в день говорит своей матери, подчеркивая, что она единственная и неповторимая на свете человек, давшая жизнь, что её молоко – превыше всех богатств на свете, что мать – это сама жизнь, Лоик в тигле своей поэзии превратил в святые образы наполнив чувство любви к матери такими сравнениями и эпитетами, как Родина Мать, Мать – земля и вселенная, Мать – небеса, Мать – Солнце и Луна, чем самым поднял её на такие высоты, которые недостижимы даже звездам:

Ту монанди **Замин** танҳои модар,
Ту монанди **Замин** яктоӣ модар...
Замину Осмон,
Хуршеду Мах
Модар – Ватан

Аз он азизастаннд,
Ки беҳамтову яктоянд
Ҳар он чи беш аз якто бувад,
Чандон муқаддас нест... [3, 66].

Ты подобно Земле неповторима мама,
Ты подобно Земле единственная мама...
Земля и Небеса,
Солнце и Луна
Мать – Родина
От того так дороги,
Что они неповторимы и единственные.
Всё что имеет подобие себе
Не очень святы...

(Подстрочный перевод наш – Э.М.)

Эту же мысль поэт подчеркнул с большим изяществом в одном из бейтов другой газели:

Замину Осмони ман туй модар, туй модар,
Чаҳони бекарони ман туй модар, туй модар!

Моя Земля и Небеса мои, ты мама моя, ты моя мама,
Необъятный мир мой – ты моя мама, ты моя мама!

Можно сказать, что почти все стихи цикла “Модарнома” – “Посвящения маме” написаны стилем нанизывания эпитетов и сравнений, что продиктовано самой тематикой этого цикла [1, 98]. Помимо этого Лоик также широко использовал в своих лирических стихах повествовательный и изобразительный стиль и в таких стихах наблюдаются такие средства художественного изображения, как эпитет, сравнение, примеры которых мы приводим ниже:

Ҳам **рӯди равон** будам, ҳам **бахри дамон** будам,
Да рӯйи чаҳон будам, худ **балки чаҳон** будам.
Аз **ахтари чашмонам** ҳар гӯша фурузон буд,
Ҳам **шури замин** будам, ҳам **нури замон** будам.
Бар гардани гардунсо, бо чехраи субҳосо
Аз **нохуни по** то сар маҳзи дилу чон будам ... [ ] .

Был я и текущей рекой, и кипучим океаном,
На поверхности этого мира, **я сам**, наверное, **был миром**.
От звезд глаз моих, был светел каждый уголок земли,
Я был самой бурей земли, и светлым лучом земли.

С шеей, **подобной небесам**, с лицом **подобным рассвету**

От ногтей ног до макушки головы **был я сгустком сердца и души**

(Подстрочный перевод наш – Э.М.)

В известном его лирическом стихотворении “Бачаги” – “Детство”, в которм сладкие воспоминания о детских порах Лоика, проведенных среди гор, в родном селении изображены неповторимыми образами и различными видами эпитетов и сравнений, на ряду с реалистическими картинами можно четко ощущать и романтические ноты, придавших этому стихотворению особенную прелесть и грусть по невозвратно ушедшим годам детства, наполненных радостными и печальными нотками:

Дар сари санге хама руз интизор

Мешумурдам турнахоро хар бахор.

Бачагиям бо қатори турнахо якҷо гузашт.

Шаст меандохтам ба рӯди маст,

То бияфтад моҳии тилло ба шаст.

Бачагиям бо умеди моҳии тилло гузашт.

Бачагӣ **чун шохборон** рехт, рехт,

Бачагӣ **чун обшорон** рехт, рехт,

Ё **мисоли шахнам** аз дашти бепахно гузашт.

Бачагӣ – гулгуни зарринёли ман,

Бачагӣ – гулгуни зарринболи ман,

Ёлу болаш ғарқи гул аз роҳи умри мо гузашт... [4, 34].

Сидя день за днем в ожидании на валуне

Считал я пролетающих аистов вереницу

Детство моё промчалось вместе с журавлями.

Забрасывал я удочку в пьяную реку

Надеясь поймать золотую. рыбку

Детство прошло в надежде поймать рыбку золотую...

Детство -- розовогривое моё,

Детство – златокрылое моё

(Перевод подстрочный наш – Э.М.)

На примере приведенного стихотворения (а оно характерно для многих лирических стихов Лоика) мы видим, что действительно, эти стихи

замечательного таджикского поэта, не просто хорошие стихи хорошего современного поэта, но и то, что они несут в себе яркий национальный колорит.

Следует отметить, что в художественном переводе многие стихи Лоика теряют свою прелесть и национальную окраску, мало что остается и от их художественности. Поэтому мы прибегнул и к подстрочным переводам.

В стихах и газелях Лоика немало красивых картин природы и состояния души лирического героя, которые усиливаются с использованием различных эпитетов и сравнений.

В качестве примера обратимся к нескольким его лирическим стихотворениям, в которых реалистическое восприятие смешано с романтическим видением поэта:

Считалось: **женщины грешны.**

И с наступлением кончины
В могилах глубже, чем мужчины,
Они покоиться должны.

Так хоронили женщин всех
По **грозной воле** шариата,
Стремясь зарыть поглубже грех,
Что был приписан им когда-то.

Я знаю: женщина была
Мужчин безгрешнее от века.
Во славу жизни человека
Она на свет произвела.

Любила, мучилась, ждала,
Несла свой жребий в одиночку.
И песни пела до света
Неблагодарному сыночку.

Был дик обычай старины,
И новый счет идет годинам,
Но перед женщиной вины
Вовек не искупить мужчинам [5, 143].

Или:

В одном стихотворении о матери Лоик рассказывает про таджикский обычай. Провожая на войну сыновей, мать каждый раз разламывала лепешку на две части. Одну половину лепешки она отдавала уходящему, а другую

оставляла дома, чтобы сын мог съесть ее возвратившись. И вот, нарушая обычай, мать эти вторые-половинки лепешек, одну за другой отдавала в конце концов последнему младшему сынку, ибо он голодал. Конечно, это тоже лепешка, тоже хлеб, но это горький хлеб, это горький хлеб будущего поэта, первое столкновение его с суровой жизнью. Недаром; цикл стихов о матери «Хлеб судьбы» в книге Лоика звучит наиболее пронзительно. Поэт говорит, что теперь, когда настала пора и ему покидать родительский кров, трагедия не только в том, что и он может не возвратиться, а в том, что некому уж будет отдать вторую половину его лепешки: Мать осталась одна [5, 6].

*Опустел, обезлюдел домик твой,
Стены в домике **бедные, голые,***

*Мама, мама, что случилось с тобой?
Куда улетели голуби?*

*Месяц смотрит на низенький домик твой
С **неба ясного и высокого.***

*Мама, мама, что случилось с тобой?
Куда улетели соколы? [5,6].*

Вы только представьте себе влюбленного поэта, который находясь в разлуке с любимой предается сладким воспоминаниям и в каждом предмете видит её образ. Это чувство поэта особенно усиливается в минуты одиночества, в ночи, когда он, сидя за столом пишет свои стихи и не может остановиться от стремящихся в его сознание слов и выражений. Они оживают и говорят с ним языком любимой:

Аз дур ошѐни туро ѓд мекунам,
Дар хар кучо нишони туро ѓд мекунам.
Аз кӯчахо шаҳр хаѐлї чу бигзарам,
Айвони гулфишони туро ѓд мекунам.
Аз ҳафт ранги тобиши рангинкамони дур
Садрангии чаҳони туро ѓд мекунам.
Оғӯшам аз чавонию зебой пур шавад,
То чехраи чавони туро ѓд мекунам
    Да оби дида чилвай чашми ситорагон,
    Чашмони меҳрубони туро ѓд мекунам...
    Азбас дар остонаат мондаст лахти дил,
Якумр остонаи туро ѓд мекунам [3,555].

Из далека твою обитель вспоминаю,

Везде и всюду приметы твои вспоминаю.
Когда в беспамятстве я прохожу по улицам города,
Твой **балкон усыпанный** цветами вспоминаю.
В семи цветах далекой радуги в небесах,
Многоцветие твоего мира я вспоминаю.
Моё объятие наполняется молодостью и красотой,
Когда лицо твоё молодостью дишашее вспоминаю...

(Подстрочный перевод наш – Э М.)

Таким образом можно заключить, что эпитеты и сравнения являются одним из важных средств образного изображения в лирике Лоика Шерали, который был выдающимся поэтом современной таджикской поэзии XX и первой половины XXI века. Он сумел сотворить в мире поэзии свой, неповторимый мир и отобразил в нем всё своё существо по крупницам, благодаря чему читатель безошибочно может увидеть в этих стихах его личность, как он сказал об этом сам:

Асли ман шеъру ғазалҳо мананд,
Ин замин шӯру мағалҳои мананд.
Дар ҷаҳон бо ҷумла бурду бохтам
Ман ҷаҳони хешро ҳам сохтам [3, 498].

Моя суть в газелях и стихах моих,
Эта земля – отзвук голоса и негодования моих.
В этом мире с своими достижениями и промахами
Я сотворил мир мыслей и чувств моих

(Подстрочный перевод наш – Э М.)

Использованная литература:

1. Абдурахмони Абдуманнон. Фурӯғи чеҳраҳо. Маҷмӯаи мақолаҳо. -- Душанбе, “Адиб”. 2015 212 сах.
2. Лоик Избранные стихотворения. – Душанбе, 2017 – 256 с.
3. Лоик Шерали. Куллиёт. Иборат аз ду чилд. Чилди 1. Ашъор. -- Душанбе, “Адиб”, 2008 – 560 сах.
4. Лоик. Рӯзи сафед. Шеърҳо. (Барои бачаҳои синни калони мактабӣ. – Душанбе, Маориф, 1984. – 109 сах.
5. Лоик. Моление о дожде. (Художественный перевод с таджикского Вл. Солоухина) – Душанбе, Адиб, 1989. – 192 с.
6. Мухамадали Аҷамӣ. Тафаккур ва ҳис дар шеър. – Душанбе, “Адиб”, 2008 – 296 сах.

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДОВ ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ С.МИХАЛКОВА НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК

Мухамадиева Сайёра Усмоналиевна

магистрант первого курса
кафедры мировой литературы РТСУ

Аминов Азим Садыкович

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры мировой литературы

Аннотация. В данной статье, впервые рассмотрены переводы произведений С. Михалкова на таджикский язык выполненные такими известными таджикскими поэтами, как Гулчехра Сулейманова, Бобо Ходжи, А. Бахори, А. Шарифи и Мухаммадом Гоибом, благодаря которым известный русский детский поэт вошел в таджикскую литературу.

В статье также автор аккумулировал своё внимание на проблеме выбора таджикскими переводчиками произведений С. Михалкова исходя из потребностей родной литературы.

Также предпринята попытка показать, как произведения С. Михалкова влияли на таджикских поэтов переводчиков, обогащая жанрово-тематические особенности их произведений, адресованные детям и подросткам.

В статье подчеркивается, что Гулчехра Сулейманова была замечательной детской поэтессой, хорошо знавшей психологию детей разных возрастных групп и с большой ответственностью подходила к переводу произведения. В силу того, что переводить С. Михалкова было трудным делом, так как было необходимо вникать в глубокий смысл его стихов, уловить подтекст, пытаться передать тонкую, своеобразную манеру письма писателя, она достаточно время изучала работы литературоведов об его поэтике и использовала свободный перевод.

В результате исследования было выявлено, что из многих переводов предельной близости достигла Гулчехра Сулейманова, которой удалось сохранить дух оригинала и идиостиль русского детского поэта.

Ключевые слова: перевод, вариативность перевода, теория перевода, адекватность, мастерство, адекватность, вольный перевод, Гулчехра Сулейманова, Бобо Ходжи, А. Шарифи, Мухаммад Гоиб, национальный колорит, подтекст.

Значение перевода в налаживании взаимопонимания между отдельными людьми, народами, национальными литературами и культурами трудно переоценить. Человеческое общение, коммуникация, в самом широком смысле этого слова, вообще не мыслится вне перевода. Главнейшую функцию перевода мы должны определить, как ознакомительную, или информационную, заключающуюся в том, чтобы «как можно ближе познакомить читателя (или слушателя) не знающего языка подлинника, с данным текстом...» [7,15]. Отсюда главная задача переводчика произведения – адекватное воссоздания средствами родного языка художественной реальности недоступного читателю иноязычного подлинника. Переводное произведение сохраняет идейно-образную структуру оригинала (иноязычного литературного произведения) и выступает как его семантико-стилистическая параллель.

Для многих читателей переводных произведений значение переводов на этом кончается. Вместе с тем существует и другая читательская категория, для которой важно лишь то, что переводные художественные произведения, наряду с оригинальными, имеют самостоятельную эстетическую ценность, удовлетворяя потребности человека в прекрасном, возвышенном. Эти читатели обычно не задумываются над тем, какую книгу, оригинальную или переводную, они читают, не останавливают даже взгляда на фамилии переводчика, вызывая тем самым справедливые нарекания самих переводчиков и переводоведов [6,4].

Но если бы только этими двумя моментами ограничивалось значение художественного перевода, то современный всемирный перевод сразу бы значительно обеднел – из него, в частности, нужно было бы вычесть переводы 270 с близкородственных языков, да и перевод с далёких языков ощутимо сократился бы – там, где наблюдается повсеместное знание этого далёкого языка. Однако, к счастью, художественный перевод перечисленными задачами ограничиться не может.

Переводная литература имела огромное значение в развитии культуры, науки и детской литературы таджикского народа. Переводы художественных произведений с русского и некоторых других языков составили значительную часть таджикской детской литературы. Произведения известных русских детских писателей и поэтов, переведенные на таджикский язык, стали большой школой для таджикских детских писателей и во многом способствовали её развитию, жанрово-тематическому обогащению. Перевод произведений русских детских писателей и поэтов на таджикский язык был продиктован многими историческими и социальными причинами и постепенно превратился в закономерный процесс. Важно отметить, что изучение этого процесса позволяет не только оценить качество переводов и обобщить полученный опыт,

но и развить специфические аспекты обоих языков и обеих литератур, которые проявляются на основе этих отношений. Поэтому, безусловно, стоит изучить вопросы перевода произведений одного из патриархов современной русской детской литературы, которым по общему признанию, является С. Михалков, сыгравшего важную роль в развитии таджикской детской поэзии.

Начиная с 20-х годов XX века назрела необходимость перевода на русский язык произведений узбекской литературы. Опытные переводчики детской русской детской поэзии, такие как Абулькасим Лахути, Хабиб Юсуфи, А.Дехоти, Пайрав Сулаймони, С.Улузаде, Рахим Хошим, ..., внесли значительный вклад в переводческое дело, переводя образцы произведений русских поэтов (А.С. Пушкина, Л. Н. Толстого, И. Крылова, Ю. Лермонтова, Н. Некрасова) и смогли вызвать эстетическое наслаждение не только у таджикских читателей, но и в сердцах читателей Ирана, Афганистана, Пакистана посредством таджикского языка.

Известно, что каждый перевод – это явление своего времени, и при анализе нужно учитывать литературный процесс данного периода. Потому что перевод, как и литературный процесс, имеет свою эволюцию.

Таким образом, творчество С. Михалкова как выдающего детского поэта, представляет особый интерес и в наши дни. С. Михалкова в разное время переводили разные таджикские поэты, среди которых особо следует выделить переводы Гулчехры Сулеймановой и Абдумалика Бахори.

Гулчехра Сулейманова занималась переводами на таджикский язык цикла стихотворений из творчества известных литераторов разных народов мира и познакомила таджикских читателей с художественными достижениями народов зарубежных стран. Через её переводы в 60-е годы к маленьким читателям пришли лучшие стихотворения С.Михалкова.

Читая вышеназванные стихи С.Михалкова на родном языке они глубже проникали в необозримый край его поэзии, вслушивались в звонкую силу его стиха.

С помощью широко круга переводов Гулчехры Сулеймановой таджикская детская литература приобщалась к тем духовным ценностям, к тому богатейшему опыту русских детских поэтов, успешное использование которых способствовало значительным художественным обретениям.

В частности, таджикские читатели посредством её переводов окунулись в чудесный образный мир детских стихов Агнии Барто, Самуила Маршака, Эди Огнецвет, Сильвы Капутикян, Веры Инбер, Л.Татьяничева, Галины Бойко, Якуба Коласа, Янины Дягутите, Хонумона Алибейли, Куддуса Мухаммади, Каюма Тангрыкулиева и многих других детских писателей мира.

Из творений С. Михалкова её перу принадлежат такие стихи, как «Весёлый турист» - «Сайёҳи хушхол», “что у вас?” – «Шумо чӣ» и «Хрустальная ваза» – “Гулдони булӯрӣ”. Переводы этих стихов, выполненных таджикской поэтессой в конце 60-х годов, вошли в сборник её стихов, под названием «Сичароғ» [1,192-195]. Об этих произведениях и качестве их перевода речь пойдет в отдельной главе нашего диссертационного исследования. Сейчас же в этой статье, мы аккумулируем внимание лишь на самом процессе перевода произведений С. Михалкова, благодаря которому он постепенно вошел в таджикскую детскую литературу как свой поэт.

Благодаря переводу творчество русских писателей обрело все большее место в духовной жизни таджикской детворы, поднимая уровень их мышления, воспитывая художественный вкус.

Переводы русской поэзии обогащали таджикских детских поэтов новыми темами, идеями и образами. Подчеркивая этот процесс академик Раджаб Амонов писал, что “ Повесть Дж.Икрами “Что привез ты из Москвы?” была написана под влиянием книги А.Неверова “Ташкент – город хлебный; А Мирсаид Миршакар ., как нам кажется, создавая свою поэму “Мы спустились с Памира” – “Мо аз Помир омадем” черпал вдохновение в повести Дж Икрами” [5, 72].

Другим таджикским поэтом, внесшим свой неоценимый вклад в ознакомлении таджикских детей с творениями С. Михалкова является Бобо Ходжи, который на протяжении многих лет создавая прекрасные произведения для детей и юношества, также перевел образцы детских произведений Н. Некрасова, С. Есенин, Л. Украинки, Абая, А. Суркова, М. С. Михалкова, Зулфии, а также краткое содержание индийского эпоса «Рамаяна» с русского на таджикский язык. (1956 - 1967).

Стихи русских и других поэтов, переведённых им в 60-70-х годах вошли в сборники его стихов «Признание в любви» (1970), «Честный хлеб» (1987).

В частности из поэзии С. Михалкова он перевел такие стихи, как «Мартышка и Орех» - «Маймун ва чормағз, «Медвежий зарок» - “Ваъдаи хирсона”, «Модное платье» - “Куртаи навбаромад”, «Мой друг» - “Дӯсти ман”

В этих произведениях С. Михалков пристальное внимание уделяет возрастным особенностям ребят, передать которые было очень трудно переводчику. Но Бобо Ходжи, как нам представляется справился с этой задачей, что будет нами доказано в отдельном разделе нашей магистерской диссертации.

Переводы Абдумалик Баҳорӣ произведений Н. Носова «Оилаи хушбахт» -«Счастливая семья», «Рӯзномаи Коля Синитсин» - «Дневник Коли Синицына», «Витя Малеев дар мактаб ва дар хона» - «Витя Малеев в школе и дома»,

«Саргузашти Нодонхӯча ва дӯстони ӯ» - «Приключения Незнайки и его друзей», «Незнайка в солнечном городе» - «Нодонхӯча дар шаҳри офтобӣ», стихов и поэм С. Михалкова, С. Маршака, произведений М. Лермонтов, А. Чехов и других, явились лишним доказательством того, что при выборе произведений для перевода детских стихов или поэм следует считаться с возрастными и интеллектуальным и эстетическим уровнем сегодняшних детей.

Акобир Шарифи в 1976 году также перевел несколько стихотворений С. Михалкова. Особенно следует отметить его достижения в передаче назидательных мотивов басен С. Михалкова, ярко выраженных в таких произведениях, как «Бараны» (по мотивам таджикской сказки «Сиёхак ва сафедак»), «Бешенный пес», «Больной кабан» и др.

Из анализа переводов этих произведений, как правильно отметил Р.Амонов, «можно прийти к выводу, что у детских русских писателей таджикские поэты и писатели учились ставить и решать проблемы воспитания новой общественной морали; осваивали выработывали способы создания характеров; портрета, пейзажа, принципы построения занимательного сюжета...» [5,72].

Эти факторы мы можем проследить и на примере переводов еще одного замечательного таджикского поэта, каким является Юсуфджон Ахмадзода, за плечами которого переводы произведений не только С.Михалкова, но и братьев Гримм, С.Маршака, Арво Валтона и др.

В 70-80-х годах в таджикскую детскую литературу пришла плеяда молодых поэтов, которые активно включились в переводы русской детской поэзии. Среди них заметную роль в духовной жизни таджикского общества и особенно детей сыграло творчество известного сегодня таджикского поэта Мухаммада Гоиба. Его приобщение к русской литературе заметно сказалось на осознании и ощущении своих возможностей и внутренних сил. Свидетельством тому являются несколько переводов Мухаммада Гоиба произведений С.Михалкова [2,3,4].

Так, им были переведены такие детские произведения русского детского поэта С. Михалкова как «Неприятная ситуация» – «Лаҳзаи нохушӣ» в газете Ленинский путь – «Роҳи ленини» . – 1978. – 21 апреля; «Девочке, которая плохо ест» - «Барои духтаре, ки бад мехӯрад; «Куда подевались очки» - «Айнак кучо шуд?» в газете // Роҳи ленинӣ. – 1985. – 16 мая.

Ещё одним произведением из детской поэзии С.Михалкова, переведённым Мухаммадом Гоибом является стихотворение «Мир» -«Сулҳ», которое в отличие «А у вас?» «Шумо чӣ доред?» не имел других вариантов перевода и до сегодняшнего дня публикуется в единственном варианте

перевода. Причина тому, как нам кажется, является возросшее мастерство Мухаммада Гоибба, как переводчика.

Использованная литература

1. Гулчеҳра, С. Сичароғ // Г.Сулаймонӣ./Душанбе:Адиб, 1988.- 320 с.
2. Мухаммад Гоиб. Михалков,С. Лаҳзаи нохушӣ: Шеър /Аз русӣ тарҷумаи Мухаммад Гоиб // Роҳи ленинӣ. – 1978. – 21 апрел.
3. Михалков, С. Барои духтаре, ки бад меҳӯрад; Айнак кучо шуд: Шеърҳо / Тарҷумаи Мухаммад Гоиб // Роҳи ленинӣ. – 1985. – 16 май.
4. Михалков,С. Шумо чӣ доред?; Сулҳ: Шеърҳо /Тарҷумаи Мухаммад Гоиб //Роҳи ленинӣ. – 1987
5. Раджаб Амонов. Детская литература Таджикистана. Москва. «Детская литература», 1981. – 238с.
6. Россельс В.М. Эстафета слова. Искусство художественного перевода. М.: Знание, 1972. - 32 с.
7. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. —5-е изд.—СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. - 416 с.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭЗИИ БОЗОРА СОБИРА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Мудинов Шероз Садурдинович

Магистрант 2-го года обучения кафедры мировой литературы
факультета русской филологии, журналистики и медиатехнологий Российско-
Таджикский (Славянский) университет
ул. Мирзо Турсун-заде 30, 734025 Душанбе, Республика Таджикистан

Аминов Азим Садыкович

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры мировой литературы

Аннотация: В данной статье рассматриваются национальные особенности поэзии Бозора Собира, известного таджикского поэта, в контексте русских переводов его произведений. Статья представляет собой исследование, которое анализирует, как переводчики передают культурные и стилистические особенности творчества Бозора Собира на русском языке. Статья обсуждает

проблемы, связанные с качеством перевода литературных произведений, особенно в контексте национального колорита. Автор выделяет, что ненадежное связующее звено между оригиналом и переводом, такое, как подстрочник, использованный переводчиками, может привести к искажению произведения. В результате, многие стихи поэта с национальным колоритом нуждаются в новом переводе. Таким образом, статья подчеркивает важность точности и передачи оригинального духа произведения при переводе, особенно если речь идет о произведениях, насыщенных национальным контекстом. Важно уделить внимание качеству перевода, чтобы сохранить аутентичность и ценность оригинала.

Ключевые слова: Бозор Собир, национальный колорит, анализ, перевод, стихи, подстрочный перевод, стилистические особенности, русский язык.

Поэтическое кредо Бозора Собира было уже ярко выражено в стихах его первого сборника «Узы» («Пайванд»). В этом сборнике есть стихотворение под названием «Живая мечта» («Орзуи зинда»), которое можно принять как программное произведение, определяющее цели и задачи Бозора в поэзии:

*Меравам сӯи ту аз хилвати шабҳои дароз
Ман ба думболи хаёл,
Гаҳ зи омоли муроде ҳама дам дар ҳаяҷон.
Гаҳ асири аламу ранҷу малол,
Оварам рӯй ба дарҳои умед
Ҳамраҳи субҳи сафед. [1,7]*

Подстрочный перевод Шероза Мудинова:

*К тебе спешу из тихих и долгих ночей
Я вслед размышлений,
Порой придя в волнение от своих грез
Порой в плену негодований, обид и волнений,
Стучусь в двери надежд и мечты
В месте с белым рассветом.*

Тематический стержень многих стихов Бозора Собира в целом составляют вопросы почитания национальных ценностей, родного языка, традиций и обычаев таджикского народа. Его белые или свободные стихи свидетельствуют об утонченности, изяществе стиля, изобретательности и философских мыслях автора, в чем можно убедиться на примере нескольких их переводов на русский язык, выполненных Алишером Киямовым и М.Синельниковым – поэтами и замечательными переводчиками, в большей

степени, добившихся адекватности текста оригинала и своих воспроизведений поэзии Бозора:

Перевод Алишер Киямов:

Ночь устода

*«Передо мной
сплошным листом
нависли облака...
И вот в глазах
темнеет предгрозово...
но до того, как молнией
меня пронзит
строка,
назад оттягиваю
кончик языка,
чтоб, лихорадкой на губах
набухнув,
проступило это слово...
...усталый холм
Нескошенной пшеницы,
к Хирмандара
спускается луна...
и слезы,
выступая на ресницах, текут,
как в чашах опрокинутых,
в глазницах —
там опочившая
мне снова
мать видна!..
она прошла туда
дождливым днём —
шатким мостом
зависшего
тобута ...
мне даже показалось,
будто
впервые в старости
прошла
вот так легко...
и долго нет её...*

как пусто
    стало дома!..
вернулась в Слово
    мама
        под дождём,
оставив ношей мне
    как свой могильный
        холм,
словарь
    родного языка —
        зеленые
            два тома ...
и захотелось
    вымолить,
        позвать её —
ночное небо
    помертвело...
и вспомнился вдруг
    старый мой устод,
чьи волосы
    у выцветшей доски
казались мне
    даже белее мела...
...теперь
    ночное небо — мой устод,
его луна
    теперь — мой горный хлеб... и если мне
строкой не вымолить её,
        пусть ночь устода превратится в склеп!..
и если мне
    строкой не вымолить её,
пускай проклятьем
    станет хлеб устода,
чтоб я в ночи
    ослеп!..». [2, 4-6]

Перевод Михаила Синельникова:

Бухара

*К тебе мой взгляд горячий устремлен.
И день, и ночь течет, как Зеравшон,
К тебе — с нагорий... С горьким сожаленьем Я вижу:
Как пустеющие ниши —
Столь многие места твоих великих. И занято лишь место Авиценны.*

*Была когда-то Бухара
Вулканом на вулкане,
В гулкий миг потрясшего всю землю изверженья.
Рассеялись, как брызнувшие искры,
Великие твои по белу свету — Во все концы,
Во все его углы...*

*Одни с мечом и луком уходили
Вослед за Александром,
А другие от Чингисхана или Тамерлана
С твоей водой, с твоей слезой в очах,
С твоей землей в горсти
Текли в Иран и головы в Египет уносили.*

*Одни совсем пропали на чужбине — Песчинками в барханах,
А другие по вольной воле родины безвольной
Смешались с кочевыми племенами,
И тело — здесь,
    а голова — поодаль,
И туловище, как материк,
    большое,
Мечом от головы отделено.
Рассеялось твоих великих семя,
Исчезло, расточась по странам света,
Как золото и серебро твое.
Как серебро и золото, утратив былую цену.
Или Млечный Путь — твои стези...
И на ногах скитальцев
Дорог повисли спутанные нити,
Оборваны, унесены...
И ливнем размыты, как тропинки муравьев,
И ветром сметены.*

отдельных русских поэтов, не совсем удачно осуществивших воспроизведение содержания и художественных особенностей поэзии Бозора Собира на русский язык.

Не один поэтический перевод, по-видимому, не может обойтись без добавлений, которые выполняют разную функцию. Есть добавления, которые уточняют авторскую мысль, и в каком-то отношении её развивают и конкретизируют, а есть добавления, которые её искажают, не соответствуют внутренней логике автора оригинала.

Таковыми рода добавлениями, приписывающих автору то, чего у него и в мыслях не было, в значительной степени полны переводы таких русских поэтов Леонида Пащенко и Андрея Волоса. В переводе стихотворений «Каменный узел» и «Родина» немало отсебятины и выдуманных переводчиком А.Волосом строк, отсутствующих у Бозора Собира. Хотя с версификационной точки зрения, довольно гладко, но со множеством произвольных добавлений, далеко не всегда правдивых выполнен и перевод стихотворений «Стих Аджамы» и «Корни», принадлежащих перу Л. Пащенко.

Рассмотрим вышеназванный перевод стихотворения «Корни» Леонида Пащенко, сравнив его с текстами оригинала и подстрочного перевода.

Оригинальный текст:

“Чӣ гуям?

Дастомӯзи худованди фарҳангам

Ва одат кардаам ман бар навозишҳо,

Ситоишҳо...

Ба минбарҳо ман аз хушбахтӣ, одат кардаам кайҳо.

Чӣ қадар қоматам аз хок болотар шавад,

Он қадар хурсандам.

Ба ҳар рӯзе дилу ҷонам пур аз овоз

Ба сӯи қуллаҳо осмонбӯси бузурги мекашам худро,

Ба мисли кӯдаки бедарди озодде,

Ки шаб дар хобҳои кӯдакиаш мекунад парвоз.

Вале бо ин мани хушбахт,

Мане ҳам ҳаст,

Мани “ваҳшӣ”,

Мани “сахроне” ҳам ҳаст,

Ки ўро мондаам дар пои минбарҳо...

*Мане, ки ӯ бо мани воло намесозад,
Валекин бар замини шодию хушбахтиам ҷӯ
мекашад ва чашмаҳои софи кӯҳистон.*

*Ҷ Мани дирӯзаи нобовар аст ӯ,
Расидам то ба минбарҳо,
Раҳораҳ бо баҳорон, боду борон монд,
Дар пои манорон монд,
Бирӯид, решаи шодоби нахли шӯҳратам гардид.*

*Агарчи бо баландиҳо намесозад,
Ғарибу “соддаю ваҳиист”,
Аммо решаи “ваҳиист”,
Ба садҳо чашмаи сероб наздик аст,
Ба ҳар сӯ мерасад,
Дар синаи ҳар санг месабзад.*

*Табардастон чӣ мегӯед?
Бе ин решаи “ваҳиӣ”,
Дарахти сарбаланди шӯрати ман хушк хоҳад шуд,
Мани болонишин дар қуллаҳои осмонбӯси бузурӣ
Ташина хоҳам мурд”. [3, 47-48]*

Построчный перевод Шероза Мудинова:

*Что сказать?
Воспитаник бога культуры я
И привык к ласкам, вниманию я
К прославлениям,
К трибунам от счастья привык я уж давно,
Насколько мой стан всё возвышается над землей,
Настолько возрастает моя радость.
Каждый мой день наполнен голосами
И я тянусь к доходящим до самых небес вершинам величия,
Подобно радостному и безвредному ребенку.
Котый ночами летает в своих детских снах.*

*Однако наряду с этим счастливым я
Есть другой я*

*Я “упрямый и своенравный,
Которого у подножья трибун оставил я...*

*Я, который не подчиняется чванливому, чиновочитаемому я,
Который однако на моей счастливой земле прокладывает арык
от самых чистых горных родников.*

*Это вчерашний недоверчивый я,
Пока я добрался до трибун,
По пути с весенней порой прератились ветра и дождь.
Остались у подножья минаретов,
Взойдут ростки моего древа известности и славы.*

*Хотя не мирится с высокими чинами и славой,
Является простым и “диким”.
И является “диким корнем”,
Близок этот я к сотням бурным родников,
Достигает самых разных мест,
Зеленеет в сердце каждого камня.*

*Что скажете дрожащие топоры в руках?
Этому “дикому” корню,
Засохнет дерево мой славы,
И я восседающий на вершине величия умру от жажды.*

Перевод Леонида Пащенко:

*“Что делать? Лукавы и вкрадчивы Боги прогресса:
Привечают эстрадами,
Приручают докладами...
Грудь сводит от нехватки кислорода
А мнится, будто распирает радость.*

*За скобки повседневных дел и тягот
Мюнхаузеном сам себя тащу,
Витаю наяву,
Как в снах ребенок.*

*Но рядом с этим «я» самодовольным Сосуществует странно просто
«я».*

То, что осталось у подножия эстрад.

Не для аплодисментов,

А для свиста;

То, что со мной, парящим,

не в ладах,

Но радости пустыню орошает

Прохладными и светлыми ручьями.

Из влажной темноты

Не верят корни Листве,

затеявшей интрижку с ветром.

Они с подземными потоками дружны,

Верны упорством,—

Скалы прорастают;

Сильны доверием — Планету оплели.

Вы, те, что с топорами, —

Усекли? ”. [2, 80-81]

Можно ли таким переводом определить идею, философский смысл стихотворения, рационального в своей основе, наконец авторскую логику в построении образов? Нам думается, что вряд ли.

Наш анализ лишний раз подтвердил старую истину о ненадежности связующего звена между оригиналом и переводчиком если оно выступает в виде недобросовестного подстрочника, которым видимо пользовался Л. Пащенко. Думается, что многие стихи Бозора Собира, богатые национальным колоритом, необходимо перевести заново.

Литература:

1. Бозор Собир. Пайванд. Нашриёти «Ирфон», Душанбе, 1971.
2. Бозор Собир. Листья огня: Стихи: Пер. с тадж. - Душанбе: Адиб.
3. Бозор Собир. Мижгони шаб. Нашриёти «Ирфон», Душанбе, 1981.
4. Бозор Собир. От «Цветы шиповника» до «Колючей проволоки».
(Избранные стихи) / Бозор Собир. - М.: Интрансдорнаука, 2003 (на тадж. яз.).
5. Бозор Собир. Если есть поэзия и поэт... / Бозор Собир. - Душанбе: Адиб, 2006 (на тадж. яз.)
6. Бозор Собир. Кровь пера (Избранные стихи) / Бозор Собир. - Душанбе: Шуджойён, 2010 (на тадж. яз.).

ОБРАЗ МАТЕРИ В ТВОРЧЕСТВЕ С.ЕСЕНИНА И ЕЁ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ТАДЖИКСКОЙ ПОЭЗИИ

Раджабова Раъно Рахматовна

кандидат филологических наук

доцент кафедры таджикского языка РТСУ

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

Тел.: 919726539

j.o.92@mail.ru

Махмадов Рамазон Дилшодович

магистрант 2 года обучения

по кафедре мировой литературы

Российско-Таджикский (Славянский) университет

Аннотация: В статье проводится анализ особенностей индивидуального стиля великого таджикского поэта Лоика Шерали в процессе перевода лирических стихотворений известного русского поэта начала XX века Сергея Есенина. Авторы раскрывают видение и позицию известных таджикских поэтов современности Бозора Собира и Лоика Шерали, их индивидуальный стиль и мастерство, рассматривают способы передачи тонкого поэтического восприятия Есенина на таджикский язык. Так, ими установлено, что в таджикском литературоведении дана высокая оценка таланту Бозора Собира и Лоика Шерали в деле перевода художественного наследия русских литераторов.

Ключевые слова: видение, художественный перевод, образ, текст оригинала, текст перевода, автор, поэт-лирик, поэт-переводчик.

Глубина и красота социальных и лирических стихотворений известного русского поэта Сергея Есенина (1895-1925) впервые раскрылись перед таджикским читателем и проникли в его сердце благодаря переводам знаменитого таджикского литератора, поэта конца XX века Лоика Шерали. Поэтому неудивительно, что даже некоторые из его лирических стихотворений в переводе этого талантливого поэта вылились в форму песен.

Одним из таких знаменитых стихотворений является «Мактуб ба модар» («Письмо матери») и знаменательно, что в 2024 году мы отмечаем 100-летний юбилей этого проникновенного произведения С.Есенина. По словам известного современного таджикского литературоведа Абдунаби Сатторзаде, это

стихотворение «вдохновило Лоика на создание его знаменитого стихотворения «Ба модарам» (Моей матери), и в целом, на создание его бессмертного цикла «Модарнома» (Книга матери) (из предисловия к сборнику стихотворений «Гулафшон», 1977).

Удивительным является тот факт, ки что это произведение переведено на таджикский язык не Лоиком, а не менее популярным таджикским поэтом современности Бозором Собиром.

Приведём стихотворение в тексте оригинала и в переводе Бозора Собира, и тем самым почтим память двух великих литераторов - Сергея Есенина и Бозора Собира:

ПИСЬМО МАТЕРИ

*Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.
Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.
И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.
Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.
Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.
Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.
Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбылось,
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.*

*И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.
Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне. 1924*

Перевод Бозора Собира:

МАКТУБ БА МОДАР

*Зиндаї то ба ҳанӯз, эй кампир?
Ман дуогӯи сари сахти туям.
Дар ҳама рӯи чаҳони дилгир
Ҷуз хаёли ту надорам ҳамдам.
Хабар омад, ки ту бо дидаи чор
Аз дари кулбаякат дар хуфтан
Мебарой ба сари раҳ ночор,
Куртаи куҳнаи рустой ба тан.
Сари ҳар шом яке фикри сиёҳ
Мекунад реи дилатро модар, -
Задааст аз камари ман гӯё
Дар тарабхона касе бо ханҷар.
Гарчи андӯҳи ҷудоист гарон
Чӣ кунӣ фикру хаёли ношод?
То наоям ба дари хонаамон,
Ман ба осонӣ нахоҳам ҷон дод.
Ҳаст чун рӯи баҳорон шодоб
То кунун рӯи мани зору низор.
Мекунам ёд ба бедорию хоб
Қиссагӯи туро кӯдаквор.
Як шабе чашми кабудам пурнам,
Ба қадамгоҳи ту мемунам сар...
Макун аз хоб дигар бедорам
Ҳамчу пешина ба ҳангоми саҳар.
Ки надорам ҳаваси ризқи ҳазор,
Лабам аз неъматии олам сер аст.
Аз ҳама буду набудам безор,
Дилам аз зиндагӣ барвақт шикаст.
Ба намози саҳарам амр макун,*

*Кас ба дӯшина намегардад боз.
Мебарам саҷда шабу рӯз акнун
Ба дару боми ту аз рӯи ниёз.
Пас аз ин об макун аз гами ман
Дилу ҷону ҷигаратро модар.
Куртаи кӯҳнаи рустой ба тан
Набаро бар сари раҳ бори дигар. 1977*

Семантический анализ двух текстов свидетельствует о том, что здесь наблюдается некоторая смысловая непоследовательность, что характерно для переводных текстов. Следует отметить, что поэты-переводчики всегда стоят перед некой, порой неразрешимой дилеммой: им необходимо достоверно передать суть текста оригинала, передать дух автора, и в то же время не утратить своей индивидуальности, так сказать проявить собственное видение, собственный почерк. В тексте оригинала С.Есенин вначале очень ярко и самобытно описывает своё душевное состояние, красоту рязанской природы, сетует на то, что мать преувеличенно боится за сына, представляя различные ужасные бедствия, но самое главное, он с щемящей жалостью и теплотой выражает свою любовь и нежность к матери. В конце стихотворения он вновь возвращается к первым строкам, что придаёт обоснованность его первоначальной мысли и подчеркивает преувеличенный характер страхов матери.

Форма стихотворения является традиционной для лирического жанра русской поэзии, которая полностью сохранена в таджикском тексте.

Характеризуя язык и стиль перевода, следует подчеркнуть, что Бозор Собир в таджикской современной поэзии считается великим мастером, великолепно владеющим приёмами лирических стихотворений. Поэтому он в свойственном для него стиле красочно описывает и образ матери, и её переживания, и красочность природных пейзажей. Так, образные выражения Сергея Есенина *старомодный ветхий шушун - куртаи кӯҳнаи рустой* (старое деревенское платье), *вечерний синий мрак – сари ҳар шом* (каждый вечер), *тягостная бредь – фикру хаёли ношод* (нерадостные мысли), *горький пропойца - мани зору низор* (жалкий я), *тоска мятежная – кӯдаквор ёд кардан* (вспоминать как ребёнок), таджикский поэт выражает в свете собственного художественного видения, о котором существует много высказываний и научных воззрений литературоведов. Интересно, что лаконичное есенинское выражение “так забудь же про свою тревогу” таджикский поэт выразил с помощью фразеологизма “дилу ҷигар об кардан” - *об макун аз гами ман дилу ҷону ҷигаратро модар* (подстрочно: не дай растаять своему сердцу и печени из-за меня), что придало яркость и красочность описанию.

Поэзия Есенина отличается высокой степенью лиризма и гуманизма не только в описании образа матери, но и природы. Он описывает свою малую родину — Рязань как край с неопишуемыми пейзажами, скромной и приятной для глаза природой, равнинной местностью и неповторимыми горными красотами.

Российские литературоведы характеризуют его индивидуальный стиль как гениальную простоту. Использование тонких метафор и аллегорий, реалистичных образов, пословиц и поговорок, разговорных выражений и крылатых фраз – всё это придаёт его слогу благозвучность и напевность. Есенин проявляет высокое поэтическое мастерство при использовании художественных искусств, особенно уподоблений и гиперболизации.

Следует отметить, что стихотворение Лоика Шерали «Ба модарам», вошедшее в его первый сборник стихотворений «Сари сабз» (1966), стало причиной того, что поэт в виде исключения был принят в ряды членов Союза писателей Таджикистана. Это свидетельствует о том, что поэт в кратчайшее время, в течение всего четырёх-пяти лет от уровня новичка в области поэзии достиг уровня мастера. Можно сказать, что стихотворение «Ба модарам» открыло качественно новый этап в творчестве его автора, и ознаменовало эпоху его литературных поисков и нововведений. В его поэтике в тот период всё было новым: стиль выражения мысли, способы описания, образы, сюжеты, ритм, рифмовка и поэтические впечатления. Поэт вспоминает детали простой жизни своей старой матери – забитой таджикской горянки. Он старательно вырисовывает её сокровенный внутренний мир, её надежды и чаяния крупными яркими мазками, выписывает её живой и величественный облик с особой искренностью и любовью преданного сына. Стиль его изложения, его специфическая речь в этом стихотворении близко напоминает стиль Сергея Есенина в его стихотворениях «Письмо к матери» и «Письмо от матери». Лоик в годы своей молодости активно занимался изучением и переводом русского поэта. Поэтому неслучайно, что первой изданной книгой его переводов были «Персидские мотивы» (1965) С.Есенина. Но стихотворение «Ба модарам» имело и другие особенности, к которым, прежде всего, следует отнести саму жизнь и судьбу его заботливой матери. Это признавал и сам Лоик, который отмечает: «В цикле стихотворений «Модарнома» (Книга матери) существует огромное влияние Есенина и Эраджа Мирзо». Стихотворение «Ба модарам» относится к числу самых первых удачных творений Лоика, в котором ему удалось соединить традиции персидско-таджикского лирического стихотворения с традициями поэзий мира, и в частности с традициями русской поэзии.

Таким образом, в данной статье нами установлено, что великий представитель русской поэзии XX века Сергей Есенин оказал неизгладимое впечатление и огромное влияние на стиль художественного изображения не только Бозора Собира и Лоика Шерали, но и других современных таджикских поэтов. Благодаря его лирическим стихотворениям определились жанровые и тематические рамки многих достойных произведений таджикской поэзии. Таджикскими поэтами-лириками и поэтами-переводчиками создан ряд неповторимых образов, среди которых на недостижимом пьедестале находится образ матери. Кроме того, как в творчестве Сергея Есенина, так и в творчестве таджикских поэтов-переводчиков красной нитью проходит тематика природы, способная охватить и проецировать все оттенки человеческого характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аминов А.С. На пути к совершенству / А.С. Аминов. – Душанбе, 2021. -224с.
2. Лазарев В. Долгая память / В.Лазарев // Поэзия российских деревень. - М., 1982.
3. Мирзоҳасанов, Л. Красота природы в хорасанском стиле / Л. Мирзоҳасанов. –Душанбе; 2010. –164 с.
4. Музаффарова Ш.М. Совершенство человеческой нравственности в образе Бахрама Гура // Актуальные вопросы филологии: РТСУ, 2009. – С.35-44.
5. Родник жемчужин (сост. М.-Н.О. Османов Предисловие М.Дробышева). – М., 1979. – 514с.
6. Самадов А. Шигарфҳои тарҷума /А. Самадов. – Душанбе, 2016. – 182с.
7. Сатторзода А. Аз Рӯдакӣ то Лоик. – Душанбе: Адиб, 2013, - 176 с.

«ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ ВРЕМЕННОГО КОНТИНИУМА: ОПИСАТЕЛЬНЫЕ И СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ»

СПОСОБЫ СВЯЗИ В СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ПРИДАТОЧНОЙ ЧАСТЬЮ МЕСТА В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

Салоев Азиз Тошмуродович

кандидат филологических наук

доцент кафедры современного русского языка

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

Тел: (+992) 93 760 6556

E-mail: saloev_aziz@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются способы связи в сложноподчинённых предложениях с придаточной частью места в таджикском языке. Изучение сложных предложений с локально значимыми придаточными частями выявило различные семантические и синтаксические типы, возникающие в результате сложного взаимодействия грамматической структуры предложения с его специфическим лексическим наполнением.

Ключевые слова: связь, сложноподчиненные предложения, придаточная часть места, синтаксис, пространство.

В таджикской синтаксической науке сложные предложения рассматриваются в трудах Б.Ниёзмухаммедова (Баъзе масъалаҳои синтаксиси забони адабии ҳозираи тоҷик, 1968), М. Исматуллоева и Ф. Зикриёева (О сложном предложении в современном таджикском литературном языке, 1984), Б. Камолиддинова (Масъал аҳои бахсноки навхи забони тоҷикӣ, 2003), Ш. Рустамова (Мушкилоти синтаксис, 1988), Д. Таджиева (Проблемы изучения сложноподчиненного предложения, 1977), А. Мирзоева (Хелҳои алоқаи синтаксисӣ дар ибораҳо, 1975) и др.

Пространственные отношения передаются четко, ярко и разнообразно с помощью сложноподчиненных предложений, содержащих определенные прилагательные. Это еще одно синтаксическое средство выражения пространственной семантики.

Придаточная часть места указывает на место, пространство или направление, в котором происходит то, о чем говорится в главной части: *Дар ин ҷо ба назди ӯ шахсе, ки ба сари синааш автомат овехта буд, ҳозир шуд ва баъд аз пурсуҷӯи ҳуҷҷату мақсад ӯро бо ҳамроҳии ҷанговари дигар ба як*

пайраҳаи бешазор равона кард (Ниёзи. Вафо, с.6). *Махсусан мо дар маҳалле истодаем, ки ақибгоҳу хатти пеш, паҳлӯи пеш, паҳлӯи росту чап надорем* (Ниёзи. Вафо, с.6). *Вай дар ҷое пинҳон шудааст, ки сарбозон чанд сол кобанд ҳам, ёфта наметавонанд* (Улуғзода). *Баъд аз андак қадам задан назарам ба ҷое афтод, ки сангча-ҳои сафедро моҳирона чида, калимаи «муҳаббат» навишта шуда буд* (Шукӯҳӣ. Аскар). *Рав, писарам, ҳамроҳи ҷӯраҳоят дар кучое, ки бошӣ, зафар ёрат бошад* (Ниёзи. Вафо, с.59).

При помощи подчинительных союзов **ки, ҷое ки, дар ҷое ки, то ҷое ки, дар кучое ки, аз ҷое ки** придаточное место присоединяется к главному предложению: *Як гурӯҳ, ки ҳамагӣ сӣ нафар буданд, аз поёнтари об, дар ҷое ки аз чашми босмачиён пинҳон буд, пул баста ба он сӯи Сорбуг гузаиш-танд...* (Айнӣ). *Пои Саркор дар кучое ки бошад, пои мо ҳам ба ҳамон ҷо нарасида намемонад, додарҷон... – ҷавоб дод Бобонор бо хушҳолӣ ва арақи пешонӣ ва рӯю гар-данаширо пок кард* (Ниёзи.Вафо, с.32-33). *Коре карда дар кучое, ки бошӣ, сиҳату саломат бошу арвоҳи падарат ёр, дуои модарат дастгират шавад...* (Ниёзи.Вафо, с.114). *Вай дар намуд ҳақиқатан ҳам ҳамин чизҳоро ба хотир меовард ва дар кучое ки пайдо шавад, мисли пашшаи шилқини фасли саратон одамнро безор мекард* (Ниёзи.Вафо, с.136). *Дар миёнаи кӯча ҷое набуд, ки духтур тани маҷрӯҳи писараки ўро дида даво кунад* (Ниёзи.Вафо, с.12). *Ҳамаи инҳоро онҳо, ба кучое, ки пои нопокашон расидааст, дуздидаанд* (Ниёзи.Вафо, с.314). *Дар рӯ ба рӯи қалъа ба соҳили чапи даръё, дар' даҳани дараи оби Мазор, ҷое ки ин об ба Сурхоб мерезад, дарахтзори тирагу-не ба назар мерасад...* (Улуғзода).

В таджикском языке придаточные субстантивно-атрибутивные (определятельные) соединяются с указательными словами в главной части сложноподчиненного предложения - существительными - посредством союзных слов *дар он ҷо, ба он ҷо, аз он ҷо*. Эта связь, как известно, оформляет атрибутивное (определятельное) значение придаточной части по отношению к определяемому существительному. Обычно придаточная часть следует непосредственно за контактным словом: *Хонае, ки дар он ҷо зиндагӣ мекард, сӯхт ва аҳли оилааш ҳалок гардид* (Симонов. Зиндаҳо ва мурдаҳо, с. 30).

В качестве союзных слов способны употребляться только местоименные слова вопросительно-относительного типа. Нам в данном случае интересны местоименные наречия *дар кучо, ба кучо, аз кучо*. Они соединяются с существительными, обозначающими пространство или вместилище, связь эта чисто семантическая: слова *дар он ҷо, ба он ҷо, аз он ҷо* замещают имена с пространственным значением. Ср.: *Ин ҳамон чорраҳае буд, ки дар он ҷо Синтсов ба наздикӣ нони хушкаширо бо посбон тақсим карда буд* (Симонов. Зиндаҳо ва мурдаҳо, с. 58).

В таджикском языке часто придаточная часть распространяет сочетание существительного с указательным местоимением *ҳамон*, выступающим в роли коррелята и актуализирующим пространственную семантику слова, с которым сочетается. Ср.: *Пас аз якчанд дақиқа онҳо ба ҲАМОН ҶОЕ расиданд, ки маҷруҳонро монда буданд* (Симонов. Зиндаҳо ва мурдаҳо, с. 66).

Пространственные отношения в качестве периферийной семантики нередко выступают в придаточных изъяснительных, присоединяемых к главному предложению союзным словом *куҷо* + *ят* (*куҷоят* с присоединением местоименным суффиксом «энклитика») например: *Духтур пурсид, куҷоят дард мекунад*.

Особенно ясно пространственные отношения между частями сложноподчиненного предложения могут выражаться при помощи придаточных пояснений. Эти единицы, называемые также предикативными, соединяются с указательными словами в главной части предложения - местоимениями и наречиями. Между придаточной частью и указательным словом существуют отношения пояснения и конкретизации. Различия в структуре пояснительных придаточных заключаются в использовании союзных слов или союзов. Другими словами, в предложениях с пояснительными придаточными имеется связь между местоимениями или союзами. От этой связи зависит характер пояснения и содержание отношений. Использование союзных слов определяет собственно пояснительное отношение (например, "а именно") [1, с. 187].

Як гурӯҳ, ки ҳамагӣ сӣ нафар буданд, аз поёнтари об, ДАР ҶОЕ КИ аз чашми босмачиён пинҳон буд, пул баста ба он сӯи Сорбуз гузаиш-танд... (Айнӣ). Дар рӯ ба рӯи қалъа ба соҳили чапи даръё, дар даҳани дараи оби Мазор, ҶОЕ КИ ин об ба Сурхоб мерезад, дарахтзори тирагу-не ба назар мерасад... (Улуғзода).

В следующих предложениях используются указательные местоименные слова (в том числе *он ҷо*, *ба он ҷо*, *аз он ҷо*), которые используются вместе с союзами и союзными словами, но расположены не в придаточном, а в главном предложении. Особенностью использования местоименных слов в сложных предложениях является то, что они получают свой смысл благодаря другим словам, входящим в состав предложения.

Дар он ҷо, ки аз зери баргҳои дарахтони сӯзанбарг рег намоён буд, пас аз борон сар то сар холча-холча менамуд (Симонов. Зиндаҳо ва мурдаҳо, с. 203).

В таких случаях придаточная часть может указывать не только на место (с указательным словом *дар он ҷо* в главной части), но и на направление движения: прямое (с указательным словом *ба он ҷо*) и обратное (с указательным словом *аз он ҷо*). Ср.: *Дар он ҷо, ки ӯ часта аз мошина*

фуромад, роҳи наврафтае ба пешгоҳи беша мебурд (Симонов. Зиндаҳо ва мурдаҳо, с. 216). *Алексей ба он ҷое* хазид, ки ҳавопаймо рафта буд; *Ў аз он ҷое баромад*, ки аспҳо аз он ҷо ба рӯи ҳавлӣ мебаромаданд. Указательные и союзные слова при этом допускают разную сочетаемость. Любую из трех приведенных ниже главных частей в таджикском языке можно соединить с любой из придаточных частей:

<i>Ў дар он ҷое зиндагӣ мекард,</i>	<i>ки айёми кӯдакиаш гузошта буд.</i>
<i>Ў аз он ҷое омада буд,</i>	<i>ки ўро ба он ҷо фиристода буданд.</i>
<i>Ў ба он ҷое баргашта буд,</i>	<i>ки бародараш аз он ҷо омада буд.</i>

Это означает, что сложные предложения с придаточными предложениями, которые объясняют пространственные отношения, являются наиболее часто встречающимися и разнообразными выражениями в таджикском языке. В некоторых классификациях придаточные предложения места выделяются в отдельную категорию от пояснительных предложений. При этом придаточная часть места относится к главной части предложения в целом как обстоятельственный детерминант, что отличает их от местоименно-соотнесительных предложений. Между частями предложения с придаточной частью места устанавливаются пространственные отношения [2, с. 375].

Ў акнун бо ғайрати тамом ба он ҷое, ки ҳоло меҷангиданд, пеш рафтани мехост (Симонов. Зиндаҳо ва мурдаҳо, с. 47).

Синтсов ҳамроҳи Серпилин ба он ҷое рафт, ки баъд аз бомбаборон немисҳо раҳна карда фаромада буданд (Симонов. Зиндаҳо ва мурдаҳо, с. 129).

Исследование сложных предложений с зависимыми частями, имеющих локальное значение, позволяет выявить различные семантико-синтаксические типы, которые возникают в результате сложного взаимодействия грамматической структуры предложения с его конкретным лексическим содержанием:

- **собственно локальные**, в которых основное значение придаточной части - место действия - не осложняется никакими дополнительными оттенками: *Ҳезумҳо дар он ҷое, ки Вера ва Соня гулхан афрӯхта буданд, гузошта мешуд;*

- **локальные направления**, в которых придаточная часть указывает на направление движения: *Ҳамаи бачаҳо ба он ҷое, ки оташ медурахишд, мерафтанд;*

- **уступительно-локальные**, в которых пространственные отношения осложняются уступительными: *Ба ҳар ҷое, ки моро Ватан фиристад, мо корамонро шарафмандона ба анҷом мерасонем;*

• **условно-локальные**, в которых пространственные отношения осложняются условными: *Кисмҳои худро дар он ҷое, ки душман истодааст, кофтаи лозим* (Симонов. Зиндаҳо ва мурдаҳо, с. 70).

• **причинно-локальные**, в которых пространственные отношения осложняются причинными: *Баъд ӯ ашкҳояширо ба кунчи руймолча пок кард ва дар он ҷоҳои рухсорааш, ки ашк ҷорӣ шуда буд, ожангҳои равшан боқӣ монданд*;

• **обобщенно-локальные**, в которых пространственные отношения носят обобщенный характер: *Дар ҳар ҷое ки кӯшун бошад, дар он ҷо тартиб ҳаст* (Симонов. Зиндаҳо ва мурдаҳо, с. 97).

Различные значения сложноподчиненного предложения отражают его структуру, которая состоит из синтаксических, морфологических и лексических элементов.

В таких предложениях часто наблюдается синкретизм, когда несколько значений объединяются в одной форме. Это объединение значений часто зависит от категориальных свойств главного слова в предложении, которые могут иметь двойные характеристики в придаточном предложении.

Особенно ярко среди сложноподчиненных предложений с синкретичной семантикой выражают локальность предложения, в которых придаточные присоединяются к главным сочетаниями *ба ҳар кучое, ки; дар ҳар кучое, ки; аз ҳар кучое, ки* и др. Эти сочетания, взятые в целом, вносят значение обобщенной уступки и конкретизируют направление обобщения - в данном случае место. *Ба ҳар кучое, ки назар накуни, тӯфон бе охир давом мекард*.

Таким образом, второстепенные члены предложения, такие как обстоятельства, а также синтаксические конструкции, например словосочетания и сложноподчиненные предложения с придаточными пояснительными, наиболее ярко выражают пространственные отношения. При этом важно понимать, что синтаксические средства передачи смысла пространственных отношений не могут рассматриваться отдельно от лексико-морфологических средств, так как слова, обладающие этим значением в предложении, имеют свою номинативность и способность принимать грамматические формы. Устойчивые отношения между морфологическим и синтаксическим уровнями объясняются генетическим параллелизмом членов предложения и частей речи.

Литература:

1. Грамматикаи забони адабии тоҷик. - Душанбе: Дониш, 1982. -т.3. -255с.
2. Зикриев, Ф.К. Структурно-семантические особенности таджикского паратаксиста / Ф.К. Зикриев // под. ред. Ш. Рустамова. - Душанбе: Дониш, 1986.

- 190 с.

3. Зикрияев, Ф.К. Ч,умлах,ои пайрави тарзи амал ва монандӣ дар забони адабии ҳозираи тоҷик / Ф.К. Зикрияев. - Душанбе: Ирфон, 1970. -167 с.

4. Зикрияев, Ф.К. О сложном предложении в современном таджикском литературном языке / Ф.К. Зикрияев // Забошиносии тоҷик. АФ РСС Тоҷикистон. - Душанбе: Дониш, 1984. - 127 с.

5. Зикрияев, Ф.К. Сложноподчиненные предложения в разносистемных языках / Ф.К. Зикрияев, Н.Ш. Рахмонова. - Душанбе, 2013. - 96 с.

6. Мирзоев, А. Хелҳои алоқаси синтаксисӣ дар ибораҳо./ Мирзоев А.// Масъалаҳои забоншиносӣ. - Душанбе:Дониш, 1975. - 411с.

7. Мирзоева, М.Дж. Муродифоти грамматикӣ муносибатҳои ҳолии замон, шарт ва ҳилоф дар забони адабии ҳозираи тоҷикӣ / М.Дж. Мирзоева; под ред. Камолиддинова Б. - Душанбе, 2012. - 118 с.

8. Мирзоева, М.Дж. Муродифоти грамматикӣ муносибатҳои сабабу мақсад дар забони адабии ҳозираи тоҷикӣ / М.Дж. Мирзоева // под ред. Камолиддинова Б. - Душанбе, 2013. - 105 с.

9. Ниёзмухаммадов, Б. Забони тоҷикӣ. Қисми 2. Синтаксис барои синфҳои 7-8 / Б. Ниёзмухаммадов, Ш. Ниёзӣ, А. Каримов. -Душанбе, 1962. -120 с.

10. Ниёзмухаммадов, Б.Н. Баъзе масъалаҳои синтаксисии забони адабии ҳозираи тоҷик (Ч,умлаҳои мураккаби тобеи сертаркиба, ҷумлаи мураккаби омехта) / Б.Н. Ниёзмухаммадов, Ш. Рустамов. - Душанбе: Ирфон, 1968. - 197 с.

11. Рустамов, Ш. Мушкилоти синтаксис / Ш. Рустамов. -Душанбе: Маориф, 1988. - 340 с.

ОТРАСЛЕВАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

Умарова Мехринисо Саидовна

Старший преподаватель кафедры русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет

Тел.:(+992) 98 526 77 70 (м.)

mehriniso.umarova67@mail.ru

Аннотация: Научно-лингвистические исследования отраслевой терминологии и анализ формирования национальной терминологической системы будут всегда востребованы обществом, потому как связаны с изучением и классифицированием языковых явлений. Состояние отраслевой терминологии обусловлено факторами, способствовавшими изменениям в социально-экономическом устройстве современного общества и стремительным развитием новых научно-технических отраслей. В данной статье рассматриваются вопросы номинации и степени изученности терминосистемы научной лексики. Вопрос о соотношении термина и общеупотребительного слова возник еще на заре формирования терминоведения и не утратил своей актуальности и до настоящего времени. Нами изучены научные взгляды большинства лингвистов и приведены цитаты, раскрывающие структуру и сущность отраслевой терминологии. Лексика научного стиля характеризуется употреблением общелитературного, нейтрального и терминологического пластов; преобладанием абстрактных существительных над конкретными; употреблением многозначных слов в одном или нескольких значениях; широким употреблением интернационализмов в терминологии; относительной однородностью, обособленностью лексического состава; малоупотребительностью слов с разговорной и разговорно-просторечной окраской. Выступая в роли термина в отраслевой терминологии, слово должно обеспечивать точное и единое указание на реальный объект либо явление и быть однозначно понятым любым специалистом в данной области деятельности. Ввиду сказанного, к подобным типам слов существуют общеизвестные в терминологии требования.

Ключевые слова: специальная лексика, отраслевая терминология, терминологические исследования, стандартизация терминов, научно-технические понятия, терминосистема.

Начиная с 30-х годов XX столетия по настоящее время выработалось несколько направлений терминологических исследований. Самым актуальным

и распространенным является инвентаризация терминов, то есть, сбор, описание и анализ всех терминов, принадлежащих определенной предметной области. В условиях стремительного научно-технического прогресса лингвистический анализ специальной лексики стал одним из главных объектов современного языкознания. За последнее время значительно расширился спектр вопросов, касающихся исследования лексического пласта разных отраслей науки и выносимых учеными на обсуждение. Так, приобрели актуальность такие проблемы как определение природы термина и его дефиниции, роль и значение общеупотребительной лексики в терминосистеме, проблемы деривационного потенциала терминов, вопросы необходимости или нежелательности лексико-семантических процессов в терминологии, упорядочения и стандартизации терминологии, составления терминологических словарей по отдельным отраслям науки и техники и др. Анализ и интерпретация процесса становления терминологии как отдельной науки свидетельствуют о том, что терминологической науке предшествует период накопления терминов в конкретном языке и объединения в определенном объеме и количестве тематически заданных лексических единиц в пределах одной сферы науки и техники.

Специальная лексика — это официально принятые регулярно употребляемые специальные термины, обозначающие понятия, реалии разных областей знаний, процессы, свойства, параметры, категории.

Как отмечает в этой связи С.С. Джаматов, «современное состояние научной разработки актуальных проблем языкознания, задачи лексикологии, перспективы общего развития теории значения и оценок вызывают необходимость поиска лингвистических новаций и нового взгляда на предшествующие проблемы, а также вовлекают в сферу научных исследований по лингвистике множество вопросов, не изученных в сопоставительном плане» [Джаматов, 2015: 5].

Следовательно, терминология, будучи подсистемой общелитературного языка, в современной сопоставительной лингвистике не исчерпала своей актуальности и требует комплексного научного исследования. Состояние и закономерности развития языка науки в значительной степени зависят от изучения специфики и содержания каждой, отдельно взятой отрасли знания.

Так как «термины суммируют и сохраняют знания в учебниках и справочниках, словарях и энциклопедиях, ныне и в автоматизированных банках, они дают возможность выражать понятия, точно передавать знания в процессе обучения, следовательно, термины выражают различные специальные наименования, которые образуют терминосистемы» [Джураев, 2019: 15]. Любая терминология характеризуется присущей только ей системой научных понятий,

научных направлений, явлений и объектов различных областей знаний. Первостепенной задачей и одной из значимых проблем исследования и понимания термина как языкового феномена в современной лингвистике является его дефиниция.

Авторы статьи «Перспективные направления развития терминологических исследований» С.В. Гринев-Гриневиц и Э.А. Сорокина отмечают, что «дискуссия об определении статуса и признаков термина является общей тривиальной темой, так как в полной мере была обсуждена и закрыта в 1960-80-е годы» [Гринев-Гриневиц, Сорокина, 2018: 19].

Вместе с тем, в данной статье справедливо замечено, что в настоящее время перспективным направлением являются специальные исследования в области сопоставительного и прикладного языкознания. Исходя из того, что данные исследования ведутся в отраслевой терминологии, целесообразно определение дефиниции и признаков термина, потому как именно в отраслевой, а точнее в терминологии молочной отрасли, рассуждения на данную тему будут весьма уместными.

В процессе работы с научными и техническими текстами молочной отрасли было обнаружено большое количество общеупотребительной лексики, например, таких единиц, как корова, молоко, скот, банка, упаковка. Относительно этого пласта метаязыка молочной отрасли ряд ученых считает неправомерным их причисление к разряду терминов. По их мнению, смысл термина заключается в его дефиниции, следовательно, терминами могут быть только те слова, которые обладают «обязательной научной дефиницией». Однако В.М. Лейчик считает, что такая формулировка ошибочна «термин – лексическая единица, требующая дефиниции (вернее определения соответствующего термину понятия)» [Лейчик, 2009: 34], и это подтверждается В.П. Даниленко: «под термином мы понимаем слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющегося наименованием специального понятия и требующее дефиниции» [Даниленко, 1977: 21].

В этой связи правомерна дифференциация понятий «значение слова» и «терминологическое значение». Значение слова может быть интерпретировано как «заклученный в слове смысл, содержание, связанное с понятием как отражением в сознании предметов и явлений объективного мира» [Нелюбин, 2003: 57], в то время как терминологическое значение всегда имеет прямое значение и не приемлет образности, условности или коннотации. Оно (значение) устанавливается в результате договоренности, преднамеренной и сознательной [Герд, 1976: 101].

Устанавливая специфику отраслевых терминов, ученые выделяют в составе понятийного аппарата терминов две группы. Первая группа включает в

себя обозначения общенаучных, так называемых «привлеченных» из смежных отраслей понятий, свойственных многим отраслям науки и техники. Ко второй относят термины узкоспециализированные, служащие для именования понятий и явлений конкретной области знания. Именно посредством этих терминов достигается информативность отдельно взятой отрасли и определяется данная сфера знания. А привлеченный в данную терминологию общенаучный термин получает свою конкретизацию именно в этой системе, в которой используется в настоящий момент. С учетом того, что технология молочной промышленности и вообще пищевых производств базируется на фундаментальных науках, то есть на химию, биологию, физику, микробиологию, можно наблюдать и явление интерференции терминов различных областей знания.

Терминологический аппарат нашего исследования содержит и такое понятие, как «содержательная структура» термина, которая включает в себя следующие составляющие: семантику, мотивированность, сигнификативное значение. Рассматривая семантику или значение термина, уместно говорить о его содержательной структуре, которая включает в себя значение и смысл термина.

Любая терминосистема является отражением системы понятий конкретных наук и научных направлений, предметов и явлений различных областей знаний. Несомненно, основной проблемой изучения и постижения термина как языкового феномена в современной лингвистике является выявление его природы и определение его дефиниции. В связи с этим, по мнению Т.К.Корниевской: «Необходимость исследования механизмов и закономерностей вербализации научного знания, помимо приведенных количественных данных о терминах, функционирующих в современных языках, продиктована целым рядом важных причин. Термин как сложное явление, с разных точек зрения, определяется в зависимости от выделяемого аспекта, имеющего свойства системности (или систематичности), независимости от контекста, точности, международной и стилистической нейтральности. Кроме того, что термин должен обладать рядом других свойств для того, чтобы иметь возможность выполнить свои функции, к нему предъявляется ряд требований»[Корниевская, 2015: 234].

Одни исследователи относят к терминам только слова, другие - и слова, и словосочетания, обозначающие научные понятия. Лексика научного стиля характеризуется употреблением общелитературного, нейтрального и терминологического пластов; преобладанием абстрактных существительных над конкретными; употреблением многозначных слов в одном или нескольких значениях; широким употреблением интернационализмов в терминологии; относительной однородностью, обособленностью лексического состава;

малоупотребительностью слов с разговорной и разговорно-просторечной окраской.

Морфологические характеристики научного стиля также проявляются в его экстралингвистической специфике, представленной такими параметрами, как обобщенность, точность и абстрактность.

Лексическая составляющая, прежде всего, заключается в использовании обозначений научно-технических понятий и явлений – терминологических единиц и единиц специальной лексики. Как правило, термины служат для называния слов и словосочетаний, которые обозначают определенные специфические объекты и понятия и употребляются специалистами конкретной области науки или техники.

Выступая в роли термина в отраслевой терминологии, слово должно обеспечивать точное и единое указание на реальный объект либо явление и быть однозначно понятым любым специалистом в данной области деятельности. Ввиду сказанного, к подобным типам слов существуют общеизвестные в терминологии требования.

Для формирования терминосистемы необходимо существование следующих условий:

а) наличие специальной области, имеющей достаточно чётко определенные границы;

б) наличие системы общих понятий, относящихся к данной области.

Исследование большого материала лексикографических и научно-теоретических источников различных отраслей науки позволило выявить, что «в опубликованных словарях и справочниках при их составлении и отборе терминов, а также при их переводе наблюдаются существенные погрешности и недостатки, а именно:

1) в отдельные словари включаются термины, не связанные с данной отраслью техники или вообще не являющиеся терминами;

2) в словари включаются термины, форма которых не соответствует стандартным;

3) одно понятие иногда выражается при помощи различных терминов, появляются синонимы, нежелательные для научно-технической терминологии;

5) не осуществляется стандартизация общепринятых устойчивых технических терминов;

б) недостаточно используются научно-методологические и общетеоретические положения, разработанные ведущими представителями языкознания и терминологами других стран.

7) в отдельных отраслях знаний в таджикском языке до настоящего времени не разработана система научных понятий, а единичные научные исследования нуждаются в дальнейшем изучении» [Джураев, 2010: 4].

С развитием науки и техники возрастает внимание к средствам передачи с одного языка на другой научных идей, открытий, гипотез, что, безусловно, вызывает интерес лингвистов к сопоставительному изучению терминологических систем. Однако, как показывает практика, в процессе сопоставительного исследования терминологии определенной отрасли можно столкнуться с множеством проблем. Например, есть термины заимствованные, перенятые как элементы культурно-исторических традиций другого народа; термины, установленные государственными стандартами. В государственно-административных документах для каждого понятия установлен один стандартный термин. Применение терминов-синонимов стандартизованного термина не допускается.

Относительно проблем, возникающих в процессе номинации и перевода научных понятий, отечественный ученый Т.К. Джураев отмечает, что «при изучении различных источников были выявлены межъязыковые соответствия и расхождения в употреблении лексических единиц с фонетическими искажениями вариантов терминов, а также словообразовательно несовпадающих терминологических единиц в различных технических отраслях. Например, в терминологии технологии машиностроения: буриш (резание), заниш (биение), танзим (регулирование), тармим (ремонт), ширешкорй (склеивание), рехтагарй (литейное дело) и др.

В области автотранспорта в сопоставляемых языках по своей форме и структуре совпадают: бор (груз), гашт (ход), муассиса (предприятие), наклийт (транспорт), суръат (скорость) и т.д.» [Джураев, 2010: 37].

Результаты проводимых в сопоставительном ключе исследований различных отраслей науки и техники свидетельствуют о том, что в терминосистемах наряду с исконными словами функционирует и большое число заимствованной лексики, а также терминов-гибридов. Более того, выявлены сходства и различия в плане фонетического освоения сопоставляемыми языками иноязычных лексических единиц, определяемых как чисто внешними, экстралингвистическими факторами, так, в конечном итоге, и спецификой грамматического строя языков. Базовая часть отраслевой терминологии русского и таджикского языков отмечается устойчивостью. Отмеченные лексико-семантические процессы в терминосистеме двух языков, а также неточная формулировка и интерпретация терминов являются свидетельством того, что отдельные отраслевые терминологии в рассматриваемых языках находятся на стадии формирования.

Анализ ведущих специалистов в разных сферах отраслевой технической терминологии выявил устойчивые термины, семантические сдвиги, иноязычные заимствования, имеющие отдельные неточности и неверные варианты употребления технических терминов, особенно производных и сложных.

Сравнение отраслевой терминологии в сопоставляемых языках показало, что при обозначении большинства понятий употребляются единые лексические единицы с орфографическими вариантами и часть понятий обозначается при помощи различных лексических единиц. Совпадает большинство профессионализмов, многие общетехнические понятия. Различия наблюдаются в употреблении современной технической терминологии, иноязычной лексики и в её фонетической обработке.

Большое внимание уделяется системности вновь создаваемых терминов. Во многих областях разработаны специальные правила образования терминов для понятий или объектов определенного класса.

Употребление специальной общетехнической лексики способствует улучшению взаимопонимания между ними, а в конечном счете - интенсифицирует их взаимные контакты, которые также составляют одну из специфических черт научно-технического стиля.

В данном аспекте примечательно высказывание С.А.Хайдаровой: «На самом деле, такие слова и сочетания, обладающие, пусть еще не всеми необходимыми атрибутами термина для идентификации понятия или объекта, но употребляемые почти исключительно в профессиональной сфере общения, выбраны группами профессионалов, вполне обыденны для них, что позволяет им не особо отягощаться выбором средств выражения своей мысли, а сосредоточиться на главной цели. Специальная лексика вобрала в себя и всевозможные производные от терминов лексику, используемую при описании взаимоотношений между терминологически обозначенными понятиями и объектами, их свойств и особенностей, а также целый ряд общелитературной лексики, употребляемой однако в строго определенных сочетаниях и тем самым специализированных. Такая лексика обычно не фиксируется в терминологических словарях, ее значения не толкуются научными определениями, но она не в меньшей степени характерна для научно-технического стиля, чем термины» [Хайдарова, 2016: 17].

Таким образом, стандартизация терминологических систем на национальных и интернациональных уровнях необходима потому, что объем понятий, обозначаемых, казалось бы, одинаковыми словами, в разных языках не совпадает. Но принятие международного стандарта не означает отказа от

традиционных национальных систем, в частности, традиционных русских или таджикских, выработанных представителями отечественных школ.

Литература:

1. Герд, А. С. Терминологическое значение и типы терминологических значений / А. С. Герд // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. М.-Л., 1976. - С. 101-107.
2. Гринев-Гриневиц, С. В., Сорокина Э.А. Перспективные направления развития терминологических исследований// Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. - М.: Изд-воМГОУ, 2018. —№ 5. - С. 51-64.
3. Даниленко, В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. - М.: Наука, 1977. –С.15-25
4. Джаматов, С.С. Структурно-семантический анализ синтаксических терминов таджикского и английского языков / С.С. Джаматов. – Душанбе: изд-во «Бухоро», 2015. – 192 с.
5. Джураев, Т.К. Отраслевая техническая терминология современного таджикского языка (в сопоставлении с русским, персидским и дари): дис...д-ра филол. наук: 10.02.20 / Джураев Тухта Кадырович. -Душанбе, 2010. -328 с.
6. Корниевская, Т.К. Термин как объект исследования в лингвистике //Историческая и социально-образовательная мысль. Том 7 №5 часть 1, - 2015. – 487 с.
7. Лейчик, В. М. Терминоведение. Предмет, методы, структура/ В. М. Лейчик. - 4-ое изд. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. - 256 с.
8. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь/ Л. Л. Нелюбин. - 3-е изд., перераб. - М.: Флинта: Наука, 2003. - 320 с.
9. Султанова Р.М. Сопоставительный анализ геологической терминологии в русском и таджикском языках: дис. ...канд.филол.наук: 10.02.20 / Султанова Рафохат Мирзоевна. – Душанбе, 2013. – 176с.
10. Хайдарова, Д. А. Особенности медицинской терминологии в таджикском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Хайдарова Дилноза Аскаралиевна. - Душанбе, 2007. - 26 с.

**ВЫРАЖЕНИЯ ОДНОВРЕМЕННОСТИ ДВУХ
ДЕЙСТВИЙ В ОБОИХ ЧАСТЯХ СЛОЖНОГО
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ).**

Каримов Нусратулло Асадуллоевич

кандидат филологических наук,
доцента общеуниверситетской кафедры русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

Тел: 933446262

karimov.nusratullo@gmail.com

Аннотация: В статье анализируются особенности сложноподчиненных предложений со значением одновременности двух действий в обеих частях сложного предложения в русском языке.. Способы передачи СПП со значением одновременности двух действий в обеих частях сложного предложения имеют ярко выраженную специфику, особую функциональную нагрузку и семантическую емкость.

Основным выразителем временных отношений в сложном предложении являются *союзы*. Одни союзы обозначают временную связь между событиями в общем (недифференцированном) виде, другие имеют частные, специализированные значения, т. е. передают различные оттенки временной соотнесенности двух событий.

Материалом для исследования послужили примеры из произведений русских писателей.

Ключевые слова: время, временной соотнесенность, отношения видовременные, совершенный вид, несовершенный вид, одновременность, интервал, последовательность, очередность событий, непрерывность, вербализация, последовательность, длительность, протяженность.

Способы передачи СПП со значением одновременности двух действий в обеих частях сложного предложения имеют ярко выраженную специфику, особую функциональную нагрузку и семантическую емкость.

Основным выразителем временных отношений в сложном предложении являются *союзы*. Одни союзы обозначают временную связь между событиями в общем (недифференцированном) виде, другие имеют частные, специализированные значения, т. е. передают различные оттенки временной соотнесенности двух событий.

Временные специализированные союзы могут быть носителями таких частных значений, как *ограниченность, прерванность, опережение, преждевременность, внезапность*, либо указание на отсутствие интервала между ситуациями или на минимальность этого интервала.

В современном синтаксисе сложное предложение рассматривается как одна из трех основных синтаксических единиц (словосочетание, простое предложение, сложное предложение). Важно отметить, что сложное предложение как особая синтаксическая единица признана учеными сравнительно недавно, уже в 20 столетии. В самых значительных синтаксических описаниях конца 19 - начала 20 веков сложное предложение как синтаксическая единица не представлено. А термин «предложение» использовался только для обозначения простого предложения (монопредикативной единицы). А. А. Шахматов [7] рассматривал сложное предложение как сочетание предложений (простых), А. М. Пешковский [6] – как сложное целое (образование, превышающее по объему предложение – простое предложение).

Определенный порядок следования частей связан также с употреблением двойных союзов. В таких случаях главная часть, обязательно постпозитивная, имеет слова-скрепы: *Григорий едва успел опустить пику (он попал в первый ряд), как конь, захваченный хлынувшим потоком лошадей, рванулся и понес, забирая вовсю [8, с.141]; Мирон Григорьевич крушил сапогами резные балясины у крыльца и только тогда ушел в курень, оставив безобразно выщербленные перила, когда Гетько на рысях вывел из конюшни пару вороных, на ходу накидывая хомуты [8, с.94]; Как только в бой, так у вас открываются старые раны [8, с.225].*

В сложноподчиненных предложениях с придаточной частью времени выражаются различные виды временных отношений: действие главной части совпадает с действием придаточной (отношения одновременности) или предшествует ему или следует за ним (отношения разновременности).

В предложениях, выражающих значения следования, событие, представленное в главной части, следует за событием указанным в придаточной. Основным средством передачи этого значения являются союзы *после того как, с тех пор как, как только* (и его синонимы).

Иногда значение следования событий может быть передано союзом *когда* при наличии в обеих частях сложного предложения глаголов-сказуемых в форме совершенного вида: *Когда о войне и наших вместе перенесенных трудностях мы ему говорим, у него иной раз промеж глаз сверкнет слеза [8, с.23]; Давыдов вдруг вспомнил, что ведь сегодня же он видел над бровью жены Нагульнова,*

когда та подавала им завтрак, лимонно-зеленоватый застарелый синяк [8, с.32].

Значение следования в наиболее общем виде выражается при помощи союза *после того как*: *После того, как Лушка вышла, заговорил оживленнее* [8, с.74].

В предложениях с союзом *после того как* наблюдается временная одноплановость обеих частей, в них всегда употребляются о д и н а к о в ы е видо-временные формы глаголов-сказуемых, чаще всего прошедшего времени. Исключение составляют те предложения, в которых на временные отношения наслаиваются оттенки условного или причинного значения: *Все эти дни, после того как с кулацкими семьями уехал и Тимофей Рваный, она ходила как в воду опущенная*, [8, с. 73].

Значение следования одного события за другим может выражаться так же союзом *с тех пор как*, и в этом случае он выступает как синоним союза *после того как*: ср.: *Муж с тех пор, как пришел с вечера, ходил в Совет или еще куда-нибудь?* = *Муж после того, как пришел с вечера, ходил в Совет или еще куда-нибудь?* [8, с. 61].

Однако эти союзы не всегда синонимичны, союз *с тех пор как* обладает специфическим оттенком значения. Событие, о котором сообщается в главной части, в своем начале соприкасается с событием, обозначенным в придаточной части отнесено в прошлое, оно как бы «тянется» оттуда, а его конечная граница совпадает с моментом речи, таким образом, оба события соприкасаются, происходит их «наложение».

События, представленная в обеих частях предложения, характеризуются расширенными временными границами: форма настоящего времени, сохраняя свое основное значение, вносит дополнительную информацию об обращенности события в прошлое, а форма прошедшего времени, ввиду своего перфектного значения, вносит информацию об актуальности события в момент речи, т. е. не замыкается в рамках прошлого.

В предложениях, выражающих значения одновременности двух действий в обеих частях сложного предложения, событие, представленное в главной части, следует за событием указанным в придаточной. Основным средством передачи этого значения являются союзы *после того как*, *с тех пор как*, *как только* (и его синонимы): *А сколько жизни потерял Хопров после того, как вернулся из Новороссийска в Гремячий Лог и узнал, что Островновы и Лапишинов уцелели!* [8, с.54]; *Размётнов на вторые сутки, к вечеру, как только узнал о том, что убой скота принял массовый характер, прибежал к Давыдову* [8, с.71]

Иногда значение следования событий может быть передано союзом *когда* при наличии в обеих частях сложного предложения глаголов-сказуемых в форме совершенного вида: *когда окончились репетиция, я пошел за кулисы.*

Значение следования в наиболее общем виде выражается при помощи союза *после того как*: *Половцев обычно выслушивал молча, лишь единственный раз, после того как Яков Лукич сообщил о происшедшем распределении среди бедноты кулацкой одежды и обуви, его прорвало* [8, с. 104]. В предложениях с этим союзом может указываться на наличие временного интервала между двумя событиями при помощи лексических конкретизаторов: *После того как были выселены из Гремячего Лога кулаки, Половцев всю ночь не спал* [8, с.103].

В предложениях с союзом *после того как* наблюдается временная одноплановость обеих частей, в них всегда употребляются о д и н а к о в ы е видо-временные формы глаголов-сказуемых, чаще всего прошедшего времени. Исключение составляют те предложения, в которых на временные отношения наслаиваются оттенки условного или причинного значения: *Все эти дни, после того как с кулацкими семьями уехал и Тимофей Рваный, она ходила как в воду опущенная*, [8, с.73].

Значение следования одного события за другим может выражаться так же союзом *с тех пор как*, и в этом случае он выступает как синоним союза *после того как*: ср.: *С тех пор как ушел Григорий из дому, установились меж ними отношения не то что враждебные, а холодно-натянутые* [8, с.187] = *После того как Григорий из дому, установились меж ними отношения не то что враждебные, а холодно-натянутые.* Однако эти союзы не всегда синонимичны, союз *с тех пор как* обладает специфическим оттенком значения. Событие о котором сообщается в главной части, в своем начале соприкасается с событием, обозначенным в придаточной части отнесено в прошлое, оно как бы «тянется» оттуда, а его конечная граница совпадает с моментом речи, таким образом, оба события соприкасаются, происходит их «наложение».

Наиболее характерным для предложений с союзом *с тех пор как* являются сочетания глагольных форм прошедшего времени в придаточной части с формами настоящего или прошедшего в главной, возможно сочетание формы настоящего в придаточной с формами прошедшего в главной. Не исключаются формы будущего времени в придаточной части, что вполне допустимо для предложений с союзом *после того как*; ср.: ... *после того как Муж после того, как пришел с вечера, ходил в Совет или еще куда-нибудь?* [8, с. 61].

Значение одновременности событий может быть выражено в предложениях с союзом *с тех пор как* только в главной части: *Все эти дни, с тех пор как с кулацкими семьями уехал и Тимофей Рваный, она ходила как в*

воду опущенная, [8, с.73]; ср.: *Все эти дни, после того как с кулацкими семьями уехал и Тимофей Рваный, она ходила как в воду опущенная* [8, с.73]

Отношения следования с оттенком быстроты и непосредственности чередования событий передаются предложениями с союзами *как только* и его синонимами, и при этом акцентируется минимальности интервалами между двумя событиями, т.е. отсутствие разобщенности во времени: *Вечером, как только утихала суета рабочего дня и приходило время идти домой, при одной мысли, что там, в горенке, сидит Половцев, как кориун-стервятник на могильном кургане, хмурый и страшный в своем одиночестве, – у Якова Лукича начинало сосать под ложечкой, движения становились вялыми, несказанная усталость боролась тело...* [8, с.104]; *... я сегодня, как только стемнеет, уеду* [8, с.106].

При помощи частиц *только, лишь* и наречий *едва, чуть* образуются составные специализированные союзы: *лишь только, только лишь, чуть только, едва только, едва лишь только*. В качестве аналогов выступают союзные частицы *только, лишь, едва, чуть*: *Он снял сапоги, но раздеваться не стал и уснул сразу, едва лишь коснулся щекой прохладной, пахнувшей пером подушки* [8, с.18]; *Давили морозы, телок мог замерзнуть, едва лишь облизала бы его мать...* [8, с.11]; *Давыдов озяб, едва лишь выбрались за станицу* [8, с.11].

При словах следования могут выступать корреляты *то, так, как* (последний не употребляется с союзом *как только*): *Вечером, как только утихала суета рабочего дня и приходило время идти домой, при одной мысли, что там, в горенке, сидит Половцев, как кориун-стервятник на могильном кургане, хмурый и страшный в своем одиночестве, – у Якова Лукича начинало сосать под ложечкой, движения становились вялыми, несказанная усталость боролась тело...* [8, с. 104]; *Как только организуем агитколонну, пришлем ее и к вам* [8, с. 9].

От данных предложений следует отличать предложения с союзом *как вдруг* со значением предшествования, осложненного оттенком неожиданности или немотивированности: *Так отмахал он версты полторы, как вдруг на новом переносе следов не оказалось* [8, с. 34]. В предложениях этого типа порядок частей строго фиксирован, обе ситуации обязательно отнесены к прошлому, сказуемое второй части выражено обычно глаголом совершенного вида, а формы настоящего времени могут быть употреблены лишь в значении настоящего исторического.

В предложениях этого типа выражается непосредственное следование, внезапность, неожиданность наступления второго события: *Не успели Давыдов с Нагульновым дойти до сельсовета, как из сельсоветского двора навстречу*

им быстро зашагал невысокий парень в распахнутой кожаной тужурке и юнгиштурмовском костюме [8, с.99]. Форма *не успел* выполняет функцию двойную функцию: служит компонентом двух местного союза и в сочетании с инфинитивом входит в состав сказуемого. В предложениях, построенных по данной схеме, наиболее часто встречаются формы совершенный вид прошедшего времени. Для выражения повторяемости используются формы несовершенного вида: *Макар Нагульнов, прикрепленный ко второй бригаде, с утра обошел вместе с Любишкиным около тридцати дворов, а вечером, когда из сельсовета ушли Размётнов и секретарь, стал вызывать туда тех домохозяев, дворы которых не успел обойти днем* [8, с.111]. Повторяемость сменяющихся событий может быть также выражена глаголом совершенного вида будущего времени: *Не успеет выйти из самолета – навстречу бегут школьники с букетами на руках; Не успеет приехать в колхоз – цветы.*

Таким образом основным выразителем временных отношений в сложном предложении являются *союзы*. Одни союзы обозначают временную связь между событиями в общем (недифференцированном) виде, другие имеют частные, специализированные значения, т. е. передают различные оттенки временной соотнесенности двух событий. Частные временные характеристики создают также за счет лексических конкретизаторов, видо-временных форм глаголов-сказуемых, а также при помощи контекста.

Союз *когда* служит для выражения отношений одновременности без подчеркивания совпадения во времени действий главной и придаточной частей. Например: *Когда подходил он к коновязи, – кони пряли ушами, сбивались в одну кучу, будто зверь шел к ним, а не человек* [8, с. 171]. В том же значении, но значительно реже, используется союз *как* (архаич. или прост.): *Как только немцы поднимались из ложбины на ту сторону, – казаки спешивались и выпускали им вслед по обойме* [8, с.155]; *Григорий в первые дни, как только поселился в имении с Аксиньей, часто бывал у молодого хозяина* [8, с. 97]. Союз *когда* может соотноситься с наречием *тогда* в главной части, подчеркивающим момент совпадения действия: *Остроты с глазу на глаз тогда хороши, когда их не читает чужой* [8, с. 165].

Наиболее употребительными являются конструкции с обозначением того, что действие или состояние, о котором говорится в главной части предложения, следует за действием или состоянием, обозначенным в придаточной. Для выражения такой последовательности во времени служат союзы *когда, после того как, с тех пор как, как только, только что, лишь только, только лишь, только, чуть, как, едва лишь*. Сказуемые в таком случае выражаются глагольными формами совершенного вида и реже — несовершенного. Поскольку союз *когда* употребляется и в предложениях с отношением

одновременности, основным средством выражения последовательности действий или состояний служит глагольная форма совершенного вида в придаточной.

Функционально-семантическое поле темпоральности в русском языке, есть не что иное, как конструктивная лингвистическая система лексического, грамматического и семантического уровней. Составные части функционально-семантического поля темпоральности русского языка (как данного объекта исследования) не повторяются. Основой их формирования, по нашему мнению, составляют причины этносемантики, лингвистическая особенность грамматического строя национального русского языка и специфика функционирования в том или другом контексте речи. Эта особенность и составляет специфику комплексного (системного и уровневого) исследования языкового объекта лексических средств темпоральности в русском языке.

Список использованной литературы:

1. Бондарко А. В. Вид время глагола. - «Русский язык», - М 1971
2. Всеволодова М. В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. – «Русский язык», - М. 1975
3. Виноградов, В. В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли о современном русском языке. - М.: Просвещение, 1969.- 216 с.
4. Всеволодова, М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. - М.: МГУ, 2000. - 502 с.
5. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. - М.: Наука, 1982. - 68 с.
6. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении. -М.: Госучпедиз, 1956. - 512 с.
7. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка Текст. / А.А. Шахматов. — Л.: Учпедгиз, 1941.-620 с.
8. Шолохов, М. Поднятая целина. Нахаленок. Судьба человека. - М.: Детская литература, 1977. – 653 с.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ «ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ» В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

Салимов Фарход Давлятович

преподаватель общеуниверситетской кафедры русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) Университет
734025, Республика Таджикистан г. Душанбе ул. М. Турсунзаде, 30.
Тел: (+992) 904 32 34 00

Аннотация: Глаголы зрительного восприятия играют важную роль в языке, отражая не только способности человека воспринимать окружающий мир, но и культурные особенности и традиции. В данной статье проводится сравнительный анализ глаголов зрительного восприятия в русском и таджикском языках, с целью выявления как общих, так и специфических черт этих лексических единиц.

Ключевые слова: зрительное восприятие, образная семантика, культурные и языковые различия

Глаголы восприятия делятся на несколько категорий в зависимости от сенсорных модальностей: зрительные, слуховые, тактильные и др. В данной статье внимание сосредоточено на глаголах, относящихся к зрительному восприятию. К ним относятся глаголы, такие как "видеть", "смотреть", "глядеть", "знать" в русском языке и их эквиваленты в таджикском языке: "дида", "назар кардан", "нигаристан".

Глаголы зрительного восприятия в русском языке

В русском языке глаголы зрительного восприятия обладают разнообразной семантикой:

- **Видеть** — обозначает фактическое восприятие зрительного объекта (например, "Я вижу тебя").
- **Смотреть** — предполагает активное восприятие, внимание к объекту (например, "Я смотрю фильм").
- **Глядеть** — имеет более устаревшее звучание, но используется для обозначения сосредоточенного взгляда (например, "Он глядел в окно").
- **Знать** — может обозначать не только физическое восприятие, но и познание (например, "Я знаю, что он здесь").

Производные и сложные формы

В русском языке существует множество производных и сложных форм:

- **Увидеть** — совершенный вид глагола "видеть" (например, "Я увидел его на улице").
- **Поглядеть** — означает кратковременное действие (например, "Я поглядел на часы").
- **Засмотреться** — указывает на длительное внимание к объекту (например, "Я засмотрелся на картину").

Глаголы зрительного восприятия в таджикском языке

В таджикском языке глаголы зрительного восприятия также имеют разнообразные значения:

- **Дида (видеть)** — используется для обозначения фактического восприятия (например, «Ман ту дидаам» — «Я тебя вижу»).
- **Назар кардан (смотреть)** — предполагает активное восприятие (например, «Ман телевизор назар мекунам» — «Я смотрю телевизор»).
- **Нигаристан (глядеть)** — может использоваться в контексте пристального взгляда (например, «Вай ба осмон нигарист» — «Он смотрит на небо»).

Производные и сложные формы

В таджикском языке также присутствуют сложные формы и сочетания:

- **Дидани (увидеть)** — совершенный вид глагола «дида» (например, «Ман ӯро дидам» — «Я его увидел»).
- **Назар андохтан (посмотреть)** — кратковременное действие (например, «Ман як бор назар андохтам» — «Я посмотрел один раз»).
- **Нигаристан кардан (смотреть внимательно)** — длительное внимание (например, «Ман ба китоб нигаристан мекунам» — «Я внимательно смотрю на книгу»).

Сравнительный анализ

Семантические особенности

Сравнивая семантику глаголов зрительного восприятия, можно выделить несколько особенностей:

- В русском языке глагол "видеть" часто используется в переносном значении, обозначая понимание или осознание, например: "Я вижу твою точку зрения". В таджикском языке подобные выражения требуют других конструкций, например, "Ман нуктаи назари ту фахмидам" (Я понял твою точку зрения).
- Глагол "смотреть" в русском языке может использоваться в сочетаниях с различными дополнениями, расширяющими его значение, как в примере "смотреть на мир". В таджикском языке аналогичное

значение может быть выражено через "назар кардан" с дополнительными предлогами: "назар кардан ба чаҳон".

Грамматические особенности

Глаголы зрительного восприятия в русском языке обладают развитой аспектуальной системой, позволяющей передавать временные и количественные характеристики действия. Например:

- **Я видел** (несовершенный вид) — обозначает процесс восприятия в прошлом.
- **Я увижу** (совершенный вид) — указывает на действие, которое произойдет в будущем.

В таджикском языке также существует аспектуальная система, однако она может быть менее гибкой. Например:

- **Ман дидам** (я видел) — указывает на завершённое действие, но может не передавать время так четко, как в русском языке.

Контекстуальное употребление глаголов

Глаголы зрительного восприятия могут значительно различаться в зависимости от контекста. В русском языке, например, использование глагола «смотреть» в сочетании с определёнными существительными может изменить его семантику.

Примеры:

- «Смотреть телевизор» подразумевает пассивное восприятие информации.
- «Смотреть в глаза» подразумевает активное взаимодействие и внимание.

В таджикском языке аналогичные конструкции также имеют свои особенности:

Примеры:

- «Назар кардан ба китоб» — акцент на активном восприятии текста.
- «Назар кардан ба инсон» — подчеркивает внимание и взаимодействие с человеком.

Региональные и диалектные различия

Как в русском, так и в таджикском языках существуют региональные и диалектные различия в употреблении глаголов восприятия. Например, в некоторых русских регионах могут использоваться разговорные формы глаголов, такие как "взглянуть", "поглядеть", которые могут не иметь точного эквивалента в литературном таджикском языке.

Психолингвистические аспекты. Восприятие и когнитивные процессы

Глаголы зрительного восприятия связаны с когнитивными процессами, отражая, как человек воспринимает и обрабатывает визуальную информацию.

Исследования показывают, что языковые формы могут влиять на восприятие окружающего мира.

Пример:

Использование глаголов с переносным значением может активировать дополнительные когнитивные ассоциации. Например, в русском языке фраза "Я вижу, что он грустит" может не только обозначать зрительное восприятие, но и передавать эмоциональную реакцию.

Влияние на обучение и понимание

Сравнение глаголов восприятия может иметь практическое значение в области обучения языкам. Понимание того, как разные культуры используют глаголы восприятия, может улучшить навыки перевода и помочь изучающим язык лучше понять культурные контексты.

Использование в переводе

Переводчики должны учитывать не только лексическое значение глаголов, но и их семантическую и культурную нагрузку. Например, в некоторых случаях прямой перевод глаголов восприятия может не передать тонкости значений.

Лексикографические исследования

Рекомендуется проводить дальнейшие лексикографические исследования, направленные на создание двуязычных словарей, которые будут включать не только прямые переводы, но и контекстуальные **примеры использования глаголов зрительного восприятия**.

Таким образом, сравнительный анализ глаголов зрительного восприятия в русском и таджикском языках выявил как общие черты, так и специфические особенности. Обе языковые системы демонстрируют богатство и разнообразие в области глаголов восприятия, однако подходы к их употреблению и семантике имеют свои уникальные характеристики. Данное исследование подчеркивает важность учета культурных и языковых различий при анализе лексики восприятия, что может быть полезным для дальнейших лексикографических и переводческих исследований.

Список литературы:

1. Баранов, И. А. (2015). *Семантика и прагматика глаголов восприятия в русском языке*. Москва: Наука.
2. Рахимзода, Р. (2018). *Язык и культура: лексикографический анализ таджикского языка*. Душанбе: ИРС.
3. Халикова, Н. (2020). *Сравнительная типология глагольных систем русского и таджикского языков*. Душанбе: РТ.
4. Мартынова, Т. А. (2019). *Семантические поля глаголов восприятия в славянских языках*. Санкт-Петербург: СЗПУ.

СРЕДСТВА СВЯЗИ СПП С ПРИДАТОЧНЫМИ УСЛОВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Самардинов Рустам Наимович

преподаватель общеуниверситетской кафедры русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) Университет
734025, Республика Таджикистан г. Душанбе ул. М. Турсунзаде, 30.
Тел: (+992) 904 32 34 00

Аннотация: Сопоставительный синтаксис русского и таджикского языков до сих пор является одной из неисследованных областей языкознания. До сих пор нет монографических исследований, посвященных сопоставительному синтаксису и средством связи сложноподчиненных предложений с придаточным условным в русском и таджикском языках.

В статье анализируются средство связи предложений в СПП с придаточными условия, в русском и таджикском языках. Материалом для исследования послужили примеры из произведений русских и таджикских писателей.

Ключевые слова: условное значение, придаточная часть, препозиция, средства связи, реальные и гипотетические значения, расположении частей, условно-следственные отношения, взаимообусловленности, двойные союзы, сослагательное наклонение.

Наиболее сильным средством связи в СПП с придаточными условием являются союзы и союзные слова. Несмотря на то, что союзы используются и в простом предложении, наблюдается различие и в количественном, и в функциональном отношении. Количество союзов, употребляющихся в сложном предложении, гораздо больше. Так, например, подчинительные союзы практически не используются в простом предложении.

Исследователи давно обратили внимание на тот факт, что придаточные условия могут выражать как условие, близкое к реальному (в случае союзов без частицы *бы*), так и гипотетическое (используются союзы с частицей *бы* или союз *кабы*). Приведем примеры первого типа: *Сдуру заплюхались сюда, а кабы знали, да рази же мы б пошли? – и сокрушенно мотал чубатой головой* (Шолохов. Тихий Дон, с.236). *Кабы не моя ножная хворость – я бы им показал, как надо с неприятелем сражаться!* (Шолохов. Т. Дон, с.593). *Кабы несчастье, небойсь не так бы завопили...* (М. Горький. Дачники, с.242).

Сложноподчиненные предложения с придаточным условия в русском языке содержат указание на условие, от которого зависит осуществление того,

о чем говорится в главной части: *И если я не буду рано вставать и трудиться, то откажите мне в вашей дружбе, Иван Романыч* (Чехов. Три сестры, с.337). *Если философствует мужчина, то это будет философистика или там софистика, если же философствует женщина или две женщины, то уж это будет – потяни меня за палец* (Чехов. Три сестры, с.337). – *Можно и к ночи, ежели вам спешно* (Шолохов. Тихий Дон, с.515). *Только если из штаба приишлют – разбудишь. Понятно?* (Шолохов. Тихий Дон, с.511).

Основным средством связи СПП с придаточным условия в русском языке являются условные союзы а также частица **бы(б)**

Придаточные условные в русском языке присоединяются к главной части предложения посредством союзов **если, ежели, коли(коль), как, как скоро, раз, когда, кабы, буде, (в случае, при условии, когда):** *Я не пойду с вами, если вы не находите во мне ничего общего с испанским дворянином* (Горький. Мещане, с.23). *А коли ничего, так незачем и вздыхать* (Горький. Мещане, с.14). *Если тринадцать за столом, то, значит, есть тут влюбленные* (Чехов. Три сестры, с.352). *С тобой тут ежели сутки пожить, так потом всю жизнь душа не будет рыбы принимать...* (Шолохов. Тихий Дон, с.504). *«Ежели так, то стреляй и меня, сучий сын!»* (Шолохов. Тихий Дон, с.520). *... в случае если он устремится в обход Вешенской с востока...; на угрожаемых участках расставил восемь пулемётов* (Шолохов. Тихий Дон, с.508). *... Степан грозил сам притти в Вешенскую, в случае если Аксинья не явится в сотню* (Шолохов. Тихий Дон, с.504).

Условные придаточные по отношению к главной части могут занимать любое положение, хотя более характерна препозиция придаточной, так как при таком расположении частей более четко передаются условно-следственные отношения. Препозиция придаточной части становится единственно возможной, если в главной части имеются слова-скрепы:

«При препозиции придаточной части выражают отношения взаимообусловленности (условно-результативные отношения). Стоящая впереди придаточная часть вызывает соответствующую по содержанию и форме главную часть, которая, таким образом, также не является самостоятельной. Для выражения взаимообусловленности часто употребляются двойные союзы **если..., то; когда...то; раз... так**, которые указывая на несамостоятельный характер главной части, в то же время четко членят сложное предложение на две части: *Если бы начинать жизнь сначала, то я не женился бы* (Чехов. Три сестры, с.332). *Если вы согласны, то я сейчас же соединяюсь с нашими дорогими сотрудниками. Да если бы в корзине четыреста килограмм, то его бы любой шахтер бревном подважил!* (Плетнев. Избранное: Роман. Повести. Рассказы, с.144).

В русском языке наиболее употребителен союз **если**: *Если бы ты слышал как следует, то я, быть может, и не говорил бы с тобой* (Чехов. Три сестры, с.355). *Если послушать здешнего интеллигента, штатского или военного, то с женой он замучился, с домом замучился, с именем замучился, с лошадьми замучился...* (Чехов. Три сестры, с.357). *Он должен это знать, если он п.эорядочный человек* (Чехов. Три сестры, с.380). *Если бы загранпаспорта давали, полстраны бы завтра уехало.* (Варламов. Душа моя Павел, с.90).

Союзы **ежели, коли, кабы** гораздо менее употребительны в русском литературном языке, так как все они стилистически сниженные (разговорные, с оттенком просторечия или устарелости). Они широко используются в произведениях М. Шолохова, М. Горького, Н.Гоголя, А.Чехова и других русских писателей. *Всё равно, ежели мне лечиться – все в хуторе узнают...*(Шолохов. Тихий Дон, с.552). *Кабы не эта змея – был бы он из хуторных казаков первым* (Шолохов. Тихий Дон, с.564). *Кабы я ее, сноху вашу, на ноги поднял – тогда другое дело* (Шолохов. Тихий Дон, с.568). *Коль почунеюсь и красные товарищи смилуются надо мной, не убьют – как-нибудь доберусь до дому, а нет-помру тут* (Шолохов. Тихий Дон, с.604). *Коль видал, чего же и толковать* (Шолохов. Тихий Дон, с.616).

Предложения с союзом **раз и когда** в условном значении имеют разговорный характер: **Раз** уж попали мы на овечьё положение, значит – надо за баранами держаться (Шолохов. Тихий Дон, с.609).

В придаточных условных предложениях, отвечающих на вопрос при каком условии?, содержится указание на условие осуществления того, о чем говорится в главном предложении. *Если светит солнце и на небе нет облаков, то пение и запах сена чувствуется сильнее. А если вам неудобно слушать, если мои слова раздражают вас, то я могу не говорить* (Чехов. Три сестры, с.367). *И что же это за генералы, если по виду их ничем нельзя отличить от обыкновеннейших солдатских писарей* (Шолохов. Тихий Дон, с.546). *Если б вы попались ко мне – я бы вас не так допрашивал!..* ( )

В приведенном примере условие представляется невозможным, то сказуемое в обеих частях предложения выражается формой сослагательного наклонения (в придаточном предложении к союзу добавляется частица **бы**): *Быть бы Митьке по его наружным достоинствам лейб-гвардии атаманцем, жить бы при дворце и охранять священную особу его императорского величества, если б не эта окаянная революция* (Шолохов. Тихий Дон, с.542) *“Ежели б мне со всех красных, побитых мною, посыпать штаны да юбки, - весь хутор Татарский одел бы”* (Шолохов. Тихий Дон, с.542).

Для усиления выражения обусловленности употребляются сочетания **вслучае если, на случай если**(обычно расчлененные): **В случае, если** за вами

кто-нибудь прилипнет, то пускай видит, куда вы пошли. На всякий случай Ильинична решила так:... самой оставаться, даже в том случае, если красные займут хутор (Шолохов, Тихий Дон, с.587). *Ну, а на случай ежели придется в чужие земли плыть или раком ползть, ты – как?* (Шолохов. Тихий Дон, с.609).

Союзы **если, ежели, коли, когда** могут присоединять придаточные в сложноподчиненных предложениях, выражающих реально возможные и нереальные условные отношения: **Пускай** у меня рука отсохнет, **коли** я тебя трону (Горький. На дне, с.159). **Ежели** тебя муж бил... зря – надо было в полицию жаловаться (Горький. На дне, с.129). Я только говорю, что, **если** кто кому хорошего не сделал, тот и худо поступил (Горький. На дне, с.139). – **Ежели** вы, ваше превосходительство, спробуете тронуть меня хоть пальцем,- зарублю на месте! (Шолохов. Тихий Дон, с.538). Тут не хитро людей в трату дать, ежели командир – бестолочь (Шолохов. Тихий Дон, с.534). – Ну, так ежели не хотите калмыкам под шомпола ложиться – послушайте моего совета! (Шолохов. Тихий Дон, с.576).

В последнем случае частица **бы** стоит обычно сразу же после союза, образуя сложные союзы: **если бы, ежели бы, когда бы**: Уж ежели б зипун был добрый, а то так, нищая справа...(Шолохов. Тихий Дон, с.583). **Если бы** таким движением поднял голову волчонок, то было бы ясно, что он сейчас завоюет (Пастернак. Доктор Живаго, с.15). **Если бы** это случилось совсем еще недавно, не дальше чем нынешней весной, то в данном положении, сидя мокры-мокрешеньки вдвоем после такой переправы, они непременно бы шумели, ругались бы или хохотали (Пастернак. Доктор Живаго, с.27). **Если бы** Светлана не разевала рта, с ней можно было бы и поболтать!.. (Толстая. Не кысь, с.166). **Если бы** Золя был русским писателем, то в литературном пантеоне наша критика разместила бы его где-нибудь рядом с Боборыкиным (Толстая. Не кысь, с.547). **Если бы** земля под ногами провалилась, то и спасение бы было. (Плетнев. Избранное: Роман. Повести. Рассказы, с.51).

Комбинация указанных структурных признаков в русском языке позиции придаточных, соотношения форм наклонения и времени в главной и придаточной частях, определенных союзов и указательных слов – образуют свободные модели сложноподчиненных предложений с придаточными условными, каждая из которых обладает своим значением или оттенком.

Литература:

1. Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Синтаксис сложного предложения. М.: Просвещение, 1977. - 191 с.
2. Русская грамматика. Т.2. М.:Наука, 1982. – 709 с

3. Островский Н. Как закалялась сталь, Новосибирск. 1984г. – 351с.
4. Тургенев И.С. Записки охотника, 2-издание Москва 2003г.
5. Пушкин А.С. Капитанская дочка, - Москва. 2012. – 256с.
6. Шолохов М. Тихий Дон. Л.: Печатный двор, 1947.- в 4-томах.
7. Шолохов М., Дони ором, Душанбе 1978 с. – иборат аз 4-чилд

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛЕКСЕМ ЛСП «КРАСОТА/ЗЕБОЙ»,
«ДОБРО/НЕКӢ», «ИСТИНА/ҲАҚИҚАТ» В СОСТАВЕ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОМ
ПРЕОБРАЗОВА**

Умарова Фарангис Комилджонова

кандидат филологических наук

преподаватель общеуниверситетской кафедры русского языка

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

Тел: (+992) 93 505 6535

E-mail: umarivaf-93@mail.ru

Аннотация: Лексические полевые сферы «Прекрасное/Зебой» в триединстве понятий «красота/зебой», «добро/некӢ», «истина/хақиқат» в русском и таджикском лингвокультурном пространстве отличаются разнообразием фразеологических и вербальных средств репрезентации. Эти средства способны семантически объективироваться, как свойства и признаки ценностных феноменов красоты, добра и истины.

Ключевые слова: фразеология, «красота/зебой», «добро/некӢ», «истина/хақиқат», «Гулистон».

Одним из первых выдающихся специалистов по теории фразеологии является швейцарский лингвист Шарль Балли. Им были впервые изучены и систематизированы связанные словосочетания во французском языке и на основании выдвинутых положений предложен термин «фразеология» – «phraseology» [259, 56].

В развитие теории фразеологии в русской лингвистической науке большой вклад внес академик В.В.Виноградов. Научные работы В.В. Виноградова [1946, 1947, 1977] по фразеологии составляют основу многих фундаментальных научных работ по данной тематике не только русского, но и других языков. В частности, многие лингвисты, как зарубежные, так и русские,

в своих трудах используют составленную В.В.Виноградовым классификацию фразеологизмов с точки зрения семантической слитности [259, 43].

Значимыми лингвистами в данной области являются также Б.А. Ларин [1956, 1959, 1977], А.И. Смирницкий [1959], А.М. Бабкин [1964, 1970] и многие другие. Они включают в состав фразеологических единиц сочетания лексем, которые семантический обновляются и подвержены метафоризации (т.е. из данной области исключаются все словосочетания, не перешедшие в раздел еще неделимых лексических оборотов и не получившие переносно-обобщенного значения).

Важно отметить таких выдающихся лингвистов, как Л.П.Смит [1959], Н.М.Шанский [1965, 1980], В.П.Жуков [1991], В.Н.Телия [1996], которые придерживаются мнения, что фразеологизмами являются не только фразеологические выражения, но и цитаты, пословицы и поговорки, которые впоследствии стали крылатыми фразами. Н.М.Шанский назвал такой вид устойчивых сочетаний «фразеологическими выражениями» [259, 56-143].

Считается, что примерно в 50-е годы XX века в таджикском языкознании начали изучать теоретические аспекты фразеологических единиц и были опубликованы первые отдельные разработки, научные статьи, связанные с проблемами фразеологизмов таджикского языка [Н.М. Маъсуми, 1954, 1959; Хушенова 1971, 1977, 1980; М.М. Мирзоева, 2008 и др.].

Значительный вклад внес М.Ф. Фозилов, представив миру двухтомный фразеологический словарь «Фарханги ибораҳои рехта» [1963], состоящий из 8000 фразеологизмов таджикского языка различной структуры. Масштабным изучением фразеологии таджикского языка занимался профессор Х.А. Маджидов, им была издана монография «Фразеологияи забони ҳозираи тоҷик» («Фразеология современного таджикского языка») [1982]. Сопоставительным исследованием русской и таджикской фразеологии посвятили свои труды профессор М. Юсупова [1966], Х.И. Икрамова [1967], М. Ибрагимова [1971], Б.А. Тахохов [1974, 1988] и другие. Исследования в сфере сопоставления фразеологии англо-таджикских языков нашли своё отражение в работах Г.Б. Баракаевой [1968], А. Ахмеджанова [1970], Э. Бабаева [1976], М. Назировой [2009], М.Н. Азимовой [2014] и многих других.

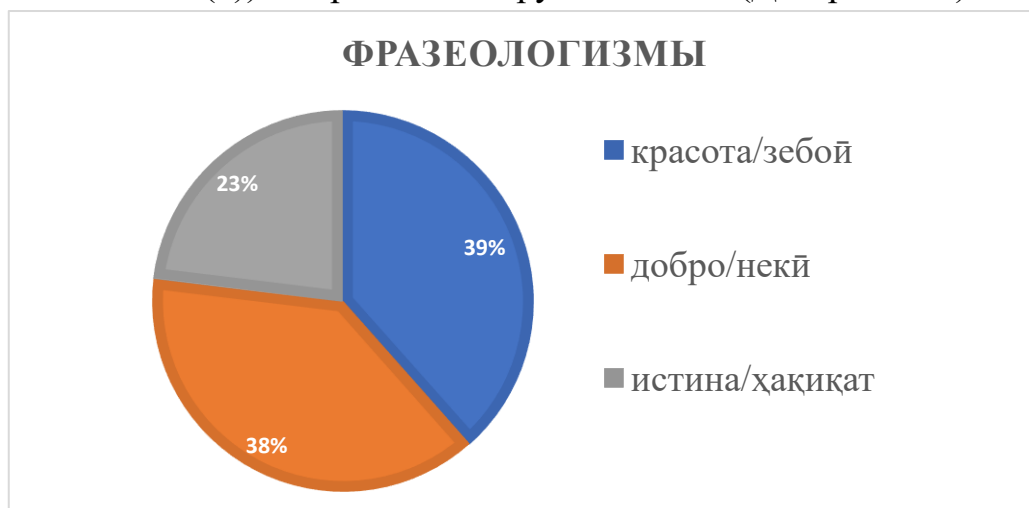
В таджикской лингвистической науке пока очень мало научных работ по изучению фразеологизмов в авторском тексте на примере конкретного произведения [Маджидов Х.М., 1981; Мирзоева М.М., 2008; Шарипова Г.А., 2013 и др.],

Однако, несмотря на огромную работу, проделанную таджикскими языковедами, многие основополагающие вопросы, связанные с лексико-смысловой и структурной организацией устойчивых словосочетаний, а также

изучение фразеологических аспектов в составе художественных текстов и особенности их перевода на русский язык в литературном произведении до сих пор не изучены в достаточном объёме.

В современной лингвистической науке проблема сопоставления и сравнения языков на материалах переводческой литературы занимает одну из центральных мест. Фразеологизмы находятся на ценностной позиции любого языка, так как содержат в себе основные лингвокультурные показатели языковой картины мира. В них скрыты значимые культурные коды, отражаемые в языке носителей данного языка. Материалом нашего исследования послужили фразеологизмы с лексико-семантическими компонентами «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат», отобранные методом сплошной выборки из произведения «Гулистон» Саади Шерози.

В результате направленной выборки из данного произведения выявлено 26 фразеологизмов («красота/зебой» (10) – «добро/некй» (10) – «истина/хақиқат» (6)) с переводом на русский язык (Диаграмма 2).

Диаграмма 2.

Изучая лексико-семантический состав фразеологизмов с семантической направленностью «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/хақиқат» в произведении «Гулистон» мы прослеживаем разграничения и соответствия в содержательно-тематических признаках.

Так, во фразеологизмах с семантикой «КРАСОТА/ЗЕБОЙ» и их эквивалентах на русском языке в «Гулистоне» Саади Шерози выявлены следующие содержательно-тематические группы:

1. Красота юности: *меваи унфувони шабобаи наврасида (расцвет ранней юности); сабзаи гулистони узораи навдамида (травка на лужайке его ланит едва пробивалась).*

2. Сочетание внутреннего и внешнего качества: *чамоли сурату камоли маънӣ доштан (благородная осанка и духовное совершенство); зоҳири ба салоҳ ораста (благочестивая внешность).*

3. Олицетворение красоты: *моҳи шаби чордах* (полная луна); *наботи оразаш оби ҳаёт мехӯрад* (ланины белые живой поил родник); *равнақи бозори хуснаш шикаста* (прошло оживание на базаре его красоты).

4. Созерцаемость красоты: *дар зоҳир айб надидан* (не видит недостатков); *сурату зоҳири покиза* (благородный облик).

Возможными содержательно-тематическими парами для фразеологизмов с семантикой «добро/некй» являются:

1. Действия человека: *чаими некй доштан* (ждать добрых всходов), *дасти дӯстӣ гирифтан* (подать руку помощи); *дасти карам кушодан* (раскрыть руку великодушия/щедрая ладонь); *дари сулҳ задан* (предлагать мирное соглашение/затишье); *бахшидани хун* (простить/ даровать жизнь).

2. Характеристика поведения человека: *номи нек* (доброе/честное имя); *ба дил фуруд омадан* (проникнуть в сердце/проникать в душу).

3. Внешнее восприятие добра: *дар дида накӯ намудан* (глаз привлекать).

4. Синонимическое восприятие добра и чистоты: *ҷони пок* (чистая душа); *сиришти пок* (чистая природа).

Во фразеологизмах ЛСП «истина/ҳақиқат» выявлены следующие номинативные содержательно-тематические группы:

1. Внешняя характеристика: *симои ростон доштан* (праведник);

2. Действия человека: *гум шудан дар раҳи рост* (запутаться/погибнуть на истинном пути); *ҳисоби пок доштан* (быть чистым на руку/правильный, чистый счет);

3. Возможность выявления истины: *кашфи ҳақиқат кардан* (выявить истину);

4. Способность чувствовать истину: *дил бар сидқ гувоҳӣ додан* (сердцем верить в правду).

В лексическом составе фразеологизмов произведения «Гулистон» видна связь и сочетаемость компонентов ЛСП «красота/зебой» – «добро/некй» – «истина/ҳақиқат».

1. Лексико-семантическое сочетание компонентов ЛСП «красота/зебой» - «добро/некй»:

Зоҳири ба салоҳ ораста (Благочестивая внешность): **ЗОҲИР** ‘шакл, ҳолати берунӣ’ (образ, внешний вид) [251, 459]; **САЛОҲ** ‘некй, некукорӣ’ (доброта, творить добро) [250, 182]; **ОРАСТАН** ‘зинат додан, зебу зинат додан, музайян кардан, оро додан’ (украшать) [251, 924].

Рӯйи некувон (лицо красавиц): **РҮЙ**(Й) ‘чеҳра, рухсор’ (облик, лицо) [250, 155] и **НЕКУВОН** состоит из 2 слов **НЕКҮ** ‘хуб, нағз; хушрӯй, зебо’ (хороший, добрый, красивый) [251, 849]; **АБРУВОН** ‘хатти камоншакли мӯйҳо, ки дар таги пешона ва болои чашм аст’ (брови) [251, 30].

2. Лексико-семантическое единство лексем ЛСП «красота/зебой» - «истина/хақиқат»:

Симои ростон (праведник): СИМО ‘рӯй, чеҳра, талғат’ (лицо, облик, мимика) [250, 239]; РОСТО ‘дуруст, саҳеҳ, рост’ (правильно, точно) [250, 145].

3. Лексико-семантическая связь слов ЛСП «красота/зебой» – «добро/некӣ» – «истина/хақиқат»:

Сурату зоҳири покиза (благородный облик); СУРАТ ‘зоҳир, шакл, намуд, ҳайат, намуди зоҳирӣ’ (внешний вид, облик) [250, 275]; ЗОҶИР ‘шакл, ҳолати беруни’ (внешний вид, облик) [251, 459]; ПОКИЗА ‘хуб, некӯ, нағз; дуруст’ (добрый, хороший; правильный) [250, 80].

Ҷони пок (чистая душа); ҶОН ‘руҳ, равон, маҷ. зиндагӣ, ҳаёт’ (душа, жизнь) [250, 787].

Сиришти пок (чистая природа) СИРИШТ ‘фитрат, ниҳод, тинат; асос ва мояи табъу табиат; хулқ, хислат’ (основа, характер, природа) [250, 246]; ПОК ‘1. соф, тоза, покиза; маҷ. беайб (чистый, невинный) 4. Дуруст (правильный)’ [250, 79].

В представленных выше сочетаниях центральным компонентом является лексема ПОК/ПОКИЗА, так как в данном слове сочетаются основные характеристики всех трех исследуемых нами ЛСП.

Таким образом, исследование и сопоставление лексико-понятийные поля «красота/зебой» – «добро/некӣ» – «истина/хақиқат» в комплексе ЛСП «Прекрасное/Зебой» в русском и таджикском языках на примере произведения «Гулистон» Саади Шерози позволяет сделать несколько основных выводов:

1. Изучение переводческих текстов художественной литературы, как один из способов сравнения языков, позволяет выявить общие и специфичные особенности исследуемых ЛСП в русском и таджикском языках;

2. Способы выбора перевода конкретного слова в контексте различны в зависимости от особенностей реализации и целевой направленности лексем;

3. Содержательно-тематические признаки чаще всего совпадают во всех ЛСП, так как передают значение действия, характеристику поведений, внешние и внутренние атрибуты и состояния человека;

4. Во фразеологических конструкциях гармонично сочетаются лексем ЛСП «красота/зебой» – «добро/некӣ» – «истина/хақиқат».

Фразеологические единицы ЛСП «Прекрасное/Зебой» русского и таджикского языков находятся в дистрибутивных отношениях, репрезентируемые «своими» лингвокультурными особенностями, задавая им разную концептуальную и смысловую глубину, но точки соприкосновения четко устанавливаются в триединстве КДИ в исследуемых языках.

Литература:

1. Национальный корпус таджикского языка (Электронный ресурс – URL: <http://tajik-corpus.org>)
2. Саъдии, Ш. Гулистон / Саъдии Шерозӣ. – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2014. – 325 с.
3. Саъдии, Ш. Бӯстон / Саъдии Шерозӣ. – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2008. – 292с.
4. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Иборат аз ду ҷилд. Ҷ.2 (ҳарфҳои П-Ҷ) /муҳаррир М.Ш.Шукуров,Р.Хошим,Н.А.Масъуми,В.А.Капранов. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 949с.
5. Фарҳанги забони тоҷикӣ.Иборат аз ду ҷилд. Ҷ.1 (ҳарфҳои А-О) /муҳаррир М.Ш.Шукуров,Р.Хошим,Н.А.Масъуми,В.А.Капранов. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 952с.
6. Фозилов, М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик. Ҷилди 1. / М. Фозилов. – Душанбе: Таджгосизд., 1963. – 952с.

ХУСУСИЯТҲОИ СОҲТОРӢ – МАӢНОИИ ҶУМЛАИ МУРАККАБИ ТОБЕӢ БО ПАЙРАВӢОИ ҲОЛИ ТАРЗИ АМАЛ, ЗАМОН ВА МАКОН ДАР «ҚОБУСНОМА»

Давлатов А.Н.

преподаватель кафедры таджикского языка

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

davlatov1577@mail.ru

Аннотатсия: Дар мақола хусусиятҳои соҳторӣ – маъноии ҷумлаи мураккаби тобеъ бо пайравҳои ҳоли тарзи амал, замон ва макон дар «Қобуснома» -и Унсурулмаолии Кайковус мавриди таҳлили илмӣ қарор дода шудаанд. Аз рӯи мушоҳидаҳо ва таҳқиқи ҷумлаҳои пайрави микдору дараҷаи «Қобуснома» муаллиф ба ин натиҷа расидааст, ки дар ҷумлаҳои пайрави микдору дараҷаи «Қобуснома» пайвандакҳои «*ба қадре ки*», «*ҳар қадаре ки*» ва «*ба андозае ки*» ниҳоят камистеъмоланд ва ба ҷойи онҳо пайвандандакҳои «*бе ҳадду андоза*» ва «*бе андоза*» истифода шудааст. Муаллиф бо мисолҳои мушаххас баъзе хусусиятҳои соҳтори ва маъноии ҷумлаи мураккаби тобеъ бо пайравҳои ҳоли тарзи амал, замон ва маконро мавриди таҳқиқ қарор додааст.

Аннотация: В статье научному анализу подвергаются структурно-семантические особенности придаточного сложного предложения с настоящим

временем действия, времени и места в «Кабусноме» Унсурулмаолии Кайковуса. На основе наблюдений и исследования придаточных, следующих за количеством и степенью «Кабусноме», автор пришел к выводу, что в придаточных, следующих за количеством и степенью «Кабусноме», союзы «столько же, сколько», «столько же, сколько» и «настолько, насколько» крайне недоупотреблены и вместо союзов «без пределов» и «без измерений» употребляются. На конкретных примерах автор изучил некоторые особенности структуры и значения сложного придаточного предложения с причастиями настоящего времени действия, времени и места

Калидвожаҳо: ҷумлаи мураккаб, ҷумлаи пайрави пуркунанда, таркибҳои феълӣ, ҷумлаҳои мураккаби пайваст, ҷумлаи мураккаби пайвасти пайиҳам, пайвандакҳо, пайвандакҳои ҷудой, пайвандакҳои хилофӣ, маънои номутобиқӣ, хусусияти маъноӣ услубӣ, истисно ё инкор.

Вижагиҳои наҳвии ҷумлаи мураккаби тобеъ дар соҳти наҳвиёти забони адабии тоҷик мавқеи муҳим дошта, таҳқиқи густурдаи ҷумлаҳои пайрав аз ибтидои солҳои 60 – уми асри XX шуруъ шудааст. То солҳои 60 – уми асри XX таҳқиқи омӯзиши ҷумлаҳои мураккаби тобеъ дар доираи барномаи таълимии макотиби миёнаю олии сурат гирифтааст. Аз солҳои 60 – уми асри XX то солҳои 90 – уми асри XX ҳамаи хели ҷумлаҳои пайрав аз ҷониби забоншиносони тоҷик Д. Т. Тоҷиев, М. Шаҳобова, Х. Хусайнов, М. Қосимова, Б. Ниёзмухаммадов, Ш. Рустамов, С. Атобуллоев, Қ. Қаландаров, Ф. Зикирёев, Д. Хоҷаев, В. Абдулазизов таҳқиқ шудаанд.

Ҷумлаҳои пайрави ҳол аз рӯи маъно ва вазифаҳои наҳвиашон дар «Қобуснома» - и Унсурулмаолии Кайковус гурӯҳи калони ҷумлаҳои пайравро ташкил медиҳад.

Дар ифодаи ҷумлаҳои пайрави сабаб ва хилофӣ дар «Қобуснома» саҳми асосиро пайвандакҳо мебозанд, аммо дар ҷумлаи пайрави шарт бошад, мутобиқати шаклҳои феълӣ – хабари сарҷумла ва хабари ҷумлаи пайрав, аҳамияти калон дорад.

Забоншиноси маъруфи тоҷик, профессори шодравон Д. Т. Тоҷиев дар китоби «Осори мунтахаб» - и хеш қайд кардааст: «Материалҳои забоншинони медиҳанд, ки ҷумлаҳои пайрави ҳоли замон, шарт, хилоф бештар пеш аз сарҷумла ҷой мегиранд, вале барои ҷумлаҳои пайрави сабаб, мақсад, натиҷа пас аз сарҷумла омадани онҳо характернок аст» [Тоҷиев, 2005, с. 354].

Мо низ дар забони «Қобуснома» - и Унсурулмаолии Кайковус мушоҳида кардем, ки бештари ҷумлаҳои пайрави ҳоли замон, шарт пеш аз сарҷумла ҷой гирифтаанд, вале ҷумлаҳои пайрави хилофӣ дар «Қобуснома» аксаран баъд аз сарҷумла омадаанд:

а) чумлаи пайрави замон: «*Чун пир шудӣ , пирӣ кун*» [с. 40] – пеш аз сарчумла

б) чумлаи пайрави хилоф: «*Пас, эй писар, ба дониши хеш гарра машав, агарчи доно бошӣ*» [с. 26] - пас аз сарчумла

а) Чумлаи мураккаби тобеъ бо чумлаи пайрави замон

чумлаи пайраве, ки замони фикри дар сарчумла ифодашударо шарҳ медиҳад, чумлаи пайрави замон номида мешавад.

«*Акнун чун вақти очизӣ омад, ҳеч чора надонистам*» [с. 34].

Дар «Қобуснома» чумлаҳои пайрави замоне ҳастанд, ки амали чумлаи пайрави замон бо амали сарчумла дар як вақт воқеъ гардидаанд:

«*Ҳар гоҳе ки тан хосияти хеш надида кунад, марғу гарониву сукун фуруъ часпад*» [с. 61].

Амали чумлаи пайрави замон пеш аз амали сарчумла ба вуқӯъ меояд: «*Афлотуни ҳаким чун ин сухан бишунид, сар фуруъ бурду бигирист ва сахт дилтанг шуд*» [с. 23].

Амали чумлаи пайрави замон пас аз амали сарчумла воқеъ мегардад: «*Акнун чун вақти очизӣ омад, ҳеч чора надонистам*» [с. 33].

б) Чумлаи мураккаби тобеъ бо чумлаи пайрави макон

Чумлаи пайрави макон дар дохили чумлаи мураккаби тобеъ ҷой ва сӯйи воқеъ гардидани амали сарчумларо нишон медиҳад [Тоҷиев, 1969, с. 415].

Ин хели чумлаи пайрав бо чумлаи пайрави муайякунанда хеле монанду наздик аст. Дар чумлаҳои мураккаби тобеъ бо чумлаи пайрави макон ду хусусиятро мушоҳида мекунем: а) калимаи **ҷой** монанди вақт бештар характери грамматикӣ гирифта, вазифаи калимаи ҳамнисбатро адо мекунад, пайвандаки таркибӣ месозаду маънои маконро ифода мекунад. б) маънои луғавии калимаи **ҷой** нисбатан нигоҳ дошта мешавад ва чумлаи пайрав онро эзоҳ медиҳад: «*Ва чун ҷое фуруд ояд, ки ошно ва далер набошад*» [с. 116]. «*Ва ҷое, ки қабул маёбӣ, қарор магир*» [с. 107].

Дар «Қобуснома» чумлаҳои пайрави макон дар чумлаҳои мураккаби тобеъ маъно ва вазифаҳои зеринро иҷро кардаанд:

а) Макони иҷрои амали сарчумла: «*Набинӣ, ки чун баҳоимро отаиш дар ҷое кунӣ, ки хӯришигоҳи ӯ бувад...*» [с. 180].

б) Самти амали сарчумла: «*Хештанро ҷое ихтиёр кун, ки ба ту диҳам*» [3. 129, 149].

ғ) Чумлаи мураккаби тобеъ бо чумлаи пайрави тарзи амал

Чумлаи пайрави тарзи амал тарзу тариқи воқеъ гардидани амали сарчумларо шарҳ медиҳад [Грамматика, 1989, с. 355]:

«*Хусрав бинишаст, чунон ки расми мулуки Аҷам буд*» [с. 25].

Чумлаи пайрави тарзи амал дар ду ҳолат вазифаи худро иҷро менамояд: а) барои эзоҳи таркиби хабари сарчумла; б) барои шарҳи ҳоли тарзи амали сарчумла. Чумлаи пайрави тарзи амал бештар ба ҳоли тарзи амал ва ё калимаҳои ҳамнисбат, ки дар сарчумла вазифаи ҳоли тарзи амалро адо мекунанд, тобеъ шуда меоянд:

*«Бо падару модари худ **чунон** бош, ки аз фарзандони худ тамаъ дорӣ»* [с. 17].

Дар «Грамматикаи забони тоҷикӣ» (1963) ин хели чумлаи пайрав ба ду навъ тақсим карда шудааст: а) чумлаи пайрави тарзи амал; б) чумлаи пайрави андозаю миқдор. Вале Б. Ниёзмуҳаммадов дар китоби «Очеркҳо оид ба баъзе масъалаҳои забоншиносии тоҷикӣ» (1960) чумлаҳои пайрави тарзи амалро ба се хел – тарзи амал, андозаю миқдор ва монандӣ ҷудо кардааст [Ниёзмуҳаммадов, 1960, с. 121].

Дар «Қобуснома» чумлаи пайрави тарзи амал бештар ба воситаи пайвандаки **бе он ки** тобеъ шудааст, ки муносибати тарзи амал равшан аст: *«Дигар, пайваста ба хидмат машғул бош, **бе он ки** бифармояд»* [с. 138].

Чумлаҳои пайрави тарзи амал ва монандӣ бо пайвандакхое ба сарчумла тобеъ шудаанд, ки барои ин ду чумла умумӣ буда, вале аз рӯйи ифодаи маъно ва вазифа фарқ мекунанд: *«Зиёдат ва нуқсон нагирад, **чунон ки** офтоб миёни осмон бирасид, батисусайр бувад то фуру гаштан»* [с. 41].

Дар «Қобуснома» чумлаи пайрави тарзи амал дар ду ҳолат вазифаи худро иҷро менамояд: а) барои эзоҳи таркиби хабари сарчумла; б) барои шарҳи ҳоли тарзи амали сарчумла.

д) Чумлаи мураккаби тобеъ бо чумлаи пайрави монандӣ

Чумлаи пайрави монандӣ амали сарчумларо ба воситаи монандкунӣ ва муқоиса шарҳ медиҳад [Грамматика, 1989, с. 123]:

*«Ва мӯйи сари саҳти сиёҳ ва саҳти ситабр **чунон** тобад, ки гӯё ранг карда бошад»* [с. 74]. *«**Зеро ки** азгар пирон дар орзуи ҷавонӣ бошанд, ҷавонон низ, бешак, дар орзуи пирӣ бошанд»* [с. 39].

Дар «Қобуснома» чумлаҳои пайрави монандӣ маънои монандиро ба воситаи муқоиса низ ифода менамоянд ва тамоми сарчумларо шарҳ медиҳанд: *«Ва ман ба тамоми шартӣ ин тариқат ёд натавонам кард дар ин китоб, **чунон ки** машоих дар китобҳои дигар ёд карданд»* [с. 174].

Чумлаҳои пайрави монандӣ дар баробари амали сарчумларо шарҳ додан бар эзоҳи дигар аъзоҳои чумла низ омада метавонанд: *«Ва амир Буссавор подшоҳе бузург буд ва одилу шуҷоъ ва фасеҳу мутақаллим ва покдину пешбин, **чунон ки** маликони ситуда бошанд»* [с. 27].

Дар «Қобуснома» - и Унсурулмаолии Қайковус чумлаҳои пайрави монандӣ дорои воситаҳои гуногуни тобеъкунанда мебошанд. Онҳо ба воситаи

пайвандакҳо, калимаҳои ҳамнисбат, мутобиқати шаклҳои феълӣ ба сарчумла тобеъ мешаванд.

Дар «Қобуснома» пайвандакҳои *ки, чунон ки, монанди он (ин) ки* хеле серистеъмом аст.

Ба воситаи пайвандаки *ки* ҷумлаи пайрави монандӣ бо калимаҳои ҳамнисбат, ки вазифаи ҳоли сарчумларо адо мекунанд, алоқаманд шудаанд: «Чун дод **чунин** буд, мардум офарид, то рӯзи хӯрад» [с. 14].

«Ва ҳар чӣ андар тани одамӣ шарифтар аст, **чунин** аст, ки онро маъдан пайдо нест ва ишорат ба ҷойи *ӯ* натавон кард» [с. 166].

Пайвандакҳои таркибии *чунон ки* ва *ҳамчунон (е) ки* бештар дар нутқи китобӣ қор фармуда шуда, сарчумларо ё ба воситаи монандкунӣ шарҳ медиҳад ва ё ки вазифаи монандкуниро бо роҳи муқоиса адо мекунанд: «*Бероҳтар касе он бувад, ки ҷое, ки роҳ набувад, роҳ ҷӯяд, **чунон ки** пайғамбар салаллоҳу алайҳи васаллам гуфт*» [с. 131].

«Агар ҳичо хоҳӣ *гуфтан* ва *надонӣ*, **ҳамчунон ки** касеро дар мадҳ *ситоӣ*, *зидди он мадҳ бигӯӣ*» [с. 131]. «*Ва низ, **ҳамчунон ки** бо валинеъмати хеш мунсиф бошӣ, бо лашқару раият мунсифтар бош*» [с. 149].

Таҳлили маводи гирдовардаи мо нишон додаанд, ки ҷумлаи пайрави монандӣ дар «қобуснома» бештар пеш аз сарчумла ва ё пеш аз амали сарчумла меояд.

Чи тавре ки дар боло қайд намудем, ҷумлаҳои пайрави монандие, ки бо пайвандакҳои *чунон ки, мисли он ки, монанди он ки* ва *гӯё ки тобеъ гардидаанд*, дар ҳама ҳолатҳо омада метавонанд: «*Ба сари хон бо мардумон ҳадис ҳамекун, **чунон ки** дар шарти ислом аст*» [с. 43].

е) Ҷумлаи мураккаби тобеъ бо ҷумлаи пайрави миқдору дараҷа

Ҷумлаи пайрави миқдору дараҷа миқдор ва дараҷаю андозаи амалу аломати сарчумларо шарҳ медиҳад [Грамматика, 1989, с. 121]:

«*Бад-он дараҷа бимонӣ, ки аввал буда бошӣ*» [с., 132].

Ҷумлаи пайрави миқдору дараҷа боз дараҷа ва андозаи амалу аломати сарчумларо шарҳ медиҳад.

а) **Дараҷаи амал:** «*Ва он гоҳ қуръон биёмӯзон, **чунон ки** ҳофизи қуръон шавад*» [с. 85].

б) **Дараҷаи аломат:** «*Аммо расми муҳташамону мунъимон чунон аст, ки тобистон нимрӯз ба қайлула раванд*» [с. 61].

в) **Муқоисаи миқдор:** «*Чунон шармгин мабош, ки аз шармгинӣ дар муҳиммоти хеш тақсир кунӣ*» [с. 22]. «*Ва низ дил дар он чандон набанд, ки онро абадӣ шиносӣ*» [3. 68].

Дар «Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик» (1989) барои алоқаи ҷумлаи пайрави миқдору дараҷа ва андоза ба сарчумла пайвандакҳои зерин

қайд карда шудаанд: *ки, ба дараҷае ки, ба андозае ки, ба ҳадде ки, то ҳадде ки, ба қадре ки, ҳар қадар ки...*

Ин пайвандакҳо дар «Қобуснома» кор фармуда нашудаанд. Дар ин асар ҷумлаҳои пайрави миқдору андоза бештар ба воситаи калимаҳои ҳамнисбати *чунон, ҳамчунон, чандон* омадаанд: «*Ва чунон дон, ки туро нагузоранд то ҳамебошӣ*» [с. 39].

Ҷойи ҷумлаи пайрави миқдору дараҷа дар «Қобуснома» пас аз сарҷумла мебошад, махсусан, дар ҳолати ба воситаи пайвандаки *чунон ки* ба сарҷумла тобеъ шудан: «*Аввал дар хонаи сард як замон таваққуф кун, чунон ки табъ аз вай ҳаззе биёбад*» [с. 58].

Аз рӯйи мушоҳидаҳо ва таҳқиқи ҷумлаҳои пайрави миқдору дараҷаи «Қобуснома» мо ба ин натиҷа расидем, ки дар ҷумлаҳои пайрави миқдору дараҷаи «Қобуснома» пайвандакҳои «*ба қадре ки*», «*ҳар қадаре ки*» ва «*ба андозае ки*» ниҳоят камистеъмоланд ва ба ҷойи онҳо пайвандандакҳои «*бе ҳадду андоза*» ва «*бе андоза*» истифода шудааст. Ғайр аз ин дар «қобуснома» пайвандакҳои «*ба дараҷае ки*», «*ба андозае ки*», «*ба ҳадде ки*», «*то ҳадде ки*», «*ба қадре ки*», «*ҳар қадар ки*» кор фармуда нашудаанд ва барои барқарор кардани алоқаи байни ҷумлаҳои пайрави миқдору андоза ба сарҷумла бештар калимаҳои ҳамнисбати *чунон, ҳамчунон, чандон* омадаанд.

Феҳристи адабиёт:

1. А Абдулазизов. Ҷумлаҳои мураккаби пайваст дар забони адабии ҳозираи тоҷик.
2. Бузургзода Л. Синтаксиси мухтасари забони тоҷикӣ. Барои донишҷӯёни омӯзишгоҳҳои ғоибона. – Сталинобод, 1942, -С. 36-55.
3. Востоков А. Х. Русская грамматика. – С- Пб., 1832. –С. 226-230.
4. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. ҷумлаҳои мураккаб. – Душанбе: Дониш, 1989.
5. Греч Н. Просторная русская грамматика. 2-ое изд. СПб, 1830.-С. 380-382.
6. Забони адабии ҳозираи тоҷик. қ.1. Китоби дарсӣ барои факултетҳои филологиямактабҳои олий. – Душанбе, 1984. – С. 215-245.
7. Маъсумӣ Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик. – Сталинобод. Нашр, дав. Тоҷикистон, 1959. – С. 177-179.
8. Шаҳобова М. Подчинительный союз “ки” в современном таджикском литературном языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Сталинабад, 1954. – 16с.
9. Мирзоев А., Ниёзӣ Ш., Ғафуров М. Грамматикаи забони тоҷикӣ. Синтаксис.қ 2. Барои мактабҳои миёнаи ноপুরра ва миёна. – Сталинобод. Нашр. Дав. Тоҷикистон. 1942. – С.48-57.

10. Ниёзмухаммадов Б. Русамов Ш. Забони тоҷикӣ. қ 2. Синтаксис. Барои синфҳои VII-VIII. – Душанбе : Ирфон.1962. – С. 105- 123.

11. Унсурулмаолии Кайковус. Қобуснома. (Таҳрири Мирзо Муллоаҳмадов). Техрон: 2001. -192 с.

СРЕДСТВА ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Барсук Лола Джамолиддиновна

Магистрант первого года обучения

кафедры современного русского языка

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

Тел: (+992) 446204208

E-mail: lola_7007@mail.ru

Султанова Рафохат Мирзоевна

Доктор филологических наук

доцент кафедры современного русского языка

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

Тел: (+992) 93 760 70 58

E-mail: rafoat10@mail.ru

Аннотация. В статье на основе проведенного обзора теоретического материала рассматриваются вопросы определения понятия вторичной номинации, её функционального потенциала и видов. Внимание уделяется также одному из способов вторичной номинации – метафоре, выявляются ее языковая природа и разновидности.

Ключевые слова: вторичная номинация, первичная номинация, функция вторичной номинации, метафора, сходство.

На современном этапе развития лингвистики большой интерес вызывают проблемы изменения лексического состава языка. Как известно, преобразования, затрагивающие лексический пласт любого языка, обусловлены изменяющейся социально-исторической ситуацией, научно-техническим прогрессом, появлением новых реалий, исчезновением старых. Всё это способствует возникновению лексических инноваций, переосмыслению уже существующей лексики. В этой связи проблемы номинации, исследования ее механизмов приобретают все большую значимость и требуют комплексного

изучения. Вопросам языковой номинации посвящены работы В.Н. Телия, В.Г. Гака, Г.В. Колшанского, Е.С. Кубряковой и др.

Исходя из этого, целью научного исследования, проводимого в рамках данной статьи, является обзор и систематизация теоретического материала, посвященного проблеме вторичной языковой номинации.

Прежде всего необходимо пролить свет на содержание понятия «первичная номинация». А.В. Сметанина определяет данное понятие как «этап лексической объективизации, состоящий в соединении звуковой оболочки с тем идеальным содержанием, которое возникло как результат отражения объективной действительности» [6, с.9-10]. При первичной номинации языковая форма используется в своей первичной функции для обозначения данного объекта в данных условиях.

Далее целесообразно определить дефиницию термина «вторичная номинация». Согласно интерпретации, приведенной в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой вторичная номинация представляет собой «значение, приобретаемое, словом, в результате сознательного употребления его в речи для обозначения предмета, который не является его референтом» [1, 163].

В.Н. Телия, в свою очередь, приводит следующее, более развернутое определение вторичной номинации: «использование в языке уже имеющихся номинативных средств в новой для них функции наречия. Под первичной номинацией понимается акт присвоения имени предмету, который ещё его не имеет. Вторичная номинация есть именование новым именем предмета уже названного» [8].

Вторичные наименования формируются в тесном взаимодействии трех фундаментальных для языка функций - номинативной, коммуникативной, прагматической.

Номинативная функция предполагает вычленение названных объектов среди других - основной функцией любой номинации. Как указывает Г.В. Колшанский, «сущность номинации заключается не в том, что языковой знак обозначает вещь или каким-то образом соотносится с вещью, а в том, что он репрезентирует некоторую абстракцию как результат познавательной деятельности человека, абстракцию, отображающую диалектическое противоречие единичного и общего реальных предметов, и явлений», «номинация есть не что иное, как языковое закрепление понятийных признаков, отображающих свойства предметов» [3, 123].

Коммуникативная функция – это функция воздействия, влияющая на формирование смыслового содержания новых наименований в силу их приспособления к тем или иным коммуникативным ролям.

Прагматическая функция – функция, связывающая номинативное решение с интенцией именующих и с речевыми условиями общения. Эта функция обуславливает характер результата номинации: его нейтральный или оценочно-экспрессивный заряд.

Таким образом, функционирование вторичных номинаций отличается от функционирования первичных наименований. Различие заключается в целеполагании данных единиц. Так, первичное наименование, как закрепленное в лексиконе, ориентировано на название необходимого объекта действительности и обеспечении адекватной коммуникации. Вторичная номинация - явление в большинстве случаев окказиональное, которое создается через призму прагматической интенции именующих субъектов и возникающее в зависимости от ситуации. Поэтому вторичные наименования зачастую выражают субъективное отношение именующего, т.е. являются оценочными. Выбирая ту или иную косвенную номинацию, говорящий обозначает положительную, отрицательную или нейтральную знаковую ориентацию имени. Можно предположить, что косвенные номинации, формируемые в результате смены нейтрального вектора знака на положительный, являются результатом таких субъективных факторов, как стремление именующего выглядеть образованным и воспитанным в глазах собеседника, вызвать к себе хорошее расположение, использовать данные номинации из чувства вежливости и любви к собеседнику. Косвенные номинации, формируемые в результате смены нейтрального вектора знака на отрицательный, нарушают постулаты «успешного» ведения коммуникации и употребляются с целью вызвать негативную реакцию адресата или оскорбить его.

В основе вторичной номинации лежит ассоциативный характер человеческого мышления, который устанавливает сходство и различие присущих именам признаков. Вместе с тем, факт вторичной номинации может осуществляться на основе ассоциации по смежности понятий. И в том и другом случае наблюдается перенос лексического значения с одного предмета действительности на другой. Сходство или смежность компонентов первичной и вторичной номинации отображается на их семном составе, то есть перенос лексического значения происходит при условии семных пересечений.

Перенос лексического значения по сходству основан на метафорическом переносе, в то время как перенос по смежности имеет метонимический характер. В связи с этим, основными способами вторичной номинации являются метафора и метонимия.

Метафора, по мнению ведущего метафоролога О.Н.Лагуты «не просто языковой и / или речевой знак, «неясный» троп, ментальный механизм,

поведенческий акт, а результат сложнейшей, иерархически (причем не линейно) организованной коммуникативной деятельности человека» [4, с.109].

Исследование метафоры уже продолжительное время привлекает внимание отечественных и зарубежных лингвистов; количество работ, которые посвящены рассмотрению вопросов функционирования метафоры и проблемам метафоризации, продолжает расти. В современной лингвистике широко используется представление понятия метафоры, её функционирования в зависимости от контекста. Исследование теории метафоры и описание конкретных её функций, которые способны формировать образное представление о мире в фокусе разнообразных художественных областей, является одним из самых актуальных направлений современной лингвистики. Теорией метафоры интересовались такие исследователи как И.В. Толочин, В.Н. Телия, Г.Н. Складарская и многие другие. Некоторые исследователи представляют метафору в системе языка: например, Г.Н. Складарская обращает внимание на давний интерес к метафоре – изучение её со времён Аристотеля. Автор описывает направления развития языковой метафоры и задаётся вопросом о месте языковой метафоры в лексико-семантической системе языка [7, с.2].

Истоки изучения метафоры теряются ещё в глубокой древности, и берут свое начало в работах Аристотеля, Квинтилиана и др. Так, Аристотель в своей работе «Поэтика» характеризует метафору как дополнение имени к одной вещи, которая может относиться к другой. Он воспринимает метафору как замещение, которое основывается на том, что любая метафора может быть применена вместо буквального равнозначного выражения и может быть им заменена. Следует отметить, что он так же обращает свое внимание на то, что метафора может выступить как сходство либо аналогия. Аристотель отмечает сходство метафоры со сравнением, философ рассуждает о том, что все метафоры, которые употреблялись в тексте без каких-либо трудностей, могут стать сравнениями, а сравнения могут таким образом стать метафорами. Аристотель выделяет так же и другие функции метафоры, он обращает внимание на то, что метафора помогает заполнить в языке лексические пустоты, метафора обозначает то, что ещё не было названо. Метафора обладает когнитивной функцией, которая помогает отличить её от сравнения [1, с.96].

Современная лингвистика выработала свои теории по этой теме, метафоричность в художественных текстах – актуальная проблема, которая вызывает большое количество вопросов, спорных положений. Все учёные, которые соприкасались с метафорой, пришли к единому выводу о том, что они работают с образным сравнением, однако в современной лингвистике были выделены несколько основных тезисов, которые помогают понять

лингвистическую природу метафоры. Согласно первому тезису, метафора - «способ существования значения слова» [1, с.97]. Именно этот подход подразумевается, как более традиционный, в силу того, что язык здесь представляется как обособленная от речевой деятельности часть. Представители данной теории считают, что метафора представляется в языковой структуре слова. Этот подход был описан в монографии С.Г. Складневской «Метафора в системе языка». Автор обращает внимание на структуру лексического значения слов, которая имеет метафорическую образность [7, с.102].

Второй тезис описывает метафору как «явление синтаксической семантики» [7, с.103]. Этот подход описывает, каким образом метафора ведёт себя при согласовании слов в структуре словосочетания и предложения, кроме того, этот подход является более общеизвестным, он соприкасается с темой сочетаемости слов на синтаксическом уровне.

На данный момент все исследователи говорят о двух типах метафор – речевой (или художественной, индивидуально-авторской) и языковой (стертой). Языковая метафора представляется в виде готовой части лексики, она стихийна, основана в самой природе языка. Анализ этой метафоры представляется с разных сторон, она соприкасается с разными специальностями: лексикология, семасиология, психолингвистика, лингвостилистика и др. Эту метафору не нужно специально создавать, она представляется как готовая единица с её употреблением в речи. Языковую метафору люди обычно, не задумываясь, воспринимают и воспроизводят в речи, часто не отдавая себе отчёта в том, что данные слова могут иметь фигуральный смысл. Лингвисты противопоставляют художественную и языковую метафоры, идею о противопоставленности художественной и общей речи высказал Б.А. Ларин [5]. Его мысли строятся на том, что художественная речь имеет исключительное отношение в социальном плане, она изолирована от нормы живого языка. Идея этой обособленности в том, что художественная речь воплощается не только реально и логически, но имеет ещё и эстетический объект, который может пониматься только в целом художественном произведении. Исследователь выделяет различные отличительные свойства художественной речи – незаменимость значения слова из близкого словесного окружения. Воздействие текста и взаимовлияние всех его элементов определяют характер метафоры в художественной речи, в ней метафора отличается многомерностью, множественностью. Языковая метафора определяется как самостоятельная лексическая единица, которая свободно может переходить в семантические связи, может проявляться в разных лексических окружениях.

Подводя итоги исследования, можно отметить, что в связи с возросшим интересом к метафоризации и метафорогенной деятельности человека, "метафору трудно представить в рамках обыденной речи говорящего, однако, в сущности, метафорическая деятельность человека — это еще одно «то», что отличает нас всех от прочих живых существ на земле" [4, с.26].

Таким образом, вторичная номинация, будучи переосмыслением уже существующих лексических единиц, является своего рода результатом семантической деривации и обусловлена изменяющейся социально-исторической ситуацией, научно-техническим прогрессом, появлением новых реалий, исчезновением старых. Наиболее ярким проявлением вторичной номинации является метафорический перенос значения, основанный на сходстве одного или нескольких признаков нового предмета или явления действительности с уже существующим.

Литература:

1. Аристотель. Поэтика. Риторика. / Аристотель. – СПб: Азбука – классика, 2010. – 120с.
2. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. — М., 2004.
3. Колшанский Г.В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте / Г.В. Колшанский / Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 5-81.
4. Лагута О. Н. Метафорология: теоретические аспекты / Новосиб. гос. 2009, 112 с.
5. Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Избранные статьи. Л.: Худож. лит., 1974. С. 66.
6. Сметанина А.В. Средства и способы номинации в современном русском языке (на материале наименований одежды, появившейся в современном русском языке в первой половине XX века) / А.В. Сметанина, 2002.
7. Складаревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складаревская. – СПб: Наука, 1993. – 150 с.
8. Телия, В. Н. Метафора в языке и тексте / общая редакция В. Н. Телия. – Москва: Наука, 1988. – 174 с.
9. Телия, В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира: сборник / ответственный редактор Б. А. Серебренников. – Москва: Наука, 1988. – 216 с.

**СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, С
ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИДАТОЧНЫМИ В
СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ)**

Хушвахтзода Р. Х

магистрантка 1 курса кафедры современного русского
Российско-Таджикский (Славянский) университет
ул. М. Турсунзаде, 30, 734025, г. Душанбе,
Тел: + 992933446262
karimov.nusratullo@gmail.com

Салоев Азиз Тошмуродович

кандидат филологических наук
доцента кафедры современного русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
ул. М. Турсунзаде, 30, 734025, г. Душанбе,
Республика Таджикистан
тел: + 992937095665
saloev_aziz@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются СПП с придаточно-изъяснительной частью, в том числе, изъяснительно-объектные сложноподчиненные предложения, способы связи предложений в СПП и видах изъяснительно-объектных сложноподчиненных предложениях. К изъяснительно-объектным относятся сложноподчиненные предложения с придаточными, которые распространяют контактные слова в главной части, указывая на необходимый по смыслу внутренний объект. Анализируются способы связи предложений в СПП с придаточно-изъяснительной частью, разновидности предложений с союзным подчинением.

Ключевые слова: изъяснительно-объектные, союзные подчинения, относительные подчинения, продуктивный, синтаксический союз, союзные подчинения, относительные подчинения, реальный модальность объекта, ирреальный модальность объекта, косвенно вопросительные предложения, косвенно вопросительные, косвенно восклицательные, объектное значение, постпозитивные отношения, достоверно-реальный объект.

К изъяснительно-объектным относятся сложноподчиненные предложения с придаточными, которые распространяют контактные слова в главной части, указывая на необходимый по смыслу внутренний объект (содержание того, что названо контактным словом), и присоединяются изъяснительным союзом (*что, чтобы, как, как бы, будто, как будто*) или относительно-вопросительным местоимением.

Слова, нуждающиеся в изъяснении (*глаголы, прилагательные, слова категории состояния, существительные*), обозначают процессы речи, восприятия, мысли, различные чувства и внутренние состояния, в том числе и модальные, побуждения. Сюда же относятся слова со значением бытия, начала, конца действия. Например: *говорить, рассказывать, сообщать, писать, читать, видеть, слышать, слышаться, казаться. Думать, понимать, радоваться, горевать, бояться, хотеть, бывало, начать, кончить и мн. др.; известно, ясно. Досадно, выгодно, опасно, страшно и др.; согласен, убежден, доволен; достойный, уверенный и др.; слух, сообщение, воспоминание, ощущение, желание, стремление, требование и др.* Многие из этих слов — различных частей речи — по смыслу, а часто и по своему образованию связаны друг с другом. Ср.: *слышать — слух — слышно, опасаться — опасность — опасно — опасен, обвинять — виновный, сообщать — сообщение.*

Нуждаются в изъяснении и некоторые фразеологические обороты, например: *дать слово, сделать вид, иметь в виду, страх берет* и др.

Все эти слова и обороты лишь называют в главной части те или иные процессы, оценки, состояния и т. д., а содержание этих процессов, предметы оценок, мотивы состояний и другие объекты выражаются в придаточной части.

В зависимости от своего строения и грамматического значения изъяснительно-объектные сложноподчиненные предложения делятся на два вида: 1) предложения с союзным подчинением, в которых придаточные выражают различные сообщения и побуждения, и 2) предложения с относительным подчинением (с помощью союзных слов) или с союзом-частицей *ли* (*ли* или), в которых придаточные выражают тему, предмет сообщения или имеют косвенно-вопросительное или восклицательное значение. Ср., например: *Он сказал, что брат ему привез подарок* (в придаточной части — сообщение) и *Он сказал, чтоб ему подарок привез брат* (в придаточной части — предмет сообщения).

1. Среди предложений с союзным подчинением особенно отчетливо по своему строению и значению противопоставлены две разновидности: а) предложения с реальной модальностью объекта и б) предложения с ирреальной модальностью объекта. Ср. например: а) *Он сказал, что придет ко мне вечером* и б) *Он велел, чтобы я пришел к нему вечером.*

а) В предложениях с реальной модальностью объекта придаточная часть присоединяется союзами *что, как, будто (как будто)*, выражает реальный объект.

Наиболее продуктивной является модель предложений с синтаксическим союзом *что*, по которой строится большинство изъяснительно-объектных предложений. Придаточная часть в таких предложениях выражает достоверно-реальный объект, безотносительно к его характеру. Например: *После стоянки в Саратове всем стало ясно, что дивизию срочно перебрасывают под Сталинград* [12. с.1] ; ... *чудилось Кузнецову, что там, впереди, за метелью, уже мутно проступало зарево горящего города* [12. с.1]; *Не было никакой надежды, что небо прояснится* [18. С.216]; Началось с того, что Катя пожаловалась мне на своих товарищей [18. С. 169]; *Я скажу, чтобы тебя отправили на риковских лошадях* [19.с.6]; *Секретарь побарабанил по замку портфеля пальцами и, видя, что Давыдов встает, с живостью сказал* 19.[с.6]; *Иные уверяли, что люди Дубровского, напившись пьяны на похоронах, зажгли дом из неосторожности, другие обвиняли приказных, подгулявших на новоселий* [15. с.103].

Одни слова, нуждающиеся в изъяснении, распространяются придаточной частью без посредства указательного местоимения *то*: *решил, что... кажется, что... ; слышалось, что... и др.* *Неловко улыбался в темноте хозяин, хотя и знал, что улыбка его не видна* [19.с.4]; *Имшибко понравилось, что приезжий не так, как обычно кто-либо из районного начальства* [19. с.9]; *Все дворовые показали, что приказные сгорели в то время, как повалилась кровля* [15. с.103 - 104]; *Слуга, поскакавший за ним, воротился, как еще сидели за столом, и доложил своему господину, что, дескать, Андрей Гаврилович не послушался и не хотел воротиться* [15. с.78]. Другие – только при посредстве указательного местоимения: *кончил тем, что... начал с того, что... свелось к тому, что... и др.* *Демид Молчун, известный тем, что говорил только при крайней необходимости* [19.с.30]; *Она стала ходить на собрания только для того, чтобы там наблюдать за ним – не играет ли он с молодыми бабами?* [19.с.24]; *Капитанка уже привыкла к тому, что ее каждый вечер кормили вкусным обедом и звали Теткой* [18.с.119]; *Он был уверен в том, что новым поколениям будет важно знать, как жили когда-то их соотечественники* [15. с.103]; *Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать полную волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума* [15. с.75].

Наконец, многочисленную группу составляют изъяснительные слова, которые могут распространяться придаточными как при посредстве указательного слова, так и без него. Во всех этих случаях между

конструкциями с указательным словом и конструкциями без него существует не только формальное, но и смысловое различие: в предложениях с указательным словом придаточные имеют более четко выраженное объектное значение, нежели в предложениях без указательного слова в главной части.

При отсутствии же указательных слов главная часть формально незаконченная, не только подчиняет себе придаточную, как объект, но и в свою очередь как бы обслуживает придаточную, указывая на степень достоверности того, о чем говорится в придаточной, на источник сообщения, его стилистическую принадлежность, эмоциональную и модальную оценку и другие стороны, на которые указывают в простом предложении вводные слова, вспомогательные части составных сказуемых и другие специальные служебные средства, выражающие в широком смысле модальность (отношение говорящего к сообщению). Ср.: *Как глубоко жаль, что горожане тратят свою жизненную энергию, свое сердце и ум на карты и сплетни. – Горожане, к глубокому сожалению, тратят свою жизненную энергию, свое сердце и ум на карты и сплетни* [18. с.266]⁴ *Жаль, что фельдшер делает глупости* [18. с.144]. – *Фельдшер, к сожалению, делает глупости; Говорят, что философы и истинные мудрецы равнодушны* [18. с.200]. – *Философы и истинные мудрецы, говорят, равнодушны* и др.

Наконец, указательные слова могут дифференцировать значения глагола. Например: *Не думали, наверно, что в Сталинграде им жизни дадут* [12. с.20]. - *Не думали, наверно о том, что в Сталинграде им жизни дадут; Рядом с нею стоял Рябовский и говорил ей, что черные тени на воде – не тени* [12. с.200] – *Рядом с нею стоял Рябовский и говорил ей о том, что черные тени на воде – не тени.*

Сильнее этот качественный оттенок проявляется, если как стоит непосредственно перед качественным словом или глаголом, особенно несовершенного вида. В этих случаях как ближе к союзным словам и замена его союзом *что* невозможна. Например: *Не зная, как усмирить в себе тяжелую ревность* [18.с.221]; *Я тебя прижал, – вслух проговорил Давыдов и досадливо смолк, видя, как повстречавшаяся женщина проходит мимо него с улыбкой* [19.с.7].

Сложноподчиненным предложениям с союзами *что* и *как*, в которых выражается реальный достоверный объект, противостоят предложения с союзом *будто* (*редко как будто*), в которых придаточные выражают предположительный объект (говорящий сомневается в достоверности сообщения). Например: *Предшественника Андрея Ефимыча, рассказывали, будто он занимался тайною продажей больничного спирта и завел себе из сиделок и больных женщин целый гарем* [18. с.242]; *Сталин размеренно*

заходил по ковровой дорожке около стола с картой, держа перед животом левую, **будто не полностью разгибающуюся руку** [12.с.43]; Я и без просьбов скажу, – отмахнулся Демка и скосил глаза так, что казалось, **будто он одновременно смотрит и на президиум и на собравшихся** [с.15].

Придаточными с союзом *будто* распространяются слова со значением речи, мысли, восприятия обычно без посредства указательных слов.

б) В предложениях с ирреальной модальностью объекта (союзы *чтобы, как бы* и сослагательное наклонение или инфинитив в придаточной части) объект представляется как желательный, возможный или необходимый.

Указательные слова употребляются здесь сравнительно редко. Например: *Вам надо, чтобы меня совесть мучила...* [18. с. 63]; *Послушайте, вы хотите, чтобы я признался в том, в чем даже пред смертью на духу не признаюсь?* [18. с. 63]; *Я хочу, чтобы вы знали это, Кузнецов, и вы, Уханов...* [12. с.25]; *Не может быть, чтобы Виктор в числе этих восьми тысяч, пропавших без вести, попал в плен!..* [12. с.46]; *Иной раз даже ночью проснусь, прошу бабу, чтобы к стенке пустила, а то с краю страшно...»* [19. с.20]; *Мамане прикажи, чтобы юбки мои, и шальки, и кофточки отдала сеструшке* [19.с.22]; *Он не хочет, чтобы мясом его овец питался где то в фабричной столовой рабочий или красноармеец* [19. с.58].

В ряде случаев к одному и тому же слову можно отнести придаточные и с союзом *что* и с союзом *чтобы*, однако при этом у поясняемого слова будут реализоваться различные значения. Ср.: *Я их просил, что они убили меня;* — *Я их просил, чтобы они убили меня* [12. с. 187]. В первом случае глагол *просил* обозначает процесс речи (придаточная часть — реальный объект): во втором тот же глагол имеет значение, близкое к велел (желательный объект).

Сложноподчиненные предложения с союзом *как бы* и частицей *не*, присоединяющие придаточные к словам со значением *опасения, боязни*, близки к конструкциям с союзом *чтобы* и частицей *не* и отличаются от них оттенком сомнения, неуверенности. Ср.: *Я не про то боюсь, что бы чего не получилось;* — *Я не про то боюсь, как бы чего не получилось* [19. с.48].

Во всех изъяснительно-объектных сложноподчиненных предложениях придаточные обычно постпозитивны по отношению к распространяемому слову. Основная смысловая нагрузка падает именно на них. Для предложений с союзами *как, будто, чтобы* это является нормой.

В предложениях же с союзом *что* и с относительным подчинением придаточные могут быть и препозитивны. Выделительный характер таких инверсированных конструкций (особенно при замене указательного слова то анафорическим это) очевиден. Например: *Что он дурной человек, я не могу*

сказать, так как не знаю его, но **что он мне не нравится**, об этом я говорил тебе уже тысячу раз (18. с 175).

В предложениях с относительным подчинением при препозиции придаточных вопросительное значение усиливается. Например: *И у Ивана выпросили решительно все насчет его прошлой жизни, вплоть до того, **когда и как он болел скарлатиной, лет пятнадцать тому назад*** [13. с.89]; *Как же он может знать, **когда вы помрете*** [13. с.208].

Большинство рассмотренных выше моделей изъяснительно-объектных сложноподчиненных предложений являются стилистически нейтральными. Однако нужно отметить, что конструкции с указательными словами в большей мере свойственны книжным стилям речи. Наоборот, конструкции без указательных слов, особенно с союзами *чтобы, как бы, будто, будто бы*, употребляются обычно в живой разговорной речи.

Список литературы:

1. Бабайцева, В. В. Лексико-грамматические функции указательных слов в сложноподчиненных предложениях Текст. / В.В. Бабайцева // Русский язык в школе, 1962. № 6. - С. 3-7.
2. Белошапкина, В.А. Сложное предложение в современном русском языке. М.: Просвещение, 1967. - 159 с.
3. Белошапкина, В.А. Современный русский язык. Синтаксис Текст. / В.А. Белошапкина. — М.: Высшая школа, 1977. 248 с.
4. Виноградов, В.В. Исследования по русской грамматике Текст. / В.В. Виноградов. Избранные труды. -М.: Наука, 1975. — 560 с.
5. Гвоздев, А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. 2: Синтаксис Текст. / А.Н. Гвоздев. М.: Просвещение, 1973. - 352 с.
6. Грамматика русского языка Текст. М.: Изд-во АН СССР, 1960. — Т. 2: Синтаксис. - Ч. 2. - 440 с.
7. Грамматика современного русского литературного языка Текст. — М.: Наука, 1970.-767 с.
8. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка Текст. / Г.А. Золотова. М.: Наука, 1973. - 351 с.
9. Русский язык. Энциклопедия. - М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. - 704 с.
10. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка Текст. / А.А. Шахматов. — Л.: Учпедгиз, 1941.-620 с.
11. Бондарев Ю. «Горячий снег». – «Просвещение», - М 1982 – 318 с.
12. Булгаков М. А. Избранное: «Мастер и Маргарита»: Роман; Рассказы. М.: Художественная литература, 1988. – 480 с.

13. Лермонтов М. Ю. «Герой нашего времени»: Роман. М.: Дрофа, 2002.– 192с.
14. Пушкин А. С. Сказки. «Дубровский». «Капитанская дочка»: – Кишинев: Литература артистика, 1981. – 248 с.
15. Тургенев И. С. «Накануне»; «Отцы и дети». М.: Транспорт. 1980. – 246с.
16. Тургенев И. С. «Записки охотника». М.: Лесная промышленность. 1980. – 240с.
17. Чехов А. П. Повести и рассказы М. Просвещение 1986. – 192с.
18. Шолохов Тихий, М. А. Дон Азбука, Азбука-Атикус, Санкт-Петербург 2014г. с. 227

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Канбина Светлана Андреевна

магистрант третьего года обучения
кафедры современного русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
svetik183@gmail.com

Салоев Азиз Тошмуродович

кандидат филологических наук
доцента кафедры современного русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
ул. М. Турсунзаде, 30, 734025, г. Душанбе,
Республика Таджикистан
тел: + 992937095665
saloev_aziz@mail.ru

Аннотация: В данной статье автором рассматриваются особенности языковой репрезентации времени в художественном тексте на примере русского и английских языков. В качестве предмета выбрана грамматическая сфера прошедшего времени, выражаемая глаголами. В статье подчеркивается важность категории времени, поскольку временные отношения, или, по-другому, темпоральность, в художественном произведении определяют характер языковых средств, задействованных автором. Также систематизируется представление о художественном времени; делается акцент

на возможности и способности художественного времени передать динамику и изменяемость окружающего мира.

Ключевые слова: категория времени, глагол, русский язык, английский язык, художественный текст, временные отношения, темпоральность.

Время по праву считается одной из важнейших доминантов человеческого бытия. Согласно определению «Философского энциклопедического словаря», под временем принято понимать «форму возникновения, становления, течения, разрушения в мире, а также его самого вместе со всем тем, что к нему относится» [12, с. 45].

С глубокой древности категория времени находится в объективе научного изучения. В последние столетия это понятие привлекло внимание новых направлений в науки, например, лингвистики и лингвокультурологии, которые прежде оперировали узкоспециализированными областями знаний. Как известно, для времени характерны длительность, последовательность, смена состояний и развитие каких-либо физических и нефизических объектов. В рамках лингвистики принято рассматривать *текстовое время* или, по-другому, темпоральность, что в переводе с английского означает *временные особенности*. Когда мы говорим «темпоральность», то обычно подразумеваем временную сущность тех или иных явлений действительности, которая порождается динамикой их особенного движения. Однако существуют и другие временные характеристики, которые определяются отношением движения данного явления к историческим, астрономическим, биологическим, физическим и другим временным координатам. Последние характеристики не относятся к текстовому времени, т.е. темпоральности. Описание способов выражения временных отношений в различных языках выявляет существенные различия как в самом способе этого членения, так и в средствах его языковой репрезентации. Так, «Стилистический словарь русского языка» определяет темпоральность «как текстовую категорию, с помощью которой содержание текста соотносится с осью времени: реальной исторической перспективой действительности или ее преломлением» [11, с. 538].

С научных позиций представляет особый интерес изучение способов выражения временных отношений в разноструктурных языках, которые по существу являются близкородственными, потому что их носители нередко имеют единое историческое прошлое. Как правило, близкородственными является большинство языков, входящих в обширную индоевропейскую группу. На наш взгляд, такого рода исследование позволяет, во-первых, выявить разные возможности развития одного и того же языка, разные способы

выражения одинаковых или близких понятий народами, говорящими на этих языках, во-вторых, позволяет выявить сходства и различия между двумя языковыми системами, помогает лучше понять механизмы развития языка как такового, связь языка с мышлением. Отличную возможность для этого дают английский и русский языки, которые на протяжении столетий неоднократно пересекались и оказывали влияние друг на друга.

Общеизвестен следующий факт: большинство языков – обладатели разветвленной системы форм глаголов. То есть в большинстве языков языковая репрезентация временных отношений, характеризующих какое-либо действие, осуществляется преимущественно морфологически – глагольной формой. Те языки, в составе которых не так много форм глагола, компенсируют этот недостаток, прибегая в большей или меньшей степени к использованию различных синтаксических и лексических средств. Вербализация временных отношений тесно связана со временем происходящего действия, которое может как совпадать с моментом речи, так и предшествовать ему. В любом случае доминантом, выражающим время, неизменно является глагол.

С позиции лингвистики о времени принято говорить, как об одной из грамматических категорий глагола. Данная категория – это особое языковое отражение объективного времени, которая призвана локализовать событие или явление во времени, облечь его в конструкцию – словосочетание, предложение или текст. Как отмечает О.С. Ахманова, «эта локализация является дейктической, т. е. соотнесенной прямо или косвенно с реальным или воображаемым *hic et nunc* «здесь и теперь» [1, с. 32].

В качестве предмета исследования мы выбрали грамматическую сферу прошедшего времени, поскольку она является наиболее глубоко и резко очерченной в русском языке. Вслед за А.И. Смирницкой мы также полагаем, что «это сильная грамматическая категория, поэтому выражающие ее формы с трудом поддаются субъективному переосмыслению» [10, с. 278]. Однако прежде чем перейти к рассмотрению предмета исследования, т.е. сопоставительному анализу форм прошедшего времени в русском и английском языках, хотелось бы кратко осветить вопрос об особенностях категории времени в рамках художественного произведения. Такая необходимость вполне обоснована, поскольку мы проводим анализ на примере художественных текстов. Освещая затронутый вопрос, в первую очередь, важно провести разграничительную линию между художественным временем и временем как темой. Согласно позиции Д.С. Лихачева, «художественное время – это не мысль писателя о времени, это то время, которое писатель сам творит в своем произведении» [7, с. 76]. Художественное время мы понимаем как специфическую форму темпоральности, в русле которой происходит все

действия произведения: жизнь и действия его персонажей, разворачивающиеся или уже произошедшие события, служащие пространственно-временным фоном для главного действия. Другими словами, художественное или текстовое время представляет собой форму бытия, имеющее место только в пределах этой виртуально-ментальной «голограммы», известной как художественный мир. В последнее время в русле литературы, создающий сериальный цикл произведений, появилось определение «вселенная», включающее в себя именование самого произведения. Художественное время не отражает непосредственно объективное время, то есть реальный мир, поскольку мы имеем дело лишь с образом, проекцией, моделирующей по законам реального мира некую виртуальную действительность. В ней гармонично переплетаются вымышленное и реальное.

Как справедливо отмечает Н.Ф. Пелевина, «писатель – это хозяин внутреннего времени произведения, поэтому он обладает широкими возможностями для свободного изображения его течения и создания таким путем различных смысловых и стилистических эффектов» [9, с. 110]. Так, нарушая хронологическую последовательность событий, писатель или поэт превращает время в эстетическое средство, которое Н.С. Гильманова определяет как «развернутую временную метафору» [5, с. 46].

Зачастую для тестового времени характерно искажение последовательности повествования. Однако благодаря мастерству и таланту художника поток рассыпанных частей приобретают в этом случае самостоятельную ценность. По мнению Д.С. Лихачева, «писатели нередко нарушают и равномерность хода времени с целью создания определенного эффекта: замедленное или быстрое течение рассказа может влиять на настроение читателя» [8, с. 216]. В художественном тексте время выступает и как способ совмещения чувственных и смысловых характеристик, т. е. как что-то, что способствует вживанию читателя в воспринимаемый художественный мир. С позиции лингвистики при изучении языковой репрезентации временных отношений в художественных текстах и при рассмотрении категории темпоральности, как мы полагаем, основное внимание следует уделять описанию морфологических и лексических средств выражения времени. Анализируя художественное произведение, мы можем сказать, что в нем нет четкой дифференциации использования темпоральных средств, поэтому можем говорить только об общей картине функционирования средств выражения времени в языке.

Перейдем теперь непосредственно к практической части работы и рассмотрим глаголы прошедшего времени несовершенного вида в значении действия в его течении в прошлом, т.е. такого действия, которое не раз

повторялось в прошлом. Например, предложение *Аннинька присела в кресло, в котором сиживала бабушка, и задумалась* (Салтыков-Щедрин. «Господа Головлёвы», с. 55). В английском языке эти значения передаются при помощи Past Simple and Past Continuous. Например: *I came back and sneaked along the hedge. There he was still, but he had finished, and was having a top round and putting the last touches to a hip of stones* (Голсуорси. «Сага о Форсайтах», с. 22).

Как мы знаем, в русском и английском языках грамматическая форма прошедшего времени может быть усилена благодаря использованию частицы *бывало*. В английском варианте эта частица *used to*. Примеры: *Чуть, бывало, он завидит их еще из окна, как сейчас же завертится, забегает, потирает свои руки и кричит...* (Лесков. «Обойдённые», с. 87). *She used to be very beautiful when she was young*. Как мы видим, формы прошедшего времени в обоих вариантах указывают на повторяемость и длительность действий в далеком прошлом: *Писывала кровью она в альбомы нежных дев* (Пушкин. «Евгений Онегин», с. 43). *I always suspected you a little. But not half as much as I do now*.

Говоря о формах языковой репрезентации форм прошедшего времени, необходимо упомянуть примечательную функцию, которая не охватывается непосредственно видовыми значениями времени. Данная функция призвана выразить в художественном полотне чувство неуверенности или неудачи при совершении какого-то действия. В английском языке Past Continuous, например, довольно часто выражает невыполнимость намеченного: *I suppose you were too busy to come to the station. Coloured crimson was coming, of course - he said - but something stopped me* (Уолпол. «Замок Отранто», с. 66).

В русском языке нередко можно встретить формы прошедшего времени, которые указывают на быстрое действие, совершившееся в прошлом, подчеркивая его внезапность и стремительность. Например: *Муж у нее в поход под турка уехал, а она возьми да и не остерегись!* (Салтыков-Щедрин. «Господа Головлёвы», с. 99). Данные глагольные формы на первый взгляд совпадают с формами повелительного наклонения, но в действительности, исходя из контекста конструкции являются особыми формами прошедшего времени изъявительного наклонения. В отличие от форм повелительного наклонения рассматриваемые глагольные формы всегда указывают на время. Они могут употребляться в одном временном плане с формами настоящего времени в рассказе о событиях прошлого: *Идет он с уздечкой на свое гумно... а ребята ему шутейно и скажи...* (Шолохов. «Тихий дон», с. 58).

В английском языке аналогичное явление также можно наблюдать. Как отмечает Г.Н. Воронцова, «оно выражается формами Past Perfect и Past Continuous, которые используются одновременно с целью скачков от «одного готового положения к другому» [4, с. 127]. Например: *Hilary had begun to*

...speak to her habit in church, Dinny listened.... Now Hillary was asking for her ring. Now it was on. Now he was praying. Now it was the Lord's Prayer, and they were going to the vestry. How strangely short (Голсуорси. «Служанка в ожидании», с. 29).

В русском языке возможно и разговорное употребление прошедшего времени совершенного и несовершенного вида в значении будущего или настоящего с яркой экспрессией презрительного отрицания или отказа. Это можно продемонстрировать на примере таких экспрессивно окрашенных выражений, как: *Так я и пошла за него замуж!* (т.е. ни за что не пойду за него!); *Да ну, нашел кого пугаться!* (т.е. не бойся его!). В подобных случаях ироническая констатация действия означает, что на самом деле оно никогда не осуществится.

Неадекватность формы и содержания таких конструкций отсутствуют в английском языке. Как отмечает А.В. Бондарко, «доминантой семантического содержания формы прошедшего совершенного является совокупность дифференциальных семантических признаков предшествования и локализованности действия во времени, постоянно присущих указанной форме и отличающих ее от других членов системы времен, т. е. прошедшее совершенное время выражает конкретное (локализованное во времени) действие, отнесенное к прошлому (предшествующее по отношению к точке отсчета) [2, с. 232]. Кроме того, важной характеристикой форм прошедшего совершенного времени является возможность выражения признака перфектности. Перфектное значение прошедшего совершенного времени выражает прошлое действие, результаты которого актуальны для более позднего временного плана. «Данное значение, - пишут А.В. Бондарко и Л.Н. Буланин, - имеет двойственную природу, с одной стороны, оно обозначает состояние как результат предшествующего действия, а с другой – само это действие» [3, с. 90]. Например: *Ты напугала нас! - сказали родители девочки.* Как видно, глагол не столько называет завершённое действие, сколько характеризует актуальность последствий (мы напуганы). В английском варианте: *You scared us! - said the girl 's parents* – это действие представлено через Past Simple, что подтверждает отмеченную исследователями, в частности, В.В. Гуревичем, «способность этой формы в современном английском выражать перфектное значение» [6, с. 340]. В данном случае возможность использования этой формы обусловлена конкретностью ситуации: действие и его результат объединены речевым актом.

Рассмотрим еще пример: *Канитель с разводом заставила меня отложить отплытие, и мрак еще одной Мировой Войны уже окутал земной шар, когда <...> я наконец достиг берегов Америки* (Набоков. «Лолита», с.

242). В данном случае мы наблюдаем выражение актуальности последствий предшествующего действия для более позднего прошлого времени. В последнем случае иногда говорят о плюсквамперфектном значении, однако, по мнению А.В. Бондарко, «нет необходимости постоянно разграничивать эти оттенки, поскольку они однородны. Речь может идти о разновидностях одного и того же - перфектного значения» [2, с. 346]. При переводе на английский язык данное предложение звучит так: *Divorce proceedings delayed my voyage, and the gloom of yet another World War had settled upon the globe when <...> I at last reached the States.* Здесь употребляется форма Past Perfect, так как она служит для выражения прошлого действия, завершившегося до другого действия или момента в прошлом. И обоих языках здесь налицо так называемые отношения разновременности.

Семантическая разновидность прошедшего совершенного может указывать на состояние предмета. Например: *Я сказал ей, что некоторые из недорогих акций, принадлежавших ее матери, необыкновенно поднялись* (Набоков. «Лолита», с. 167). В английском варианте: *I said, that <...> some of the small securities her mother had owned had gone up and up* употреблен Past Perfect, так как действует правило согласования времен. В следующем примере перфектное значение прошедшего совершенного имеет качественный, квалифицирующий оттенок: *Я переспросил: Простите, между какими зонами? - Вот это заговорил в вас старомодный европеец! - возгласила Праттша..* (Набоков. «Лолита», с. 170). В английском примере: *I beg your pardon, I said, what zones? - Thats the old-fashioned European in you! cried Pratt...* глагол опущен, что также является средством выражения состояния. Форма Past Perfect может объединять функции выражения предшествования и хронологической точности, становясь, таким образом, в ряд «исторических», т.е. повествовательных времен, например: *I recalled to her mind the events of that very morning she had roused the whole house at 5 a/m.; had upset a water jug and tumbled downstairs after it at 7; had endeavoured to put the cat in the bath at 8; and sat on her own fathers hat at 9.35* (Джером. «Праздные мысли праздного человека», с. 39). Как в русском, так и в английском языке глаголы изменяются по временам. Категория времени являет собой словоизменительную категорию, которая обозначает отношение действия к одному из трех реальных временных пластов: настоящего, прошедшего и будущего. Таким образом, анализ особенностей языковой репрезентации форм прошедшего времени в русском и английском языках на примере художественных текстов показывает отсутствию тождества между грамматическим и реальным временем. Формы непрошедших времен – личные. Они выражаются с помощью окончаний значения лица и числа, не имеют специального показателя времени. Формы прошедшего

времени – родовые. В английском языке все формы являются личными: Простые Present Indefinite, Past Indefinite; составные Perfect, Perfect Continuous, Continuous, Future. В русском языке по временам глаголы изменяются только в изъявительном наклонении, а в английском еще и в сослагательном. Основное различие между языками – в выражении прошедшего времени: в русском языке одно прошедшее время, а в английском – четыре.

Список литературы:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М: ГУП Облиздат, 2004. – 569 с.
2. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола: значение и употребление / Пособие для студентов / А.В. Бондарко. – М.: Просвещение, 1971. – 239 с.
3. Бондарко А.В. Русский глагол: пособие для студентов и учителей / А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. – Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1967. – 192 с.
4. Воронцова Г.Н. Очерки по грамматике английского языка / Г.Н. Воронцова. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1960. – 399 с.
5. Гильманова Н.С. Психологические аспекты временной организации памяти в жизни личности и в художественном произведении / Н.С. Гильманова // Мир психологии. – 2001. – №1. – С. 40–50.
6. Гуревич В.В. Практическая грамматика английского языка: учебное пособие / В. В. Гуревич. – 8-е изд. – М.: Флинта, 2011. – 290 с.
7. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения / Д.С. Лихачев // Вопросы литературы. – 1968. – №8. – С. 74–87.
8. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. – М.: Наука, 1979. – 353 с.
9. Пелевина Н.Ф. Стилистический анализ художественного текста / Н.Ф. Пелевина. – Л.: Просвещение, 1980. – 272 с.
10. Смирницкий А.И. Очерки по сопоставительной грамматике русского и английского языков / А.И. Смирницкий. – М.: Высш. школа, 1970. – 396 с.
11. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 694 с.
12. Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е.Ф. Губский и др. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 576 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Назриева Махинабону Раджабовна

Магистрант второго года обучения

кафедры современного русского языка

Российско-Таджикский (Славянский) университет

Ул.М.Турсунзаде 30, 734025, Душанбе Республика Таджикистан

Тел: (+992) 446204208

G-mail: kryrtsu@gmail.com

Хасанова Шаъло Рахмоновна

кандидат филологических наук,

заведующая кафедрой общего языкознания

Таджикский Международный университет иностранных языков

имени С.Улугзода

Тел.: 904 15 6317

E-mail: laylo.hasanov@mail.ru

Аннотация: В данной статье автор, исходя из понимания сущности синонимических отношений, связанной с языковым значением слова, рассматривает вопрос о синтаксической синонимии. Анализируя синтаксические синонимию, автор, прежде всего, обращает внимание на главную особенность этого явления – конструкции в тексте могут строиться по разному.

Ключевые слова: лингвистика, синонимия, синонимы, синонимические отношения, синтаксическая синонимия, критерии, синтаксические конструкции.

Говоря синонимия, мы подразумеваем конкретную лингвистическую сферу, которая, однако, к настоящему времени по-прежнему считается малоизученной как в отношении лексики, так и в отношении грамматики и синтаксисе, что предопределяет необходимость новых попыток осмысления и изучения этого примечательного языкового феномена. Безусловно, благодаря стараниям многочисленных исследователей, авторов солидных диссертаций и небольших по объему статей, которые детально изучили отдельные частные вопросы грамматической синонимии, в настоящее время, можно сказать, разработка комплекса проблем, связанного с синонимией, дала многое как в теоретическом, так и в практическом планах.

Не подвергается сомнению тот факт, что одним из ключевых источников обогащения языка выразительными средствами является именно синонимия. Кроме того, в ее русле постоянно наблюдается поиск новых возможностей плана выражения, поэтому она представляет особый интерес в целях улучшения культуры речи. Данный лингвистический феномен также имеет принципиально важное значение при изучении стилистических аспектов в рамках художественного дискурса, языка и стиля публичных выступлений, особенностей структурирования языковых конструкций. Синонимичные связи и отношения обнаруживаются в самых различных сферах языка: в лексике, во фразеологии, морфологии и синтаксисе, и это во многом определяет исследования текста. Значение этой проблемы и ее решений возросло в связи с появлением такой области, как лингвистика текста.

В связи с этим актуализируется проблема изучения лексико-грамматической и синтаксической синонимии. Данный аспект, на наш взгляд, характеризуется не только теоретико-методологической, но и практически-прикладной значимостью. Как справедливо отмечает Т.Р. Рахимова, «обладание знанием синонимии дает возможность объяснить направление развития языка, пути и способы изменения различных его сторон, а также облегчает доступ к богатствам выразительных средств речи, позволяет представить их в системе, что особенно необходимо при изучении иностранного языка» [7, с. 65].

Первоначально понятие синонимия фигурировало в рамках лексикологии, где было рассмотрено достаточно детально. Однако до недавнего времени синонимия проявилась в русле фонетики, грамматики и синтаксиса. В объективе нашего внимания находится синтаксическая синонимия. Надо сказать, что этот термин относительно новый, но он достаточно апробирован и обладает статусом общепризнанности. Тем не менее в лингвистической литературе можно встретить множество вариаций его трактовки. Рассмотрим различные определения и попытаемся систематизировать нарратив в отношении интересующего нас аспекта.

Первым, кто ввел в научный лексикон понятие «грамматические синонимы», был авторитетный отечественный языковед А.М. Пешковский. В процессе рассмотрения вопроса о грамматической синонимии, он предложил такую трактовку этого явления: «значения слов и словосочетаний, близкие друг другу по их грамматическому смыслу» [6, с. 43]. Исследователь обратил внимание на то, что одна и та же мысль в художественном тексте может быть выражена с помощью различных языковых средств. В основе его определения находилась тождественность разноструктурных конструкций по их грамматическому значению.

Грамматические синонимы А.М. Пешковский разделил на две группы:

а) морфологические,

б) синтаксические.

Также он обратил особое внимание на стилистические возможности синонимии, которые на поверку оказались гораздо многообразнее и значительнее в синтаксисе, чем в морфологии.

В категорию синтаксические синонимы языковед отнес различные случаи сближения по значению всевозможных грамматических форм (времен, наклонений), различные схемы построения предложения, предлоги и союзы, а также возможность замены имени существительного местоимением.

Явление синтаксической синонимии достаточно быстро стало объектом изучения для многих видных отечественных лингвистов. К примеру, эта проблема занимала Е.М. Галкину-Федорук [1], Г.И. Рихтера [8], А.И. Гвоздева [2], И.М. Ковтунову [4], В.П. Сухотина [9], Е.И. Шендельса [11], В.Н. Ярцеву [12]. Однако каждый из названных исследователей исходил из своего индивидуального видения вопроса, поэтому очень скоро в научной литературе появилось множество определений синтаксической синонимии. Ниже рассмотрим следующие характеристики понятия синтаксической синонимии у различных авторов: определение, критерии синонимичности синтаксических конструкций, классификация.

Так, по мнению А.Н. Гвоздева, под синтаксическими синонимами следует понимать следующее: «Это параллельные обороты речи, которые различаются тонкими оттенками в значениях и поэтому во многих случаях могут заменять один другой»[2, с. 90].

В.П. Сухотин увидел в синтаксических синонимах наличие словосочетаний, которые, по его мнению «могут различаться по структуре соединения одних и тех же слов» [9, с. 89]. Также он вычленил «предложения, их части и более сложные синтаксические образования данного языка в данную эпоху его развития, которые выражают однородные отношения и связи явлений реальной действительности»[9, с. 90].

Ряд языковедов, рассматривая проблему синтаксической синонимии, опирались то на близость грамматического значения или сходные синтаксические отношения, то принимали во внимание одно и то же содержание или тождественное обще смысловое значение. Примером этому может служить определение Е. М. Галкиной-Федорук: «Синтаксическими синонимами как словосочетаний, так и предложений мы считаем такие конструкции, в которых содержится тождественное обще смысловое значение, создаваемое словами, лексически близкими по значению,

выполняющими одинаковую функцию, но структурно различно организованных, однако способных замещать одна другую, например, в словосочетаниях: *отцовский дом, дом отца; человек с кривым носом, кривоносый человек...*» [1, с. 47]. Или А.А. Хадеевой-Быковой: «Синтаксические синонимы – это любые синтаксические единицы, построенные по различным моделям, но обозначающие сходные синтаксические отношения» [10, с. 33].

Анализируя синтаксические синонимии, прежде всего, мы должны учитывать главную особенность этого явления – конструкции в тексте могут строиться по разному, то есть иметь различный порядок следования слов: предложения с прямым и инвертированным порядком слов, различные позиции членов предложения в составе предложения, словосочетания с различным возможным расположением их компонентов. На такую возможность комбинирования в перестановках членов предложения указывал еще А.М. Пешковский, который полагал, что «свободный порядок слов – главная сокровищница синтаксической синонимии русского языка» [6, с. 34].

Рассмотрим еще несколько трактовок понятия «синтаксической синонимии».

Так, по мнению И.М. Жилина, «синтаксические синонимы – это модели таких синтаксических конструкций (предложений, оборотов, словосочетаний и различных предложно-именных сочетаний), которые имеют тождественные или близкие смысловые значения, обладают адекватными грамматическими значениями, выражают сходные синтаксические отношения и способны в определенных условиях контекста к взаимозамене» [3, с. 75].

На наш взгляд, данное определение является наиболее точной характеристикой синтаксической синонимии.

В отношении основных критериев синонимичности синтаксических конструкций в научной литературе можно встретить разнополярные позиции. Доминирующей в плане точности характеристик и глубины понимания вопроса считается мнение В.П. Сухотина, который с уверенностью констатирует, что «одним из наиболее важных объективных признаков синонимичности тех или иных синтаксических образований является возможность взаимозамен без нарушения основного значения сопоставляемых сочетаний. Взаимозаменяемость синтаксических конструкций – весьма существенный показатель синонимичности, хотя возможности такого рода взаимозамен ограничены» [9, с. 98].

По поводу взаимозаменяемости синтаксических конструкций мы полностью солидарны с позицией В.П. Сухотина, поскольку, на наш взгляд, эта

особенность синтаксической синонимии является основным ресурсом текстовой культуры носителя языка.

В настоящее время большинство лингвистов считают общепризнанным 5 критериев для установления синонимичности синтаксических моделей:

- возможность взаимозаменяемости синтаксических моделей в одинаковом синтаксическом окружении;

- тождественность смыслового значения различных по строению моделей. Действительно, изучая различные позиции в отношении синтаксической синонимии, мы обратили внимание на то, что каждый из лингвистов указывал на тождественность синонимичных конструкций. Другими словами, они всегда передают одну и ту же авторскую мысль;

- соответствие, совпадение грамматического значения и на этой основе выполнение моделями в структуре предложения одних и тех же синтаксических функций;

- общность структурного построения моделей;

- охват достаточно большой группы слов, которые могли бы служить для образования синонимических моделей.

По нашему мнению, из всех рассмотренных критериев наиболее важным и характерным считается первый критерий. Он является общим для многих языков, в том числе разноструктурных, тогда как остальные 4 критерия могут варьироваться в зависимости от тех или иных особенностей языка. Поэтому этот критерий можно считать основным в русском языке при определении синтаксических моделей в тексте.

В рамках синтаксической синонимии Л.Ю. Максимов различает межаспектные и внутриаспектные синонимы. Под межаспектными предполагается «выявление всех возможных в языке способов передачи данного значения независимо от того, являются ли они грамматическими или нет. Внутриаспектными синонимами являются лишь однородные величины. В стилистическом плане выделяют книжные, разговорные и нейтральные синтаксические синонимы» [5, с. 65]. Ученый приводит следующую, более подробную и более узкую классификацию грамматических синонимов:

- синонимичные модели на морфологическом уровне (*геликоптер – вертолет, адвокат – стряпчий, город – град, мошенник- жулик*);

- синонимичные модели словосочетаний в строе элементарного предложения (*лететь самолетом – лететь на самолете; стоять истуканом – стоять как истукан*);

- синонимичные модели простых конструкций (*Я пришла домой очень поздно – Домой я пришла очень поздно; Из какой страны вы родом? – В какой*

стране вы родились? Кто владелец этого коттеджа? – Кому принадлежит этот коттедж?);

- синонимичные модели синтаксических единиц в составе сложного и осложненного предложения (*Наш именитый сосед – победитель в войне с турками, поразивший всех домочадцев и скучающих гостей* (Толстой. «Воскресение»). – *Наш именитый сосед – победитель в войне с турками, который поразил всех домочадцев и скучающих гостей; На заводе произошла забастовка рабочих, связанная с Первомаем* (Горький. «Жизнь Клима Самгина»),. – *На заводе произошла забастовка рабочих, которая была связана с Первомаем*).

- синонимия придаточных предложений (*Стараясь осмыслить написанное, я несколько раз перечитал текст* (Фет. «Ранние годы моей жизни»). – *Я несколько раз перечитал текст, поскольку хотел осмыслить написанное; Едва Ростов успел передать письмо и рассказать все дело Денисова, как с лестницы застучали быстрые шаги* (Толстой. «Война и мир», том 2). – *С лестницы застучали быстрые шаги, но Ростов успел передать письмо и рассказать все дело Денисова*);

- синонимичные модели цельных сложных конструкций или более усложненных синтаксических образований (*Когда человек утомлен и хочет спать, то ему кажется, что то же самое состояние переживает и природа* (Чехов. «Святою ночью»). – *Утомленный человек обычно хочет спать, в такие моменты ему кажется, что то же самое состояние переживает и природа; В полдень Глеб встал и, не сказав никому ни слова, принялся за работу* (Григорович. «Рыбаки»). – *В полдень Глеб встал, не сказал никому ни слова и принялся за работу*).

Можно с уверенностью констатировать, что данная классификация является наиболее подходящей при анализе и построении текста. При этом, безусловно, имеют место некоторые нюансы, например, при замене конструкций синонимичными, как правило, учитываются особенности построения этих конструкций и стилистические вариации. Иначе употребление тех или иных сочетаний может не соответствовать характерным особенностям данного стиля, а предложение может нести смысловую или грамматическую ошибку.

Синонимический ряд можно считать определенной подсистемой моделей, которые объединяются благодаря выражению одних и тех же синтаксических отношений разными грамматическими конструкциями. Являясь подсистемой в общей системе синтаксиса, синонимический ряд является открытым, незаконченным образованием, для которого характерны корректировки, дополнения, уменьшения в связи с изменениями, происходящими в языке.

«Синонимический ряд возникает из такого описания языка, - пишет Т.Р. Рахимова, - при котором языковые единицы предстают в их важнейших функциях, раскрывая свои синтагматические свойства (лексическую и синтаксическую сочетаемость, типовые контексты реализации основных грамматических категорий и др.)» [7, с. 69]. Соглашаясь с мнением исследователя, отметим безграничный потенциал грамматики, позволяющей черпать набор языковых средств, необходимых для выражения того или иного понятия. Однако важен не только перечень средств, выражающих определенное содержание, а правила, причины и условия их употребления, т. е. правила функционирования данных средств .

Касаясь вопроса переводческой деятельности и сопоставительной типологии, для выявления и оперирования синтетическими синонимами на иностранном языке недостаточно знания словаря, и грамматических форм. Необходимо иметь широкое представление о закономерностях образования и функционирования единиц в сопоставляемых языках. Для синтаксических единиц характерно образование в результате семантического и синтаксического распространения слова. Поэтому значение словосочетания и предложения как основных единиц синтаксиса представляет собой диалектическое единство лексического и грамматического значения.

Подводя итог, отметим, что вопрос о синтаксической синонимии по-прежнему требует глубокого и всестороннего изучения. В данном ключе неизменно прорисовываются другие смежные аспекты – лингвистика текста, проблемы его восприятия, понимания и интерпретации.

Литература:

- 1.Галкина-Федорук Е.М. Современный русский язык: Синтаксис: Учеб. пособие для пед. ин-тов. / Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. – М.: Учпедгиз, 1958. – 199 с.
- 2.Гвоздев А.И. Очерки по стилистике русского языка / А. Н. Гвоздев. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1952. – 336 с.
- 3.Жилин И.И. Синонимика в синтаксисе современного немецкого языка: Пособие по спецкурсу для студентов фак. иностр. яз. – Краснодар: [б. и.], 1974. – 185 с.
- 4.Ковтунова И.И. О синтаксической синонимике / И.И. Ковтунова // Вопросы культуры речи. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1955. – С. 115-142.
- 5.Максимов Л.Ю. О грамматической синонимии в современном русском языке / Л.Ю. Максимов // Русский язык в национальной школе. – 1966. – №2. – С. 64-74.

6. Пешковский А.М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы / А.М. Пешковский. – М.: Госиздат, 1930. – 68 с.

7. Рахимова Т.Р. Лексико-семантические и синтаксические особенности синонимии в таджикском и английском языках: дисс. ... канд. филол. наук.: 10. 02. 20 / Рахимова Тахмина Рахматовна. – Душанбе, 2020. – 140 с.

8. Рихтер Г.И. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. (Стилистические наблюдения) / Г.И. Рихтер // Русский язык в школе. – 1937. – №3. – С. 48-57.

9. Сухотин В.П. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке: Глагольные словосочетания / В.П. Сухотин. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 160 с.

10. Хадеева-Быкова А.А. Синтаксическая синонимия в английском языке / А.А. Хадеева-Быкова. – М.: Изд-во ИМО, 1959. – 110 с.

11. Шендельс Е.И. Грамматическая синонимия: (на базе морфологии глагола в соврем. нем. яз.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Шендельс Евгения Иосифовна. – Москва, 1964. – 51 с.

12. Ярцева В.Н. О грамматических синонимах / В.Н. Ярцева // Романогерманская филология. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 5-33.

«ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ: ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ»

ИЗУЧЕНИЕ СЛОЖНОПОДЧИНЁННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Самадова Ильмира Назришоевна

кандидат педагогических наук

доцент кафедры современного русского языка

Российско-Таджикский (Славянский) университет

ул. М. Турсунзаде, 30, 734025, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Тел.: (+992) 918 65 45 84

fenix1306@mail.ru

В статье рассматривается один из видов сложного предложения - сложноподчинённое предложение как нерасчленённой (одночленной) структуры, так и расчленённой (двучленной) структуры на примере

произведений Ф.М. Достоевского. С целью лучшего усвоения и понимания теоретической части изучаемой темы студентам предлагается практический материал из произведений художественной литературы, в частности, романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Студенты на старших выпускных курсах при изучении сложного предложения (сложносочинённого, сложноподчинённого, бессоюзного и предложений усложнённого типа) опираются на знания, которые были получены на предыдущих, где они рассматривали и определяли предмет изучения синтаксиса: словосочетание и простое предложение.

При изучении простого предложения обращалось внимание на главные и второстепенные члены предложения, способы их выражения. На этих курсах они познакомились с односоставными и двусоставными предложениями, с полными и неполными, а также с простыми осложнёнными и неосложнёнными предложениями.

Особое внимание в статье обращается на практический материал, который помогает студентам лучше освоить теоретическую часть, рассматривающую признаки сложноподчинённого предложения, выработать умения различать нерасчленённую и расчленённую структуру.

Ключевые слова: предложение - синтаксическая единица, сложноподчинённое предложение, нерасчленённая и расчленённая структура, средство связи, подчинительный союз, союзное слово.

Наиболее значимым и достаточно трудным разделом современного русского языка является синтаксис. К его изучению студенты факультета русской филологии, журналистики и медиатехнологий приступают на старших курсах. Особую сложность вызывает освоение сложного предложения. Каким образом мы должны построить занятие, чтобы был результат обучения – хорошее усвоение материала.

Учитывая компетентностный подход в обучении, следует строить занятия таким образом, чтобы студент шёл от практики к теории, не получал готовые знания, а добывал их самостоятельно, приложив некоторые усилия, то есть при выполнении тех или иных заданий он начинал задумываться, искать оптимальный вариант.

Студенты к этому времени уже имеют теоретические и практические знания по простому предложению, поэтому им будет несложно усвоить сложное предложение. Главное, на что они должны обратить внимание при изучении сложного предложения, - это средство связи между частями предложения. Изучив и усвоив сложносочинённое предложение, они приступают к работе над освоением сложноподчинённого предложения.

Рассмотрим изучение сложноподчинённого предложения на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». На младших курсах студентами было уже изучено и усвоено это произведение великого писателя русской классической литературы.

Студенты знакомятся с тем, что сложноподчинённое предложение включает в себя две неравнозначные предикативные части (его структура), которые состоят из главной части и придаточной (подчинённой, зависимой). Связь между ними осуществляется с помощью формальных показателей – подчинительных союзов и союзных слов, которые принадлежат форме зависимой части.

Мы знаем, что сложноподчинённые предложения делятся на две группы – СПП нерасчленённой (одночленной) и СПП расчленённой (двучленной) структуры. Различают их определённые, свойственные им признаки. Разберём первоначально СПП нерасчленённой (одночленной) структуры.

Начнём рассматривать роман «Преступление и наказание» с 465 страницы: «Он, кажется, вообразил себе, что и он гениальный человек, то есть был в том некоторое время уверен» [5, с. 465]. Схема – [¹Онвообразил, (²союзчтоончеловек), ¹то естьбылуверен] – это сложноподчинённое предложение, которое состоит из двух частей главной, внутри которой (в интерпозиции) находится придаточная часть. Средством связи между этими частями является союз **что**. Теперь нам надо выяснить, к какой группе относится данное предложение? *Падежный вопрос* мы задаём от контактного слова главной части былуверен **в чём?** – это первый признак СПП нерасчленённой структуры; средством связи является союз **что** (чаще всего средством связи является союзное слово, реже союз - второй признак СПП нерасчленённой структуры); имеется контактная рамка: КР=КС(контактное слово)+средство связи (союз **что**)- третий признак СПП нерасчленённой структуры. По этим признакам мы доказали, что перед нами СПП-I, присловное, с придаточной частью *изъяснительной*. Структура изъяснительных сложноподчинённых предложений определяется валентностью контактных слов, необходимостью их «распространения». Контактные слова представлены не только глагольными формами, но и субстантивными» [5, с. 512].

Рассмотрим и проанализируем следующее предложение: «Он очень страдал и теперь страдает от мысли, что теорию-то сочинитьонумел, а перешагнуть-то, не задумываясь, ине в состоянии...» [5, с. 465]. Схема – [¹Онстрадал истрадает], (союзное слово чтосочинитьонумел, а перешагнуть-то ине в состоянии) – это сложноподчинённое предложение, которое состоит из главной и придаточной частей. Выясняем, к какой группе относится данное предложение? Нами задаётся вопрос определения от контактного слова главной

части *от мысликакой?* – первый признак СПП нерасчленённой структуры; средством связи является союзное словочто - второй признак СПП нерасчленённой структуры; имеется контактная рамка: КР=КС (контактное слово)+средство связи (союзное словочто)- третий признак СПП нерасчленённой структуры. По этим признакам мы доказали, что перед нами СПП-I, присловное, с придаточной частью *определятельной*.

Обратим внимание на то, что в первом предложении средством связи является *союз что*, а во втором *что* – это *союзное слово*, при этом они выполняют разную функцию (союз не является членом предложения, а союзное слово является), кроме того, от главной части (контактного слова) задаются разные вопросы, по вопросу определяется тип придаточного.

Структура субстантивно-атрибутивных предложений определяется присловной связью придаточной части со словоформой существительного, которая может выполнять любую синтаксическую функцию в главной части и занимать в ней любое место.

Рассмотрим следующие предложения: «*А помните, как много мы в этом же роде и на эту же тему переговорилис вамивдвоём, сидя по вечерам на террасе в саду, каждый раз после ужина*» [5, с. 465]. Схема – [¹*помните*], (²*союз какпереговорили*) как много мы в этом же роде и на эту же тему *переговорилис вамивдвоём, сидя по вечерам на террасе в саду, каждый раз после ужина*–СПП, которое состоит из главной части[*А помните*] и придаточной части(*как много мы в этом же роде и на эту же тему переговорилис вамивдвоём, сидя по вечерам на террасе в саду, каждый раз после ужина*). Средством связи между частями является союз *как*. Выясняем, к какой группе относится данное предложение, поэтому задаём падежный вопрос от контактного слова главной части *помните что?* – первый признак СПП нерасчленённой структуры; средством связи является союз *как* - второй признак СПП нерасчленённой структуры; имеется контактная рамка: КР=КС (контактное слово)+средство связи (союз *как*)- третий признак СПП нерасчленённой структуры. Таким образом по этим признакам мы доказали, что перед нами СПП-I, присловное, с придаточной частью *изъяснительной*.

В группу присловных входят: СПП с придаточной частью *изъяснительной*, с придаточной частью *присубстантивно-определятельной* и придаточной частью *прикомпаративной*.

Рассмотрим теперь примеры с придаточнойприкомпаративной, хотя они не так часто встречаются в произведении: «*Каморка его приходилась под самую кровлей высокого пятиэтажного дома и походилаболее на шкаф, чем на квартиру*» [5, с. 5].Схема – [*Каморкаприходилась и походила*], (союз *чем*) – СПП. Придаточная часть предложения связана с главной при помощи союза

(*чем*). В этом типе предложения употребляется книжный союз *чем* и иногда союз *нежели*. От контактного слова - компаратива (*более*) главной части задаётся вопрос *чем?* к придаточной части. Имеется контактная рамка (КР = КС (компаратив *более*) + средство связи (союз *чем*), следовательно, перед нами СПП нерасчленённой (одночленной) структуры с придаточной частью присловной, прикомпаративной.

Таким же образом разбираем следующий пример: «*К тому же он человек очень расчётливый и, конечно, самувидит, что его собственное супружеское счастье будет тем вернее, чем Дунечка будет за ним счастливее*» [5, с. 36]. Схема – [¹*он человек расчётливый*] и [²*самувидит*], (³союз *что* *счастье будет вернее*), (⁴союз *чем* *Дунечка будет счастливее*) – предложение усложнённого типа, состоящее из четырёх частей. Но нас заинтересовало придаточное прикомпаративное в его составе – (³*что его собственное супружеское счастье будет тем вернее*), (⁴*чем Дунечка будет за ним счастливее*) – от придаточной части, которая является главной для следующей придаточной части, задаём вопрос *чем?* Средством связи является союз *чем*, контактное слово прикомпаратив *вернее*, следовательно, перед нами СПП с придаточной частью *прикомпаративной*.

Ещё один пример возьмём из части усложнённого предложения, где имеется этот тип предложения: «...*он выразился несколько мягче и ласковее, чем я написала...*» [5, с. 36]. Схема – ... [*он выразился мягче и ласковее*], (*союз чем я написала*)... От придаточного, которое является главным для следующего придаточного, задаётся вопрос *чем?* Средством связи является союз *чем*, контактное слово - прикомпаратив *мягче и ласковее*, следовательно, перед нами СПП с придаточной частью *прикомпаративной*.

К СПП нерасчленённой структуры также относятся предложения с придаточными частями местоименно-соотносительными и обстоятельственными образа действия, меры и степени. Они также не столь употребительны. Рассмотрим некоторые из них: «*Главное же затруднение состояло в том, что Дунечка, вступив прошлого года в их дом гувернанткой, взяла вперёд сто рублей, под условием ежемесячного вычета из жалованья, и, стало быть, и нельзя было оставить место, не расплатившись с долгом*» [5, с. 32]. Схема – [¹*затруднение состояло*], (²союз *что* *Дунечка взяла*), [¹*и нельзя было оставить*] – СПП. От контактного слова *в том* главной части задаётся вопрос *в чём?* Соотносятся местоимения из главной и придаточной частей, следовательно, перед нами СПП с придаточной частью *местоименно-соотносительной*; «*Чему вы веруете, тому и я буду верить*» [5, с. 467]. Схема – (союз *чему вы веруете*), [*тому и я буду верить*] - СПП. От контактного слова *тому* главной части задаётся вопрос *чему?* Соотносятся местоимения из

главной части тому и чему в придаточной части, следовательно, перед нами СПП с придаточной частью *местоименно-соотнесительной*. В данных предложениях контактное слово – указательное местоименное слово – выполняет одновременно несколько функций – организует смысловое единство СПП, так как его придаточная часть наполняет данное местоимение конкретным содержанием; указательное слово является служебным, связывающим компонентом, потому что образует скрепу вместе с союзным словом или союзом; местоименное слово выполняет функцию члена предложения.

Остановимся на примерах с придаточными образа действия и меры степени: «Одним словом, милый Родя, письмо это так благородно и трогательно написано, что ярыдала, читая его, и до сих пор не могу его читать без слёз» [5, с. 35]. Схема – [¹письмонаписано], (²союз что ярыдала и не могу читать) – СПП. От контактного слова написано главной части задаётся вопрос обстоятельства **как?** Перед нами СПП нерасчленённой структуры с придаточной частью обстоятельственной образа действия.

Пример: «Он до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже всякой встречи, не только встречи с хозяйкой» [5, с. 5]. Схема – [¹Онуглубился и уединился], (²союз что боялся) – СПП. От контактного слова главной части СПП задаём вопрос к придаточной: **в какой степени углубился и уединился?** Следовательно, перед нами СПП нерасчленённой одночленной структуры с придаточной обстоятельственной меры и степени.

Следующие примеры: «Он был до того худо одет, что иной, даже и привычный человек, посоветился бы днём выходить в таких лохмотьях на улицу» [5, с. 7]. Схема – [¹Онбылодет], (²союз что иной посоветился выходить) – СПП. От контактного слова главной части СПП задаётся вопрос к придаточной: **в какой степени был худо одет?**; «Но столько злого презрения уже накопилось в душе молодого человека, что, несмотря на всю свою, иногда очень молодую, щекотливость, он менее всего совестился своих лохмотьев на улице» [5, с. 7]. Схема – [¹столькопрезрениянакопилось], (²что он совестился) – СПП. От контактного слова накопилось главной части СПП задаём вопрос к придаточной: **в какой степени накопилось?** Это примеры СПП нерасчленённой (одночленной) структуры с придаточными частями обстоятельства меры и степени.

Таким образом, разбирая каждое сложноподчинённое предложение из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», останавливаясь на тех или иных признаках, мы определяем принадлежность предложения к той или иной группе.

Следует отметить, что «по структуре нерасчленённые сложноподчинённые предложения разделяются на три вида: 1) местоименно-соотносительные; 2) субстантивно-атрибутивные (термины Н.С. Пospelова); 3) изъяснительные (термин В.А. Богородицкого и Н.С. Пospelова). Они формируются различными типами контактных слов, от чего зависит и выбор союзных средств. В каждом виде, в свою очередь, необходимо отметить различия в выражении семантики отношений (эта операция включается в синтаксический разбор сложноподчинённого предложения)» [6, с. 507].

Теперь разберём примеры СПП расчленённой /двучленной/ структуры. К ним относятся сложноподчинённые предложения с придаточными частями обстоятельственными, кроме обстоятельственных образа действия, а также меры и степени:

«...может, в то же самое время и говорили, когда он здесь лежал да своё обдумывал» [5, с. 465]. Схема – [¹говорили], (²онлежал да обдумывал) – СПП. Предложение состоит из двух частей главной и придаточной. Средством связи между частями СПП является синтаксический **союз когда**. От всей главной части предложения к придаточной задаётся вопрос обстоятельства времени **когда?** Это говорит о том, что перед нами сложноподчинённое предложение расчленённой (двучленной) структуры с придаточной частью обстоятельства времени (СПП-II). Придаточные временные соединяются с помощью союзов, которые оформляют временные отношения двух событий, ситуаций.

«Онадолжна прийти очень скоро, если же нет, то уж очень поздно...» [5, с. 466]. Схема – [¹Онадолжна прийти, (²союзесли же нет), ¹...] – СПП. Вопроспри **каком условии?** задаётся от всей главной части СПП. Средством связи между двумя частями является семантический союзесли, что является показателем СПП расчленённой структуры с придаточной частью обстоятельственной условия.

Ещё один пример: «Вы просто, значит, подчинились обстоятельствам, ну силе, наконец, если уж без этого слова нельзя» [5, с. 466]. Схема – [¹Выподчинились], (²союзесли нельзя) – СПП. Вопроспри **каком условии?** задаётся от всей главной части СПП. Средством связи между двумя частями является семантический союзесли, что является показателем СПП расчленённой структуры с придаточной частью обстоятельственной условия. В придаточной части оформляется значение условия, а в главной – обусловленного результата.

«Я для того и звал вас, чтобы поговорить об этом наедине и хорошенько обдумать» [5, с. 466]. Схема – [¹Язвал], (²союзчтобыпоговорить иобдумать) – СПП. [¹Ядля того извал вас]с **какой целью?** Данный вопрос задаётся от всей

главной части, что говорит о том, что перед нами СПП расчленённой структуры с придаточной частью обстоятельственной *цели*. Придаточная часть обозначает цель, мотив, объясняющий содержание главной части.

«*Они же вам понадобятся, потому, Софья Семёновна, так жить по-прежнему, -скверно, да и нет*» [5, с. 473]. Схема – [¹*Они же вам понадобятся*], (²*союз потомужитьскверно да и нет*) – СПП. Вопрос **почему?** задаётся от всей главной части предложения, средством связи между частями является союз *потому*. Придаточная часть оформляет значение причины, основания, мотива, а главная – следствия. Данное предложение сложноподчинённое расчленённой структуры с придаточной частью обстоятельственной *причины*.

«*Это вы его хорошо учили тогда, чтоб он сам на себя пошёл и сказал*» [5, с. 473-474]. Схема – [¹*выучили*], (²*он сам пошёл и сказал*) – СПП. [*Это вы его хорошо учили тогда*]с **какой целью?** От всей главной части СПП задаётся вопрос обстоятельства цели к придаточной части, средством связи является союз **чтоб**. Всё это говорит о том, что перед нами СПП-Ис придаточной обстоятельственной цели.

Таким образом, разбирая данную группу предложений, мы приходим к выводу, что «главный структурный признак расчленённых сложноподчинённых предложений – соотнесение предикативных частей (главной и придаточной) в целом; присловной связи между ними нет и быть не может.

Важной чертой структуры предложений данного типа является использование союзного средства – подчинительных союзов. Все союзы специализированы для выражения определённых отношений между предикативными частями, поэтому характеризуются как семантические. Употребление одного союза в разных значениях практически невозможно. Зато можно говорить об омонимии союзов: как (сравнение) – как (время); если (условие) – если (сопоставление)» [6, с. 515].

При изучении сложноподчинённого предложения перспективно работать с текстом художественного произведения. Можно рассматривать и анализировать любое предложение, а тем более сложное, в контексте, чтобы оно не было изолированным и было понятно в целостной структуре.

Всё это мы наглядно увидели в вышеприведённых проанализированных примерах - предложениях.

В исследовательской работе (курсовые и выпускные) со студентами мы останавливаемся на произведениях русской классической литературы девятнадцатого века, где на примерах рассматриваем и доказываем, что части сложноподчинённого предложения (главная и придаточная) представляют собой *структурное и семантическое целое*, что средством связи между частями в СПП-И является союзное слово, которое выполняет роль как главного, так и

второстепенного члена предложения, а в СПП- II союз, который не выполняет синтаксической функции в предложении.

На наш взгляд, только целенаправленная кропотливая работа по синтаксису, проведённая на основе текста, принесёт существенную пользу студентам-выпускникам, качественно подготовит их к работе в общеобразовательных учебных заведениях.

Литература:

1. Валгина Н.С. Современный русский язык. Изд. 5-е/ Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. – М.: Высшая школа, 1987. – 480 с.
2. Виноградов В.В. О языке художественной прозы/ Избранные труды. – М.: Наука, 1980. – 358 с.
3. Виноградов В.В. Современный русский язык: синтаксис сложного предложения/ Виноградов В.В., Максимов Л.Ю. – М.: Просвещение, 1977. – 191 с.
4. Грамматика современного русского литературного языка/ Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
5. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание /Собр. соч. в 15-ти томах. Л.: Наука, 1989. – 576 с.
6. Современный русский язык: Учеб.для студ. Вузов, обучающихся по спец. «Филология» / П.А. Лекант, Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин и др.; Под ред. П.А. Леканта. – 2-еизд., ипр. – М.: Дрофа, 2001. – 560с.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ, КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ

Молчанова Карина Георгиевна

старший преподаватель

кафедры современного русского языка

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

Тел.: 900052946

Садыкова Тахмина Анварджановна

старший преподаватель кафедры «Языков»

Таджикский технический университет имени академика М.С. Осими,

e-mail: Takhmina-81@mail.ru

Тел.: 918395077

Аннотация: В данной статье представлен опыт повышения мотивации учащихся на уроках русского языка посредством использования современных образовательных технологий в высших и специальных учреждениях Республики Таджикистан.

Перед высшими учебными заведениями стоит важная задача – подготовить информационно грамотных, всесторонне развитых людей, способных успешно адаптироваться к новым условиям жизни. Достичь этой цели можно путем активного внедрения и использования в образовательном процессе современных образовательных технологий, особенно информационно-коммуникационных.

Ключевые слова: временные образовательные технологии, компьютерная грамотность, компьютерные и коммуникационные технологии, цифровые образовательные ресурсы, развитие, воспитание.

Большинство современных учащихся владеют компьютерной грамотностью, поэтому преподавателям очень важно повышать свою квалификацию путем освоения компьютерных и коммуникационных технологий.

В связи с этим в 2020 году прошла курсовую подготовку в ДФ НИТУ МИСиС по программе «Применение пакета свободного программного обеспечения»:

В 2022 году в ДФ НИТУ МИСИС повышения квалификации и переподготовки работников образования по программе «Информационно – коммуникационные технологии в образовательном процессе».

Это позволило нам использовать информационно-коммуникационные технологии на уроках русского языка. Мы считаем, что инновационные модели работы способны оптимизировать процесс обучения, сделать его более разумным и эффективным, а также повысить мотивацию студентов к обучению.

Нас заинтересовала Коллекция цифровых образовательных ресурсов (ЦОР), представленная на Федеральном портале «Российское образование». Предмет «Русский язык» является обязательным экзаменом для итоговой государственной аттестации. Использование цифровых образовательных ресурсов может помочь преподавателям языка организовать рациональный процесс обучения русскому языку в выпускном классе, систематизируя, обобщая и повторяя материал на более высоком уровне.

Цифровые образовательные ресурсы являются электронным компонентом процесса изучения русского языка. ЦОРы поддерживают все этапы работы с учебным материалом, то есть могут быть использованы при объяснении, тренировке и контроле. Они подходят как для группового, так и для индивидуального обучения.

В процессе использования цифровых ресурсов преподаватели или студенты могут выбирать необходимые материалы при изучении или повторении темы.

Цифровые образовательные ресурсы разделены на группы по способу использования:

1. Материалы демонстрационные
2. Опорно - демонстрационные материалы
3. Материалы обобщающие
4. Контрольно – тренировочные материалы
5. Учебные и справочные материалы

Материалы демонстрационные его основная роль, используемая для объяснения нового материала, основной их функцией является иллюстративная. Это могут быть интерактивные примеры диаграмм с текстовыми аннотациями. Это можно использовать для текстов, где необходимо определить стиль и тип речи для данного текста и создать речевую ситуацию.

Опорно - демонстрационные материалы не только иллюстрируют какое-либо языковое явление, но и служат опорой для их анализа, а также стимулируют высказывания на этапе закрепления. Рекомендуется

использовать этот тип цифрового материала при повторении правил правописания. Правила взаимодействия стимулируют мыслительную деятельность учащихся, что собственно и представляет собой задачу рефлексии.

На этапах повторения и обобщения на 3 курсе использую интерактивные таблицы – сложный электронный объект, поддерживающий материал учебника. Информационное наполнение таблиц снабжено всплывающими подсказками, а ячейки содержат вложения с дополнительной информацией. Таблицы имеют, как правило, несколько уровней интерактивности и, следовательно, включают учебный материал различного уровня сложности.

Так, например, при повторении правил пунктуации использую интерактивную таблицу «Знаки препинания в бессоюзных сложных предложениях». Таблица состоит из трех колонок, первая из которых – это знаки препинания, вторая – примеры БСП, третья – «Как проверить?». В ячейки третьей колонки помещены интерактивные вопросительные знаки. При активизации вопросительные знаки замещаются союзами, с помощью которых можно проверить постановку запятой, тире, двоеточие между частями Бессоюзного Сложного Предложения. Подобная работа возможна и при повторении сложноподчиненных и сложносочиненных предложений.

На этапах закрепления материала и контроля знаний и умений студентов, я часто провожу тестовый контроль. Сегодня достаточно хорошо разработаны методы проведения тестового контроля на бумаге. Преимущество электронного тестирования в том, что преподаватели могут самостоятельно составлять тесты, создавая любой тестовый набор по теме.

На наш взгляд, продуктивным способом развития навыков грамотности учащихся являются интерактивные задания на русском языке. Это интерактивные диктанты, короткие отрывки из произведений классической литературы. Они позволяют учащимся самостоятельно проверить свои навыки грамотности, воспитывают у учащихся навыки самоорганизации, а также помогают учащимся познакомиться с замечательными произведениями русской литературы и развить любовь к художественным текстам.

Методика работы с интерактивными диктантами следующая: пользователь прослушивает диктант целиком (через проигрыватель). Далее пользователь прослушивает и записывает текст по предложению. После написания текста пользователь возвращается в главное окно и вносит записанный текст в окно проверки, нажимая кнопку «Проверить». Через короткое время ученик получает результат своей работы.

Современный студент все чаще обращается за необходимой информацией в Интернет-ресурсы, поэтому учебно-справочные материалы – неотъемлемая часть цифровых образовательных ресурсов. Электронные пособия могут быть использованы как справочные материалы при выполнении самостоятельной работы, как учебные материалы для заданий поискового характера, для организации коллективной работы в классе.

Одним из наиболее важных общеобразовательных навыков, которые помогут детям добиться успеха на каждом этапе обучения, являются навыки беглого и целенаправленного чтения. Сегодняшние студенты не любят и не хотят учиться. Поэтому мне как учителю русского языка и литературы важно заинтересовать учащихся и показать им красоту литературного выражения в стихах и прозе. Использование компьютерных технологий в учебном процессе способствует повышению мотивации учащихся.

На уроках русского языка мы часто используем компьютерные презентации и даю студентам возможность поучаствовать в их собственных творениях. Они могут служить познанием по изучению биографии писателя или поэта. При подготовке к таким урокам перед студентами ставится коллективное или индивидуальное задание: сбор необходимого биографического материала, работа с фотографиями или иллюстрациями в конкретной программе, продумывание анимации, выбор необходимых шрифтов, цветовых схем и т. д.

Современный образовательный процесс предполагает использование средств и приемов, помогающим студентам «открыть» себя и раскрыть свою личность.

Важно использовать образовательные технологии не только для развития знаний, навыков и умений, но и применять деятельностный подход к обучению.

Литература:

1. Баракатова Д.А. Использование современных технологий на уроках русского языка и литературы
2. Роберт И.В., Панюкова С.В., Кузнецов А.А., Кравцова А.Ю. Информационные и коммуникационные технологии в образовании. Учеб.-метод.пособие. М.2007.
3. Информационные технологии - шаг в будущее.- «Учитель», 2002.-№4.- с.53
4. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии. – М : Народное образование, 1998.
- 5.<http://school.edu.ru/> - Российский общеобразовательный портал: основная и полная средняя школа, ЕГЭ

ВЫРАБОТКА НАВЫКОВ СОСТАВЛЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, НАПИСАНИЯ ИЗЛОЖЕНИЯ И ЕГО ВЗАИМОСВЯЗИ С СОЧИНЕНИЕМ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Лутфуллоева Замира Махмадуллоевна

преподаватель общеуниверситетской кафедры русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
ул. М. Турсунзаде 30, 734025, Душанбе, Республика Таджикистан
Тел: 919930476

E- mail: lutfulloeva.z@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена формированию навыков письменной речи учащихся. При работе над письменными высказываниями ученик получает возможность наблюдать за своей речью, неоднократно возвращаться к таким наблюдениям, а это возможность позволяет ему думать над написанным, критически оценивать созданный текст и в результате – улучшать, совершенствовать высказывание. Развивая письменную речь учащихся, преподаватель должен уделять особое внимание языковой, орфографической и стилистической правильности речи.

Ключевые слова: письменная речь, языковое чутье, сюжетные картинки, воспитательное значение, творческие работы.

Развитие связной речи – один из разделов работы по развитию речи школьников. Смысл этой работы заключается в вооружении учащихся умением выражать свои мысли связно – в устной и письменной форме.

С самых первых уроков обучения русскому языку целесообразно не только обучать языку, но и воспитывать на русском языке. Это повышает активность детей и их сознательное отношение ко всему, что происходит на уроке. Введение в программу начальных классов таких тем, как «Наша Родина — Таджикистан», «Семья», «Наши праздники» и т. п., обеспечивает условия для патриотического и интернационального воспитания учащихся уже на этом этапе обучения.

По каждой теме в программе приводятся: 1) перечень умений учащихся; 2) учебные ситуации и задания, в которых реализуется учебный материал; 3) речевые образцы (фразы). Дети учатся употреблять повествовательные, вопросительные и побудительные предложения.

Учитель произносит типовое предложение. Учащиеся внимательно слушают. Потом учитель произносит отдельно каждое слово, подчеркивая голосом ударный слог, а если нужно, привлекает предметную или

изобразительную наглядность, в необходимых случаях переводит предложение на родной язык, ставит вопрос к подлежащему и сам же на него отвечает, например: Девочка сидит. Кто сидит? — Девочка.

В начальных классах школы не может быть ни одного урока по чтению, по грамматике и по правописанию, на котором не было бы упражнений в анализе, составлении или преобразовании предложений. Эта работа начинается при обучении грамоте. Отвечая на вопросы учителя о прочитанном или по картинке: кто это? что это? кто что делает? кто чем занят? и т. п., дети составляют предложения. Например: Что это? Это шары, это ягоды, это деревья. Кто это? Это дети. Что делают дети? Дети собирают фрукты и т. д.

Из вопросительных предложений для активного усвоения предлагается лишь один тип - собственно-вопросительные. Такие предложения чаще всего употребляются в диалогической речи, когда говорящий побуждает собеседника ответить на вопросы: Кто читает книгу? Куда пришел мальчик?

На уровне восприятия учащиеся усваивают вопросительно-побудительные предложения, которые задает им учитель, чтобы побудить их к совершению какого-либо действия, например: Кто ответит? Кто пойдет к доске? Кто может рассказать?

Если в вопросительном предложении есть вопросительное слова, то обычно именно оно и стоит на первом месте: Что здесь нарисовано? Куда ты идешь? Если же вопросительного слова нет, то порядок слов относительно свободный: Ты взял книгу? Книгу ты взял? Правильное использование вопросно-ответного приема активизирует учащихся, заставляет их искать, самим находить и разрешать поставленные задачи. Такая работа повышает интерес учащихся к усваиваемому материалу и тем самым обеспечивает глубокое восприятие и прочное усвоение.

Навык практического владения языком учащиеся могут приобрести только в том случае, если вслед за учителем (про себя или вслух) на каждом уроке будут по возможности говорить только по-русски.

Ученик должен не только научиться отвечать на вопросы, но и ставить вопросы. Очень важно, чтобы дети на каждом уроке упражнялись как в ответах на вопросы, так и в постановке вопросов. Но чтобы задать вопрос другому, нужно подумать, что хочешь спросить. Учитель дает образец не только вопроса, но и ответа, а потом вопросы ставят сами ученики. Это могут быть вопросы ко всему классу или отдельным учащимся. Постепенно вопросы должны усложняться и требовать развернутых ответов. Однако учитель не должен заставлять детей в диалогической речи употреблять лишь полные предложения: это делает речь не естественной, в жизни так никто не говорит. Говорят обычно так: Ты мяч рисуешь? — Мяч. Ты куда идешь? - В библиотеку.

Умение употреблять неполные предложения свидетельствует о том, что у детей появляется чувство языка, что они умеют отбирать те слова и конструкции предложений, которые нужны им для общения, и что речь на русском языке становится для них естественной.

Учитель учит детей самостоятельно составлять предложения на определенную тему. Например, он говорит: «Составьте предложение о нашем классе (о классной комнате). Какой наш класс?» Учащиеся составляют предложения: Наш класс светлый. Наш класс большой. С помощью учителя дети составляют предложение, дающее более полную характеристику классной комнаты: Наш класс большой и светлый. .

Сначала подобная работа проходит в устной форме. Постепенно дети учатся записывать составленные предложения. При этом обращается внимание учащихся на правописание отдельных слов.

Сюжетные картинки дают возможность составлять предложения, отражающие их содержание. Важно помочь учащимся понять, каков порядок следования одного предложения за другим в том или ином случае. Методика работы может быть примерно такой.

Дети рассматривают вывешенную в классе картинку. Затем по вопросам учителя они рассказывают, что нарисовано на картинке. При этом задача состоит в том, чтобы направить внимание учащихся на определенную группу предметов, изображенных на картинке.

Примерные варианты детских предложений:

- 1) Мальчик кормит кролика морковкой. Кролик ест морковку.
- 2) Мальчик дает кролику морковку. Кролик ест морковку.
- 3) Мальчик сидит на скамейке. Он кормит кролика. Кролик ест морковку.

Составлять предложения можно и без картинок. Для этого необходимо, конечно, чтобы учащиеся уже умели ставить вопросы к словам предложения и понимали, какие слова в предложении главные и какие — второстепенные.

В III классе учащиеся изучают предложение как грамматическую тему. Они знакомятся с главными и второстепенными членами предложения. Теперь упражнения по составлению предложения усложняются. Дети распространяют предложения по вопросам, например: Ученик читает; читает что? книгу; книгу какую? интересную и т. д.

Составляются предложения и в связи с наблюдениями за природой, в связи с экскурсиями в лес, в парк, в сад, на огород и т.д.

Дети учатся составлять предложения, объединенные одной темой. Это еще не сочинения, а своеобразные заготовки к будущим сочинениям. Например, после экскурсии в лес учитель дает детям задание составить несколько предложений на тему о лесе по вопросам: «Какой наш лес? Каких

дереьев в нем больше? Чего много в лесу летом?» Учащиеся составляют предложения (на первых порах под руководством учителя): Наш лес большой и красивый. Больше всего в лесу берез и елей. Летом в нем много грибов и ягод.

Предложение — тот фон, на котором ведется почти вся грамматика - орфографическая и словарная работа в школе.

Что касается видов синтаксических упражнений, то следует указать такие наиболее распространенные из них:

- 1) ответы на вопросы (главным образом полные ответы);
- 2) постановка учащимися вопросов к предложениям;
- 3) распространение предложений по вопросам и без вопросов;
- 4) составление предложений на ту или иную тему (например, о нашей школе, о лесе, об экскурсии, о работе на огороде); чаще всего это упражнение бывает осложнено определенным грамматическим заданием;
- 5) составление предложений по картинкам, по прочитанному тексту, по наблюдениям за природой или погодой;
- 6) составление словосочетаний разного типа и включение их в предложения (например: звонкие голоса, шумные ручьи, дождливая осень, пушистый снег, учимся в школе, рассказывать о поездке, готовились по математике, собираем цветы, уехали далеко, говорим громко и т. п.);
- 7) соединение двух-трех простых предложений в одно сложное или простое с однородными членами (Дети пошли на прогулку. Они собирали на лугу цветы. Дети купались в реке; На прогулке дети собирали цветы, купались в реке; Дети пошли на прогулку, они собирали на лугу цветы, купались в реке);
- 8) переработка данных предложений с заменой одних слов другими, с заменой одних грамматических форм другими (например, существительных местоимениями; глаголов прошедшего времени глаголами настоящего времени)
- 9) перифразы (Бобик хочет есть, Бобик голоден, Бобик проголодался, Бобику хочется есть; Девочка закончила чтение книги, Девочка прочитала книгу, Книга прочитана девочкой);
- 10) восстановление деформированного предложения: даны слова в беспорядке или в начальной форме, их надо расположить в должном порядке и согласовать между собой.

От того, насколько хорошо владеют дети умением составлять отдельные предложения, в значительной мере зависит успешное продвижение учащихся в написании изложений и сочинений, потому что детское сочинение, в сущности,— это совокупность небольшого количества предложений.

Традиционными видами письменных высказываний, предназначенных для развития связной речи учащихся, являются изложения и сочинения,

которые вместе с тем представляют богатые возможности для осуществления различных воспитательных и образовательных целей.

«Изложение - обобщенное название одного из видов связной речи (в письменной и устной форме), широко используемого в речевой практике людей вообще и в качестве школьного упражнения в частности».[7, с.317]. Изложения на уроках русского языка и литературы, подчиняясь определенным целям развития речи, имеют свою методику подготовки, проведения и оценки.

Готовясь к уроку, преподаватель прежде всего определяет, какой вид обучающего изложения будет проводиться в данном классе и с какой целью, после чего приступает к выбору текста.

Урок изложения обычно начинается с объяснения темы и цели предстоящей работы, после чего может следовать вступительное слово учителя, вводящее в содержание текста или помогающее понять излагаемые в нем события или факты.

Следующие этапы обучающего изложения - чтение текста преподавателем и беседа по содержанию с одновременным анализом языковых средств.

Если в произведении встречаются слова и выражения, непонимание которых затрудняет усвоение содержания учащимися, то перед чтением текста следует разъяснить и уточнить их значение. Подобная работа может быть проведена и после чтения текста. Все зависит от конкретных условий.

Следующая ступень предварительной работы над текстом - его логический анализ: членение на части, озаглавливание их, т. е. составление плана.

Работа над планом изложения может сопутствовать беседе по содержанию, как этого требует, например, изложение, близкое к тексту; может проводиться и следом за ней.

Обязательным компонентом такого урока является словарно-орфографическая работа, направленная на предупреждение возможных ошибок, и, наконец, заключительный этап — самостоятельная письменная работа учащихся.

В средней школе устный пересказ содержания разобранного произведения вообще не обязателен. Однако при обучении сжато или выборочному изложению, особенно на начальной ступени обучения, такой пересказ целесообразен.

Очень важен в процессе обучения изложению анализ написанных изложений. Учитель, проверяя работы, классифицирует их, учитывая:

- 1) точность передачи, последовательность содержания текста;
- 2) непоследовательность передачи содержания текста;

- 3) ошибки в построении предложений;
- 4) неправильное употребление слов;
- 5) наиболее грубые орфографические и пунктуационные ошибки.

Сочинения — это упражнения, заключающиеся в самостоятельном изложении школьниками своих мыслей на заданную тему. По сравнению с изложением сочинение более сложный вид работы. Если при изложении учащийся передает готовый материал, следуя за мыслями произведения, пользуется авторскими языковыми средствами, то в сочинении все вопросы, связанные с раскрытием содержания темы, и оформлением, решаются учащимися самостоятельно.

Работа над сочинением имеет большое образовательное и воспитательное значение. Готовясь к сочинению, учащиеся концентрируют свои знания и навыки, обобщают наблюдения за окружающим, приводят в систему впечатления от прочитанного, виденного или слышанного ими и, таким образом, пополняют свой умственный багаж. Работа над сочинением развивает мысль учащегося, учит рассуждать, доказывать, анализировать и синтезировать, т.е. способствует развитию мышления. Логически последовательная, грамматически правильная передача на письме мыслей требует от учащихся знаний и умений в области грамматики и лексики русского языка, тщательного отбора слов и синтаксических конструкций, восстановления пройденного в курсе русского языка и пополнения знаний по ряду вопросов, что, несомненно, обеспечивает повышение общего кругозора и развитие речи и мышления учащихся.

Один из видов творческих работ, развивающих самостоятельность детей, их воображение, фантазию, способствующих развитию речи, воспитанию внимания, чуткого отношения, любви к природе, — это сочинение на основе личных впечатлений.

Непосредственное общение детей с природой дает учителю богатые возможности для нравственного и эстетического воспитания.

«Эмоциональные отношения немислимы, если учитель встречается с учениками только на уроке и дети чувствуют на себе влияние педагога только в классе», — писал выдающийся советский педагог В. А. Сухомлинский. [6, с.208].

Сочинения по картине — один из самых распространенных видов сочинений. Картина, как считает К. Д. Ушинский, позволяет учащимся организовать наблюдения, опираясь на личный жизненный опыт, следовательно, сочинение по картине может рассматриваться как сочинение по личным наблюдениям и впечатлениям, но не только от виденного, а и от слышанного, и от прочитанного. Сочинение по картине может быть поэтому, с

одной стороны, сочинением-описанием картины (на основе виденного), с другой стороны, сочинением по поводу картины (на основе виденного, слышанного или прочитанного).

К этой группе относятся и сочинения по кинофильму, телепередаче, радиопостановке, спектаклю и др.

Используя картину на уроках развития речи, преподаватель должен прежде всего научить учащихся «читать» ее.

«Прочесть» картину - это значит понять творческий замысел художника, чутко воспринять язык живописи как искусства «зримых образов», «говорящих» красок, света и тени и, поняв все это, раскрыть содержание и идейный смысл картины.

В связи с этим большое значение имеет отбор картин.

Начинать работу целесообразно с жанровых картин, интересных по тематике, близких и доступных детям, несложных в композиционном отношении, таких, как «Тройка» В. Г. Перова; «За мир», «Опять двойка» Ф. П. Решетникова; «Письмо с фронта» А. И. Лактионова; «Пушкин на экзамене в лицее» И. Е. Репина; «Счастливое детство» Н. Я. Белыева и др.

В VI классе на уроках литературы учащиеся получают представление об описании, и знакомство с пейзажной живописью оказывается для них наиболее необходимым. В данном случае можно рекомендовать картины «Грачи прилетели» А. К. Саврасова; «Утро в сосновом лесу», «Лесные дали», И. И. Шишкина; «Золотая осень», «Березовая роща», «Озеро», «Март» И. И. Левитана; «Голубая весна» В. Н. Башкеева и др.

Подготовкой к работе над картиной-пейзажем может служить анализ картины сюжетного характера, при рассмотрении которой обращается внимание и на пейзаж, например: «Аленушка», «Ковер-самолет», «Богатыри» В. М. Васнецова; «Бурлаки на Волге» И. Е. Репина; «Дети, бегущие от грозы» В. Е. Маковского; «Журавли летят» А. С. Степанова и др.

Выбрав для урока картину, преподаватель сам внимательно рассматривает ее, устанавливает, какова тема, идейное содержание картины, какими средствами художественной выразительности пользуется художник, раскрывая свой замысел.

Система вопросов, которые намечает затем преподаватель, обеспечивает последовательность в раскрытии содержания картины, глубину анализа, внимание к главному, основному, помогающему понять замысел художника. Формулируя вопросы, преподаватель предусматривает также и необходимость направлять учащихся в процессе беседы на целесообразное использование тех или иных лексических и грамматических средств для раскрытия темы данной

картины; учитывает возможные трудности употребления в речи отдельных слов и выражений, построения предложений и намечает пути их преодоления.

Таким образом, вся подобная работа имеет большое значение для развития речи и связанного с ним развития мышления. Она пронизывает все виды занятий языком (словарь, правописание, части речи, связную речь). Она проводится на каждом уроке чтения, грамматики, во время изложений, сочинений, экскурсий, предметных уроков, бесед и т. д. Наибольшей эффективности обогащение синтаксиса детской речи, равно как и словаря, достигается в процессе обучения изложению и сочинению.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баринаева Е.А., Боженкова Л.Ф., Лебедев В.И. Методика преподавания русского языка / Е. А. Баринаева.- М: Просвещение, 1974.-367 с.
2. Баранникова И.В., Грекул А.И. Методика начального обучения русскому языку в национальной школе. - Л. : Просвещение, 1984.-312 с.
3. Кустарева В. А., Назарова Л. К., Рождественский Н. С. и др. Методика русского языка 3-е изд., перераб.— М. Просвещение, 1982.-400 с.
4. Ладыженская Т.А. Методика развития речи на уроках русского языка/ Т.А. Ладыженская.- М., 1991.
5. Пустовалов П.С. Сборник текстов для изложений/ П. С. Пустовалов, Т. В. Напольнова.- М. : Просвещение, 1978.
6. Чехоева С. А., Евланова Н. Г. Современный урок русского языка в национальной школе: Пособие для учителя (Из опыта работы): Л.Просвещение. 1987. — 239 с.
7. Текучев А. В. Методика русского языка в средней школе. Изд. 2-е , перераб. и доп. М. , 1970, с 476.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Салимов Равшан Юсуфович

преподаватель общеуниверситетской кафедры русского языка

Российско-Таджикский (Славянский) Университет

734025, Республика Таджикистан г. Душанбе ул. М. Турсунзаде, 30.

Тел: (+992) 992931180221

E-mail: ravshansalimov02@gmail.com

Аннотация В статье рассмотрены варианты применения интерактивных методов обучения при изучении русского языка студентов нефилологических факультетов. Автор подробно рассматривает сущность интерактивных методов

обучения, и их место в системе современных методов обучения. Использование интерактивных методов в обучении повышает эффективность учебного процесса и формирование профессиональных компетенций обучающихся.

Ключевые слова: интерактивные методы обучения, интерактивные технологии, кейс-метод, дискуссия, кластер.

Одной из главных задач современного педагога – сделать процесс обучения интересным и современным для обучающихся. Появление интерактивных технологий в учебном процессе привело к изменениям в привычных функциях педагогов, так как они выступают в роли исследователей, организаторов и консультантов, как и обучающиеся.

Одним из важнейших средств совершенствования профессиональной подготовки студентов являются интерактивные методы обучения. Интерактивные методы (от англ. Interaction – взаимодействие друг на друга) – это методы обучения, основанные на взаимодействии обучающихся между собой.

Интерактивное обучение - это специальная форма организации познавательной деятельности, которая осуществляется путём совместной деятельности студентов. Обучающиеся совместно решают проблемы, погружаются в атмосферу делового сотрудничества по разрешению проблемы.

Главной задачей применения интерактивных методов является улучшение качества образования. Создание комфортных условий обучения с активным взаимодействием всех участников образовательного процесса.

Особенность интерактивных методов заключается в активности субъектов взаимодействия участников. В интерактивном обучении меняется роль преподавателя, то есть активность педагога переходит в активность обучающегося, а педагог создаёт условия для их инициативы.

Также интерактивный означает способность взаимодействовать, быть в режиме беседы с кем-либо или с чем-либо, поэтому это прежде всего диалоговое обучение. В ходе диалогового обучения студенты учатся решать сложные проблемы, принимать продуманные решения, участвовать в дискуссиях и т.д. Поэтому на занятиях организуется парная и групповая работа, где проводятся исследовательские проекты, ролевые игры и используются творческие работы.

Интерактивное обучение повышает мотивацию и вовлеченность студентов в решении обсуждаемых проблем, побуждает их к конкретным действиям, а также формирует способность мыслить неординарно.

Для решения воспитательных и учебных задач используются следующие интерактивные формы как: кейс-метод, метод проектов, мозговой штурм,

групповая работа с иллюстративным материалом, проведение видеоконференций, круглый стол, дебаты, деловые и ролевые игры, дискуссии, тренинги, подготовка презентаций и т.д.

Рассмотрим наиболее важные, на наш взгляд, интерактивные методы.

Кейс-метод – это техника обучения, использующая описание реальных, экономических, социальных, бытовых или прочих проблемных ситуаций. В кейс-методе происходит формирование проблемы и путей её решения на основе пакета материалов (кейса) с разнообразным описанием источников, например, научной, специальной литературы и научно-популярных журналов.

Это одновременно и задание, и источник информации. Важной особенностью кейс-метода является эффективная сочетаемость разными методами обучения: это моделирование, системный анализ, проблемный метод, мысленный эксперимент, метод классификации, игровые методы, дискуссия. Использование кейс-технологий призвано научить студентов подходить к решению задач творчески, анализировать и делать выводы, предлагать свои варианты решений задач.

Дискуссии – это форма познавательной деятельности обучающихся, в которой субъекты целенаправленно обмениваются своими мнениями, идеями, суждениями по обсуждаемой учебной проблеме. Дискуссии целесообразно использовать при проведении конференций и в обсуждении проблем, имеющих комплексный межпредметный характер. В настоящее время она является одной из важнейших форм образовательной деятельности, стимулирующей инициативность обучающихся и развития их мышления.

Метод мозгового штурма – это средство получения от группы лиц, идей за короткий промежуток времени. В ходе проведения мозгового штурма участники высказывают большое количество решений, затем из высказанных идей выбираются самые перспективные, удачные, практические идеи студентов. В ходе работы студенты получают возможность продемонстрировать свои знания, таким образом они учатся коротко и максимально выражать свои мысли и анализировать их. Для проведения мозгового штурма нужно определить тему и цель урока и конкретизировать учебную задачу, планировать план занятия и время, отводимое на каждый этап. При этом важно подобрать вопросы для разминки и разработать критерии оценки и выбора лучшего предложения.

Предлагаем пример мозгового штурма. Можно предложить студентам провести круглый стол. Для начала группа делится на подгруппы, которые получают инструкцию. Основное правило – никакой критики. Преподаватель определяет время на проведение первого этапа. Второй этап – анализ идей. Все высказанные идеи группа рассматривает критически. В каждой идее найти что-

то полезное, интересное, чтобы в дальнейшем можно было бы эту идею применить в других условиях. Главная цель – наработать как можно больше возможных решений. Третий этап заключается в обработке результатов. В итоге один из участников рассказывает об интересных решениях.

Таким образом, использование на занятиях русского языка мозгового штурма помогает добиться положительных результатов. В итоге у студентов повышается качество знаний.

Кластеры – это способы графической организации материала. Суть метода в выделении основных смысловых единиц, которые фиксируются в виде схем. Пример составления кластера:

- По середине листа написать ключевое слово или предложение, которое является сердцем темы.
- Вокруг накидать слова или предложения, выражающие факты, образы, подходящие к данной теме.
- Появившиеся слова соединяются прямыми линиями с ключевым понятием. У каждого из «спутников» появляются свои «спутники», устанавливаются новые логические связи.

В работе над кластером необходимо соблюдать следующие правила:

- Не бояться записывать всё, что приходит на ум, дать волю воображению и интуиции.
- Продолжать работу пока не кончится время и не иссякнут идеи.
- Постараться построить как можно больше связей.
- Не следовать по заранее определённому плану.

Будущим специалистам придется сталкиваться с различными непредвиденными ситуациями в практической и в профессиональной деятельности. В итоге у выпускников появится шанс успешно решать их в своей будущей профессиональной деятельности.

Таким образом, использование интерактивных методов на занятиях по русскому языку активизирует познавательную деятельность обучающихся, развивает способности к самостоятельному обучению, приобретению жизненных и профессиональных навыков, умению организовать собственную деятельность, способность работать в команде, уважению права каждого на свободу слова, а также развитию и формированию коммуникативных навыков, и повышению учебной мотивации студентов.

Использованная литература:

1. Бершадская Е.А. Применение метода интеллект-карт для формирования познавательной деятельности учащихся // Педагогические технологии. 2019. № 3.
2. Болотнова Н.С. Новое в методике преподавания русского языка в вузе и школе // Вестник ТГПУ. 2017. № 1.
3. Горбулинская Е.И. Методика преподавания русского языка в выпускных классах // ИСОМ. 2019. № 4.
4. Максимова Т.В. Метод проектов как средство развития познавательной активности и творческих способностей студентов [Текст] / Т.В. Максимова // Приложение к журналу «Среднее профессиональное образование». - 2016. №8. - с. 82-86.
5. Плаксина И.В. Интерактивные образовательные технологии [Текст]: учеб. пособие / И.В. Плаксина. - 3-е изд., испр. и доп.- Москва: ЮРАЙТ, 2018. – 151 с.- (Бакалавр. Академический курс).
6. Эрганова Н.Е. Педагогические технологии в профессиональном обучении [Текст]: учеб. Пособие / Н.Е. Эрганова. - Москва: Академия, 2014. - 160 с.

ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ТЕМ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Назарова Парвина Алиевна

преподаватель общеуниверситетской кафедры русского языка факультета
русской филологии, журналистики и медиатехнологий Российско-Таджикского
(Славянского) университета

Тел.: 935536002

E-mail: parvina-1977@inbox.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос повышения эффективности инновационных форм обучения русскому языку, что на сегодняшний день очень актуален. Возможности расширить полномочия преподавателей в отношении современных методов обучения определены для определения ключевых компонентов, необходимых для реализации этой модели обучения студентов русскому языку как иностранному языку в условиях университета.

Ключевые слова: инновационные формы, коммуникативные навыки, индивидуальный характер, мотивации к изучению, эффективность, информационные технологии, формирование навыков, взаимодействие.

С появлением современных технологий и новых педагогических исследований возникают новые возможности для применения инновационных методов обучения языку. Эффективное обучение языку играет важную роль в развитии критического мышления, культурного понимания и коммуникативных навыков учащихся.

Язык – это основной инструмент коммуникации и передачи знаний. На сегодняшний день в быстро развивающейся цифровой экономике одна из проблем в подготовке высокообразованных специалистов в системе высшего образования – иметь более высокий уровень знания иностранного языка, например, русского языка. Данная ситуация объясняется тем, что формирование навыков владения русским языком носит индивидуальный характер, это зависит от особенностей психофизиологической природы студента, в том числе памяти, внимания, индивидуального темпа обучения и т.д., а также уровня речевой культуры, словарный запас, общие коммуникативные навыки, уровень интереса и мотивации к изучению русского языка. На уроках русского языка преподаватель сталкивается с наличием в группе слабых, сильных и конечно же среднего уровня студентов. Большая проблема у профессорско-преподавательского состава в эффективности организации учебного процесса в аудитории: если преподаватель работает с упором на слабых, это может привести к тому, что средние и сильные студенты не примут новые знания. В результате отсутствует прогресс в обучении, что приводит к снижению их мотивации к изучению русского языка. Если упор идет на сильных студентов, слабые и средние студенты не смогут осмыслить сложный для них материал, они также не будут продвигаться вперед и, соответственно, их мотивация к чтению снизится. Ну, а такая ситуация, в свою очередь, приводит к снижению эффективности, то есть качества обучения, которое в нашей работе определяется как уровень сформированности владения русским языком по видам речевой деятельности (речь, речевая деятельность).

Сегодня образовательные технологии являются средством достижения предметных и метапредметных результатов, а также индивидуальных результатов учащихся [1]. Система работы преподавателя по обеспечению результатов обучения русскому языку должна включать в себя реализацию следующих технологий: коммуникативная технология обучения, технология понимания коммуникативного значения текста, игровая технология, технология совместного обучения, проектная технология. Вот, что констатирует А.В.

Воловин “...языку вообще нельзя научить, язык можно только выучить” [2]. Основную роль при таком подходе играет личность студента, его мотивация, способности и цели. Большинство информационных ресурсов в настоящее время доступны в Интернете на русском языке, и без их ведома пользователи сети ограничивают себя и не могут получить доступ к большим объемам данных [3]. Новые информационные технологии, используемые в образовании, разработаны таким образом, что с их помощью можно выполнять обычные виды учебной работы (лекции и практические занятия, консультации, тесты) только на высоком техническом уровне. Только столкнувшись в реальности студенты могут понять, что изучаемый иностранный язык, особенно русский, является не только средством общения, но и средством познания, саморазвития, расширения кругозора и удовлетворения личных потребностей. Самое сложное в преподавании русского языка на неспециализированных факультетах вузов, на наш взгляд – это принцип комплексности, принцип вербальной основы и речевого развития, личностная направленность обучения и деятельностный характер.

Анализ метода и результаты. Проблема в том, что не всегда удается разделить студентов-неспециалистов на небольшие группы. Она состоит из развития навыков посредством инновационного образования и самообразования. Фундаментализм, вместе с его ориентацией на честность и преследование индивидуальных интересов, создает ключевые особенности новой образовательной парадигмы. “Фундаментальное научное и гуманитарное образование должно давать целостное представление о современном природном и научном ландшафте мира, создавать научную основу для оценки результатов профессиональной деятельности, способствовать творческому развитию и правильному выбору индивидуальной жизненной программы”. Следует отметить, что уже давно изучение русского языка не сводится к пассивному запоминанию новых слов и словосочетаний. Единообразие, утомительная проверка грамматических правил и способность перевести русскую фразу в лучшем случае на какой-нибудь иностранный язык – вот пределы мастерства в овладении иностранными средствами общения. Хотя в мире давно известно множество подходов к изучению иностранных (русский) языков и методик, настоящая революция в методологии преподавания русского языка в нашей стране произошла только в конце XX – начале XXI века [5].

Изменились подходы и цели. Сегодня все изучают русский язык. Количество техник также увеличилось пропорционально количеству людей. Однако у каждого из приемов есть свои плюсы и минусы. Принципы старой школы подвергается резкой критике, хотя их нынешнее применение принесло свои плоды. Возникает вопрос – какой ценой можно было достичь этих

результатов? Как правило, чтобы овладеть языком нужно было много времени уделять переводу, чтению текстов, запоминанию новых слов, выполнению различных упражнений и обзору книг, уделяя время пересказу. Для смены вида деятельности предлагалось написать сочинение или диктовку. Одна из самых старых техник – классическая или фундаментальная. Цель классической методики – не только изучить, но и понять тонкости и детали принципов русского языка. Основная задача классической методологии – формирование грамматической базы переводимого языка [6]. Эта методика хорошо знакома тем, кто только начинает изучать русский в школе. И она применяется во многих языковых вузах Средней Азии. Один из таких методов называется лингвистическим социокультурным методом. Сторонники этого стиля утверждали, что современный русский язык не должен быть набором грамматических правил. И наоборот, отсутствие неязыковых факторов делает изучение русского скучным и бесцельным. Сторонники лингвосоциокультурного стиля поднимают русский язык до уровня коммуникативной среды, которая не только помогает человеку говорить, но и дает ему возможность самовыражения. Следуя принципам лингвосоциокультурного метода, можно с уверенностью сказать, что русский язык – это уникальное зеркало, отражающее образ жизни, обычаи, культуру и историю языка. Однако одним из самых популярных методов обучения иностранным языкам в последнее время является коммуникативный метод, который занимает первое место в статистических рейтингах. Эта методика, которая зарекомендовала себя очень хорошо в Европе и Америке и теперь используется в ведущих языковых вузах республики [7]. Методика основана на сочетании двух основных методов обучения русскому языку: традиционного и современного. Общение играет важную роль в обучении. Основная цель этой методики – преодоление языкового барьера [8]. Главное освобождение человека от страха перед иностранным языком, от страха говорить на русском языке, в то же время развивает другие навыки, это говорение и письмо, чтение и аудирование. Нужно отметить, что грамматика изучается в процессе разговора и общения на русском языке. Сначала студенты запоминают языковые формулы, фразы и только потом анализируют грамматические ошибки в заученных фразах. Само название говорит об особом месте коммуникативной практики в коммуникативной методологии. Дидактические материалы – сборники упражнения, задач, диктантов, а также рефератов и сочинений в электронном виде, обычно в виде простого набора текстовых файлов в форматах. Неудобство традиционного контроля знаний состоит в том, что все равно приходится самостоятельно проверять рукописные работы учащихся и выставять за них балл и оценку. У студентов неязыкового вуза

надо развивать умения навыков по изучению словарей. Систематическое накопление и расширение словарного запаса является одной из главнейших задач при обучении русскому языку. Тяжело общаться без знания грамматики, но без знания слов общаться невозможно, нельзя ни высказать, ни понять самых элементарных фраз. От объема словарного запаса зависит успешность общения с окружающими людьми. Надо отметить, что применение методики напрямую влияет на структуру урока, где часто бывает необходимо разработать задания на умение использовать игровые ситуации, проводить групповую работу, находить ошибки и сравнивать. Такая деятельность не только заставляет память активно функционировать, но и логическое мышление, которое позволяет развивать навыки аналитического и образного мышления и поощряет выражение идей. Игры также являются сложной задачей для преподавателя в процессе преподавания и обучения русскому языку. Группирование, объединение в пары и четыре типа групповой работы важны, если у каждого студента есть устная практика в использовании языка.

Заключение: Образование – это активное взаимодействие преподавателя и студентов, и оно не может быть односторонним. Это зависит от того, насколько успешен процесс обучения для преподавателя. Каждый преподаватель в выборе методов работы руководствуется своим личным опытом. Но по результатам экспериментальной и практической работы можно отметить, что использование различных приемов в рамках коммуникативных, индуктивных, дедуктивных методов дает положительный результат и, несомненно, способствует повышению эффективности обучения. Нужно придерживаться методики обучения, называемой «смешанной». И это позволит достичь поставленных целей и поможет достичь более высоких результатов.

Развитие современных информационных и коммуникационных технологий создает новейшие интерактивные ресурсы для изучения русского языка, включая компьютеры, Интернет, телевидение, газеты и журналы. Важно применить все вышеперечисленное на практике. Это и помогает пробудить интерес студентов к стране истории, культуры, обычаев иностранного языка и помогает сформировать навыки, которые понадобятся им в будущем.

Литература:

1. Бим И.Л. Основные направления организации обучения иностранным языкам на старшей ступени полной средней школы // Иностранные языки в школе. 2002. №5 С.8
2. Пассов Е.И. Содержание иноязычного образования как методическая категория // ИЯШ, 2007. №6. С. 13-23

3. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам / Н.Д.Гальскова. 2-е изд., перераб. И доп. М.: АРКТИ, 2003. 192 с. Беседы об уроке иностранного языка: пособие для студентов педагогич. интов / Е.И.Пассов – Л.: Просвещение, 1975. – 176 с.
4. Бим И.Л. К вопросу о методах обучения иностранным языкам / И.Л.Бим // ИЯШ. -1974. -№2. – С. 19-32.
5. Воловин, А.В. Коммуникативный подход к изучению иностранных языков в методических системах Великобритании и США / А.В.Воловин // Коммуникативный подход к изучению иностранных языков: сб. научных трудов. -Вып. 275. -М., 1985. – С. 19-32.
6. Методические рекомендации по организации исследовательской работы студентов в педагогическом колледже / под ред. Л.С.Ощепкова, Е.А.Шистерова. -Пермь, 2002. – 43 с.
7. Туйчиева С.М., Шукуржонова С.А., Махмудбекова Г.У. Инновационные методы и современные педагогические технологии в процессе обучения. С. 338-338.
8. Т.Ли, Б.Насирова. Некоторые проблемы преподавания русского языка на факультетах физической культуры. Материалы международной конференции «Проблемы и перспективы развития современной науки в странах Европы и Азии». 31 января. Переяслав – 2021. Украина. С. 63-65.

ТАЪЛИМИ АЛОМАТҲОИ ДУГОНАИ КИТОБАТ (НОХУНАК)

Искандарова Фарогат Дадабоевна

кандидат филологических наук,

доцент кафедры таджикского языка

Российско-Таджикский (Славянский) университет,

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,

ул. Мирзо Турсунзаде, 30.

Тел.: 918622129

E-mail: kafedra_tya@mail.ru

Аннотация: Дар мақолаи “Таълими аломатҳои дугонаи китобат (нохунак)” муаллиф дар бораи асосҳои назариявии таърихи пайдоиши аломати мазкур маълумоти муфассал овардааст. Дар баробари ин, дар мақола хусусияти амалқардии нохунак ва таълиму имлои он баррасӣ шудаанд. Дар забоншиносӣ навъҳои “нохунак-панча” (нохунак-вергул) ва “нохунак-арча”-ро фарқ мекунанд. Муаллиф таҳлили хусусияти амалқарди нохунакро дар шакли “панча” ва «арча» мувофиқи «Қоидаҳои имлои забони тоҷикӣ ва аломатҳои

китобати забони тоҷикӣ» (2021) анҷом додааст. Интихоби метод ва усулҳои таълими ин мавзӯ аз бисёр ҷиҳат хуб азҳудкунии онро аз ҷониби донишҷӯён муайян мекунад.

Калидвожаҳо: нохунак, аломат, аломатҳои китобатӣ, муколама (диалог), нутқи айнан нақлшуда, иқтибос, машқ, супоришҳо, маъноӣ маҷозӣ.

Ҳангоми таълими аломатҳои китобат, аз ҷумла **аломати дугонаи нохунак** устод бояд ба донишҷӯён аввал маълумоти назариявӣ диҳад.

Дар ҳатти муосири забони тоҷикӣ даҳ аломати китобат – нуқта, вергул, аломати савол, аломати хитоб, дунуқта (баён), сенуқта, нуқтавергул, қавс, тире, нохунак мавҷуданд, ки солҳои сиёми асри XX дар натиҷаи таъсири забони русӣ ба забони мо гузаштаанд. Забоншиносони рус ва тоҷик аломатҳои китобатро аз рӯи вазифа ба ду гурӯҳ ҷудо кардаанд: аломатҳои ҷудокунанда - *тире, қавс, нохунак* ва аломатҳои фарқкунанда - *нуқта, вергул, нуқтавергул, савол, хитоб, баён, сенуқта*. Дар забоншиносии рус то охири асри XV матнҳо ба аломатҳои китобатӣ навишта мешуданд. Тахминан солҳои 1480 аломати нуқта, соли 1520 вергул, дертар аломатҳои нуқтавергул, савол ва хитоб мавриди истифода қарор гирифтанд. Соли 1619 дар китоби «Грамматика»-и Мелетий Смотрицкий дар бораи аломати дугонаи қавс маълумот пайдо шуд.

Танҳо охири асри XVIII Николай Михайлович Карамзин бори аввал аломатҳои тире, сенуқта ва нохунакро истифода бурдааст [3, 89].

Сипас, устод аломати нохунак ва вазифаҳои онро муфассал шарҳ медиҳад. Мисолҳои овардашударо дар тахтаи синф сабт кардан мувофиқи мақсад аст. Чунончи:

Аломати нохунак чунин вазифаҳоро иҷро менамояд [2, 62]:

1. Нутқи айнан нақлшударо аз сухани ҳуди ғӯянда ҷудо мекунад:

«Наход ҳамаи ин ба назарам намуда бошад?!» – мепурсид аз худ сайёд ва ҷавобе намеёфт;

Бобои Мардон «рӯят сафед, девона» гуфту даст ба дос бурд (1,188);

Ба донишҷӯён мефаҳмонем, ки дар ҳам дар ҷумлаи якум, ҳам дар ҷумлаи дуюм нутқи айнан нақлшуда мавриди истифода гардидааст, ки он аз нутқи муаллиф бо аломати нохунак ҷудо шудааст.

2. Калимаву ибораҳои маъноҳои маҷозӣ ё кинояомездошта, ё шартан ба ҷойи ном истифодашударо ҷудо мекунад:

Кампири Осида ин дам бо удсӯзи худ деҳро давр зада, ба чанд хонаи ба қавле «таҳқурсиаш амонат» сар халонида, аҳволтурсӣ кард... (1,110);

Ландаҳур ин вақт аз паноҳгоҳи худ баромада буду пасу пеширо бӯ мезад, ягон хӯрдани пайдо намекард ва аз хаши кампиракро «менавохт» (1,110);

Дар ҷумлаи аввал ибораи маҷозӣ ва дар ҷумлаи дуҷум калимаи маҷозӣ дар ноҳунакҳо оварда шудаанд.

Аз ин воқеа гӯё осебе ба касе нарасид, магар ки аз он баъд Худододро дар гайбаш «Пионер» ном мегурифтанд... (1,158);

Аз қафо фарёди Шери Хол баромад, ки сари хушори худро пок карда, устои «Чилхунар»-ро дашном меод (1,110).

Ҳарчанд ки Холдор бо лақаби «Чилдурӯғ» дар деҳ қаҳрамон буд, боз чандин тане пайдо шуданд, ки ба ин қисса бовар карданд (1, 97).

Дар ҷумлаҳои мазкур калимаҳои кинояомез ва лақабҳо дар ноҳунак гирифта шудаанд.

3. Номи ташкилотҳо, китобҳо, маҷаллаву рӯзномаҳо ҳангоми истифодаи онҳо дар матн дар ноҳунак меоянд:

“Сармаддеҳ” ҳамчун китоби дуҷуми нависандаи маъруф Баҳманёр фарогири ҳикояҳои тоза буда, дар Душанбе тавассути нашриёти “Истеъдод” соли 2014 ба дасти хонандагон расидааст.

Дурусттар бубин, ки боз он маҷалла «Хорпуштак» набошад, – таъкид мекард Холдори Чилдурӯғ сардои Сармаддеҳро (1, 209);

Чӣ, шумо мехостед «Афсонаҳои халқи тоҷик»-ро бихонед (1, 447) ?

4. Иқтибосҳо аз дигар асару мақолаҳо дар асарҳои илмӣ дар дохили ноҳунакҳо оварда мешаванд:

Дар он мақолаи начандон калон аз ҷумла гуфта мешавад: «Мардуми бумии ин давлат бо исми номниҳодаи форсҳо номи тоҷикро доранд...» (4, с.4).

Дар “Қоидаҳои имлои забони тоҷикӣ ва аломатҳои китобати забони тоҷикӣ” (с. 2021) дар баробари номбар кардани вазифаҳои аломати ноҳунак дар кадом ҳолат гузошта нашудани аломати мазкур зикр шудааст, ки **ноҳунак ҳангоми тартиб додани рӯйхати адабиёт дар асару мақолаҳои илмӣ гузошта намешавад [2,62]**

Намуна меорем:

1.Айнӣ С. Кулӣёт. Ҷилди 11. Китоби 2.-Душанбе: Ирфон, 1964.- 436 с.

2.Баҳманёр. Сармаддеҳ. Роман дар қисса ва ҳикояҳо.-Душанбе, 2001.-378 с.

Донишҷӯён мушоҳида кардаанд, ки аломати ноҳунак якҷанд шакл дорад. Ба монанди:

Дар забоншиносии рус ин шакли ноҳунакро «кавычки-ёлочки» меноманд, ки он дар забонҳои русӣ, франсавӣ, олмонӣ, итолиявӣ, тоҷикӣ ва бисёр

забонҳои дигар истифода бурда мешавад. Дар Олмон дар шакли чопӣ нохунак тавре гузошта мешавад, ки кунҷи тези он ба дохил менигарад: » « [5, 2].

Дар забони тоҷикӣ шакли дуҷоми нохунак дида мешавад, ки забоншиносони рус онро аломати забони олмонӣ ҳисобида „кавычки-лапки” меноманд. Одатан ин аломат дар дастхат, яъне матне, ки дастӣ таҳия мегардад, кор бурда мешавад. Шакли он чунин аст:

Ин шакли нохунак дар забонҳои англисӣ, русӣ, немисӣ, испанӣ ва забонҳои дигар истифода мегардад. Дар забони русӣ ин шакли нохунак ҳамчун нохунакҳои иловагӣ, яъне нохунакҳое, ки дар дохили нохунакҳои дигар меоянд, кор бурда мешаванд. Агар дар забони тоҷикӣ низ ин шакли нохунак дар дохили дигар нохунак истифода шавад, дарк кардани матн осонтар мегардад. Чунончи:

Дар китоби «Таърихҳои шарқӣ», ки дар Париж дар соли 1773 чоп шудааст, гуфта мешавад: «Ҳама шахрҳои Бухорои бузург ва Бухорои хурд то худи марзҳои Чин бухороӣ ҳастанд, ки ... сокинони қадимиву бостониин ин диёр мебошанд. Онҳоро “тоҷик” ё “шаҳрнишин” меноманд» (4, 3).

Ба донишҷӯён, махсусан донишҷӯёни шӯъбаи «Забоншиносӣ» мефаҳмонем, ки дар забонҳои русӣ ва олмонӣ аломати нохунак дар шакли дуто «нуҳ» дар поён ва дуто «шаш» „ “ дар боло гузошта мешавад. Дар забони англисӣ дуто «шаш» ва дуто «нуҳ» “ ” дар боло меоянд.

Шакли сеҷоми аломати нохунак, ки дар аксар забонҳои дунё роиҷ аст, «нохунакҳои компютерӣ» мебошанд, ки дар шакли дуто «шаш» ва дуто «нуҳ» дар боло “ ” (мисли нохунакҳои забони англисӣ) мавриди истифода қарор доранд [5, 2].

Боз як шакли нохунак мавҷуд аст, ки нисбатан кам истифода бурда мешавад, онро дар забоншиносии рус «марровские кавычки» ё нохунакҳои ягона меноманд: ‘ ’. Ин шакли аломати нохунак ҳангоми баён намудани тарҷумаҳо истифода бурда мешавад:

Истилоҳи “сдать зачёт”, ки онро аксарият ‘санҷиш супоридан’ тарҷума кардаанд, галат аст (Ф.И.)

Ҳамин тариқ, устод усули «каломи муаллим»-ро истифода бурда, ба донишҷӯён маълумоти назариявӣ медиҳад. Ё барои расидан ба мақсад метавонад усулҳои муайяноро интихоб намояд ва онҳоро дар марҳилаҳои гуногуни дарс истифода барад. Барои дарки мавзӯ мавқеи машқу супоришҳо хеле назаррас мебошанд. Дониш ва малакаи донишҷӯёнро, ба воситаи ташкили корҳои ҳагтии санҷишӣ, машқу супоришҳои махсус интихобшуда, гирифтани диктантҳои таълимию санҷишӣ бо супоришҳои гуногуни грамматикӣ доир ба имло ва аломатҳои китобат санҷидан имконпазир аст.

Адабиёти истифодашуда:

1. Баҳманёр. Сармаддеҳ. Роман дар қисса ва ҳикояҳо.–Душанбе, 2001.–378
2. Қоидаҳои имлои забони тоҷикӣ ва аломатҳои китобати забони тоҷикӣ. – Душанбе, 2021. – 71 с.
3. Щецова Т.Г. Прямая речь в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина и особенности ее пунктуационно-графического выделения// Проблемы современной науки и образования 2014 год, №2, стр.86-92
4. <https://iza.tarena.tj/fa/node/782> мақолаи Назарзода С., д.и.ф., Номвожаи «Тоҷик»: миллат, сарзамин ва забон)
5. <https://type.today/ru/journal/quotes> Справочник: кавычки

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ АКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ С ЦЕЛЬЮ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ

Самадова Нигинахон Хуршедовна

Преподаватель общеуниверситетской кафедры русского языка

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

Тел.: (+992) 919 90 00 02

E-mail: niginasamadova@list.ru

Аннотация. Статья посвящается вопросам методики преподавания русского языка в высшем учебном заведении, применению активных и интерактивных методов обучения студентов на занятиях по дисциплинам «Практический курс русского языка» и «Русский язык в профессиональной деятельности». Основная цель использования активных методов обучения – вовлечение в совместную деятельность преподавателя и студентов и повышение мотивации обучающихся.

Ключевые слова: активные методы обучения, интерактивный метод, коммуникативные навыки, учебный процесс, групповая работа, проектная деятельность, самостоятельная работа.

Сегодня образование является одним из национальных приоритетов нашего государства. На современном этапе развития общества перед высшей школой стоит задача всестороннего развития личности студента, обладающего необходимым набором знаний, умений и качеств, позволяющих ему уверенно

чувствовать себя в самостоятельной жизни и быть конкурентоспособным на рынке труда. Для решения поставленных задач требуется внедрять эффективные формы организации учебного процесса, инновационные педагогические технологии, что позволит значительно повысить эффективность занятий и мотивацию у обучающихся.

Проблемами развития мотивации учебной деятельности рассматривали в своих работах многие исследователи: Л.И. Божович, В.М. Боровской, В.И. Ковалев, Е.С. Кузьмин, Н.Н. Ланге, В.С. Мерлин, К.К. Платонов, С.Л. Рубинштейн, П.А. Рудик, А.А. Степанова и др. При этом виды учебной мотивации условно можно разделить на:

- профессиональные мотивы (получение специальности),
- познавательные мотивы (приобретение новых знаний),
- прагматические мотивы (возможность высокого заработка),
- социальные мотивы (польза обществу),
- мотивы социального и личного престижа (самоутверждение и занятие определенного положения в обществе).

Для каждого занятия преподавателю приходится выбирать определенный метод обучения, целью которого является усвоение знаний, формирование умений и навыков, развитие творческого мышления, познавательных интересов и способностей обучающихся, воспитание личности в процессе обучения. Проблемой изучения методов обучения занимались такие исследователи, как М.И. Махмутов, Ю.К. Бабанский, И.Ф. Харламов, Р.С. Пионова, В.В. Гузеев, И.Я. Лернер, М.Н. Скаткин, В.А. Сластенин и др.

В образовании, как известно, утвердились и получили распространение преимущественно три формы взаимодействия преподавателя и студентов:

- пассивные (классические) методы,
- активные методы,
- интерактивные методы.

Важная роль отводится активным методам обучения, которые направлены на активизацию вовлечения студентов в учебный процесс, на повышение мотивации и результативности, на формирование профессиональных компетенций. **Активные методы** – это формы взаимодействия преподавателя и студентов, при которых они общаются в ходе занятий, то есть студенты являются активными участниками занятий. Иными словами, это методы, направленные на активизацию мышления обучающихся, характеризующиеся высокой степенью интерактивности, мотивации и эмоционального восприятия учебного процесса, и позволяющие:

- активизировать и развивать познавательную и творческую деятельность обучающихся;

- повышать результативность учебного процесса;
- формировать и оценивать профессиональные компетенции, особенно в части организации и выполнения коллективной работы.

Сам термин «активные методы обучения» появился в начале 60-х гг. XX века. Исследователи классифицируют активные методы обучения по различным критериям: по степени активизации слушателей, характеру учебно-познавательной и игровой деятельности, способу организации игрового взаимодействия, месту проведения занятий, их целевому назначению, типу используемой имитационной модели и др.

На занятиях по дисциплинам «Русский язык в профессиональной деятельности» или «Практический курс русского языка» чаще используем активные методы обучения, так как одной из особенностей применения данных методов является нацеленность на практическое использование языка. Традиционные методы преподавания, основанные на передаче знаний и запоминании грамматических правил, могут быть ограничены в своей эффективности, поскольку они не способствуют достаточной практике студентов в реальных коммуникативных ситуациях. Активные же методы обучения позволяют студентам применять полученные знания и умения на практике, что делает учебный процесс более динамичным и включает студентов в активное общение. Считается, что при лекционной подаче материала усваивается студентами лишь 20 % информации, при этом в памяти человека остается лишь 1/4 часть услышанного материала, 1/3 часть увиденного, 1/2 часть увиденного и услышанного и 3/4 материала, если студент привлечен в активные действия в процессе обучения.

Безусловно, вовлечение студентов в активную познавательную деятельность, стимулирование мыслительных процессов, повышение их мотивации возможны лишь при использовании активных методов обучения. В данном случае мы опираемся на определение, данное А.М. Смолкиным: *«Активные методы обучения он понимает как «способы активизации учебно-познавательной деятельности студентов, которые побуждают их к активной мыслительной и практической деятельности в процессе овладения материалом, когда активен не только преподаватель, но активны и студенты»* [6, с. 97].

При выборе метода обучения приходится учитывать время, выделенное на изучение той или иной конкретной цели, а также значимость учебного материала для дальнейшей профессиональной или учебной деятельности обучающегося, не забывая при этом, что обучение направлено на развитие и воспитание личности.

В нашем университете данная форма занятий широко используется во время проведения практических занятий по русскому языку. Студенты имеют возможность общаться на русском языке при обсуждении лексической темы, анализе текстов, выполнении упражнений и в групповых проектах. Это ориентирует обучающихся на самостоятельное добывание знаний и принятие решений, а также на развитие мышления. Например, ко Дню учителя в качестве домашнего задания в некоторых группах я предложила подготовить доклад или презентацию о знаменитых преподавателях, в других группах – подготовить рассказ о своем первом учителе (для более слабых групп), а в третьих группах – снять небольшой ролик «В чем секрет успешного преподавателя?» или «Какова формула успешного урока русского языка?» (для более сильных групп).

В процессе знакомства с новой темой использую презентации учебного материала, также использую такие методы, как «Угадай информацию», «Кластер», «Мозговой штурм», которые позволяют студентам представить основные направления для дальнейшей самостоятельной работы с новым материалом. Мозговой штурм, например, представляет собой разновидность групповой дискуссии, который характеризуется отсутствием критики при поиске решения, сбором всех вариантов решений, гипотез и предложений, выдвинутых в процессе осмысления какой-либо проблемы, их последующим анализом с точки зрения перспективы дальнейшего использования или реализации на практике. Благодаря работе в рамках данного метода обучения студенты учатся работать в команде, генерировать идеи, отстаивать собственную точку зрения, анализировать предложения других участников команды, систематизировать полученную информацию и приходить к общему решению. Метод применим при поиске решения сложной коммуникативной задачи.

Метод эвристических («ключевых») вопросов. Как отмечает Ф.В. Шарипов, метод *«целесообразно применять для сбора дополнительной информации в условиях проблемной ситуации или упорядочения уже имеющейся информации в самом процессе решения творческой задачи»* [7, с. 98]. Эвристические вопросы активизируют мышление, развивают логику, формируют у обучающихся новые стратегии и тактики решения учебных творческих задач. Для нас метод интересен тем, что при решении коммуникативной задачи студенты учатся собирать и анализировать материал, происходит обращение к культурной составляющей коммуникативного акта.

Важным моментом здесь является подать новый материал так, чтобы ребятам было интересно. Например, подготовить интересную презентацию, на что со стороны учителя затрачивается тоже немало сил и времени. Следует помнить, что презентация как наглядность – это хорошо, но без объяснения и

рассмотрения материала приведет к низкому уровню усвоения, запоминания и воспроизведения темы. Не стоит также злоупотреблять «нескучными» занятиями, так как студент, вовлеченный только в такие формы работы, окажется неспособным к усвоению материала, предложенного в традиционной форме.

В свои занятия по дисциплине «Русский язык в профессиональной деятельности» у химиков, физиков, биологов, у студентов направления «Менеджмент» постоянно включаю работу по тексту. В группах со студентами, слабо владеющими русским языком, сначала мы прочитываем текст, затем студенты ищут в тексте неизвестные слова, записывая в тетради их значение. Далее выделяем основную мысль текста и приступаем к обсуждению. Обсуждение определенной темы помогает ребятам научиться правильно строить высказывания, что, в свою очередь, помогает развитию речевых умений и навыков. Это очень важно, чтобы студенты могли не только читать и пересказывать тексты, но и могли выявлять главную мысль, понимать и свободно передавать содержание текста, ведь от уровня речевого владения зависит и качество профессиональной подготовки будущих специалистов.

В группах более сильных по успеваемости мы изучаем лексическую тему дома и готовимся к дискуссии в аудитории. Занятие проходит в интерактивной форме, который можно рассматривать как один из наиболее современных форм активного метода. В отличие от активного метода интерактивный ориентирован на более широкое взаимодействие обучающихся не только с преподавателем, но и друг с другом. Студенты активно участвуют в процессе обучения, обсуждают тему, решают задачи в группах, что способствует развитию навыков общения, а также формированию позитивного отношения к учебе. Такие обсуждения помогают научиться выражать свои мысли, аргументировать свою точку зрения, учиться слушать и уважать мнение других. Это не только способствует развитию умения говорить и писать на русском языке, но и формирует общекультурные и коммуникативные компетенции. Например, иногда на занятиях мы проводим небольшие дебаты на социально значимые темы: «Роль и значение русского языка в современном мире», «О традициях и обычаях» и др. Данный вид работы на занятиях по русскому языку предполагает коллективное обсуждение учащимися проблемы, идеи, совместный поиск решения, а также помогает воспитать культуру дискуссии и сотрудничества.

Именно на создание проблемных ситуаций, на наш взгляд, необходимо обращать первостепенное внимание при организации работы по развитию речи. *«Создание ситуаций на разрешение специально сконструированных преподавателем противоречий, предоставление студентам возможности*

производить собственные логические операции поможет преодолеть познавательные затруднения студентов» [5, с. 89]. Проблемным считается такое обучение, при котором «изучение и усвоение учащимися новых знаний осуществляется путем систематической постановки и решения учебных проблем» [7, с. 89]. В этой связи проблемная ситуация понимается как «психологическое состояние интеллектуального затруднения, которое возникает у человека тогда, когда он в ситуации решаемой им проблемы (задачи) не может объяснить новый факт при помощи новых знаний и выполнить известное действие прежними, знакомыми способами» [4, с. 109]. Решение проблемной ситуации - это всегда творческий акт, результатом которого является не только получение конкретного знания, но и положительное эмоциональное переживание успеха, что развивает имеющиеся и порождает новые познавательные мотивы у обучающихся.

При обсуждении некоторых лексических тем делаем упор на формирование эмоционального интеллекта у студентов, на развитие у них эмпатии и понимания. Затрагивая на занятиях тему семьи, студентам предлагается, к примеру, найти как можно больше информации о своей семье и нарисовать семейное древо. Выполняя данное задание, студенты учатся выбирать нужную информацию, выражать свои мысли и чувства словами, а также слушать своих товарищей.

Другой важной особенностью активных методов обучения является их контекстуальность. Студенты учатся не просто запоминать отдельные слова и правила, а применять их на практике в различных ситуациях. Это помогает им увидеть цель изучения языка, понять, какие практические навыки они будут приобретать. Для контроля и оценивания, насколько студенты поняли то или иное правило или грамматическую тему, можно использовать не только выполнение тренировочных упражнений, но и мозговой штурм в виде вопросов и ответов.

Материал урока можно адаптировать под потребности и уровень подготовки каждого студента, предлагая разнообразные упражнения и задания. Это создает условия для оптимального усвоения материала и соответствует принципу дифференцированного подхода в образовании. Дифференциация осуществляется не за счет того, что одним обучающимся дается меньший объем материала, а другим больший, а за счет того, что, предлагая одинаковый объем учебного материала, преподаватель ориентирует студентов на различные уровни требований к его усвоению. Здесь следует опираться на общий уровень обученности, развития обучаемого, отдельные особенности психического развития, индивидуальные особенности ученика, интерес к той или иной теме или, наоборот, неспособность усвоить тот или иной учебный материал.

На практических занятиях дается грамматический материал, который потом закрепляется на специальных упражнениях по теме. Иногда пытаюсь систематизировать имеющиеся знания по грамматике русского языка, студенты создают кластер, который помогает охватить большой объем информации и выделить ключевые смысловые единицы.

Бывает, что на занятиях используются игровые технологии. Например, после изучения текста «Олимпийские игры» мы проводим Лингвистические Олимпийские игры, стараемся воссоздать соответствующую соревновательную атмосферу. Группа делится на несколько команд, которые должны выполнить какие-либо задания, способствующие коммуникативной и познавательной компетенциям. Между заданиями рассказывается студентам интересная информация об Играх в Древней Греции и о современных Олимпийских играх. Следует отметить, что в работу вовлечены все студенты, даже самые слабые, и ребята вынуждены быть активными, к тому же работать не эпизодически, а в течение всего учебного процесса. Такая командная работа помогает студентам работать самостоятельно, искать решение поставленных перед ними задач совместными усилиями, учит приводить аргументы, быть толерантными к чужому мнению и договариваться. В такой работе мы можем выделить несколько плюсов:

- активизация мышления,
- длительное время активности,
- самостоятельность,
- мотивированность,
- самостоятельный поиск и анализ информации,
- работа в команде,
- выработка собственного мнения.

Использование игровых методов, включение игр, ролевых заданий в учебный процесс – это хороший способ развить коммуникативные навыки через активное общение и импровизацию.

В качестве домашнего задания студенты часто готовят презентации, доклады и рефераты, делают конспекты на определенные лексические и грамматические темы. Такой подход способствует формированию у студентов навыков самостоятельной работы и критического мышления, более глубокому пониманию и анализу языковых явлений. Организация проверки подобных домашних заданий дает возможность ребятам поделиться своим мнением, той информацией, которую удалось найти, и выступить перед аудиторией, а это помогает некоторым студентам преодолеть страх перед публичными выступлениями и научиться защищать свое мнение.

В это же время происходит и обучение активному слушанию. Необходимо научить ребят не только говорить, но и активно слушать своих собеседников – стимулировать задавать вопросы, высказываться по поводу услышанного и аргументированно отвечать. В свою очередь как преподаватель стараюсь оценить коммуникацию студентов на занятиях, ведь благодаря этому развивается навык конструктивного общения.

Таким образом, активные методы обучения на уроках русского языка в вузе являются значимым компонентом образовательного процесса. Они позволяют студентам более эффективно усваивать материал, развивать коммуникативные навыки, лучше понимать тексты на русском языке. Имея возможность активно участвовать в образовательном процессе, студенты лучше понимают цель учебы и получают больше удовольствия от изучения русского языка. По моему мнению, использование активных методов и приемов является необходимым на занятиях в вузах, так как это стимулирует развитие мотивации обучающихся, активизирует сам учебный процесс, то есть способствует тому, что теоретические знания, полученные ими, переходят в прочные умения и навыки. При осознанном и системном использовании описанных методов педагог получает эффективный инструмент взаимодействия со студентами, что в конечном итоге позволит повысить результативность обучения, познавательную активность студентов, их учебную мотивацию, приведет к оптимальному решению проблемных учебных задач, создаст условия для профессионализации обучающихся.

Литература:

1. Корсакова, И.А. Пути повышения учебной мотивации студентов вузов / И.А. Корсакова // Проблемы и перспективы развития образования в России. - 2012. - № 13. - С. 101-105.
2. Лазарев, В.С. Концептуальная модель формирования профессиональных умений у студентов / В.С. Лазарев // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. - 2011. - №2 (13). - С. 5-13.
3. Маркова А.К. Формирование мотивации учения / А.К. Маркова, Т.А. Матис, А.Б. Орлов. - М.: Просвещение, 1990. – 192 с.
4. Махмутов, М.И. Проблемное обучение / М.И. Махмутов. – М.: Педагогика, 1975. - 368 с.
5. Попков, В.А. Дидактика высшей школы / В.А. Попков, А.В. Коржуев. - Москва: Академия, 2004. - 192 с.
6. Смолкин, А.М. Методы активного обучения/ А.М. Смолкин. – М.: Высшая школа, 1991. - 207 с.

7. Шарипов, Ф.В. Педагогика и психология высшей школы / Ф.В. Шарипов. – М.: Логос, 2012. - 448 с.
8. Ярошенко, С.Н. Активные методы обучения как интегративный фактор повышения мотивации учебной деятельности студентов / С.Н. Ярошенко // Вестник Оренбургского государственного университета. - 2005. - № 9(47). - С. 79-81.

МЕТОДИКА ИННОВАЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАКТИЧЕСКИХ И ЛАБОРАТОРНЫХ ЗАНЯТИЙ

Ибрагимова Ирода Аса-Ахуновна

кандидат педагогических наук,

доцент кафедры педагогики, психологии и методики преподавания Российско-Таджикского (Славянского) университета

г. Душанбе, ул. Турсунзаде 30, 734024, Республика Таджикистан

Тел. (992) 111771683 (м),

e-mail: ibragimova19@bk.ru

Аннотация. Проблема образования связана с вопросами повышения продуктивности обучения и воспитания будущих специалистов, бакалавров. Применение инновационных технологий на практических занятиях в образовательной практике повысит качество образовательного процесса. Отмечена актуальность внедрения инновационных технологий в процесс проведения практических занятий во время реформирования системы образования в Республике Таджикистан и требований, предъявляемых к компетенциям выпускаемых специалистов.

Ключевые слова: инновация, технологии в обучении, профессиональные навыки, образовательный процесс, система оценки качества профессионального образования.

Практические занятия являются неотъемлемой частью высшего образования, предоставляя студентам возможность применять теоретические знания на практике. Традиционные практические занятия, основанные на лекциях и семинарах, постепенно уступают место инновационным методам, которые используют современные технологии и активное обучение. В этой статье мы рассмотрим различия между традиционными и инновационными практическими занятиями, а также их преимущества и недостатки.

Практические занятия (греч. *prakticos* – деятельный) – форма учебных занятий, на которых преподаватель организует детальное рассмотрение

учащимися отдельных теоретических положений учебной дисциплины и формирует умения и навыки их практического применения путем выполнения поставленных задач. Как отмечает Кибак Н.Н. «практические занятия в процессе обучения занимают половину и более половины всего учебного времени и относятся к основному виду учебных занятий» [5,75].

Практические занятия ориентированы на решение следующих задач:

- закрепление, углубление и конкретизация знаний, полученных на теоретических занятиях;
- формирование практических умений и навыков, необходимых в будущей профессиональной деятельности;
- выработка профессионально значимых качеств: самостоятельность, ответственность, точность, творческая инициатива и т. д.

Эффективность и результативность практического занятия зависят от опыта и мастерства преподавателя, а успех педагогической деятельности – от его эрудиции, глубины знания им учебной дисциплины, владения профессиональными навыками, методикой преподавания.

В современном динамичном мире высшее образование сталкивается с необходимостью адаптации к постоянно меняющимся потребностям рынка труда. Анаркулова Г.М., Рузиматова Г.А. отмечают «однако все еще остается актуальной проблема коренной смены парадигмы образования: с передачи преподавателем программных знаний и преимущественно пассивного участия студентов в восприятии материала, к организации и управлению активной практической деятельностью студентов посредством инновационных образовательных технологий» [2,332].

Инновационные практические занятия играют решающую роль в подготовке студентов к успешной карьере, предоставляя им практический опыт и навыки, необходимые для достижения успеха в выбранной области.

Традиционные практические занятия обычно проводятся в аудиториях или лабораториях и включают в себя:

- Лекции: преподаватель излагает теоретический материал и демонстрирует примеры.
- Семинары: студенты обсуждают и анализируют концепции под руководством преподавателя.
- Лабораторные работы: студенты проводят эксперименты или практические упражнения под руководством преподавателя.

Инновационные практические занятия используют современные технологии и активные методы обучения, такие как:

- Онлайн-платформы: студенты получают доступ к учебным материалам, заданиям и обсуждениям через онлайн-платформы.

- Симуляции: студенты используют компьютерные симуляции для отработки навыков и решения проблем.
- Проектно-ориентированное обучение: студенты работают над реальными проектами, которые имитируют рабочую среду.
- Геймификация: элементы игры, такие как баллы и рейтинги, используются для повышения мотивации студентов.

Как известно, инновационный подход обучения – это процессы совершенствования педагогических технологий, совокупность приёмов, методов и средств обучения. Он помогает наиболее полно раскрыть способности обучающихся и педагога, сделать образовательный процесс творческим и личностно-ориентированным, направленным на самообразование и саморазвитие личности. Основная функция инновационной деятельности – изменение целей, форм содержания образования, методов, средств обучения, технологий и т.д. [6, 26].

Практические занятия в вузе представляют собой важную часть образовательного процесса и выполняют ряд важных функций. В зависимости от специфики дисциплины и целей обучения в вузе выделяются различные виды и формы практических занятий. Среди видов практических занятий можно выделить лабораторные работы, практикумы, семинары, тренинги, деловые игры и проектные занятия.

Лабораторные работы направлены на закрепление теоретических знаний и развитие практических навыков студентов.

Практикумы обеспечивают возможность применения полученных знаний на практике, тренинги способствуют развитию навыков коммуникации и сотрудничества.

Деловые игры и проектные занятия позволяют студентам применить знания в конкретных ситуациях, развивая при этом творческое мышление и умение работать в коллективе.

Практическое значение данных занятий в вузе заключается в осмыслении, углублении, систематизации знаний, формировании умений студентов применять теоретические знания на практике и тем самым создавать целостное представление о сути и методах конкретной дисциплины, освоении способов деятельности и навыков профессиональной коммуникации, развитии критического мышления.

Практические занятия за счет постоянно осуществляемой обратной связи (контроль и оценка учебных достижений обучающихся) позволяют проводить мониторинг формирования у студентов общекультурных и профессиональных компетенций и их элементов, управлять познавательной деятельностью обучающихся. Артюхина А.И. считает «сверхзадача практического занятия

заключается в том, чтобы вывести студента на субъект-субъектный уровень, чтобы он осознавал себя не как объект обучения, а как личность, субъект, который сам обучается профессии» [3, 9].

Таким образом, практические занятия в вузе способствуют не только углублению знаний, но и развитию практических навыков, критического мышления, самостоятельности и творческого потенциала студентов.

Важной задачей практических занятий в вузе является подготовка студентов к будущей профессиональной деятельности. Практические занятия помогают студентам приобрести практические навыки, необходимые для успешного освоения выбранной профессии. Кроме того, практические занятия способствуют развитию у студентов самостоятельности, ответственности, аналитического мышления и способности к решению профессиональных задач.

Еще одной важной функцией практических занятий является развитие коммуникативных навыков студентов. Семинары, тренинги и проектные занятия способствуют развитию навыков общения, коллективной работы, принятия решений в группе и умению аргументировать свою позицию. Это важные навыки, которые пригодятся студентам не только в учебе, но и в последующей профессиональной деятельности.

Таким образом, виды, формы и функции практических занятий в вузе играют ключевую роль в формировании у студентов комплекса знаний, навыков и умений, необходимых для успешной карьеры и личной реализации.

Помимо этого инновационные практические занятия в вузе играют важную роль в формировании и развитии компетенций студентов, а также способствуют активному и интерактивному обучению.

Важной функцией проведения инновационных практических занятий является создание условий для практического использования студентами теоретических знаний, приобретенных в период обучения. У студентов появляется возможность применить свои знания на практике, что помогает им лучше усвоить материал и приобрести необходимые навыки для дальнейшего обучения в выбранной специальности.

Также инновационные практические занятия способствуют развитию творческого мышления студентов. Они позволяют студентам самостоятельно искать решения задач, применять нестандартные подходы к проблемам, а также развивать креативность и инновационное мышление. Благодаря этому студенты могут выработать умение быстро адаптироваться к новым ситуациям и находить нестандартные решения.

Инновационные практические упражнения помогают подготовить студентов к реальным профессиональным задачам. Проведение таких занятий позволяет студентам ознакомиться с современными методами работы

выбранной профессии, научиться применять новейшие технологии и инструменты, а также развить навыки командной работы и личного и коллективного творчества.

Занятия требуют от студентов самостоятельности в работе с литературой, инициативы в умении работать с несколькими источниками, сравнивать как один и тот же вопрос излагается различными авторами, приходить и выражать собственные обобщения и выводы.

Можно отметить, что инновационные практические занятия также способствуют развитию у студентов ключевых навыков, необходимых для успешной карьеры, таких как: коммуникативные навыки, коллективная работа, творческое мышление, принятие решений в условиях неопределенности, быстрое обучение и адаптация.

Благодаря инновационным практическим занятиям, студенты имеют возможность не только закрепить теоретические знания, но и научиться применять их на практике, что является важным шагом к приобретению профессиональных навыков. Кроме того, такие занятия способствуют самостоятельности, ответственности и уверенности в себе.

Инновационные практические занятия позволяют преподавателям активно применять современные методы обучения, использовать интерактивные формы работы и различные технологии, что делает учебный процесс более интересным и эффективным для студентов, а также повышает качество образования. Для повышения мотивации студентов эффективными представляются такие методы, формы и подходы проведения практических занятий как: творческие задания, подготовка эссе, демонстрация презентаций, использования мультимедий, внедрений различных технологий обучения: ролевые и деловые игры, тренинги, проекты, кейс-метод, моделирование ситуаций и мозговой штурм. Также важна профессиональная направленность не только специальных, но и дисциплин общеобразовательного блока.

Функции инновационных практических занятий в вузе являются многообещающим инструментом повышения качества образования, развития компетенций студентов и подготовки к профессиональной деятельности. Они способствуют формированию у студентов не только узкоспециализированных знаний, но и широкого кругозора, креативности и способности к инновациям, что является важным преимуществом в современном мире.

Повышение уровня профессиональной компетентности студентов, их творческого мышления и способностей к инновациям также является эффективным способом проведения инновационных занятий в университете. Они позволяют студентам получить необходимый опыт и знания для

успешного старта в профессиональной деятельности и помогут стать востребованными специалистами на рынке труда.

Ключевым качеством этих занятий является то, что они способствуют развитию не только творческого мышления, но и познавательных способностей у студентов. В ходе решения конкретных практических задач студентам приходится прибегать к использованию своей фантазии, находить нестандартные подходы и использовать креативные методы.

Кроме того, инновационные практические занятия способствуют формированию у студентов ключевых навыков, таких как, умение работать в условиях неопределенности, принимать превентивные решения, эффективно общаться и взаимодействовать с коллегами. Эти навыки являются не менее важными для успешной карьеры и инновационные практические занятия отлично способствуют их развитию.

Важной функцией инновационных практических занятий также является подготовка студентов к реальным вызовам современного рынка труда. Практическое применение знаний в реальных проектах и задачах помогает студентам лучше понять специфику своей будущей профессии, освоить необходимые навыки и найти собственное место в сфере профессиональной деятельности.

Наряду с положительными сторонами традиционных и инновационных практических занятий нужно отметить и отрицательные.

Положительные стороны традиционных практических занятий:

- Обеспечивают структурированную среду обучения.
- Позволяют преподавателям контролировать темп и содержание занятий.
- Подходят для передачи большого объема знаний за короткий промежуток времени.

Инновационные практические занятия:

- Повышают мотивацию и вовлеченность студентов.
- Развивают критическое мышление, навыки решения проблем и коммуникативные навыки.
- Подготавливают студентов к реальной рабочей среде.

Отрицательные стороны:

Традиционные практические занятия:

- Могут быть пассивными и неинтересными для студентов.
- Ограничивают возможности для активного участия студентов.
- Зачастую не учитывают индивидуальные темпы обучения студентов.

Инновационные практические занятия:

- Могут требовать значительных инвестиций в технологии и обучение преподавателей.
- Могут быть сложными для студентов, которые не знакомы с технологиями.
- Могут привести к отвлечению и потере концентрации.

В заключении можно отметить, что инновационные практические занятия в вузе играют ключевую роль в формировании у студентов комплекса знаний, навыков и качеств, необходимых для успешной карьеры. Они способствуют не только углублению теоретических знаний, но и развитию сознательного и ответственного отношения к учебному процессу и будущей профессиональной деятельности.

Как и традиционные, так и инновационные практические занятия имеют свои преимущества и недостатки. Выбор наиболее подходящего метода зависит от конкретных целей обучения, уровня подготовки студентов и доступных ресурсов. Инновационные практические занятия могут быть эффективным способом повышения вовлеченности студентов и подготовки их к будущей карьере, но они должны быть тщательно разработаны и внедрены, чтобы избежать потенциальных недостатков.

Основное различие между традиционными и инновационными практическими занятиями заключается в использовании нестандартных технологий и активных методов обучения.

Традиционные занятия в основном сосредоточены на передаче знаний от преподавателя к студентам, в то время как инновационные занятия поощряют активное участие студентов и практическое применение знаний.

Кроме того, инновационные практические занятия часто более гибкие и адаптируемые, чем традиционные. Студенты могут получить доступ к учебным материалам и заданиям в любое время и в любом месте, а также работать в своем собственном темпе. Занятия должны отличаться особым характером взаимодействия педагога и обучающегося. Успех педагога заключается в том, что он умеет организовать свою деятельность таким образом, чтобы создать у студентов позитивные эмоции, ощущение уверенности и ощущения успешного результата. На занятии, где благоприятное психологическое состояние можно организовать активные творческие занятия.

Литература:

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. – М.: Русский язык. Курсы, 2018. – 496 с.

2. Анаркулова Г.М., Рузиматова Г.А. Модульные учебные программы как фактор, влияющий на повышение эффективности образовательного процесса // В сборнике: Высшее и среднее профессиональное образование России в начале 21-го века: состояние, проблемы, перспективы развития. Материалы 12-й Международной научно-практической конференции. В 2-х книгах. Под общей редакцией Р.С. Сафина, Е.А. Корчагина, 2018. С. 309-313.

3. Артюхина, А. И. Практическое занятие в высшей медицинской школе: учеб. пос. / А. И. Артюхина, В. И. Чумаков. – Волгоград: Изд-во ВолгГМУ, 2017. – 232 с.

4. Гусейнова Т.В., Ибрагимова И.А.-А. Об особенностях проведения занятий по методике преподавания русского языка в условиях полилингвизма // Большая Евразия: диалог языков и культур: материалы онлайн-форума, посвященного Международному дню русского языка, Бишкек, 3 июня 2022 года / отв. ред. В.И. Шаповалов; Институт русского языка им. А.О. Орусбаева КРСУ. – Бишкек, 2022. – С. 75-81.

5. Кибак Н.Н. Организация подготовки и проведения практических занятий // Мастерство online [Электронный ресурс]. – 2016. – 2(7). Режим доступа: <http://riro.unibel.by/index.php?id=1308>

6. Сергиенко А.С. Методический сборник лучших практик инновационной деятельности региональных инновационных площадок / сост.: О. Г. Ярлыкова, В. В. Семенова: автономное учреждение дополнительного профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Институт развития образования». – Ханты-Мансийск: Институт развития образования, 2019. – 25-28 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ПУНКТУАЦИОННЫХ НАВЫКОВ У ШКОЛЬНИКОВ

Рахманова Рухшона Давлятмуродовна

Магистрант первого года обучения
кафедры современного русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел: (+992) 446204208
G-mail: kryrtsu@gmail.com

Гусейнова Татьяна Владимировна

Доктор педагогических наук,
профессор кафедры современного русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 918 83 99 93
E-mail: maori-ma@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальная как для школьников, так и для студентов методическая проблема формирования пунктуационных навыков. Автор рассматривает данную проблему с позиции психолингвистической теории связи видов речевой деятельности: говорения, аудирования, письма и чтения. Дано описание принципов формирования пунктуационного навыка и приёмов работы, позволяющих формированию также коммуникативных умений и навыков.

Ключевые слова: пунктуация, обучение, средняя школа с таджикским языком обучения, принципы обучения пунктуации, диктант, изложение, сочинение.

В школьном обучении преподаватели зачастую недооценивают пунктуационную грамотность учащихся. Обучению пунктуации уделяется мало внимания, а ошибки в постановке знаков препинания ошибочно считаются второстепенными.

Только благодаря знакам препинания можно верно понять смысл текста или предложения и прочитать его с правильной интонацией, например, в самых простых по структуре предложениях, которые приводят в пример методисты: *«Мама приготовила. Мама приготовила? Мама приготовила!»*; *Упражнение должно быть выполнено! Упражнение, должно быть, выполнено»* [7, с. 385].

Чтобы ученик мог правильно поставить знаки препинания, он должен верно понять суть информации, содержащейся в конкретном предложении и в тексте в целом. Для этого у него должен быть достаточный речевой опыт, который заключается не только в знании лексики и грамматики, но и в достаточно высоко развитом слухо-произносительном навыке. Это положение обосновано как практикой педагогической деятельности, так и психолингвистической теорией о связи всех видов речевой деятельности. Только в этом случае ученик будет правильно членить текст и выявлять из него информацию благодаря аналитико-синтетической работе речевого аппарата.

Если членение текста не выполняется с помощью названных умений, то возникнет ситуация, как в повести К. И. Чуковского «Серебряный герб». Гимназисты протянули верёвочный телефон, собираясь писать диктант, привязав бечёвку к ноге достойного ученика и создав систему оповещения: один «дёрг» - запятая, два – восклицательный знак, три – вопросительный, четыре – двоеточие. Результатом такой безумной затеи и стал следующий «текст»: *В тот день когда: доблестный Игорь ведущий? Войска из лесов и болот увидел что в поле где? Стояли, враги поднялось !? зловещее облако были?* [6, с. 483].

Для верной постановки знаков препинания каждый раз важно разбирать структуру предложения и его смысл, а также тренировать учащихся в верном интонировании предложений и текста. Поэтому можно согласиться с утверждением: «Пунктуацию не получится выучить, нужно научиться её применять» [3, с. 67].

Рассмотрение правил пунктуации и развитие соответствующих пунктуационных умений происходит вместе с овладением умениями в русской речи, с усвоением системы построения предложения, его структуры. Наряду с овладением системой построения предложения, а вместе с ним и постановкой знаков препинания в нём, нерусские учащиеся понимают интонацию предложения, т.е. изучение норм пунктуации в данной мере помогает пониманию интонации русских высказываний.

На основе уже обрётённых знаний по синтаксису и пунктуации происходит изучение пунктуационных норм и развитие соответствующих пунктуационных умений. Пунктуация учащихся в родном языке основана на тех же принципах, что и русская, поэтому целый свод пунктуационных норм совпадает в русском и родном языках. Полное соответствие в постановке конечных знаков препинания отмечается в предложениях с однородными членами, вводными словами, прямой речью, обращениями, также отмечается совпадение в постановке знаков препинания в сложных предложениях.

«Итоговая цель занятий по пунктуации – создание пунктуационного навыка», - отмечает Д.Н. Богоявленский [2, с. 93]. Пунктуационный навык и его формирование обладает своими особенностями. В основном, это осознанные действия, выполняя которые одна операция следует за другой, при изменении условий меняются и операции, их сочетания и последовательность. «Чем навык устойчивее, тем менее чётко осознаются операции, тем больше они комбинируются, появляется возможность их пропуска» [5, с. 11], поскольку эти навыки автоматизируются.

В основе пунктуационного навыка содержатся умения рассматривать предложение, в его построении отмечать такие элементы и их сочетания, подбирать такие части предложения и связывать отношения между ними, по которым узнаётся модель. Под моделью здесь понимается такое построение, условиями которого обеспечиваются пунктуационные нормы.

Известный психолог Н.И. Жинкин отмечает: «Когда человек слушает или говорит речь, у него мгновенно появляются те или другие, заранее сложившиеся наглядные схемы и образы. Сами по себе эти образы передать невозможно, поэтому их нужно заменить словами» [4, с. 13], а слова, в свою очередь, складываются в синтаксические построения - модели, которые накапливаются в речевой памяти человека, как и слова.

Методические принципы обучения русской пунктуации в национальной школе определяются следующим образом. Главными из них являются:

- ✓ необходимо приучить учащихся расставлять знаки препинания в процессе письма, а не после записи. О понимании учащимися содержания и структуры предложения, о сознательном использовании норм пунктуации свидетельствует правильная постановка знаков препинания во время письма;

- ✓ принцип единства обучения пунктуации с изучением синтаксиса. Если знаки препинания расставляются по правилам, определяемым синтаксической структурой предложения, то и изучение норм пунктуации будет более эффективным в процессе изучения соответствующего вида предложения. Усвоить пунктуацию без усвоения синтаксиса невозможно, поэтому из-за их взаимосвязи усвоение должно происходить одновременно;

- ✓ принцип единства обучения пунктуации и развития речи. Постановка знаков препинания является основным элементом письменного оформления связного высказывания. Предложение строится для выражения отчётливой мысли и становится связным высказыванием. Важно понимать, структуру и смысл всего предложения в целом, а не только отдельного предложения. Желательно использовать в обучении связные тексты, в которых проще показать постановку конечных знаков препинания, отделить

одно предложение от другого, разделить текст на абзацы, употребив красную строку, и т.д.;

✓ принцип единства обучения пунктуации и выразительного чтения. Систематическое наблюдение над интонацией упрощает выбор необходимого знака препинания. Наблюдение над интонацией в национальной школе и её понимание является также приёмом, помогающим развитию речевого слуха учеников и формированию навыков выразительного чтения;

✓ принцип единства обучения русской пунктуации с родным языком. Ученикам, имеющим навыки постановки знаков препинания на родном языке, проще усваивать правила пунктуации в русском языке. Поэтому важное условие усвоения русской пунктуации – опора на родной язык.

Основными видами работы по обучению русской пунктуации являются приёмы и задания, используемые при изучении синтаксиса.

В начальной школе количество пунктуационных правил невелико. В основном, это точка, вопросительный и восклицательный знаки в конце предложения, постановка запятой между однородными членами предложения, постановка запятой между частями сложного предложения. Остановимся на тех видах работы, которые используются при обучении пунктуации в начальных классах.

Как мы уже выяснили, осознанное умение проанализировать синтаксическую структуру предложения лежит в основе точной постановки знаков препинания. Поэтому на основе анализа структуры предложения изучается каждое пунктуационное правило.

Понятие синтаксической связи является основой любого пунктуационного правила. При сообщении того или иного правила постановки знаков препинания важно знать, достаточно ли хорошо ученики осознали те синтаксические понятия, на которые опирается пунктуационное правило.

Являясь составной частью синтаксиса, пунктуационный разбор производится в тесной связи с синтаксическим. В процессе такого разбора определяется структура предложения и выбор постановки в нём того или иного знака препинания. Пунктуационный разбор можно использовать как самостоятельный вид работы, но и в связке с другими видами работ (диктант, списывание).

Наблюдение над интонацией предложения является довольно действенным приёмом. Ученики начальных классов знакомятся только с такими знаками препинания, использование которых согласуется с интонацией предложения. Постановка точки согласуется с интонацией в конце предложения, вопросительный знак – с интонацией вопроса, восклицательный

знак – с интонацией восклицания, постановка запятых при однородных членах предложения – с интонацией перечисления.

Списывание как приём обучения используется достаточно часто. Есть списывание с трактовкой знаков препинания. При его применении используется текст с уже расставленными знаками, а ученики лишь комментируют их постановку. А есть списывание с расстановкой знаков препинания, когда для анализа предлагается текст, в котором нет знаков препинания, и ученики расставляют их самостоятельно. В данном случае могут отсутствовать все знаки препинания или лишь те, по которым в данный момент изучаются правила.

Важную роль в обучении пунктуации играют диктанты. Их значение в том, чтобы, воспринимая со слуха предложения, ученик мог закрепить навыки точной постановки знаков препинания. В этом виде работ можно использовать все виды диктантов (помимо словарного).

Самостоятельный подбор примеров важен для осознания изучаемого пунктуационного правила. Для этого в качестве языкового материала для выбора примеров подбираются тексты из художественной литературы на изучаемое правило.

Помимо вышеуказанных видов работ, «формированию прочных пунктуационных навыков помогают также все виды творческих письменных работ, а именно изложения и сочинения» [7, с. 390]. Именно самостоятельное оформление текста при выполнении творческих работ и правильная постановка знаков препинания в нём свидетельствует о достаточном уровне усвоения пунктуационного правила. Поэтому учителю следует проводить на уроках русского (неродного) комплексную работу, направленную на формирование как произносительных навыков и правильного интонирования предложений и текстов, лексико-грамматических навыков и речевых/ коммуникативных навыков. Только в этом случае можно гарантировать успешное формирование пунктуационных умений и навыков.

Литература:

1. Блинов Г. И. Методика изучения пунктуационных правил. - М.: Просвещение, 1972. – 208 с.
2. Богоявленский Д. Н. Психология усвоения орфографии. - М., Изд-во АПН РСФСР, 1957. - 93 с.
3. Валгина Н. С. Принципы русской пунктуации. - М., 1972. - 267 с.
4. Жинкин Н. И. Психологические основы развития речи//В защиту живого слова. - М.: Просвещение, 1966. - С. 13-28.

5. Жуйков С. Ф. Формирование орфографических действий. - М.: Просвещение, 1965. - 124 с.

6. Литнёвская Е. И., Багрянцева В. А. Методика преподавания русского языка в средней школе: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Под ред. Е. И. Литнёвской. – М.: Академический проект, 2006. – 590 с.

7. Методика преподавания русского языка в национальной школе: Учеб. пособие для учащихся нац. групп пед. уч-щ/Л. З. Шакирова, Л. Г. Саяхова, К. З. Закирьянов и др. / Под. ред. Л. З. Шакировой. - Л.: Просвещение, 1990. - 416 с.

ЭТАПНОСТЬ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ НА РУССКОМ (НЕРОДНОМ) ЯЗЫКЕ

Каримова Саёра Мамасодиковна

Магистрант второго года обучения

кафедры современного русского языка

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

Тел: (+992) 446204208

G-mail: kryrtsu@gmail.com

Гусейнова Татьяна Владимировна

Доктор педагогических наук,

профессор кафедры современного русского языка

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

Тел.: (+992) 918 83 99 93

E-mail: maori-ma@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема организации обучения русскому языку в школах с таджикским языком обучения. Автор отстаивает идею необходимости последовательного, поэтапного обучения русскому, постепенного накопления учащимися языковых (лингвистических), лексико-грамматических и коммуникативных компетенций. Описывая этапность обучения неродному русскому языку, автор рассматривает каждый этап и иллюстрирует это языковыми примерами.

Ключевые слова: принцип прочности знаний, умения, навыки, компетенция, средняя школа, русский язык как неродной, преподавание, формирование компетенций.

Совершенно справедливо утверждение о том, что изучение неродного языка представляет собой продолжительный процесс, характеризующийся, прежде всего, интеллектуальным напряжением. Как уменьшить это напряжение и сделать усвоение программного материала, основанное на запоминании, произвольным и лёгким?

Существуют, конечно, методики и технологии краткосрочного обучения неродному/иностранному языку, но в основе этих подходов лежат либо использование психологических приёмов воздействия на память, которые дают с помощью внушения продолжительный, но не бесконечный эффект понимания речи на неродном языке, либо определённые ограничения, например: научить только понимать на слух речь на неродном языке; научить только воспринимать печатный текст определённой стилистической принадлежности (например, тексты научного стиля) для написания исследования; только читать и понимать прочитанное без его озвучивания; научить пользоваться только устными видами общения и пр. За счёт ограничения обучающих целей сокращаются и сроки обучения.

Однако традиционно при изучении неродного языка ставится цель научить общему владению неродным языком. «Общее владение неродным языком предполагает владение им как средством общения для осуществления коммуникации в социально-бытовой (обиходной) и социально-культурной сферах общения» [6, с. 6].

Обоснованием такого положения можно считать утверждения академика В.Г. Костомарова, изложенные им в брошюре «Мой гений, мой язык. Размышления языковеда по поводу общественных дискуссий о языке». Он пишет об уровне овладения неродным языком: «Билингвизм - это хорошее владение неродным языком при безусловном первенстве родного языка» [4, с. 14]. Говоря о языковой способности, Костомаров утверждает, что языковая способность к овладению неродным/иностранном языком у каждого человека может проявляться по-разному, поэтому требовать от каждого ученика одинаково хорошего владения нельзя. Но учитель должен сделать всё возможное, чтобы обеспечить достаточный уровень владения неродным языком у каждого школьника. Среди имеющихся для этого средств в арсенале учителя, в первую очередь, используется принцип последовательности и параллельно с ним принцип прочности знаний.

Работая с учащимися младших классов, учитель должен помнить о том, что усвоение языка в начальной школе имеет очень важное значение для дальнейшего усвоения речи на изучаемом языке. Во-первых, этот этап обучения важен именно потому, что дети младшего школьного возраста ещё не испытывают психологического барьера при говорении на неродном языке. Второй существенной особенностью является то, что физиология детского организма специфична: артикуляционный аппарат ребёнка гибкий, хрящи гортани ещё не затвердели, как у взрослого, и поэтому ребёнку легче воспроизвести звуки, не характерные для родного языка. В-третьих, память ребёнка легче запечатлевает грамматические формы неродного языка.

На этом важном этапе уже должна прослеживаться последовательность в работе. Существует специально разработанная система усвоения лексико-грамматических особенностей русского (неродного) языка, которая объединяет в себе и идею накопления лексики и синтаксических моделей [3, с. 58]. На начальную школу приходится очень трудная задача: научить учащихся использовать те языковые явления, которые в теоретической форме учащимся начальных классов объяснить невозможно. Это усвоение категорий грамматического рода, числа, падежа существительных, прилагательных местоимений и числительных; сложных категорий времени, вида, наклонения глаголов, степеней сравнения прилагательных и наречий. Этот «принцип представительного и адекватного отражения системы языка в начальной школе теснейшим образом связан с принципом коммуникативности обучения» [1, с. 188]. Это значит, что каждая минута урока должна быть посвящена формированию речи, но представление языковой системы в виде грамматических понятий, доступных младшим школьникам, должно быть последовательным.

На первом этапе это использование назывных предложений типа *Это класс. Тут окно. Там шкаф*. Следующий по трудности этап представляет собой формирование у школьников представления о том, что слова в русском языке отличаются друг от друга тем, что к одним задаётся вопрос *кто?*, а к другим вопрос *что?* Кто это? - *Это учительница*. Что это? - *Это школа*.

Постепенно, только когда эти практические понятия усвоены, можно переходить к следующему этапу - практическому усвоению грамматического рода имён существительных. Этот навык отрабатывается сначала на примере слов, обозначающих людей и животных: *мама - папа, дедушка - бабушка, сестра - брат, тётя - дядя, курица - петух, лошадь - конь, кошка - кот* и т.д. При этом начинают использоваться уже слова - замены, т.е. местоимения *он, она*. Переходить к работе с неодушевлёнными существительными следует только тогда, когда учащиеся усвоят понятие рода на примере имён

собственных: *Бехруз - он, Ёсуман - она*. У таджикских имён собственных не всегда имеются характерные для русского языка окончания, и это позволяет сформировать понятие грамматического рода на основании пола человека.

Работа с неодушевлёнными существительными требует применения простейшей грамматической таблицы, в которой также наглядно и просто представлены понятия о грамматическом роде имён существительных. Ученики должны дополнить таблицу словами-существительными, с которыми они уже знакомы.

Он	Она	Оно
-[] -[й]	-[а] -[я]	-[о] -[е]

Далее усваивается соотношение слов *он - какой, она - какая, оно - какое: мяч (какой?) - красный, девочка (какая?) красивая, солнце (какое?) яркое*.

Постепенное введение глаголов связано с составлением простых предложений с глаголами настоящего времени единственного и множественного числа: *Что делает Тахмина? - Она пишет. Что делает Юсуф? - Он читает*. Поскольку объяснить с точки зрения грамматической теории эти явления младшим школьникам сложно, на уроке и в учебниках используется наглядность - предметная, изобразительная, ситуативная. Используются предметные картинки, наборы сюжетных картинок, в картинном словаре русского языка, учебные мультфильмы или учебные ситуации.

С помощью картинок усваиваются формы множественного числа существительных. При этом можно использовать как грамматическую таблицу с соответствующими окончаниями, так и заучивание поэтических текстов, в которых зарифмованы многочисленные существительные в данной форме.

Когда усвоено в речевой практике понятие грамматического рода и в речевой памяти накоплено значительное количество глаголов, которые ранее употреблялись только в настоящем времени, можно переходить к усвоению глаголов в форме прошедшего времени, причём вначале используются глаголы несовершенного вида: *Ахмад читал, Манижа играла, солнце светило*.

Теперь можно переходить к усвоению падежной системы, и чтобы это было последовательно и усваивалось успешно, необходимо выстроить падежи по принципу «от простого к сложному», а также с учётом их востребованности и частотности в текстах для детей, таким образом, каким построена и вся система обучения неродному языку, которая апробирована на практике. Именительный падеж к этому времени уже усвоен в моделях *Кто это?* и *Что это?*, *Она какая? Он какой? Оно какое? Что он (она, оно) делает?* Поэтому следующий шаг - это усвоение значения винительного падежа без предлога

(прямого дополнения): *Ахмад читал книгу; Амина решала задачу; Алишер писал предложение.*

Введение в речь форм совершенного вида глаголов должно быть связано прежде всего с представлением о завершённости действия: *Когда Ахмад прочитал книгу, он посмотрел телевизор; Амина уже решила задачу; Алишер дописал предложение.*

Системность работы по усвоению грамматических особенностей русского (неродного) языка требует использования компетентностного подхода - постоянной речевой тренировки, которая мотивирована учебными ситуациями. Поэтому на следующем этапе требуется ставить задачу распространения простого предложения формами существительных в косвенных падежах, выполняющих роль обстоятельств. Следующий падеж, следовательно, будет предложный со значением места действия: *Манижа играет во дворе; Дети поют в зале.* На уроках, где отрабатываются падежные формы, новой лексики бывает не очень много, потому что основное внимание учитель уделяет отработке в рамках предложений падежные формы уже известных детям слов: *в школе, на выставке, во дворе, в городе, в зоопарке, на улице* и пр.

Следующие шаги по расширению грамматических умений и навыков будут направлены на употребление в речи форм родительного падежа в паре с формами винительного падежа со значениями пункта отправления и места назначения (*из города в город; из школы в магазин, от кишлака до посёлка* и др.). Потом добавляются в число распространителей простого предложения наречия, выполняющие функцию обстоятельств образа действия (*весело, внимательно, быстро, медленно* и др.). Все слова, имеющие качественные признаки, позволяют организовывать в классе работу по расширению словарного запаса, т.к. они легко образуют синонимические ряды и антонимические пары. Существительные по мере их накопления на уроках русского (неродного) языка позволяют организовывать их в тематические парадигмы.

Таким образом, очень важными условиями формирования лексико-грамматических навыков на уроках русского языка являются, во-первых, комплексный подход к организации уроков, при котором учитель обращает внимание не только на грамматику, но и на особенности произношения русских слов, на формирование умений во всех видах речевой деятельности (говорение, аудирование, чтение, письмо), на особенности родственных слов, их смысловые связи. Во-вторых, это хорошо продуманное содержание уроков, в которых должно быть место как учебной деятельности, так и игровой, возможно, даже больше игровой, чем учебной. В-третьих, на уроках должна

быть наглядность, поскольку воображение и мышление детей, особенно младших школьников, характеризуется конкретностью.

Кропотливая последовательная работа учителя, выстроенная по такому плану будет способствовать становлению коммуникативной компетенции школьников.

Следующие за этапом начального лингвистического обучения ступени образовательной системы - основная школа, средняя школа - характеризуются тем, что в них повторяются уже наработанные грамматические навыки, а лексический запас и запас синтаксических моделей в речевой памяти расширяются. Кроме того, в основной школе предлагаются систематизированные знания по грамматике, но коммуникативность и текстоцентричность остаются в центре внимания учителя и учащихся. При изучении важнейших сведений из грамматики практические речевые и коммуникативные умения и навыки становятся базой для осмысления сложных лексико-грамматических понятий русского (неродного) языка.

Однако системность в дальнейшем обучении продолжает реализовываться, и это проявляется в том, что в старших классах (10-11 классах) должна начаться подготовка к обучению в средних специальных и высших учебных заведениях; учащиеся должны научиться работать с текстом: членить его на смысловые части - абзацы, озаглавливать их, определять тему и основную мысль текста, излагать содержание текста кратко, а краткий текст развёртывать, интерпретировать его, составлять конспекты по тексту.

В вузе и в средних специальных учебных заведениях полученные в старших классах навыки становятся основой для переработки специальной информации, имеющей профессиональный характер.

На послевузовском этапе - в магистратуре и аспирантуре - на базе имеющихся знаний, речевых умений и коммуникативной компетенции имеет место их практическое применение как в устной форме (доклады, выступления с сообщениями на конференциях), так и в письменной (при написании магистерской и кандидатской диссертации).

Таким образом, следует специально подчеркнуть важность начального этапа обучения и необходимость обеспечения его специальными обучающими средствами, а также важность понимания системности и последовательности обучения русскому (неродному) языку и качественной профессиональной подготовки учителя для обеспечения успешной траектории дальнейшего образования каждого молодого человека.

Список использованной литературы

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Современный словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Русский язык. Курсы, 2018. – 496 с.
2. Балыхина Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): Учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. – М.: РУДН, 2010. – 188 с.
3. Величук А.П., Бажанова Е.А. Русский язык в старших группах национальных детских садов РСФСР: Пособие для воспитателей национальных детских садов. – 2-е изд., дораб. – Л.: Просвещение, 1990. – 240 с.
4. Костомаров В.Г. Мой гений, мой язык: размышления языковеда по поводу общественных дискуссий о языке. – М.: 1991. – 64 с.
5. Методика преподавания русского языка в национальной школе: Учеб. пособие для учащихся нац. групп пед. уч-щ/Л. З. Шакирова, Л. Г. Саяхова, К. З. Закирьянов и др. / Под. ред. Л. З. Шакировой. - Л.: Просвещение, 1990. - 416 с.
6. Программа по русскому языку для общеобразовательных учреждений с таджикским языком обучения (2-11 классы). – Душанбе: POLYGRAF-GROUP, 2008. – 124 с.

РОЛЬ ЗАНИМАТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Рахмонова Анна Алишеровна

студентка 2 курса очного обучения экономического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) Университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде 30
Тел: +(992) 919348870
raysanna13gmail.com

Умурзакова Гульсара Якубовна

Старший преподаватель общеуниверситетской кафедры русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) Университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде 30
Тел: +(992) 919944454
Gulsara_Umurzakova@mail.ru

Аннотация Статья посвящена актуальной теме – использованию занимательных элементов на занятиях по русскому языку в целях развития

устной и письменной речи. Использование занимательности способствует созданию новизны на занятии, так как трудный материал будет усваиваться значительно легче, если использовать элементы занимательности, вызывающие у обучающихся положительную мотивацию к изучению русского языка.

Ключевые слова: занимательность, занимательный материал, методы и приёмы, развитие речи, интерес, русский язык.

Одним из важнейших средств в обучении русскому языку является занимательный материал. Введение элементов занимательности в работу по русскому языку является одним из средств воспитания у обучающихся мотивов обучения, так активизация учебной работы позволяет преодолеть пассивное отношение обучающихся к учёбе и повышает их интерес. Занимательное, увлекательное и интересное способствует повышению активности в обучении.

Термин «занимательность» включает в себя применение различных приёмов и методов, а также и дидактических средств для привлечения внимания обучающихся и развития у них интереса к обучению предмета. При организации работы с занимательным материалом нужно учитывать его воспитательный потенциал, учебную цель и соответствие с программным материалом.

Занимательный материал должен быть разнообразным и соответствовать уровню знаний студентов. Ф. И. Буслаев писал, что «разнообразие – добрый знак хорошего преподавания» [1.с.20]. А.И. Власенков утверждает, что занимательность может создаваться в необычной форме, например, в необычной постановке вопроса, необычной для обучающихся формулировке задания [2.с.77]. Например, необычной непосредственно является задание, как восстановление текста из отдельных предложений, которая способствует развитию речи обучающихся.

Проблема формирования творческой активности в течении многих лет была предметом исследования психологов, педагогов таких как, О. С. Богданова, Г. Г. Маслова, В. И. Петрова, И. К. Рузина и др., которые уделяли особое внимание занимательности как важного условия мотивации творческой деятельности обучающихся.

В психолого-педагогической литературе выделяют следующие виды занимательных материалов: кроссворды, ребусы, загадки, шарады, каламбуры, пословицы и поговорки, шутки, головоломки, скороговорки, вопросы-задачи, грамматические сказки, картинки и тексты – могут быть введены в упражнения, задания, творческие работы.

Развитие речи студентов на наш взгляд, нельзя представить без обогащения лексико-фразеологического запаса. Самостоятельно выполняя

такие задания как: запись пословиц и поговорок, составление словосочетаний, подбор синонимов, антонимов и омонимов, задания с фразеологизмами, обучающиеся усваивают их смысл, учатся запоминать и правильно их использовать в речи. Различные занимательные истории, рассказы, сказки эффективно влияют на отношение к русскому языку как учебному предмету и способствуют развитию наблюдательности, зрительной памяти и фантазии.

Интерес к занятиям можно вызвать и при помощи игр. Игры повышают интерес к предмету, развивают сообразительность, внимание, выдержку, настойчивость и улучшает запоминание правил.

Игра является эффективным средством воспитания познавательных интересов и активизации речевой деятельности обучающихся. Например, можно провести игру «Кто назовет больше пословиц?», студентам предлагается за установленное время назвать пословицы о родине, учении, труде, дружбе, например,

- *Родина – мать, умей её защищать;*
- *Одна у человека мать, одна у него и родина;*
- *Век живи, век учись;*
- *От школьного порога, к знаниям дорога;*
- *Терпенье и труд - рядом идут;*
- *Друзья познаются в беде;*
- *Один за всех, все за одного.*

Чтобы заучивание и осмысление пословиц шло интересно можно дать обучающимся следующие задания: закончи пословицу; найди пару; докончи пословицу; запиши начало пословицы; какая пословица лишняя; собери пословицу, переведи пословицу на родной язык и др.

Таким образом, разнообразная работа с пословицами активизирует словарный запас обучающихся, развивает грамматически правильную речь, способствует пониманию образных выражений в тексте. Следует также помнить, что пословицы воспитывают у обучающихся чувство любви к родине, уважения к труду, чувство доброты, милосердия и любви к русскому языку.

Большой интерес у обучающихся вызывает работа с загадками, шарадами, каламбуром и скороговорками. Например, задание отгадайте загадки:

*Вот ворона закричала –
Мы услышали начало.
На болоте – завершенье.
В целом – мастера творенье. (картина)
Мой первый слог – это предлог,
Согласья знак – второй мой слог,*

*Мой третий слог – судьбина злая,
Всё вместе – в праздник получаем. (подарок)*

Одним из наиболее популярных видов словесных головоломок является шарада (франц. charade). Шарада заключается в отгадывании слова, части которого могут быть самостоятельными словами. При использовании на занятии шарад можно провести следующую работу. Например, задание: найдите антонимы в шарадах:

*1) Я - антоним к слову смех.
Не от радости, утех, -
Я бываю поневоле
От несчастья и от боли.
От обиды, неудач.
Догадались? Это...*

*2). Я - антоним шума, стука,
Без меня вам ночью мука,
Я для отдыха, для сна. Называюсь...*

Также использование каламбуров имеют успех в изучении русского языка для развития речи. Каламбур (от франц. calembour) – игра слов; шутка, основанная на одинаковом звучании, но различном значении слов. Часто эти слова по-разному записываются. Каламбуры широко используются писателями и поэтами, например,

*Вы, щенки, за мной ступайте!
Будет вам по калачу,
Да смотрите же, не болтайте,
А не то поколочу. (А.Пушкин)
Не щеголяй, приятель, тем,
Что у тебя избыток тем.
Произведенья знаем те мы,
Где лучшие погибли темы. (С. Шевцов)
Однажды кот подкрался к попугаю:
«Сейчас тебя я, братец, попугаю...»
Но попугай из клетки крикнул: «Брысь!»
Что серый кот, здесь убежала б рысь! (Я. Козловский).*

В каламбуре часто используется двусмысленное слово в разных смыслах для достижения конкретного эффекта, (например, Вместо озера пруд, вместо удочки - пруд. Так и знайте: Сама, Я поймаю сома!).

Каламбур является одним из приёмов создания юмористических эффектов. В этом случае, неожиданность - это основа каламбура, которая является элементом, обеспечивающим эффект успеха. Таким образом,

использование каламбура на занятиях по русскому языку помогает студентам развивать языковые навыки и креативное мышление.

Эффективную роль в развитии устной и письменной речи обучающихся играют лингвистические сказки. **Лингвистическая сказка** – это занимательный короткий рассказ, главные герои которого олицетворяют определенные лингвистические понятия, а в характерах, поступках действующих лиц наглядно проявляются отличные признаки этого языкового явления. Мы рассматриваем его как очень интересный вид обучения. Предлагаем некоторые варианты работ с лингвистическими сказками.

Задание 1. Прочитайте и определите тему лингвистической сказки «Откуда пошли названия падежей». Составьте устный рассказ о падежах.

*Он ещё не родился, а уже думали, какое ему дать имя, и решили назвать – **Именительный**.*

*Родился – стал **Родительным**.*

*Пока был малышом, ему всё давали, и он стал – **Дательным**.*

*Но он был ещё и большим озорником, за всяческие проделки его винили, и он стал – **Винительным**.*

*Потом он вырос, стал творить добрые дела и называться стал – **Творительный**.*

*Он всем предлагал свою помощь, о нём заговорили и назвали теперь – **Предложный**.*

Прямо так и говорили, когда его вспоминали, даже песенку пели с припевом:

Именительный, Родительный,

Дательный, Винительный,

Творительный, Предложный. (В. Волина)

Задание 2. Измените конец сказки «Спор подлежащего и сказуемого»

Встретились в предложении Подлежащее и Сказуемое. Подлежащее говорит сказуемому:

- Я главнее тебя. Ведь именно я называю то, о чем говорится в предложении. Недаром мое второе имя - Субъект.

-Нет, - сказала Сказуемое, - ты неправильно говоришь. Ведь без тебя может быть предложение, а без меня нет.

- Как это “нет”? Например, предложение “Зима”. Ведь тебя в нем нет!

- Ты ошибаешься. Просто я здесь в нулевой форме. А возьми другие формы этого предложения: “Была зима”, “Будет зима”. Видишь, я и появилось. А вот я могу без тебя в предложении обойтись. Например, “На

улице холодно”. В этом предложении только сказуемое, а подлежащего нет, да оно здесь и не нужно.

Тогда Подлежащее огорчилось:

А я-то думало, что я главное.

Не расстраивайся, - успокоило его Сказуемое. - Ведь когда ты есть в предложении, именно ты указываешь, в какой форме стоять мне. Мы оба главные. Ведь недаром нас называют основой предложения, или предикативным ядром.

Задание 3. Угадай сказку:

Как – то раз в лесу густом
Вырос домик под ... (кустом).

Рады мышка-поскребушка

И зелёная ... (лягушка),

Длинноухий ... (зайчик),

Ничего, что ростом мал,

Меховой домишко, -

И кабан туда попал,

И лиса, и ... (мишка).

Всем хватило места в нём-

Вот какой чудесный ... (дом).

«Дзинь - ля – ля! - поёт синичка. –

Это сказка «.....».

Задание 4. Подберите признаки и действия:

1. Сказка (какая?) народная, авторская, бытовая, волшебная, весёлая, грустная, смешная;

2. Книга (какая?) художественная, детская, интересная, научная, фантастическая, библиотечная, красочная;

3. Герой (какой?) умный, заколдованный, злой, справедливый, хитрый, весёлый, глупый;

4. Сказочные персонажи (что делают?) колдуют, заволаживают, пугают, рассказывают, притворяются, поют, спасают;

5. Читатель (что делает?) читает, сдаёт, берёт, ищет, записывается, смотрит, интересуется, бережёт, достаёт, клеит, оформляет.

Лингвистические сказки можно оформить в виде карточек и добавить к ним различные задания, например, карточка №1. Сказка о корнях –раст- и -рос-. Жили – были два брата корни -раст- и –рос-. Они жили в одном домике, жили дружно, никогда не ссорились и всю работу делили пополам. Рядом с ними по соседству проживали приставки, суффиксы и окончания. Все они дружили и любили ходить в гости друг к другу, пить чай и вести разные

беседы. И вот однажды на такую беседу совершенно случайно, совсем из другой далёкой страны попал незнакомец – Вопросительный знак. За чаем он всегда задавал вопросы, ему всё время было что – то непонятно. И он постоянно путал братьев –**раст-** и –**рос**. Братьям надоело это и они решили объяснить ему всё раз и навсегда. Они вышли из – за стола, выпрямились во весь рост и – **раст** – произнёс такую речь:

- Посмотри на нас внимательно и запомни. Мой брат – **рос-** короче меня, а я длиннее на целую букву **а**, потому что у меня есть сочетание букв – **ст-**, а иногда **_ст-** чередуется с –**щ-** (**ст//щ**). Запомни это. Безударная гласная **а** пишется перед **ст, щ**, это моя гласная. Безударная гласная **о** пишется в корне –**рос-**, это гласная моего брата.

- Хорошо, это я понял, - сказал вопросительный знак – значит все слова, в которых встречаются корни – **раст** – и –**рос-**, подчиняются этому правилу.

- совершенно верно – воскликнули корни. – Все они наши друзья, но есть такие, которые не хотят с нами дружить и не подчиняются нашему правилу, это слова **росток, отрасль**. Написание этих слов надо запомнить.

-Как это интересно, - сказал Вопросительный знак. - Я запомню и больше не буду вас путать.

- Вот и прекрасно! – закричали все и стали продолжать пить чай.

Задание.

1.Проговори правило на правописание корней – **раст-**, -**рос**.

2.Вставь буквы в словах:

Р...стение, р...сток, отр...сль выр...щенный, выр...сла, р...сточек, р...сла, возр...стной, ср..стись, зар...сли.

3. Объясни почему в слове доморощенный пишется буква **о**?

4.Проиллюстрируй сказку.

Лингвистическую сказку можно использовать как средство, помогающее организовать объяснение нового материала и воспроизведение пройденного ранее. Такие сказки сразу приковывают внимание студентов к теме, помогают им увидеть основное в изученном материале.

В процессе речевого развития обучающихся при помощи лингвистических сказок формируются: внимание, память, мышление, связная речь и правильное произношение слов. Сказка на лингвистическую тему может послужить и вспомогательным средством для формирования навыка морфологического разбора различных частей речи, а также помогает формированию навыков правописания.

Огромную роль в изучении русского языка, по нашему мнению, в целях развития устной и письменной речи обучающихся играют картины. Работа с

картинами оживляют занятия, активизируют и повышают интерес студентов, учат их понимать искусство живописи.

Обучающимся можно предложить работу самостоятельно готовить презентации, рассказы по картинам, также можно провести и беседы по картинам, которые включают вопросы, направленные на восприятие и понимание картины и на осознание особенностей творчества художника. Такая работа повышает навыки говорения.

Целесообразно также провести словарные диктанты, толкование непонятных слов при помощи словаря, подбор антонимов и синонимов, составление с ними словосочетаний и предложений, и сочинения по картине на основе собственных наблюдений. Работа с картинами духовно обогащает обучающихся, расширяет их кругозор, повышает интерес к предмету и развивает их речь.

Таким образом, перечисленные виды работ для развития речи, и использование занимательных материалов на занятиях по русскому языку дают положительный эффект именно в развитии речемыслительной деятельности обучающихся. Занимательные формы и методы дают возможность изучать разделы русского языка с наименьшими трудностями, так как их применение способно внести разнообразие и тем самым улучшить процесс обучения.

Список литературы:

1. Буслаев .Ф. И. Преподавание отечественного языка: Учебное пособие для студентов педагогических институтов по спец. «Русский язык и литература». М.: Просвещение. 1992. – 511с.
2. Власенков А.И. Общие вопросы методики русского языка в средней школе. – М., 1973. - 77с.
3. Грибанская Е.Э., Новикова Л.И. Лингвистические сказки и рассказы: Методическое пособие для учителей русского языка. – Брянск: Курсив, 2012. – 206с.
4. Розенталь Д.Э. Русский язык на отлично. Правила и упражнения. - М: ООО «Мир и Образование», 2013. – 304 с.
5. Сухин, И.Г. Занимательные материалы: Начальная школа / И.Г. Сухин. – М.: ВАКО, 2005. – 224 с.
6. Эльконин Д.Б. Психология игры. - М., 1979. - 304с.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРВЫХ ПЕРЕВОДОВ САЙФА РАХИМА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Кузьмичева Полина Юрьевна

преподаватель кафедры мировой литературы

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

Тел: (+992) 900052269

E-mail: polina_k1989@bk.ru

Аннотация: Народный писатель Таджикистана, заслуженный работник культуры, обладатель Государственной премии имени С.Айни, Государственной премии имени А. Рудаки (посмертно), член Союза писателей и Союза кинематографистов Таджикистана, писатель, публицист, журналист, сценарист, режиссер Сайф Рахимзод Афарди известен своими неповторимыми рассказами и повестями. Читая его произведения или очерки, публикуемые им в газете «Советский Таджикистан», замечаем, что Сайф Рахимзод Афарди – представитель нового течения в литературе. Разбивая старые стереотипы, он в своих рассказах и повестях передает жизнь обыкновенных людей, говорит на их простом наречье. Основная ценность его произведений заключается в том, что он привлекает внимание читателя к внутреннему миру человека. Его герои – это простые люди, молодежь, жители обычных кишлаков, хлопкоробы и студенты, рядовые труженики. Герои его повестей и рассказов – простые, честные люди, духовной основой которых является любовь в Родине, родительскому очагу, добрые обычаи народа, мудрость предшествующих поколений.

Ключевые слова: новое течение в литературе, художественно-стилистические особенности, социальные и этические вопросы, художественное мастерство, общечеловеческие ценности, мудрость предшествующих поколений.

Сайф Рахимзод Афарди внес весомый вклад в таджикскую литературу. Он активно издавался в журналах «Голос Востока», «Памир», в еженедельнике «Литература и искусство». Его по праву можно считать последователем С. Айни, С. Улуг-заде, Джалола Икрами и Хаким Карима, м.Турсун-заде, Б.Рахим-заде, М. Миршакара, Ф.Мухаммадиева, которые ранее до М.Турсунзаде, С. Айни, Пайрава Сулаймони, Лохути, Рахимов и Миршакар выражали свою озабоченность социально-моральными, историческими и национальными

проблемами, доведя до самосознания людей о существующем положении вещей, описывая общечеловеческие ценности, которые важны чем политика.

В 70-е годы прошлого столетия на горизонте таджикской литературы появилась плеяда новых молодых писателей, которые принесли с собой ветер перемен: Дж. Акобиров, Бахманёр, А. Азиз, М. Ахмадова, М. Солах, М. Курбон, М. Пулод, Ф. Абдулло, Г.Хакимов, Х.Назаралиев, Т.Махмадмурод, К. Мирзоев, Х. Сайфуллоев, М. Боки. Сотрудничая с ними, набираясь опыта, Сайф Рахимзод Афарди выработал свой индивидуальный стиль. Писатель больше сосредоточивает свое внимание на индивидуальных и национальных особенностях своих героев, которые являлись выразителями его мыслей, тем самым оставив неизгладимый след в современной таджикской литературе. Именно это чувство ответственности, признание ценности и достоинства, понимание духовных потребностей простых людей, колхозников, тружеников привело его к выражению человеческих чаяний и стремлений и на этой основе он сказал слова весомые, оставляющие след в сердцах людей, размышляя о мировоззрении предков человеческих ценностях, гуманизме. С самого начала становления личности, в его рассказах воспевались достоинства человека, святости его жизни. Он придавал огромное значение социальным и этическим вопросам, создавая образы тех, для кого жизнь наподобие ему является экзаменом преданности и мужества.

А. Самад, известный народный писатель Таджикистана, следя за развитием творчества писателя, отмечает, что мировоззрение писателя становилось более ярким и обширным с одного рассказа на другой, от одного сборника до другого. У Сайф Рахимзод Афарди насчитывается свыше 10 произведений, которые известны таджикскому читателю. Жизненные проблемы и личность современников, переданные писателем, заслуживают внимания [1, с. 7]. Мы переживаем с его героями, беспокоимся за их судьбы. Сайф Рахимзод Афарди, забирая из жизни новое, найдя новый предмет, смог через образы создать картину нашей жизни, идей, мыслей и воображений так знакомых читателю. Поэтому с течением времени, его рассказы и повести не устарели для его читателя.

Его творчество всегда находилось в поле зрения литературных критиков, но, все, что о нем писали недостаточно, его творчество, неповторимость стиля не исследованы соответствующим образом.

А. Набави, рассматривая писательское мастерство Сайф Рахимзод Афарди в построении сюжетной линии, композиции, обращает пристальное внимание на мастерство и художественно-стилистические особенности его произведений, созданным им образам и характерам персонажей его рассказов, повестей. Проведя анализ его повести «Ситораҳои лаби танур» («Звезды над

тануром»), рассматривает различные стороны его творчества, отмечая место писателя и его произведений в современной таджикской литературе, недостатки и достижения [1, с. 19]. Повесть увидела свет в 1984 году.

Русский читатель знаком лишь с незначительной частью его произведений: («Звезды над тануром», «Белая ложь», «Братишка ангелов», «Корни», «Прощание и послание», «Видение», «Ошибки семейной жизни». По его одноименной повести «Звезды над тануром» создан художественный фильм, который был отмечен кинематографистами.

В 1987 году издательством «Молодая гвардия» был издан Сборник рассказов и повестей Сайф Рахимзод Афарди «Звезды над тануром», включивший два рассказа и две повести.

В повести «Звезды над тануром» писатель описывает условия жизни жителей горного кишлака, где проводят электричество, устанавливают столбы, чтобы провести свет во все дома. Это еще и повесть о матери Сайёре и дочке Робие и электрике Кодире. Сайф Рахимзод Афарди передает их взгляды относительно происходящих событий и происшествий. Через письма, которые нашла Рабия в старом сундуке матери, которые она тайком от дочери по ночам, неоднократно читала и перечитывала, становится ясно, что Кодир им не чужой человек:

«- Не избегай меня!

-Я не избегаю

- Почему не хочешь поговорить со мной?

-Это не от страха

- Я хочу, чтобы все знали, что ты отец моего будущего ребенка!

-Когда родится, у народа есть глаза, увидят , что похож на меня, поймут» [7, с. 10]

Сайф Рахимзод Афарди показал реальную деревенскую жизнь, используя элементы живого разговорного языка. Автор говорит словами простого народа, например, в повести «Доғҳои офтоб» («Пятна на солнце») куколку шелкопряда называет «патоник», кокон «кусики пилла», «уна» - «вон там», «кисаҳота буков» - «поищи в карманах», «ман ҳозир миём» - «я сейчас приду», «Мон гумуш кун, фикри зиёд накун...»- «Да, оставь, много не думай...», «Зупарк» – «Зоопарк» [4, с. 6-13]

Писатель передал очень красочно, живо и выразительно переживания героя:

« Ва рост мегӯяд, ман ҳозир патоники соф аз кусики пилла бароварда баринам, ки на метавонам пас бигардам, на берун бароям...» [4, с. 9]

«Она права, я сейчас как белая куколка, вылезая из кокона, не могу ни вернуться, ни упорхнуть» (перевод наш) .

Эта « куколка-патоник » подобна человеку: скоро она превратится в красивую белую бабочку и оставит сой кокон навсегда. Из кокона изготовят пряжу, из пряжи выткут прекрасное полотно - национальный, красочный отрез ткани – атлас, так любимый молодыми девушками.

Читать рассказы и повести Сайф Рахимзод Афарди нужно меж строк. И для тебя возникнет новый неизведанный мир, полный надежд и ожидания счастья.

Его произведения интересны по своей композиции, легко читаются, написаны простым народным языком.

Думается и переводы могут в полной мере передать всю красочность и национальный колорит.

20 октября 2010 года Сайф Рахимзод Афарди был убит неизвестными у подъезда своей квартиры. Скоро будет 14 лет как этого замечательного, неповторимого творческого человека нет среди нас. Хотелось бы, чтобы иноязычные читатели могли ознакомиться с его произведениями.

Большинство рассказов и повестей Сайф Рахимзод Афарди посвящены молодежи, на которых он возлагал огромные надежды и ответственность за разрешение тех социально-бытовых проблем, которые тяжким грузом ложились на плечи народа. Автор в своих произведениях говорит о реальных событиях действительности, которые близки ему.

Творчество Сайф Рахимзод Афарди – это синтез различных ценностей, представленных таджикской классической и современной литературой Востока и Запада. На базе которых формируются новые литературные явления, которые можно отнести к достижениям таджикской прозы.[2, с. 37]

В произведениях писателя отражены его взгляды на важнейшие события того времени. Писатель говорит и размышляет о сегодняшней и завтрашней жизнью народа, обсуждая значимые проблемы общества.

Правда жизни отражается как в содержании повестей и рассказов, так и в характерах каждого персонажа. Автор наряду с социально значимыми событиями приводит философские размышления о справедливости, равенстве, почему одним все достается легко, все им доступно, а другие должны тяжело трудиться, чтобы получить малое.

Автор словами своих героев передает смысл жизни, размышляет со своим персонажем о справедливости. Он считает, что человек не постигнет истины, пока не споткнется. Но редко бывает, чтобы он при этом не пострадал.

Список литературы:

1.Амон А.. Пайроҳа ва дунёи Сайф Раҳимзоди Афардӣ / А. Амон. – Душанбе. Донишварон, 2002. – 272 с.

2. Бакозод Ш. Андеша ва чехраҳои адаби / Ш. Бакозод. – Душанбе: Адиб. 2005 – 180 с.
3. Рахимов С. Сборник / С. Рахимов. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 201 с.
4. Сайф Раҳимзоди Афардӣ. Доғҳои офтоб / Р. А. Раҳимзоди. – Душанбе, 2003. – 296 с.
5. Сайф Раҳимзоди Афардӣ. Чашми саҳар / Р. А. Раҳимзоди. – Душанбе: Адиб. 2014. – 191 с.
6. Сайф Р.А. Дуруғи сафед: маҷмӯи ҳикояҳо ва қиссаҳо / Р.А. Сайф. – Душанбе: Ирфон, 1998. – 192 с.
7. Сайф Раҳимзоди Афардӣ. Ситораҳои сари танур / Р. А. Раҳимзоди. – Душанбе: Ирфон, 1984 – 231 с.

*Технический редактор: Тохиров Н.Р.
Компьютерная верстка: Тохиров А.И.*

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 14.10.2024. Подписано в печать 15.10.2024.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная.
Формат 60x84 _{1/16}. Услов. печ. л.35,5.
Тираж 100 экз. Заказ № 136.

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
ул. Мирзо Турсун-заде, 30